А. А. Кауфманъ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

ВЪ

СИБИРИ.

По мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1886—1892 гг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный магазинъ А. Ф. Цинзерлинга
бывшій МЕЛЬЕ и К°.
Невскій проспектъ, 20.
1897.

Типографія П. П. Сойкина. Стремянная ул., д. № 12.

Цѣль настоящей работы — изобразить картину земельныхъ распорядковъ сибирской общины въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются на основаніи результатовъ мѣстнаго изслѣдованія, произведеннаго съ 1886 по 1892 годъ въ четырехъ губерніяхъ, гдѣ сосредоточивается главная масса русскаго населенія Сибири— Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. Избирая для разработки именно этотъ вопросъ изъ числа тѣхъ разнообразныхъ вопросовъ, матеріалъ для уясненія которыхъ добытъ изслѣдованіемъ, я руководился тѣмъ соображеніемъ, что формы владѣнія и пользованія землею, существующія и изученныя въ современной Сибири, представляютъ не только мѣстный, но и высокій общій интересъ: съ одной стороны, изученіе сибирской общины показываетъ, что община, какъ таковая, далеко не прикована къ тѣмъ традиціоннымъ формамъ, какія сложились въ губерніяхъ средней Россіи и въ которыхъ многіе видятъ какъ-бы самую сущность, неизбѣжный аттрибутъ общиннаго владѣнія; съ другой стороны, знакомство съ захватными формами, еще и нынѣ существующими во многихъ мѣстностяхъ Сибири, и съ процессомъ ихъ превращенія въ формы общинно-уравнительныя будетъ, можетъ быть, способствовать уясненію нѣкоторыхъ сторонъ исторіи развитія формъ землевладѣнія въ Европейской Россіи и даже на западѣ, — исторіи, которая, основываясь исключительно на документальномъ матеріалѣ, большею частью неполномъ и отрывочномъ, до сихъ поръ представляетъ, даже въ основныхъ вопросахъ, много темнаго и неяснаго.

Предвидя, такимъ образомъ, возможность важныхъ выводовъ и сопоставленій болѣе общаго характера, я лично ставлю свою задачу, въ предлагаемой вниманію читателя работѣ, гораздо скромнѣе: я хочу только свести въ одную общую картину данныя, собранныя мѣстнымъ изслѣдованіемъ, и сдѣлать выводы и обобщенія, воз-

можныя на основаніи совокупности именно *этихъ* данныхъ; для того, чтобы ввести любопытныя и во многихъ отношеніяхъ оригинальныя явленія сибирскаго общиннаго быта въ *общую* систему нашихъ знаній по вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, мнѣ пришлось-бы выйти изъ сферы, мнѣ близко и спеціально извѣстной, и затратить еще не мало времени на изученіе формъ землевладѣнія въ ихъ прошломъ и настоящемъ, какъ въ Европейской Россіи, такъ и на западѣ, — тогда какъ, мнѣ казалось полезнымъ какъ можно скорѣе сдѣлать, такъ сказать, общимъ достояніемъ тѣ любопытнѣйшія фактическія данныя, которыя разбросаны по многочисленнымъ, трудводоступнымъ не только для большой публики, но и для спеціалистовъ, томамъ «Матеріаловъ».

Съузивъ такимъ образомъ свою задачу, я намѣренно избѣгалъ сопоставленій съ фактами, наблюденными и описанными внѣ предѣловъ Сибири,—избѣгалъ даже тогда, когда эти сопоставленія напрашивались, такъ сказать, сами собою. Такъ, я прекрасно знаю, что по вопросу о распаденіи волостныхъ общинъ въ Сибири во многомъ повторяются явленія, имѣвшія мѣсто на сѣверѣ Россіи и описанныя П. А. Соколовскимъ, С. А. Щепотьевымъ и др.; что сибирскія захватныя формы представляютъ не мало общаго съ малороссійскими и кубанскими описанными П. В. Лучицкимъ и Ф. А. Щербиной,—и тѣмъ не менѣе строго ограничиваюсь описаніемъ и оцѣнкой явленій сибирскаго земельнаго быта, поскольку они были зарегистрированы и описаны при мѣстномъ изслѣдованіи 1886—1892 гг.

Организованное по почину и на средства бывшаго министерства государственныхъ имуществъ, это изслѣдованіе распространилось только на мѣстности, гдѣ земля составляетъ собственность казны, а потому не охватило значительной части Томской губерніи,—всего ея юга, принадлежащаго къ составу Алтайскаго горнаго округа и подвѣдомственнаго кабинету Его Величества *). И въ настоящей работѣ рѣчь идетъ поэтому только о сѣверной, не-кабинетской части Томской губерніи; формы землевладѣнія и землепользованія на Алтаѣ послужили, правда, предметомъ ряда монографическихъ работъ, изъ числа которыхъ нельзя не

*) Къ организаціи сплошного изслѣдованія здѣсь приступлено только съ 1894 года.

упомянуть о работахъ гг. Чудновскаго и особенно Швецова. Но, отдавая полную справедливость высокимъ достоинствамъ этихъ работъ, я не рѣшился однако включить въ свою сводку содержащійся въ нихъ матеріалъ, въ виду того, что онъ частью собранъ не экспедиціоннымъ способомъ, частью же относится къ довольно ограниченнымъ районамъ, а потому едва-ли вполнѣ удобосравнимъ съ матеріаломъ, добытымъ изслѣдованіемъ, которое охватило сплошь восемь уѣздовъ (округовъ) Иркутской и Енисейской губерній, по Тобольской же и Томской губерніямъ хотя и не можетъ быть признано сплошнымъ, но все же дало полный матеріалъ по цѣлому ряду уѣздовъ, типичныхъ для всѣхъ разнообразныхъ въ естественномъ и хозяйственномъ отношеніи полосъ этихъ губерній.

А. К.

Октябрь 1896 г.

Источниками для составленія этой книги послужили:

1) *по Иркутской и Енисейской губерніямъ:* «Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній», т. II, вып. 2, 3, 5 и 6, и т. IV, вып. 2, 3 и 5, и въ частности—работы слѣдующихъ лицъ:

а) *по Иркутской губ.:* Н. М. Астырева—«Населеніе» (т. II, вып. 2).
Е. А. Смирнова—«Землевладѣніе» (т. II, вып. 3 и 6).
Л. С. Личкова—«Формы землевладѣнія» (тамъ-же).
Н. М. Астырева—«Разверстки окладныхъ платежей, мірскихъ сборовъ и пр.» (т. II, вып. 5).
А. Н. Ушакова—«Разверстки по Верхоленскому округу» (т. II, вып. 6).

б) *по Енисейской губ.:* В. Ю. Григорьева—«Населеніе» (т. IV, вып. 2).
Его-же — «Землевладѣніе» (т. IV, вып. 3).
М. М. Дубенскаго—«Формы землевладѣнія» (тамъ-же).
А. Н. Ушакова—«Раскладка денежныхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей» (т. IV, вып. 5).

2) *по Тобольской и Томской губерніямъ:* «Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ въ Западной Сибири», вып. I—XXI, разработанные не по вопросамъ, а по отдѣльнымъ уѣздамъ. Къ сожалѣнію, по нѣкоторымъ округамъ (Ялуторовскому и юго-восточной части Каинскаго) собранный матеріалъ не обнародованъ и до настоящаго времени; затѣмъ, нѣкоторые изслѣдователи, сосредоточивъ все свое вниманіе на другихъ сторонахъ жизни населенія, вовсе не касались вопроса о формахъ землепользованія или коснулись его только скользь, мимоходомъ. Поэтому, напримѣръ, по округамъ Тюкалинскому, Тарскому, Тюменскому, Тобольскому мы располагаемъ

лишь очень отрывочными данными и можемъ только догадываться о существующихъ здѣсь формахъ землепользованія. Спеціальныя изслѣдованія общинныхъ порядковъ произведены только: г. Осиповымъ по Курганскому округу («Матеріалы», вып. VIII и XXI), г. Филимоновымъ по сѣверо-западной части Каинскаго (вып. XVII и брошюра «Формы землевладѣнія въ сѣверо-западномъ Барабѣ») и мною—въ округахъ Ишимскомъ (вып. V), Туринскомъ (вып. XI и XIII) и въ районѣ изъ семи волостей, охватывающемъ западную половину Маріинскаго и восточную половину Томскаго округа (вып. XVIII).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Глава I. Основанія и границы крестьянскаго землевладѣнія . . 1

Свободный захватъ (1—3). — Съемочныя и разграничительныя работы: въ Западной Сибири (3—6); въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ (6—9). Работы по выдѣлу земель для переселенцевъ (9—11).

Глава II. Простыя и составныя формы общиннаго землевладѣнія. 12

Границы юридическихъ или *межевыхъ общинъ* (12—17).—*Фактическій складъ землевладѣнія* при захватномъ пользованіи (17—24).—Формы землевладѣнія при общинно-уравнительномъ пользованіи: община съ неопредѣленными границами (24—27); *волостныя общины*: Туринскаго округа (28—32); Верхоленскаго округа (25—27). Волостная община и ея распаденіе на югѣ Тобольской губерніи: Курганскій округъ (32—34), Ишимскій округъ (34—38). Причины распаденія волостныхъ общинъ (38—43).

Глава III. Первоначальныя захватныя формы пользованія землей. 44

Заимочное разселеніе (44—50).—*Больная форма* пользованія угодьями (51—53).—*Захватное пользованіе*: содержаніе захватнаго права (53—54), основанія его (55—59).—Отношеніе захватнаго пользованія къ общинному и подворному владѣнію (59—61).

Глава IV. Исчезновеніе захватныхъ формъ и переходъ къ общинно-уравнительному пользованію. 62

Неравномѣрность распредѣленія земли при захватномъ пользованіи (62—63).—«Утѣсненіе», какъ главный двигатель измѣненія формъ землепользованія (65—67), другія вліянія (67—70).—Послѣдовательность въ переходѣ къ душевому пользованію равными угодьями (70—73). — Переходный процессъ по отношенію къ *пахатнымъ землямъ: захватно-общинная форма* (73—77); значеніе трудового начала (77—78); роль общины (78—79); районы господства этой формы (79—82).—Поравненія, частныя и общія (82—87); смѣшанныя формы (87—88). Переходный процессъ по отношенію къ *сѣнокоснымъ угодьямъ*: отъ вольнаго пользованія (89—91), отъ захватнаго пользованія (91—96).

Глава V. Раскладочные порядки при захватныхъ формахъ и при вольномъ пользованіи 97

Раскладочные порядки при *захватныхъ формахъ*: ревизская разверстка и ея неудобства (98—100); новыя разверстки: по работникамъ (100—105), по благосостоянію (106—109); воздѣйствіе администраціи (109—110). Раскладочные порядки при *душевомъ пользованіи*: зависимость отъ доходности угодій (112—114); раскладочные порядки Ишимскаго округа въ связи съ распредѣленіемъ по районамъ (114—120); раскладочные порядки Курганскаго округа (120—123); Тобольскій и Тюменскій округа (123—124); Туринскій округъ (124—130). Имущественныя раскладки (130—132).

Глава VI. Передѣлы пахатныхъ земель 133

Иркутская губернія и Каинскій округъ (134).—Характерныя отличія общинныхъ порядковъ сѣвера Тобольской губерніи отъ остальныхъ частей ея (135—137). — *Южная и средняя полоса Тобольской губерніи*: сроки передѣловъ (137—140), расцѣнка пашенъ (140—141); типы передѣловъ: передача полныхъ надѣловъ (141—142), передѣлъ «по старшинству» (142—144); аукціонные передѣлы въ «надорожку» (144—146) и «на сбавокъ» (146—148); разводъ по урочищамъ (148), уравновѣшеніе сортовъ (149—150); жеребьевка (152—153).—Формальныя основанія передѣловъ—начала субъективнаго и объективнаго равенства (153—155); хозяйственный интересъ и требованія всеобщаго равенства (155—157); вліяніе свойствъ угодій на порядокъ передѣла (157—159).—*Сѣверная часть Тобольской губерніи*: сроки передѣловъ (160—161), сортованіе и разбивка на полосы (161—163); распредѣленіе полосъ «добросогласно», по «старшинству» и по принципу уравновѣшенія сортовъ (163—165).

Глава VII. Передѣлы сѣнокосовъ 166

Сроки передѣловъ и ихъ зависимость отъ свойствъ и цѣнности покосовъ (166—171).—Различіе между заливными лугами и другими покосами (171).—*Передѣлы незаливныхъ покосовъ*: принципъ субъективнаго равенства (172); передѣлъ «навалкой душъ» (173—174), расписываньемъ по урочищамъ (174—176), смѣшанныя формы (176—179). *Передѣлы заливныхъ луговъ* (179—183).

Глава VIII. Формы пользованія лѣсами 184

Вольное пользованіе (184—186); ограниченія его (186—187).—«Сады» (188), общественныя заказныя рощи (188—189), лѣсосѣчное хозяйство (189—190). — *Передѣлы общинныхъ лѣсовъ*: въ Притомскомъ районѣ (191), въ южной части Тобольской губерніи: вліяніе лѣсоохранительнаго интереса и требованій равенства (191—194); передѣлъ «по старшинству» и «набоемъ душъ»; разновидности того и другого (194—197); судьба отбираемаго лѣса (197—199); рощи (199). Ограниченія права вырубки лѣса на душевыхъ лѣсныхъ «пайкахъ» (200).—Регулированное пользованіе *кедровниками* (201—204).

Глава IX. Формы пользованія пастбищами, усадебными и пріусадебными землями и промысловыми угодьями 205

Выгоны и пастбища: захватное и вольное пользованіе (205—207), «расположка скотскаго выпуска» (207—209); разверстка городьбы (209—211).— *Усадебныя земли:* захватное пользованіе (211—212). отводы—простые и отрѣзки (213—215); вліяніе воздѣйствія администраціи (215—217). - Огороды и коноплянники (217). — *Рыболовныя угодья:* свободное пользованіе (218—219), артель общинная и вольная (219—221), распространенность ихъ въ связи съ цѣнностью угодій (221—223). — *Охотничьи угодья* (223—224).—Другія угодья (224—226).

Глава X. Сибирская община и ея сельскохозяйственное значеніе 227

Значеніе формъ пользованія *пахатными землями въ южной части Тобольской губерніи:* общій характеръ землепользованія (226—228); передѣлы: сроки ихъ (228—229), забота объ огражденіи интересовъ «старыхъ хозяевъ» (230—231); безвредность случаевъ отобранія пашенъ съ точки зрѣнія интересовъ культуры (231—232); судьба свѣжераспаханныхъ земель (233—234); общее заключеніе (234—235). — *Переходная полоса* — отношеніе общинъ къ уваживанію (236—237) *Сѣверная часть Тобольской губерніи:* обязательное трехполье и его значеніе (237—239), мелкополосица (239—240); передѣлы и связь ихъ съ уваживаніемъ (240—243). Прогрессивная дѣятельность общинъ и отдѣльныхъ лицъ: лѣсныя расчистки, единоличныя и общественныя (244—247); осушка болотъ (247—248), устройство плотинъ (249), дренированіе пашенъ (249—250); измѣненія въ системѣ полеводства (251), разселеніе (252—253). *Канскій округъ и Иркутская губернія* (254—255). - *Орошаемыя пашни и покосы* (255—257); *утуги* (257—259).— Значеніе передѣловъ *сѣнокосныхъ угодій* (259—260); расчистки (260).—Сельско-хозяйственное значеніе *заимочнаго хозяйства* (260—264).

Приложеніе. Матеріалы по вопросу о вліяніи переселенческаго элемента на развитіе общинныхъ формъ въ Сибири . . 265

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОСНОВАНІЯ И ГРАНИЦЫ КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ *).

Крестьянское населеніе мѣстностей Сибири, охваченныхъ произведеннымъ во второй половинѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ хозяйственно-статистическимъ изслѣдованіемъ, живетъ, за самыми ничтожными исключеніями, на земляхъ, принадлежащихъ казнѣ и поступившихъ въ пользованіе крестьянскихъ общинъ либо путемъ вольнаго, ничѣмъ неограниченнаго захвата, либо на основаніи произведеннаго правительственную властью отвода **).

Свободнымъ захватомъ сопровождалось, первоначально, осѣдлое заселеніе всей вообще земледѣльческой Сибири. Но въ настоящее время совершенно неограниченное захватное ***) владѣніе землею сохранилось лишь въ весьма немногихъ изъ занятыхъ крестьян-

*) См. «Крест. землепользованіе и хозяйство Тобольск. и Томск. губ.», стр. 11—20; «Матеріалы» по Зап. Сибири, вып. VIII, стр. 3—18; «Матеріалы» по Иркут. и Енис. губ., т. II, вып. 3, стр. 8—19, т. IV, вып. 3, стр. 10—15.

**) Есть еще третій способъ, игравшій, особенно въ прежнее время, немаловажную роль,—это пріобрѣтеніе правъ пользованія землею отъ аборигеновъ края—инородцевъ; но для насъ этотъ способъ не имѣетъ значенія, потому что въ интересующемъ насъ отношеніи крестьяне, «вкупившіеся» въ инородческія земли, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которые владѣютъ землей на основаніи простого захвата.

***) Говоря о «захватѣ», мы имѣемъ здѣсь въ виду только основанія *владѣнія* землей, а не формы *пользованія*, о которыхъ будетъ идти рѣчь впослѣдствіи: захватное *владѣніе* мѣстами совмѣщается съ душевымъ *пользованіемъ*, и наоборотъ, захватное *пользованіе* возможно и въ дачахъ, которыми населеніе пользуется на основаніи формальнаго отвода.

скимъ населеніемъ мѣстностей, преимущественно въ удаленныхъ отъ главныхъ центровъ населенности: таковъ, напримѣръ, земледѣльческій сѣверъ Тобольской губерніи—при-Тавдинскія волости Туринскаго округа и всѣ волости Тобольскаго, расположенныя къ сѣверу отъ г. Тобольска; таковы наиболѣе удаленныя мѣстности Иркутской и Енисейской губерній, гдѣ земли никогда не межевались, и гдѣ населеніе не знаетъ никакихъ формальныхъ границъ. До самыхъ послѣднихъ лѣтъ неограниченный захватъ царилъ и въ довольно многихъ другихъ мѣстностяхъ, разбросанныхъ въ разныхъ концахъ земледѣльческой полосы Сибири, гдѣ либо вовсе не производилось никакихъ межевыхъ работъ, либо, хотя и была произведена съемка, но за нею не послѣдовало, по той или другой причинѣ, разграниченія земель, а землевладѣніе осталось по прежнему захватнымъ: таковы, напримѣръ, мѣстности Тарскаго и Каинскаго округовъ, прилегающія съ юга и запада къ необъятному „Тарскому урману“: таковы колоссальная Юдинская волость, Каинскаго округа, гдѣ на пространствѣ 17 тысячъ квадратныхъ верстъ разбросано всего около 50 старожильскихъ селеній, и малонаселенная восточная половина того-же округа; таковы нѣкоторыя волости Минусинскаго и Канскаго округовъ и почти весь Ачинскій округъ, Енисейской губерніи. Во всѣхъ перечисленныхъ мѣстностяхъ землевладѣніе крестьянъ не отграничено (или до недавняго времени не было отграничено) никакими опредѣленными границами, и крестьяне пашутъ, косятъ, рубятъ лѣсъ вездѣ, „куда топоръ, соха и коса ходятъ“: общая площадь земли, доступная для пользованія крестьянъ, во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ черезвычайно велика, хотя такое изобиліе *пространствъ* далеко не вездѣ сопровождается изобиліемъ культурныхъ или годныхъ для культуры *угодій*; мѣстами запасъ послѣднихъ, дѣйствительно, далеко провосходитъ потребности наличнаго населенія; въ другихъ мѣстахъ (напр., въ вышеупомянутой Юдинской волости) изобиліе пашенъ сопровождается недостаткомъ въ сѣнокосныхъ угодьяхъ или наоборотъ, а на сѣверѣ Тобольской и Иркутской губерній запасъ дѣйствительно удобныхъ для культуры земель совершенно ничтоженъ, такъ что кажущееся многоземелье и просторъ совмѣщаются здѣсь съ очень интенсивною земледѣльческою культурой и напряженными формами землепользованія—безошибочными показателями земельной тѣсноты.

Только на этихъ сѣверныхъ окраинахъ неограниченная свобода захвата земель, какъ было упомянуто, сохранилась до настоящаго времени; на всемъ остальномъ протяженіи земледѣльческой Сибири крестьянское пользованіе введено уже въ тѣ или другія границы, болѣе или менѣе тѣсныя, очерчивающія дачи иногда цѣлыхъ волос-

тей, иногда—отдѣльныхъ селеній или группъ селеній, и являющіяся результатомъ дѣятельности правительства, направленной къ регулированію землевладѣнія и къ равномѣрному заселенію края. Мы должны представить здѣсь хотя-бы краткій обзоръ этой дѣятельности, безъ котораго довольно многое въ дальнѣйшемъ изложеніи осталось-бы невполнѣ яснымъ и понятнымъ.

Съемочныя работы начались въ Западной Сибири еще въ XVII столѣтіи, но получили болѣе или менѣе серьезную постановку только съ 1783 года, когда учреждены были въ Сибири должности уѣздныхъ землемѣровъ; но всѣ работы этихъ послѣднихъ, продолжавшіяся болѣе полустолѣтія, впослѣдствіи были признаны настолько неудовлетворительными, что при дальнѣйшихъ работахъ составленные ими планы запрещено было принимать въ какое-либо руководство; единственнымъ слѣдомъ этихъ работъ остались сформированные соотвѣтственно административному дѣленію волостные земельные районы. Правильная тригонометрическая съемка Сибири потребовала-бы столѣтій,—а потому въ 1826 году снаряжена была особая военная экспедиція для съемки Тобольской губерніи упрощеннымъ, глазомѣрнымъ способомъ; экспедиція эта произвела съемку южныхъ округовъ губерніи, тогда какъ уѣздные землемѣры продолжали работать въ сѣверныхъ. Къ 1830 году была закончена съемка большей части земледѣльческой полосы Тобольской губерніи,—но когда въ 1831 году послѣдовало распоряженіе о нарѣзкѣ въ снятыхъ мѣстностяхъ крестьянскихъ надѣловъ, плановой матеріалъ опять-таки оказался непригоднымъ для этой цѣли, и дѣлу не помогла и новая провѣрка плановъ, произведенная уѣздными землемѣрами.

На болѣе твердую почву межевое дѣло стало въ Западной Сибири только съ учрежденіемъ, въ 1837 г., Сибирскаго межеванія, на обязанность котораго возложено было образованіе волостныхъ районовъ, съ нарѣзкой старожилому населенію земли по разсчету 15 десятинъ на ревизскую душу, и образованіе изъ оказавшихся излишними сверхъ этой нормы земель участковъ для водворенія переселенцевъ. Убѣдившись въ полной непригодности результатовъ всѣхъ прежнихъ съемокъ, межеваніе начало вновь снимать, уже въ пятый разъ, южную полосу Тобольской и Томской губерній; съемкѣ подвергались цѣликомъ волостныя дачи, разсматривавшіяся межеваніемъ, какъ дачи общаго владѣнія, безъ вниманія къ фактически установившемуся во многихъ мѣстностяхъ разграниченію владѣній между сельскими обществами; надѣлы тоже отводились въ общихъ на цѣлыя волости дачахъ, а изъ излишнихъ земель образовывались переселенческіе участки. Въ техническомъ отношеніи работы

межеванія были поставлены гораздо лучше прежнихъ, и плановой матеріалъ, оставшійся отъ этихъ работъ, можно признать весьма удовлетворительнымъ.

Это можно сказать, впрочемъ, только о работахъ 1837—1850 годовъ, которыя велись сплошнымъ порядкомъ, сосредоточиваясь по преимуществу въ одномъ округѣ Тобольской губерніи—Курганскомъ; въ 1850 г., въ видахъ ускоренія дѣла, предписано было обходить инструментально однѣ только волостныя дачи, внутри же послѣднихъ производить съемку рекогносцировочно, а для успѣха колонизаціи велѣно было производить работы не сплошь, а предпочтительно въ многоземельныхъ волостяхъ. Сибирское межеваніе, не закончивъ начатой сплошной съемки Курганскаго округа, должно было поэтому разбить свои силы на пять округовъ, въ каждомъ изъ которыхъ снимались только наиболѣе богатыя землею волости, лучшія по естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ. Въ 1852 году Сибирскому межеванію предписано было еще упростить съемочные пріемы, а вмѣстѣ съ тѣмъ—дѣлать „предварительное обозрѣніе“ многоземельныхъ волостныхъ районовъ и не прежде приступать къ собственно-съемочнымъ работамъ, какъ удостовѣрившись въ пригодности излишнихъ земель для заселенія, волости же, неудобныя для колонизаціи, передавать въ вѣдѣніе землемѣровъ губернской чертежной.

Такимъ образомъ, всѣ силы межеванія сосредоточены были на многоземельныхъ волостяхъ, въ остальныхъ же волостяхъ межевыя работы, въ виду слабости наличнаго состава чертежныхъ, были фактически пріостановлены на неопредѣленное время. Въ подлежавшихъ обмежеванію мѣстностяхъ формировались новые волостные районы, въ составъ которыхъ иногда входили селенія, отстоявшія другъ отъ друга на 80, 100 и болѣе верстъ; земли замежевывались не только тѣ, которыя дѣйствительно, эксплоатировались крестьянами, но нерѣдко и такія, которыя вовсе не были нужны имъ и даже совсѣмъ не годились для сельскаго хозяйства; получались громадныя волостныя дачи, охватывавшія сотни тысячъ, нѣкоторыя — до милліона и даже до $1^1/_2$ милліоновъ десятинъ,—и самая эта громадность дачъ, вмѣстѣ съ несплошнымъ характеромъ съемочныхъ работъ, не могла не отразиться неблагопріятно на качествѣ этихъ послѣднихъ; что̀ касается до внутренней ситуаціи дачъ, то она, ради большей скорости, обозрѣвалась объѣздомъ и зарисовывалась глазомѣрно, причемъ въ то-же самое время намѣчались и пункты для новыхъ водвореній.

Такъ велись съемочныя работы начиная съ 1850 года, и такой спѣшный и поверхностный характеръ ихъ весьма неблагопріятно отразился, какъ констатируютъ и оффиціальные источники, и мѣст-

ныя изслѣдованія, на качествѣ планового матеріала. Мало улучшила дѣло и новая инструкція, данная межеванію въ 1858 году и ставившая себѣ цѣлью именно устраненіе недостатковъ, которые породила чрезвычайная поспѣшность работъ. Но инструкція эта имѣла важное значеніе въ другомъ отношеніи: она установила ту норму, согласно которой до самаго послѣдняго времени производилось надѣленіе крестьянъ землею; до изданія этой инструкціи надѣлы нарѣзывались по разсчету 15 дес. на душу, записанную по послѣдней ревизіи; по инструкціи 1858 года положено было отводить на каждую душу, сверхъ этихъ десятинъ, по 3 дес. въ запасъ для прибылыхъ душъ и столько-же на причисляемыхъ къ обществамъ ссыльно-поселенцевъ.

Въ 1871 году Сибирское межеваніе было упразднено, и взамѣнъ его учреждено, въ нѣсколько меньшемъ составѣ, съемочное отдѣленіе, которое просуществовало до 1888 года и до самаго своего упраздненія дѣйствовало на основанія той-же инструкціи 1858 года; одновременно съ работами съемочнаго отдѣленія продолжалась и дѣятельность землемѣровъ губернскихъ чертежныхъ; въ главной своей части, работы тѣхъ и другихъ были тождественны по характеру и различались только по мѣстамъ дѣйствій: съемочное отдѣленіе, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, выдѣленіе земель для переселенцевъ, сосредоточило свою дѣятельность въ наиболѣе многоземельныхъ мѣстностяхъ, предоставивъ размежеваніе остальныхъ мѣстностей Западной Сибири землемѣрамъ губернскихъ чертежныхъ. Но независимо отъ этого, съемочное отдѣленіе, какъ и предшествовавшее ему Сибирское межеваніе, ограничивалось обмежеваніемъ однѣхъ только волостныхъ дачъ; отдѣльныя селенныя дачи обмежевывались только въ случаѣ приселенія переселенцевъ къ старожильскимъ обществамъ, или при образованіи изъ переселенцевъ новыхъ селеній. Между тѣмъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, какъ подробнѣе будетъ изложено во II главѣ, среди крестьянства, преимущественно въ южной части Тобольской губерніи, обнаружилось стремленіе къ размежеванію на отдѣльные поселенные отрубы,— и такое размежеваніе производилось уже не съемочнымъ отдѣленіемъ, а землемѣрами губернской чертежной. Необходимо при этомъ замѣтить, что этого рода работы — размежеваніе, волостныхъ дачъ по районамъ и обществамъ,—окончательно утверждались властью казенной палаты, тогда какъ проекты обмежеванія волостныхъ дачъ на основаніи инструкціи 1858 года утверждались генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, а по упраздненіи этой должности—министромъ государственныхъ имуществъ.

Въ общей сложности съемочныя работы въ періодъ времени съ

1839 по 1888 гг.—время упраздненія съемочнаго отдѣленія,—охватили всего 24.476,596 дес., въ томъ числѣ:

работы землемѣровъ губернской чертежной . . .	7.017,457 дес.
„ Сибирскаго межеванія	12.229,171 „
„ съемочнаго отдѣленія	5.229,968 „

Въ разныхъ мѣстностяхъ, однако, съемочныя и разграничительныя работы доведены были до весьма различной степени законченности: не говоря уже о мѣстахъ, гдѣ не было никакихъ межевыхъ работъ, эти послѣднія въ довольно многихъ волостныхъ дачахъ не пошли дальше съемки или, говоря оффиціальнымъ языкомъ, „приведенія земель въ извѣстность“; въ другихъ были составлены и проекты „разграниченія земель между населеніемъ и казною“, но по тѣмъ или другимъ причинамъ эти проекты остались безъ утвержденія; такіе неутвержденные проекты мѣстами не имѣли никакихъ практическихъ послѣдствій; въ другихъ случаяхъ проектное межеваніе, хотя и не утвержденное, легло въ большей или меньшей мѣрѣ въ основаніе фактическаго распредѣленія землевладѣнія. Наконецъ по многимъ волостнымъ дачамъ,—главнымъ образомъ въ западныхъ округахъ Тобольской губерніи,—проекты разграниченія были утверждены и исполнены въ натурѣ, съ изъятіемъ изъ пользованія старожилаго населенія излишнихъ сверхъ нормы земель; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, разграниченіе фактически совершенно или почти совершенно не стѣснило земельнаго простора,—именно тамъ, гдѣ излишнія сверхъ нормы земли, взамѣнъ выдѣленія въ распоряженіе казны, были оставлены въ пользованіи старожилаго населенія „для приселенія выходцевъ изъ внутреннихъ губерній“; по нѣкоторымъ волостнымъ дачамъ площадь такихъ излишковъ была очень значительна, а такъ какъ о дѣйствительномъ приселеніи переселенцевъ въ то время никто не заботился, то излишнія земли фактически остались на неопредѣленное время въ пользованіи старожилаго населенія, значительно увеличивая его земельный просторъ.

Въ восточно-сибирскихъ губерніяхъ—Иркутской и Енисейской — систематическія мѣропріятія по земельному устройству населенія начались значительно позже, нежели въ западно-сибирскихъ,—именно съ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія; до этого времени крестьянскія земли подвергались съемкѣ и межеванію только въ случаѣ ходатайства самихъ крестьянскихъ обществъ или въ случаѣ возникновенія земельныхъ споровъ; при такихъ частныхъ межеваніяхъ границы проводились, обыкновенно, по указанію самихъ крестьянъ, и такимъ образомъ межевались дачи, пространство которыхъ не находилось ни въ какомъ постоянномъ отношеніи къ населенію.

Въ 1851 году возникло и въ Восточной Сибири „Межеваніе казен-

ныхъ земель" (въ 1871 году, какъ и въ Западной Сибири, преобразованное въ съемочное отдѣленіе), на которое возложена была обязанность привести въ извѣстность всѣ владѣемыя крестьянами земли, отграничить ихъ отъ земель казенныхъ и составить проекты окончательнаго надѣленія крестьянскихъ обществъ; проекты эти, составленные по разсчету 21 дес. на ревизскую душу (въ томъ числѣ 3 дес. на приростъ населенія и 3 дес. для ссыльныхъ), должны были, какъ и въ Западной Сибири, утверждаться генералъ-губернаторомъ.

До 1868 года межеваніе занималось исключительно, „приведеніемъ въ извѣстность" фактическаго землепользованія крестьянъ,—съ этого же времени было приступлено къ составленію проектовъ надѣленія; основаніемъ служило, какъ видно изъ оффиціальныхъ документовъ, „предварительное снятіе и исчисленіе всѣхъ земель, входящихъ въ составъ крестьянскаго пользованія, въ тѣхъ волостныхъ границахъ, которыя были пройдены съемщиками по указанію довѣренныхъ отъ обществъ. Затѣмъ уже слѣдовало разверстаніе угодій между сельскими обществами, по миролюбивымъ согласіямъ довѣренныхъ". Если состоявшей въ фактическомъ пользованіи крестьянъ земли не хватало до нормы, къ нимъ, если возможно было, примежевывались или излишнія земли сосѣднихъ обществъ или свободныя казенныя земли если же этого не удавалось сдѣлать, площадь надѣла оставалась неполною. Если, наоборотъ, въ фактическомъ пользованіи крестьянъ оказывались излишнія сверхъ нормы земли, то онѣ отрѣзывались либо въ надѣлъ другимъ обществамъ, либо въ казну, если же отрѣза нельзя было произвести безъ созданія чрезполосности, то оставались у старыхъ владѣльцевъ.

Въ теченіе десятилѣтія съ 1868 по 1877 годъ на изложенныхъ основаніяхъ были составлены проекты надѣленія крестьянъ по всѣмъ или почти всѣмъ волостямъ трехъ южныхъ округовъ Иркутской губерніи—Иркутскаго, Балаганскаго и Нижнеудинскаго, въ Енисейской же губерніи—по большинству волостей Минусинскаго и, приблизительно, по половинѣ волостей Канскаго и Красноярскаго округовъ. Изъ всѣхъ этихъ проектовъ, однако, только немногіе были утверждены властью генералъ-губернатора, а затѣмъ какъ утвержденные, такъ и неутвержденные проекты сгорѣли во время Иркутскаго пожара 1879 года, почему и остались, вообще говоря, безъ практическихъ послѣдствій.

Такимъ образомъ владѣніе крестьянъ въ восточно-сибирскихъ губерніямъ и по настоящее время основывается юридически либо на простомъ занятіи пустопорожнихъ земель, либо на планахъ и документахъ „приведенія земли въ извѣстность", т. е. съемки, констатирующихъ фактъ владѣнія землею для того времени, когда съемка

производилась: проектное межеваніе, не успѣвшее пріобрѣсти юридическаго значенія, и фактически, большею частью, вовсе не отразилось или лишь весьма слабо отразилось на размѣрахъ крестьянскаго пользованія, тѣмъ болѣе, что проектированный надѣлъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ либо совпадалъ съ границами фактическаго пользованія, либо даже превосходилъ размѣры послѣдняго; особенно слабо было вліяніе проектныхъ границъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянскія земли со всѣхъ сторонъ охвачены землями пустопорожними, — тайгою: границы эти не задержали крестьянскихъ расчистокъ и слѣдовательно не помѣшали распространенію земледѣльческой культуры вширь; напротивъ, тамъ, гдѣ крестьянскія селенія расположны болѣе или менѣе густо, проектное межеваніе мѣстами отразилось на фактическомъ землепользованіи крестьянъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ часть земель, находившихся въ фактическомъ пользованіи однихъ обществъ, по проекту должна была отойти къ другимъ: мѣстами такая передача земли отъ одного общества къ другому дѣйствительно осуществилась, въ большинствѣ же подобныхъ случаевъ между обществами возникали недоразумѣнія, споры и тяжбы; при разрѣшеніи этихъ послѣднихъ сама мѣстная администрація не придерживалась какого-либо установившагося взгляда, а руководствовалась въ однихъ случаяхъ данными проектнаго межеванія, въ другихъ—фактическимъ пользованіемъ, какъ оно изобразилось на планахъ первоначальной съемки.

Изъ изложеннаго видно, что постановка межевыхъ работъ въ восточно-сибирскихъ губерніяхъ отличалась въ благопріятную сторону отъ характера работъ въ губерніяхъ западно-сибирскихъ. Цѣлью межеванія въ губерніяхъ Иркутской и Енисейской ставилось, по выраженію одного оффиціальнаго документа, „утвердить поземельное спокойствіе сельскаго сословія“, и только на второмъ мѣстѣ стояла задача „показанія возможности дальнѣйшаго заселенія“; напротивъ въ западно-сибирскихъ губерніяхъ колонизаціонная цѣль шла впереди задачи устройства мѣстнаго населенія, и межевыя работы производились тамъ и въ такой мѣрѣ, гдѣ и въ какой это было необходимо ради выдѣла земель для колонизаціи. Существенно различными представляются и *результаты* межевыхъ работъ: въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ онѣ остались, благодаря пожару 1879 г., почти безъ практическихъ послѣдствій, и крестьянское землевладѣніе до сихъ поръ основывается на фактическомъ завладѣніи, только констатируемомъ документами первоначальнаго межеванія; напротивъ въ Западной Сибири землевладѣніе крестьянъ почти вездѣ введено въ опредѣленныя, хотя и не имѣющія окончательнаго значенія границы.

Оцѣнка *качественной* стороны произведенныхъ въ Сибири разграничительныхъ работъ не представляетъ для насъ особаго интереса. Для насъ достаточно будетъ сослаться здѣсь на свидѣтельство одной оффиціальной записки, составленной въ 1885 году, рѣзкими штрихами обрисовывающей значеніе для Сибири слѣдовавшихъ одно за другимъ межеваній. „Землеустройство Сибири, читаемъ мы въ этой запискѣ, нарушило стройную народную форму землепользованія, а взамѣнъ не только не внесло какого-либо порядка въ землевладѣніи и землепользованіи, но окончательно породило земельный хаосъ, неурядицы, смуты, безконечные споры, драки и служило постоянно почвою къ всевозможнымъ злоупотребленіямъ, вымогательству, поборамъ и взяткамъ“ *),—явленіямъ болѣе или менѣе неизбѣжнымъ при крайне плохомъ матеріальномъ обезпеченіи сибирскихъ землемѣровъ, низкомъ ихъ образовательномъ цензѣ и почти полной фактической ихъ безконтрольности.

Между тѣмъ еще съ начала 70-хъ годовъ начались подготовительныя работы къ составленію проекта закона объ окончательномъ поземельномъ устройствѣ старожилаго населенія Сибири,—устройствѣ, которое должно дать крестьянскому землевладѣнію прочность, необходимую для правильнаго хозяйственнаго развитія страны, и привести его размѣры въ соотвѣтствіе съ дѣйствительными потребностями населенія. Надъ этимъ вопросомъ работалъ въ Петербургѣ и на мѣстахъ цѣлый рядъ коммиссій,—и чтобы поставить разрѣшеніе его на твердую почву былъ предпринятъ рядъ спеціальныхъ хозяйственно - статистическихъ изслѣдованій, охватившихъ всѣ четыре губерніи земледѣльческой Сибири и давшихъ, между прочимъ, матеріалъ для настоящей работы. Въ ожиданіи изданія закона о поземельномъ устройствѣ, правительство съ 1887 года прекратило въ Сибири всякія работы по надѣленію крестьянъ и по разграниченію ихъ землевладѣнія и сосредоточило свое вниманіе исключительно на устройствѣ подходившихъ изъ Европейской Россіи, все болѣе и болѣе многочисленныхъ переселенцевъ. Для этой цѣли въ 1885 году былъ сформированъ такъ называемый Западно-Сибирскій переселенческій отрядъ, разбросавшій свою дѣятельность по юго-востоку Тобольской губерніи и по всѣмъ тремъ округамъ Томской, не принадлежащимъ къ составу Алтайскаго горнаго округа, главнымъ же образомъ дѣйствовавшій въ округахъ Маріинскомъ и Тюкалинскомъ,—а въ 1893 году для той-же цѣли были учреждены особыя „временныя партіи“, работы которыхъ охватили въ Запад-

*) Цитируемъ по статьѣ В. А. Остафьева въ «Запискахъ Зап.-Сиб. отдѣла Геогр. Общ.», кн. XVIII, вып. 2, стр. 25.

ной Сибири округа Томскій, Каинскій, Тюкалинскій, Тарскій и Ишимскій, въ Восточной—четыре южныхъ округа Енисейской губерніи и Нижнеудинскій округъ, Иркутской губерніи.

Не имѣющая, повидимому, отношенія къ дѣлу земельнаго устройства старожилаго населенія и направленная исключительно къ устройству переселенцевъ, дѣятельность „отряда“ и „партій“ въ дѣйствительности сильно отразилась на землевладѣніи старожиловъ: лишь меньшую часть площадей, удобныхъ для водворенія переселенцевъ, удалось найти среди земель единственнаго владѣнія казны или пустопорожнихъ пространствъ; значительное большинство площадей, вошедшихъ въ переселенческіе участки, выдѣлено изъ пользованія старожиловъ, и потому образованіе переселенческихъ участковъ фактически сопровождалось если не размежеваніемъ, то чѣмъ-то весьма похожимъ на размежеваніе старожильскихъ земель. Практика переселенческаго отряда выработала такой порядокъ дѣйствій, при которомъ работы въ каждой волостной дачѣ начинались отграниченіемъ для старожильскихъ обществъ пропорціональнаго ихъ населенію надѣла, а остававшіеся за такимъ надѣленіемъ излишки обращались частью въ переселенческіе участки, частью—въ казенныя лѣсныя дачи и оброчныя статьи; сходный характеръ имѣла, мѣстами, и дѣятельность „временныхъ партій“, въ другихъ же мѣстностяхъ партіи ограничивались отрѣзкой у старожиловъ явно ненужныхъ имъ земель, оставляя въ ихъ пользованіи никакъ не менѣе, а обыкновенно—значительно болѣе нормы. Что̀ касается до размѣровъ этой послѣдней, то въ этомъ отношеніи практика Западно-Сибирскаго отряда внесла существенное отступленіе отъ принятаго при прежнихъ работахъ порядка: въ то время, какъ ранѣе надѣлы отводились старожиламъ по разсчету на *ревизскую* душу, отрядъ отводилъ надѣлы по разсчету 15 десятинъ на *наличную* душу, и эта норма была узаконена, въ качествѣ минимальной, и дѣйствующими нынѣ „Временными правилами“ 13 іюня 1893 г. Затѣмъ, существенныя особенности представляетъ самая организація работъ „отряда“ и „партій“. Въ прежнія времена „землемѣръ“ дѣйствовалъ почти безконтрольно: онъ производилъ съемку, онъ-же составлялъ проектъ разграниченія, и дѣйствія его подлежали только бумажному, формальному контролю; напротивъ, въ „отрядѣ“ и „партіяхъ“ за межевыми чиновниками остались только техническія функціи—съемка и проведеніе межъ въ натурѣ, и даже эти обязанности они исполняютъ подъ надзоромъ особыхъ лицъ, производителей работъ, на которыхъ всецѣло лежитъ составленіе проектовъ разграниченія и предъявленіе ихъ населенію,—а затѣмъ правилами 13 іюня 1893 года установленъ особый порядокъ раз-

смотрѣнія и утвержденія этихъ проектовъ въ коммиссіяхъ, въ составъ которыхъ входятъ крестьянскіе чиновники и другіе представители мѣстной администраціи,—а также сроки и порядокъ обжалованія постановленій этихъ коммиссій заинтересованными крестьянами.

Дѣятельность „отряда“ и „партій“ не могла, конечно, не отразиться, особенно въ трехлѣтіе 1893—1895 г., на складѣ земельныхъ отношеній мѣстнаго крестьянства. Но „временныя партіи“ были сформированы, а „отрядъ“ успѣлъ сколько-нибудь значительно развить свою дѣятельность уже *послѣ* того мѣстнаго изслѣдованія (1887—1891 гг.), которое дало матеріалъ для настоящей работы. Изслѣдованіе это позволяетъ нарисовать картину землевладѣнія и землепользованія въ томъ видѣ, какъ оно сложилось къ концу 80-хъ годовъ и самому началу 90-хъ годовъ, подъ вліяніемъ отчасти—вольнаго захвата и разработки пустопорожнихъ казенныхъ земель, отчасти—тѣхъ лишенныхъ порядка и системы межевыхъ и землеустроительныхъ работъ, которыя производились, главнымъ образомъ, съ конца 30-хъ до середины 80-хъ годовъ,—хотя и даютъ возможность предугадывать, въ какомъ направленіи пойдетъ развитіе сибирскихъ общинныхъ порядковъ подъ вліяніемъ того рѣзко обозначающагося „утѣсненія“, которое создается наплывомъ переселенцевъ и связанными съ нимъ правительственными мѣропріятіями послѣднихъ лѣтъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРОСТЫЯ И СОСТАВНЫЯ ФОРМЫ ОБЩИННАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

Въ предъидущей главѣ мы представили краткій очеркъ или точнѣе—хронологическій перечень правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ урегулированію землевладѣнія сибирскихъ крестьянъ. Основанное на лишенныхъ систематичности, безпорядочныхъ отводахъ и разграниченіяхъ, мѣстами же и вовсе не подвергавшееся регулирующему воздѣйствію правительства, землевладѣніе это, конечно, не можетъ не представлять собою чрезвычайно пестрой картины, въ которой отсутствуетъ только одна форма—единоличное, подворно-наслѣдственное владѣніе; *субъектомъ владѣнія землей*, основано-ли оно на утвержденномъ отводѣ, на неутвержденномъ проектномъ планѣ или иномъ съемочномъ документѣ, или опирается просто на свободный захватъ казенныхъ земель, *всегда является не отдѣльный дворъ, а общество крестьянъ* *); но обществомъ, совмѣстно владѣющимъ землею, въ однихъ случаяхъ является цѣлая волость, въ другихъ—отдѣльное селеніе, въ третьихъ—болѣе или менѣе многочисленная группа селеній **).

Въ Западной Сибири, при болѣе раннихъ разграничительныхъ

---

*) Исключеніе представляютъ одиночныя заимки, разбросанныя по тайгѣ, среди никѣмъ не занятыхъ, пустопорожнихъ земель; но такія заимки представляютъ собой только зародышевую форму землевладѣнія и почти всегда развертываются въ селенія съ общимъ владѣніемъ землей.

**) Данныя по этому вопросу см. «Крест. землепольз. и хоз. Тоб. и Том. губ., стр. 20—22; «Матер.» по Ирк. и Енис. губ., т. II, вып. 3, стр. 43—102; т. IV, вып. 3, стр. 40—101.

работахъ, единицею надѣленія землей всегда являлась волость, и такой порядокъ вполнѣ соотвѣтствовалъ требованіямъ дѣйствительной жизни: волости были въ то время не только административными, но и земельными единицами, и единство это проявлялось какъ при порядкахъ пользованія, основанныхъ на захватѣ, такъ и при душевомъ пользованіи. Затѣмъ однако, начиная съ 60-хъ годовъ, среди крестьянъ южной части Тобольской губерніи обнаружилось стремленіе къ разложенію крупныхъ земельныхъ единицъ, волостей, на болѣе мелкія—сельскія общества или селенія; движенію этому, на которомъ намъ придется подробнѣе остановиться ниже, пошла на встрѣчу мѣстная власть, и въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи бо̀льшая часть волостныхъ дачъ была размежевана на поселенные отрубы или на „районы", охватывавшіе каждый по нѣскольку селеній. Тѣмъ не менѣе, и въ этой мѣстности часть волостныхъ дачь осталась до сихъ поръ не разграниченною: такъ, въ Курганскомъ округѣ неразграниченными остались восемь волостныхъ дачь изъ 35-ти; изъ такого-же числа волостей Ишимскаго округа надѣленными въ общихъ дачахъ остались семь волостей, а двѣ изъ нихъ (Готопутовская и Боровская) въ административномъ отношеніи были раздѣлены надвое, въ земельномъ же отношеніи остались неразграниченными; въ нѣсколькихъ волостяхъ Ишимскаго округа земля отводилась хотя и не въ одномъ общемъ на всю волость отрубѣ, но крупными районами, охватывающими по десятку и болѣе селеній. Во всѣхъ остальныхъ волостяхъ Ишимскаго и Курганскаго округовъ земля, въ видѣ общаго правила, разбита на отдѣльные поселенные отрубы, и только въ видѣ исключенія въ одинъ отрубъ замежевывалось по два или по три селенія; иногда соединеніе двухъ или трехъ селеній въ одну общую земельную дачу происходило значительно позже общаго размежеванія волости; такое соединеніе, связанное съ уничтоженіемъ раздѣльныхъ межъ, практиковалось межевою администраціей какъ способъ устраненія допущенной при общемъ размежеваніи неравномѣрности надѣленія смежныхъ обществъ, причемъ этимъ послѣднимъ вмѣнялось въ обязанность самимъ уравнять землю между собою. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, селенія, при общемъ размежеваніи включенныя по два или по три въ одну общую дачу, въ виду проистекавшей изъ совладѣнія земельной неурядицы выхлопатывали размежеваніе общихъ дачъ на поселенные отрубы; любопытный примѣръ этого рода представляетъ Ларихинская волость, Ишимскаго округа; изъ пяти образованныхъ здѣсь общихъ дачъ (по 2—3 селенія въ каждой), въ настоящее время сохранилась только одна, а остальныя четыре разбились на поселенные отрубы.

Итакъ, порядокъ надѣленія, при которомъ „юридической общиной“ *) является отдѣльное селеніе или, рѣже, группа изъ двухъ-трехъ сосѣднихъ селеній, въ настоящее время можетъ быть признанъ господствующимъ въ южныхъ и въ частности—въ юго-западныхъ округахъ Тобольской губерніи. Въ сѣверныхъ округахъ стремленіе къ разграниченію общихъ дачъ на поселенные отрубы вовсе или почти вовсе не проявлялось, а потому волостное землевладѣніе и до сихъ поръ остается здѣсь преобладающею формой. Такъ, изъ 21 волостной дачи Тюменскаго округа только одна (инородческая) разбита на поселенные отрубы, двѣ — на два-три крупныхъ района каждая, въ остальныхъ же 18-ти волостяхъ населеніе пользуется землей въ общихъ, не размежеванныхъ между селеніями дачахъ. Въ Туринскомъ округѣ въ особыхъ подеревенныхъ дачахъ надѣлены только инородцы одной небольшой волости (Куртумовской), селенія которой разбросаны среди русскихъ волостей, а потому и не могли быть надѣлены иначе, какъ въ особыхъ отрубахъ. Затѣмъ всѣ русскія волости, расположенныя въ южной половинѣ округа, по теченію р. Туры, надѣлены въ общихъ дачахъ, изъ которыхъ выдѣлено только нѣсколько расположенныхъ поодаль отъ другихъ небольшихъ селеній. Изъ волостей сѣверной половины округа (бассейнъ р. Тавды), для одной (Кошукской) составленъ былъ проектъ надѣленія, по которому три селенія должны были получить землю въ отдѣльныхъ отрубахъ, всѣ остальныя—въ одной общей дачѣ; проектъ этотъ, хотя никѣмъ не утвержденный, тѣмъ не менѣе фактически, по добровольному соглашенію крестьянъ, приведенъ въ дѣйствіе. Земли всѣхъ остальныхъ, какъ русскихъ, такъ и инородческихъ волостей при-Тавдинскаго района до сихъ поръ не разграничены ни между собой, ни съ землями казеннаго вѣдомства, такъ что о „юридическихъ, межевыхъ дачахъ“ здѣсь не можетъ быть рѣчи: тѣмъ не менѣе волости не сливаются, а отдѣляются другъ отъ друга границами, установленными давностью и добровольнымъ соглашеніемъ. Такіе-же порядки господствуютъ въ сѣверныхъ, никогда не межевавшихся волостяхъ Тобольскаго округа, бо̀льшая же часть южныхъ волостей этого округа надѣлена землей въ общихъ, не разграниченныхъ между селеніями дачахъ.

Не меньшее разнообразіе царитъ въ изслѣдованныхъ округахъ Томской губерніи. Точныя свѣдѣнія по этому вопросу собраны из-

---

*) Этотъ терминъ заимствуемъ изъ «Матеріаловъ» по Ирк. и Енис. губ., гдѣ онъ употребляется для обозначенія группъ селеній, владѣющихъ землей въ общей межѣ, хотя-бы фактическое пользованіе землей распредѣлялось совершенно иначе.

слѣдованіемъ только въ семи волостяхъ Томскаго и Маріинскаго округовъ,—но и эти волости представляютъ собой достаточно пеструю картину. Такъ, въ трехъ волостяхъ, окружающихъ городъ Томскъ, земля разбита на мелкія дачи, отведенныя отдѣльнымъ селеніямъ или группамъ, по 2—3 небольшихъ селенія въ каждой; сходнымъ образомъ устроено землевладѣніе и въ одной изъ болѣе удаленныхъ отъ Томска волостей—Зырянской, гдѣ всѣ безъ исключенія селенія имѣютъ отдѣльныя дачи. Двумъ другимъ волостямъ—Почитанской и Баимской, земля отведена въ общихъ волостныхъ дачахъ, и только два образованныя переселенцами въ 50-хъ годахъ селенія Баимской волости при самомъ возникновеніи своемъ получили отдѣльные поселенные участки, границы которыхъ, однако, въ дѣйствительности не соблюдаются. Что́ касается до Ишимской волости, то селеніямъ южной ея половины земля отведена въ отдѣльныхъ поселенныхъ отрубахъ, въ сѣверной части—въ общихъ дачахъ, охватывающихъ каждая отъ двухъ до четырехъ селеній,—причемъ самая сѣверная окраина волости не отграничена ни отъ инородческихъ владѣній, ни отъ земель единственнаго владѣнія казны. Для Каинскаго округа изслѣдованіе не даетъ свѣдѣній по разсматриваемому вопросу; но повидимому и здѣсь царитъ не меньшая пестрота, нежели въ остальныхъ двухъ округахъ Томской губерніи: при поѣздкахъ по Каинскому округу пишущему эти строки пришлось удостовѣриться, что нѣкоторыя волостныя дачи (Казанская, Вознесенская, Усть-Тартасская, Верхне-Омская) уже довольно давно размежеваны на поселенные отрубы, другія же (Юдинская, Кыштовская), напротивъ, владѣютъ землей въ обширныхъ волостныхъ дачахъ.

Приведенный обзоръ распредѣленія крестьянскаго землевладѣнія по межевымъ дачамъ основанъ, какъ уже упоминалось, на данныхъ, добытыхъ изслѣдованіемъ въ промежутокъ времени съ 1887 по 1890 годъ, а потому въ настоящее время представляется значительно устарѣлымъ, если не для всѣхъ округовъ, то во всякомъ случаѣ для тѣхъ, гдѣ главнымъ образомъ производилось, за послѣдніе 5—6 лѣтъ, выдѣленіе земель для образованія переселенческихъ участковъ: параллельно съ такимъ выдѣломъ производилось обыкновенно размежеваніе земель, остающихся въ пользованіи старожиловъ, на поселенные отрубы, благодаря чему способъ надѣленія землею въ отдѣльныхъ селенныхъ дачахъ значительно распространился на счетъ порядка надѣленія въ волостныхъ и вообще болѣе крупныхъ районахъ.

Переходя, затѣмъ, къ восточно-сибирскимъ губерніямъ, Иркутской и Енисейской, необходимо напомнить прежде всего, что основаніемъ объединенія тѣхъ или другихъ группъ населенія въ „юридическія“ или „межевыя“ общины почти нигдѣ не является здѣсь

отводъ, надлежащею властью утвержденный и въ надлежащемъ порядкѣ исполненный въ натурѣ: лишь по немногимъ волостнымъ дачамъ межевыя дѣйствія были доведены до конца; по большинству волостей онѣ не пошли далѣе составленія и предварительнаго исполненія въ въ натурѣ проектовъ разграниченія, и землевладѣніе до сихъ поръ опирается частью на такія „проектныя“ разграниченія, главнымъ же образомъ на документы первоначальнаго межеванія, только констатировавшіе владѣніе, установившееся путемъ свободнаго захвата; наконецъ не мало осталось такихъ мѣстностей, особенно въ Енисейской губерніи, гдѣ еще вовсе не было никакой съемки, и гдѣ землевладѣніе имѣетъ исключительно фактическій характеръ, безъ всякой межевой основы, и гдѣ слѣдовательно „юридическихъ общинъ“ совершенно нѣтъ.

Въ Иркутской губерніи плановой матеріалъ того или другого рода имѣется по всѣмъ изслѣдованнымъ волостнымъ районамъ, и составъ „юридическихъ общинъ“ представляетъ здѣсь едва-ли не еще болѣе разнообразія, нежели въ западно-сибирскихъ губерніяхъ. Лишь меньшинство селеній замежевано въ отдѣльныя односеленныя дачи; преобладаютъ „юридическія общины“ составного типа; большинство волостей разбито на болѣе или менѣе значительное число дачъ, охватывающихъ, каждая, небольшое число селеній или даже по одному селенію,— причемъ иногда въ составъ одной дачи замежевывались и селенія, принадлежащія къ разнымъ волостямъ; въ однихъ случаяхъ, повидимому, при замежеваніи селеній въ одну общую дачу принималась во вниманіе принадлежность къ административнымъ сельскимъ обществамъ — „участкамъ“ (состоящимъ, большею частью, изъ нѣсколькихъ селеній), въ другихъ, напротивъ, селенія, принадлежащія къ одному обществу, дробились между нѣсколькими дачами. Далѣе, въ рядѣ волостей земля замежевана въ два-три крупныхъ района, охватывающихъ каждый отъ 4—6 до 9—10 селеній; наконецъ нѣкоторымъ волостямъ (Оекской, Иркут. окр., Евсеевской и Зиминской, Балаг. окр.) земля отведена каждой въ одной общей дачѣ, а въ одномъ случаѣ одна общая дача отмежевана даже для двухъ смежныхъ волостей — Уриковской и Усть-Балейской, Иркутскаго округа. Всѣ эти способы размежеванія земель встрѣчаются въ Иркутской губерніи въ самыхъ разнообразныхъ между собой комбинаціяхъ: въ однѣхъ волостяхъ два-три селенія имѣютъ особыя дачи, остальныя разбиты на два-три района съ 6—7 селеніями въ каждомъ, или владѣютъ землей въ одной общей дачѣ; въ другихъ рядомъ съ крупными районами по 6—9 селеній встрѣчаются мелкія составныя дачи, охватывающія всего по 2—3 селенія, и т. д.

Въ тѣхъ частяхъ Енисейской губерніи, гдѣ производились межевыя

работы и гдѣ поэтому можно говорить о „межевыхъ общинахъ“, преобладаютъ дачи незначительнаго состава, охватывающія, каждая, по одному селенію или состоящія изъ двухъ-трехъ селеній или сельскихъ обществъ; только въ Красноярскомъ округѣ встрѣчаются болѣе крупныя межевыя дачи: въ двухъ волостяхъ этого округа (и въ одной волости Минусинскаго) такія дачи охватываютъ по 4—5 селеній, въ одной—до восьми селеній, и только въ одной волости въ составъ „юридической общины“ вошло 13 селеній (всѣ селенія волости, кромѣ двухъ).

„*Юридическая община*“—союзъ селеній, охваченныхъ одною общею межою, далеко не всегда и не вездѣ совпадаетъ съ *фактическою общиною*,—субъектомъ дѣйствительнаго владѣнія и пользованія земельными угодьями. Въ видѣ общаго правила, о такомъ совпаденіи можно говорить только для *простыхъ*, *однодеревенныхъ* юридическихъ общинъ, которыя и фактически почти всегда пользуются землею отдѣльно отъ другихъ окрестныхъ селеній. Выше указано было, однако, нѣсколько случаевъ, гдѣ селенныя межи фактически не соблюдаются,—а въ богатыхъ землею мѣстностяхъ Томской, Енисейской и Иркутской губерній, такіе случаи не представляютъ собою исключенія, равно какъ и вообще не рѣдки случаи, когда фактическое пользованіе распространяется за предѣлы отведенныхъ населенію межевыхъ дачъ: особенно часты подобные случаи въ мѣстностяхъ, богатыхъ лѣсомъ, гдѣ крестьяне нерѣдко рубятъ лѣсъ, безразлично, и въ своихъ, и въ чужихъ дачахъ; довольно часто не соблюдаются границы и по отношенію къ пахатнымъ расчисткамъ, иногда—и по отношенію къ вольнымъ покосамъ и даже присельнымъ выгонамъ: изслѣдованіемъ отмѣчены случаи, когда на обширные вольные покосы, принадлежащіе одной „юридической общинѣ“, безпрепятственно наѣзжаютъ „посторонніе“ крестьяне; отмѣчены и такіе случаи, когда крестьяне прирѣчныхъ селеній при большихъ разливахъ, затопляющихъ ихъ присельный выгонъ, перегоняютъ свой скотъ въ поскòтины сосѣднихъ, „нагорныхъ“ селеній, не страдающихъ отъ разливовъ,—но за то при засухахъ, когда поскòтины „на горѣ“ остаются безъ корма, пускаютъ въ свою поскòтину скотъ „нагорныхъ“ сосѣдей. Но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ допущеніе „постороннихъ“ крестьянъ къ пользованію угодьями—дѣло доброй воли крестьянскихъ обществъ, которыя только потому не мѣшаютъ „постороннимъ“ пользоваться этими угодьями, что имѣютъ болѣе угодій, нежели нужно имъ самимъ,—и такимъ образомъ всѣ перечисленные случаи въ сущности не нарушаютъ того

общаго правила, въ силу котораго *граница межевой дачи является*, такъ сказать, *наружной границей крестьянскаго пользованія*,—той границей, за которую оно не выходитъ и внутрь которой не имѣютъ права проникать постороннія лица. Но если эта граница охватываетъ не одно, а нѣсколько селеній, то возникаетъ вопросъ, какъ слагается пользованіе землею *внутри* ея,—въ какомъ отношеніи находится „*юридическая община*" къ общинѣ *фактической* или *бытовой*—дѣйствительному субъекту владѣнія и пользованія землей.

Въ послѣдующихъ главахъ будетъ показано, что способы пользованія землею въ земледѣльческихъ губерніяхъ Сибири представляютъ какъ-бы лѣстницу, на одномъ концѣ которой стоятъ чисто захватные способы пользованія, на другомъ—душевое пользованіе, облекающееся въ формы, все болѣе тонкія и точныя. Указать границы фактической общины при душевомъ пользованіи, конечно, легко, такъ какъ общность владѣнія характеризуется безспорнымъ признакомъ — общимъ передѣломъ угодій. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ при захватныхъ способахъ пользованія, когда община въ сущности, не вышла изъ зародышеваго состоянія, и границы ея не поддаются точному опредѣленію *). По описанію изслѣдователя волостного землевладѣнія въ Барабинской степи, г. Филимонова, распредѣленіе угодій между отдѣльными селеніями, лежащими внутри неразграниченной волостной дачи, представляетъ такую картину: „кругомъ отдѣльныхъ селеній, на разстояніи 2—5 верстъ отъ послѣднихъ, лежали селенныя межи (?), внутри которыхъ находилась единственная селенная земля—поскòтина, а внѣ—волостная земля съ пашнями, сѣнокосомъ и лѣсомъ. Среди этой волостной, неразграниченной между селеніями земли, тамъ и сямъ, были разбросаны земельные участки, принадлежащіе отдѣльнымъ хозяевамъ. Вблизи поскòтинъ эти участки лежали болѣе смежно другъ съ другомъ, нѣсколько вдали отъ поскòтинъ—болѣе разсѣянно, а еще болѣе вдали—совершенно одиноко другъ отъ друга. Первые участки принадлежали преимущественно жителямъ того селенія, подлѣ поскòтины котораго они находились; вторые—принадлежали жителямъ сосѣднихъ селеній, двухъ-трехъ; третьи — принадлежали жителямъ нѣсколькихъ селеній",—что-же касается земель, наиболѣе удаленныхъ, то онѣ, „будучи свободными волостными землями, представляли собой

---

*) См. «Матер.» по Зап. Сиб., вып. V, стр. 5—24, вып. XVIII, стр. 212—231; сводная работа «Крестьянское землепольз. и т. д. въ Тоб. и Том. губ.», стр. 24; «Матеріалы» по Ирк. и Енис. губ., т. II, вып. 2, стр. 40, вып. 6, стр. 106—110; вып. 3, стр. 43—49, 132—134; т. IV, вып. 3, стр. 40—41. См. также Филимонова «Формы волостного землевладѣнія въ сѣв.-зап. Барабѣ», стр. 27 и 48.

запасный земельный фондъ... и пока, до времени, составляли „ничью собственность“.

Эта характеристика, останавливающаяся почти исключительно на распредѣленіи внутри волостной „юридической общины“ владѣнія пахатными землями, вполнѣ согласуется съ данною пишущимъ эти строки характеристикой землевладѣнія внутри волостныхъ неразграниченныхъ дачъ Маріинскаго округа: здѣсь „право пользованія лѣсомъ и неогороженными пастбищами принадлежитъ безраздѣльно крестьянамъ всѣхъ селеній волости; пашни и покосы фактически разбились на участки, состоящіе въ пользованіи отдѣльныхъ селеній; это распредѣленіе не было установлено не только какими-либо межевыми дѣйствіями, но даже и добровольными соглашеніями; оно установилось само собой, какъ естественный результатъ тяготѣнія пользованія крестьянъ каждаго селенія къ усадьбамъ этого послѣдняго, какъ результатъ сознанія неудобствъ, связанныхъ съ чрезмѣрнымъ удаленіемъ пашенъ и покосовъ отъ усадебъ и особенно—съ приближеніемъ ихъ къ сферѣ пользованія крестьянъ другого селенія. Каждое селеніе эксплоатируетъ, такимъ образомъ, ближайшія урочища земельныхъ угодій въ количествѣ, приблизительно соотвѣтствующемъ численности его населенія, и такое распредѣленіе угодій... настолько упрочилось въ сознаніи населенія, что отдѣльныя селенныя общины совершенно не стѣсняются передѣлять когда признаютъ это нужнымъ, входящія въ сферу ихъ захватнаго владѣнія угодья (преимущественно сѣнокосы) по душамъ“. Такой складъ землевладѣнія является преобладающимъ въ неразграниченныхъ волостныхъ дачахъ Тобольской и Томской губерній; но въ отдѣльныхъ случаяхъ распредѣленіе землевладѣнія складывается и иначе: изслѣдованіемъ отмѣченъ, напримѣръ, случай, гдѣ право рубки лѣса въ хорошемъ строевомъ бору, лежащемъ въ чертѣ одной волостной дачи (Почитанской, Маріинскаго округа), принадлежитъ и крестьянамъ сосѣдней (Баимской) волости; въ другомъ случаѣ, напротивъ, крестьяне одной половины волости не могутъ рубить лѣса въ предѣлахъ другой половины, сѣнокосы же пріурочены къ отдѣльнымъ селеніямъ только въ теченіе первыхъ двухъ недѣль сѣнокоснаго времени, а затѣмъ поступаютъ въ вольное пользованіе крестьянъ всей волости (Сладковская волость, Ишимскаго округа); иногда часть покосовъ пріурочена къ отдѣльнымъ селеніямъ, часть же состоитъ, опять - таки, въ волостномъ вольномъ пользованіи (Маслянская и Готопутовская волости, того-же округа), и т. д.

Въ восточно-сибирскихъ губерніяхъ формы, въ которыя складывается владѣніе землей въ общихъ дачахъ и въ необмежеванныхъ мѣстностяхъ, представляютъ еще болѣе пеструю и безпорядочную картину. По Енисейской губерніи изслѣдованіе не дѣлаетъ,

въ сущности, попытки какъ-либо систематизировать это разнообразіе, а констатируетъ только, что „каждая межевая община можетъ быть подраздѣлена на нѣсколько фактическихъ общинъ, иногда совершенно не соотвѣтствующихъ другъ другу,—въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ имѣется наличность вольнаго пользованія какимъ-либо угодьемъ, соотвѣтственныхъ фактическихъ общинъ не существуетъ,—здѣсь могутъ быть обнаружены только зачатки послѣднихъ". „Наичаще, констатируетъ изслѣдованіе, встрѣчаются выгонныя и покосныя фактическія общины; первыя являются результатомъ совмѣстной городьбы поскотины и удобства общаго пользованія выгономъ; вторыя—главнымъ образомъ вслѣдствіе ограниченнаго количества луговъ".

Весьма обстоятельно разработанъ разсматриваемый вопросъ по тремъ южнымъ округамъ Иркутской губерніи, гдѣ черезполосица и общее владѣніе угодьями представляютъ собой, можно сказать, общее правило: „когда земля считается „божьей", „ничьей", или—что все равно—общей,... хозяева отдѣльныхъ сосѣднихъ селеній, пользуясь одинаковымъ правомъ разработки, выбираютъ участки въ перемежку другъ съ другомъ, вслѣдствіе чего оказывается черезполосица"; совмѣстное владѣніе разныхъ селеній „замѣчается по отношенію къ выпускамъ, лѣсамъ (въ смыслѣ пользованія ими для заготовки лѣснаго матеріала, а также и разработки въ нихъ земель) и, главное, къ сѣнокосамъ. Обыкновенно такое совпаденіе устанавливалось весьма просто: былъ просторъ—рубили лѣсъ, кто хотѣлъ изъ окрестныхъ селеній,—значитъ лѣсъ считался общимъ ихъ достояніемъ; облюбовали удобное мѣсто, стали выгонять туда скотъ—опять изо всѣхъ деревень, благо мѣсто ничье, общее, всѣмъ удобно, никто не „препятствуетъ" и не имѣетъ ни права, ни нужды воспрепятствовать. Нашли у рѣчки гладкое травянистое мѣсто,—травы „вволю", „хватитъ для всѣхъ", а въ окрестности болѣе удобныхъ покосныхъ мѣстъ нѣтъ,—вотъ и стали ѣздить туда на косьбу изъ всѣхъ сосѣднихъ селеній; такъ и сталъ покосъ общимъ для всѣхъ". Совмѣстное владѣніе установляется такимъ образомъ въ зависимости отъ степени изобилія и относительнаго расположенія каждаго отдѣльнаго рода угодій,—обстоятельствъ, складывающихся своеобразно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а потому можетъ существовать по отношеніи къ одному, и къ нѣсколькимъ, и ко всѣмъ угодьямъ: при этомъ по отношенію къ одному угодью совмѣстное владѣніе нерѣдко устанавливается съ одними, по отношенію къ другому—съ другими селеніями, а потому установленіе границъ фактической общины является задачею, болѣе нежели затруднительною. Изслѣдованіе выходитъ изъ этого затрудненія,

устанавливая понятіе „покосныхъ“, „выгонныхъ“, „пахатныхъ“ и т. д. общинъ, т. е. союзовъ, владѣющихъ совмѣстно тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ угодьемъ,—и эти „сѣнокосныя“ „выгонныя“ и т. д. общины переплетаются между собой въ самыхъ разнораэныхъ комбинаціяхъ. Чтобы показать, какъ далеко заходитъ это разнообразіе, позволимъ себѣ привести здѣсь in extenso очеркъ поземельныхъ отношеній, сложившихся въ Уриковско-Усть-Балейской (Иркутскаго окр.) юридической общинѣ, охватывающей почти цѣликомъ двѣ волости и состоящей изъ 13 сельскихъ обществъ и 18 селеній.

Пашни у всѣхъ этихъ обществъ и селеній «расположены болѣе или менѣе чрезполосно (исключая селенія Карлукскаго), причемъ чрезполосица существуетъ обыкновенно не только между самыми близкими сосѣдями, но и между болѣе отдаленными селеніями. Такъ, чрезполосица пахатныхъ полей существуетъ почти между всѣми селеніями Уриковской волости; пашни селеній Усть-Балейской волости съ Уриковскими, повидимому, не смѣшиваются, но между собой перемѣшаны тоже почти у всѣхъ селеній. Относительно пользованія *покосами* взаимныя поземельныя отношенія различныхъ селеній представляютъ нѣкоторыя своеобразныя особенности. Именно, здѣсь наблюдается тотъ фактъ, что одно и то-же селеніе относительно пользованія лежащими въ различныхъ мѣстахъ лугами входитъ въ составъ нѣсколькихъ различныхъ покосныхъ общинъ, т. е. одни луга дѣлитъ сообща съ одними селеніями, другіе—съ другими, причемъ иногда имѣетъ еще такъ называемые «домашніе» покосы, которыми владѣетъ уже совершенно отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ селеній. Вслѣдствіе этого, всѣ семь входящихъ въ составъ юридической общины селеній Уриковской волости могутъ быть разсматриваемы, какъ одна сложная покосная община, состоящая изъ нѣсколькихъ простыхъ, отчасти, такъ сказать, покрывающихъ другъ друга. Первая изъ этихъ простыхъ общинъ, сообща владѣющая покосами по р. Кудѣ, состоитъ изъ с. Урика, Ширяева, Тайтура, Горяшина и Лыловскаго (между отдѣльными селеніями покосы этой общины разверстываются по жребію каждые 3 года или черезъ 6 лѣтъ); вторую, владѣющую нѣкоторыми Ангарскими островами, составляютъ с. Урикъ, Усть-Куда, Московское, Тайтуръ и Горяшино (покосы этой общины были разверстаны между совладѣльцами въ 1886 г., срокомъ на 3 года, слѣдующимъ образомъ: острова Частые и часть Зуевскаго достались по жребію Урику на 494 души; острова Монастырскій, Грановской, Красавецъ, Волковскій и Горяшинскій съ маленькими—Урику и д. Московской, на 412+82 души, и острова Лиственичный 1-ый, Березовый, Компанейскій, Буянъ, Басинъ, Монохолъ и часть Зуевскаго съ прибрежными покосами Мотъ, Зобникъ и Каштакъ—селеніямъ Усть-Кудѣ, Тайтуру, Горяшину и дер. Московской, въ суммѣ тоже на 494 души; въ томъ-же году состоялось особое соглашеніе между Урикомъ и дер. Московской, которымъ на 82 души былъ выдѣленъ островъ Грановскій съ двумя маленькими); наконецъ третью (владѣющую совмѣстно нѣсколькими островами) составляютъ селенія Ширяевское и Лыловское. У этого послѣдняго селенія, входящаго такимъ образомъ въ составъ двухъ различныхъ покосныхъ общинъ, имѣются

еще совершенно отдѣльные или «домашніе» покосы по «поберегамъ»; такіе же отдѣльные покосы, изъ перечисленныхъ селеній, есть еще у с. Усть-Кудинскаго и у дер. Московской.

Изъ селеній Усть-Балейской волости, селенія Усть-Балей (съ выс. Дунаемъ), Усть-Китой, Тихонопадское, Еловское, Степановское, Гороховское и Баруйское представляютъ отдѣльныя покосныя общины каждое; деревни же Середкина и Быковская составляютъ обѣ одну общину, причемъ у каждой изъ нихъ есть еще и отдѣльные покосы.

Выгоны (присельные) почти у всѣхъ описываемыхъ селеній отдѣльные; сообща владѣютъ выгономъ только селенія Урикъ съ Усть-Кудой (а также съ Грановщиной и Карлукомъ) и дер. Гороховская съ Боруйской; къ послѣдней выгонной общинѣ ранѣе принадлежала и дер. Степановская, но теперь съ ними развелась, хотя, можетъ быть, и неокончательно.

Лѣсомъ всѣ описываемыя селенія пользуются въ предѣлахъ своей дачи совершенно свободно (а иногда, вѣроятно, и за ея предѣлами); Уриковскіе и Усть-Кудинскіе крестьяне иногда оброчатъ лѣсъ въ чужихъ дачахъ.

Несмотря на такое крайнее разнообразіе и пестроту, уважаемый изслѣдователь, разработавшій соотвѣтственный отдѣлъ „Матеріаловъ", г. Смирновъ, успѣваетъ установить нѣкоторыя общія начала, управляющія группировкой селеній по естественнымъ или фактическимъ общинамъ, отдѣльно для каждаго рода угодій. Группировка эта зависитъ, главнымъ образомъ: 1) отъ сравнительной цѣнности и важности этихъ угодій, 2) отъ ихъ относительнаго обилія или недостатка (что вліяетъ и на ихъ цѣнность) и 3) отъ сравнительной величины затраты труда, необходимой для того, чтобы сдѣлать землю пригодною для эксплоатаціи въ видѣ того или другого угодья. Наименѣе цѣннымъ и наиболѣе обильнымъ угодьемъ въ Иркутской губерніи являются *лѣса*; вмѣстѣ съ тѣмъ, для ихъ эксплоатаціи на срубъ не требуется никакой предварительной затраты труда,—а потому „лѣса каждой юридической общины являются открытыми для совершенно свободнаго пользованія всѣхъ ея членовъ; каждый изъ нихъ можетъ рубить лѣсъ, гдѣ, когда и сколько хочетъ. Если въ своихъ дачахъ лѣса мало, то крестьяне такъ-же свободно пользуются лѣсомъ и въ сосѣднихъ дачахъ другихъ юридическихъ общинъ... Такимъ образомъ, естественныя общины по отношенію къ совмѣстному пользованію лѣсомъ на срубъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ или совпадаютъ съ юридическими общинами, или даже выходятъ за ихъ предѣлы". Право *расчистки* лѣсныхъ площадей *подъ пашню* или *сѣнокосъ* „всегда признается также за всѣми членами данной юридической общины, и если въ нѣкоторыхъ изъ этихъ (составныхъ) общинъ пояса новыхъ расчистокъ отдѣльныхъ селеній являются рѣзко отграниченными другъ отъ

друга, то такое обстоятельство всякій разъ объясняется лишь естественными условіями данной мѣстности, на почвѣ которыхъ могутъ, конечно, создаться и обычаи правоваго характера"; бываютъ также случаи „залѣзанія" съ расчистками въ предѣлы чужихъ юридическихъ общинъ,—такое „залѣзаніе" иногда допускается безпрепятственно, иногда же влечетъ за собой упорные споры и тяжбы. *Присельные выгоны*, въ виду выгодъ представляемыхъ совмѣстной городьбой, всегда находятся въ общественномъ пользованіи; поскòтинныя общины „состоятъ иногда только изъ одного селенія, иногда же изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній, которыя „свелись" своими поскòтинами. Такое соединеніе нѣсколькихъ селеній обусловливается исключительно географическимъ положеніемъ ихъ выгонныхъ земель и потому не стоитъ ни въ какой причинной связи ни съ группировкой ихъ въ естественныя общины по другимъ угодьямъ, ни даже съ дѣленіемъ на юридическія общины; такимъ образомъ, не рѣдко встрѣчаются случаи, что къ одной и той-же поскòтинной общинѣ принадлежатъ селенія изъ разныхъ юридическихъ общинъ"; независимо отъ этого, особые присельные выгоны нерѣдко загораживаются при заимкахъ, которыя въ такомъ случаѣ выдѣляются въ маленькія выгонныя общины, независимыя отъ коренного селенія. *Покосныя* земли, какъ угодья сравнительно весьма цѣнныя и притомъ не требующія для своей эксплоатаціи предварительныхъ затратъ труда, почти вездѣ передѣляются по душамъ, почему и покосныя общины легко разграничиваются одна отъ другой: „по своему составу онѣ также обыкновенно не совпадаютъ съ юридическими общинами, но почти никогда не выходятъ изъ предѣловъ этихъ послѣднихъ; наоборотъ, часто бываетъ, что одна юридическая община состоитъ изъ нѣсколькихъ покосныхъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ происхожденіе отдѣльныхъ покосныхъ общинъ иногда объясняется состоявшимся нѣкогда полюбовнымъ соглашеніемъ входящихъ въ юридическую общину селеній, рѣшившихъ разверстаться, „развестись" лугами, иногда же ведетъ свое начало отъ факта исконнаго отдѣльнаго владѣнія покосами, имѣвшаго мѣсто еще до замежеванія земель различныхъ селеній въ одну общую дачу. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ природныхъ покосовъ сравнительно много, часть ихъ (очень отдаленные участки, небольшія лѣсныя поляны и т. п.) обыкновенно не идетъ въ передѣлъ, а предоставляется въ свободное пользованіе всякому желающему изъ числа членовъ юридической общины; въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ въ такомъ свободномъ пользованіи находятся даже *всѣ* луга общины". Что̀ касается до *пахатныхъ* земель, то онѣ почти повсемѣстно находятся, въ трехъ южныхъ окру-

гахъ Иркутской губерніи, въ одной изъ формъ захватнаго пользованія, и только въ немногихъ мѣстностяхъ произведено нѣкоторое „поравненіе“ старыхъ пашенъ. Только „въ примѣненіи къ такимъ мѣстностямъ можно говорить объ особыхъ пахатныхъ общинахъ, состоящихъ обыкновенно изъ одного или двухъ селеній одной и той-же юридической общины“, тамъ же, гдѣ пашни и сейчасъ находятся въ захватномъ владѣніи, пахатныя общины совпадаютъ или съ юридическими (если при группировкѣ хозяйствъ по пахатнымъ общинамъ обращать вниманіе на то, въ какихъ границахъ могутъ они захватывать землю подъ пашни), или съ селеніями и обществами (если смотрѣть на то, въ чье распоряженіе поступаютъ выморочныя пашни); другими словами, въ области господства захватнаго начала особыхъ пахатныхъ общинъ не существуетъ вовсе“; взамѣнъ вопроса объ общемъ или раздѣльномъ *владѣніи* пашнями выступаетъ вопросъ объ относительной обособленности или чрезполосности пахатныхъ полей,—и „понятно, что при правѣ свободнаго захвата незанятыхъ земель въ любомъ мѣстѣ дачъ своей юридической общины чрезполосность пахатныхъ земель встрѣчается несравненно чаще, нежели ихъ обособленность“. Наконецъ, *усадебныя* земли, какъ и пашни, состоятъ почти повсемѣстно въ захватномъ владѣніи, почему и по отношенію къ нимъ объ общинѣ, какъ о владѣльцѣ земли, „можно говорить лишь съ нѣкоторою натяжкою“.

Мы нарочно привели съ такою подробностью выводы изслѣдованія по тремъ южнымъ округамъ Иркутской губерніи, такъ какъ эти выводы основаны на наиболѣе тщательно собранномъ фактическомъ матеріалѣ и сдѣланы съ наибольшею полнотою и широтою. Общій смыслъ какъ этихъ выводовъ, такъ и всего сказаннаго выше объ организаціи землевладѣнія при господствѣ захватныхъ формъ пользованія землей, ясенъ: община въ такихъ мѣстностяхъ существуетъ только въ зародышѣ, почему и внѣшнія границы ея являются болѣе или менѣе неуловимыми; она облекается въ плоть и въ кровь только тамъ, гдѣ появляется душевое пользованіе, но и здѣсь границы ея лишены опредѣленности, сливаются и переплетаются между собой.

Нѣчто подобное можно наблюдать и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ весьма развитымъ душевымъ пользованіемъ, — именно въ неустроенныхъ въ земельномъ отношеніи мѣстностяхъ сѣвера Тобольской губерніи, и въ частности—въ при-Тавдинскихъ волостяхъ Туринскаго округа *); здѣсь въ общемъ пользованіи повсемѣстно

*) «Крест. землепольз. и хоз. Тоб. и Том. губ.», стр. 14—26»; «Матеріалы по Зап. Сиб.», вып. XIII, стр. 17—25.

состоятъ только лѣса, а затѣмъ „границы единицъ фактическаго землевладѣнія,—земельныхъ общинъ,—совершенно не могутъ быть опредѣленно очерчены; по отношенію къ каждаго рода угодьямъ населеніе разбивается на совершенно отдѣльныя группы; такою группою является иногда отдѣльное селеніе, иногда—состоящее изъ нѣсколькихъ селеній сельское общество, иногда — нѣсколько селеній, не составляющихъ цѣлаго сельскаго общества или принадлежащихъ къ разнымъ обществамъ, иногда—нѣсколько сельскихъ обществъ, иногда, наконецъ,—цѣлая волость, и община—волость, община—сельское общество и община—селеніе переплетаются и пересѣкаются между собой въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ, такъ что каждое селеніе и каждый отдѣльный крестьянинъ въ отношеніи владѣнія разными видами земельныхъ и промысловыхъ угодій принадлежатъ къ нѣсколькимъ разнообразнымъ по объему бытовымъ союзамъ". Вотъ, напримѣръ, какъ сложились земельныя отношенія въ огромной Пелымской волости, вытянувшейся вдоль теченія р. Тавды узкою лентою, длиною изъ конца въ конецъ болѣе 150 верстъ:

«По отношенію къ *пашнямъ* въ сѣверо-западной части волости (сотни Зыковская, Кашматская, Вагильская, Пелымская) единицей владѣнія является мельчайшая населенная единица—«десятокъ», селеніе; во всей остальной части волости единицей владѣнія пахатными землями является сельское общество—«сотня»; въ большинствѣ «сотенъ», однако, каждый десятокъ имѣетъ свои «перемѣны» (полевыя смѣны); «повѣрка» земли и уравненіе ея между всѣми «десятками» данной «сотни» происходятъ только при ревизіяхъ, а въ промежуткахъ между послѣдними каждый «десятокъ» пользуется пашнями и передѣляетъ ихъ независимо отъ другихъ; полное единство въ смыслѣ пользованія пахатными землями представляютъ только селенія Троицкой «сотни». Напротивъ, по отношенію къ *покосамъ* полное единство всѣхъ селеній каждой данной «сотни» является не знающимъ исключенія общимъ правиломъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ единство это распространяется и на болѣе обширныя группы населенія: а именно, при ревизіяхъ производится общая «обоюдная повѣрка» и уравненіе сѣнокосныхъ угодій на сѣверѣ волости между «сотнями» Зыковской и Кашматской, на югѣ—между «сотнями» Пантелѣевской и Дворниковской. Поскòтины также состоятъ во владѣніи весьма разнообразныхъ группъ населенія; такъ, въ «сотняхъ» Зыковской, Вагильской и Носовской поскòтина загорожена у каждаго селенія особо; въ Троицкой, напротивъ, поскòтина общая для всѣхъ селеній; въ Пелымской «сотнѣ» загорожены три поскòтины: одна—для двухъ, другая—для трехъ, третья—для четырехъ селеній; изъ восьми селеній Конюховской «сотни» семь имѣютъ общую, одно—особую поскòтину и т. д.—По отношенію къ владѣнію *кедровниками* Пелымская волость представляетъ собой одно цѣлое. Единство это фактически проявляется, однако, лишь по отношенію къ одному громадному кедровнику—Носовскому, который состоитъ въ общемъ захватномъ пользованіи всѣхъ селеній волости;

пользованіе остальными, менѣе крупными кедровниками издавна пріурочено къ менѣе крупнымъ группамъ населенія, главнымъ образомъ къ сельскимъ обществамъ, «сотнямъ», почему эти кедровники и носятъ общее названіе «сотенныхъ». Такъ, Зыковская «сотня» владѣетъ однимъ кедровникомъ вмѣстѣ съ «сотнями» Вагильскою и Пелымскою; Конюховская «сотня» владѣетъ отдѣльнымъ кедровникомъ, и т. д... Столь-же мало однообразія замѣчается и по отношенію къ владѣнію *рыболовными* угодьями. Всѣ селенія Зыковской и Кашматской сотенъ владѣетъ рыболовными угодьями совмѣстно, но уже въ ближайшей къ нимъ Вагильской сотнѣ каждое селеніе имѣетъ отдѣльныя угодья. «Сотни» Пелымская, Хайдуковская, Конюховская, Ереминская и Троицкая владѣютъ рыболовными угодьями каждая отдѣльно, причемъ внутри каждой «сотни» пользованіе этими угодьями предоставляется безразлично крестьянамъ всѣхъ «десятковъ». Въ общемъ владѣніи рыболовныя угодья состоятъ и въ Носовской «сотнѣ», но пользованіе ими предоставлено только крестьянамъ трехъ «десятковъ»; «десятки» Вискуновскій и Мало-Гаринскій въ пользованіи рыболовными угодьями не участвуютъ, взамѣнъ чего остальные три «десятка» «не вступаются» въ пользованіе ихъ поддворными кедровниками. И наконецъ всѣ селенія Пантелѣевской сотни владѣютъ и пользуются рыболовными угодьями вмѣстѣ съ Дворниковскою сотней. Что касается до *охотничьихъ* угодій, то единицей владѣнія ими во всѣхъ случаяхъ является «сотня».

Во всемъ этомъ чрезвычайномъ разнообразіи можетъ быть, однако, усмотрѣна одна господствующая тенденція—*преобладаніе общины—„сотни“* (сельскаго общества) *надъ общиною—селеніемъ и общиною—волостью*,—преобладаніе, особенно ясно сказывающееся по отношенію къ сѣнокосамъ и промысловымъ угодьямъ. Слабѣе обнаруживается земельное единство сельскихъ обществъ по отношенію къ пахатнымъ землямъ; распоряженіе этими послѣдними сосредоточивается по преимуществу въ отдѣльномъ селеніи, „десяткѣ“; главною причиной стремленія селеній къ обособленности въ этомъ отношеніи является господство хозяйства съ удобреніемъ, при которомъ земля лишь постольку цѣнится крестьянами, поскольку она, по своему мѣстоположенію, можетъ быть удобряема; между тѣмъ при „поравненіяхъ“ между различными селеніями одной „сотни“, обыкновенно отстоящими другъ отъ друга болѣе или менѣе далеко, крестьянамъ малоземельныхъ селеній прирѣзывались-бы такія полосы, которыхъ они, за удаленностью, не могли-бы удобрять,—а потому крестьяне, хотя-бы и обдѣленные землей, обыкновенно и не настаиваютъ на „поравненіи“ между всѣми селеніями своей „сотни“.

Гораздо яснѣе проявляется, фактически, земельное единство волостей въ Верхоленскомъ округѣ, Иркутской губерніи *): изъ пяти русскихъ волостей этого округа три составляютъ покосныя общины-волости, а въ каждой изъ остальныхъ двухъ большинство селеній

*) «Матер.» по Ирк. губ., ч. II, вып. 6, стр. 106—110.

сливается въ одну составную покосную общину, остальныя же селенія пользуются покосами по одиночкѣ или по нѣскольку вмѣстѣ. Во всѣхъ трехъ волостныхъ общинахъ Верхоленскаго округа волостные передѣлы сѣнокосовъ производятся чрезъ продолжительные промежутки времени, обыкновенно—отъ ревизіи до ревизіи, причемъ сѣнокосы подвергаются обмѣру и разверстываются по числу десятинъ; передѣлъ производится не между отдѣльными селеніями, а между „сельскими участками", т. е. сельскими обществами, состоящими каждое изъ нѣсколькихъ селеній, а затѣмъ каждый „участокъ", до слѣдующаго волостного передѣла, передѣляетъ покосы, по своему усмотрѣнію, ежегодно или чрезъ болѣе продолжительные періоды, причемъ передѣлъ производится уже прямо по душамъ, безъ предварительнаго раздѣла между селеніями, какъ будто-бы весь „участокъ" составлялъ одну простую общину. Такимъ-же порядкомъ передѣляются покосы и въ одной изъ двухъ крупныхъ составныхъ покосныхъ общинъ, не охватывающихъ цѣлыхъ волостей; напротивъ, въ другой (Манзурской) общій по всей составной общинѣ передѣлъ производится ежегодно, причемъ покосы сначала разбиваются на 4 равноцѣнныя „части" и эти послѣднія разбираются по жребію между четырьмя крупными группами общественниковъ, а затѣмъ каждая группа передѣляетъ свою „часть" независимо отъ другихъ. Этотъ порядокъ передѣла, связанный съ массой хлопотъ и потерей времени, очень тяготитъ крестьянъ, почему въ Манзурской волости существуетъ движеніе въ пользу раздѣла покосовъ „навѣчно" на поселенные участки,—тогда какъ волостные передѣлы, совершаемые въ другихъ волостяхъ чрезъ продолжительные промежутки времени, повидимому, не представляютъ неудобствъ и не возбуждаютъ никакого неудовольствія.

Что касается до пахатныхъ земель — гдѣ онѣ передѣляются, — то „пахатныя общины" въ Верхоленскомъ округѣ почти вездѣ состоятъ изъ одного селенія; во всемъ округѣ отмѣчены всего 3 составныя пахатныя общины, заключающія въ себѣ отъ двухъ до шести селеній каждая; въ двухъ изъ нихъ, при общихъ передѣлахъ, „поравненіе" выражается въ передачѣ участковъ пахатной земли отъ одного селенія другому, соотвѣтственно измѣненіямъ въ числѣ душъ; въ третьей, напротивъ, каждое селеніе имѣетъ участокъ съ неизмѣнными границами, и „уравненіе" производится путемъ перечисленія душъ отъ одного селенія къ другому.

Въ полномъ смыслѣ слова „*сложныя, волостныя общины*" *)

*) «Крест. землеполь. и хоз. Тоб. и Том. губ.», стр. 26—27; «Матеріалы» по Зап. Сиб., вып. XIII, стр. 5—17.

представляютъ собою восемь волостей южной половины Туринскаго округа, расположенныя на побережьѣ р. Туры. Общинное единство ихъ находитъ себѣ двоякое выраженіе: во-первыхъ, — въ общемъ и нераздѣльномъ правѣ пользованія лѣсами и „запольными“ пастбищами, а въ нѣкоторыхъ волостяхъ — и въ правѣ производства по всей волостной территоріи пахатныхъ и сѣнокосныхъ расчистокъ; во-вторыхъ, — въ общихъ *волостныхъ передѣлахъ* пашенъ и сѣнокосовъ; въ одной волости — Пушкаревской — между всѣми селеніями волости уравниваются и кедровники, во всѣхъ же остальныхъ волостяхъ какъ кедровники, такъ и огороженные выгоны и усадебныя мѣста совершенно ускользаютъ изъ-подъ вліянія волостной общины и пріурочены къ болѣе мелкимъ группамъ населенія, обыкновенно — къ отдѣльнымъ селеніямъ.

Волостные передѣлы пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодій всегда были пріурочены къ ревизіямъ, и въ шести изъ общаго числа восьми волостныхъ общинъ разсматриваемой мѣстности повторялись совершенно правильно; затѣмъ въ одной волости, Усениновской, очередной волостной передѣлъ не состоялся послѣ X ревизіи, въ другой, Туринской, — даже послѣ двухъ послѣднихъ ревизій; въ первой причиною неудачи волостного передѣла было случайное обстоятельство — неудачный выборъ уполномоченныхъ; во второй передѣлы не состоялись вслѣдствіе сопротивленія крестьянъ огромной Туринской свободы: завладѣвъ издавна всѣми лучшими угодьями, „слобожане“ не изъявили согласія на волостной передѣлъ, отказались избрать отъ себя уполномоченныхъ и не допустили уполномоченныхъ другихъ селеній къ обмѣру своихъ земель.

Послѣдняя ревизія была въ 1858 г., и за протекшій съ тѣхъ поръ (до 1888 г. — года изслѣдованія) 30-лѣтній періодъ ни одна изъ общинъ-волостей Туринскаго округа, въ ожиданіи новой ревизіи, не приступала къ новому общему передѣлу; это и понятно: какъ выяснено изслѣдованіемъ, распредѣленіе пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодій между селеніями и по истеченіи 30 лѣтъ оставалось довольно равномѣрнымъ, и замѣчавшіяся внутри отдѣльныхъ волостей колебанія въ размѣрахъ душевыхъ надѣловъ пашни и покоса нигдѣ не достигали такихъ размѣровъ, которые оправдывали-бы связанную съ волостнымъ передѣломъ крупную затрату труда и времени.

На помощь естественному ходу вещей явился, однако, толчокъ извнѣ, со стороны мѣстной администраціи. Въ началѣ 1888 г., именно, въ Туринскій округъ былъ назначенъ новый крестьянскій чиновникъ, который почти тотчасъ-же по вступленіи въ должность началъ побуждать крестьянъ „уравняться землею“: говорилъ въ этомъ

смыслѣ на волостныхъ сходахъ, дѣйствовалъ чрезъ старшинъ и писарей,—и въ результатѣ его настояній приговоры о волостныхъ передѣлахъ состоялись въ первыхъ числахъ августа 1888 года во всѣхъ волостяхъ разсматриваемой мѣстности, кромѣ Туринской *). Приговоры эти состоялись однако не безъ сопротивленія со стороны болѣе или менѣе значительной части крестьянства: не говоря уже о селеніяхъ, лучше другихъ обезпеченныхъ землею благодаря малому приросту населенія или другимъ случайнымъ обстоятельствамъ, сопротивленіе это,—особенно сильное въ трехъ юго-восточныхъ волостяхъ (Туринской, Пушкаревской и Коркинской),—исходило отъ обществъ, владѣющихъ значительнымъ количествомъ „повинныхъ", расчищенныхъ послѣ послѣдняго передѣла пашенъ, которыя по установившейся традиціи волостныхъ передѣловъ подлежали-бы зачисленію въ учетъ передѣляемой пашни безъ всякаго вниманія къ праву затраченнаго труда. Въ Туринской волости противники волостного передѣла опять взяли верхъ, и приговоръ о передѣлѣ не состоялся вовсе; въ Пушкаревской волости одно общество—Липовское—протестовало противъ приговора объ общемъ передѣлѣ и отказалось выбрать уполномоченныхъ; соединенный сходъ остальныхъ селеній „оставилъ безъ уваженія" этотъ протестъ, и на случай, если-бы Липовскіе крестьяне остались при своемъ отказѣ выбрать уполномоченныхъ, постановилъ „просить волостной сходъ сосѣдней волости избрать для сей цѣли человѣкъ пять благонадежныхъ понятыхъ". Въ Коркинской волости въ приговорѣ объ общемъ передѣлѣ, въ концѣ концовъ, приняли участіе всѣ селенія;

---

*) Любопытно, что формулировка всѣхъ этихъ приговоровъ, составленныхъ, очевидно, одною рукой, крайне неясна и даетъ поводъ совершенно неправильно понимать смыслъ «раздѣла», о которомъ идетъ рѣчь: во всѣхъ приговорахъ постановляется «уравняться землей во всю волость, а именно привести въ извѣстность всю землю, находящуюся въ нашемъ пользованіи, какъ удобную, такъ и неудобную, и полюбовно по общему нашему согласію раздѣлиться поселенно, т. е. провести границы между селеніями, обозначивъ оныя ямами, столбами и другими межевыми знаками съ занесеніемъ въ книги, представивъ приговоры о семъ на утвержденіе подлежащаго начальства. Что же касается до приведенія земли въ извѣстность и до измѣренія ея, то мы должны измѣрять ее въ натурѣ обыкновеннымъ способомъ, выбравъ для этой цѣли особыхъ довѣренныхъ лицъ или, какъ они у насъ называются, восьмяковъ». Постановленіе это, не установляющее никакого срока дѣйствія передѣла, говорящее о «межевыхъ знакахъ», по своему буквальному смыслу позволяло предполагать, что рѣчь идетъ о размежеваніи на вѣчныя времена, чего ни крестьянскій чиновникъ, ни крестьяне совершенно не имѣли въ виду; въ дѣйствительности волостные передѣлы и не сопровождались постановкой какихъ-либо «межевыхъ знаковъ».

тѣмъ не менѣе въ приговоръ этотъ, во избѣжаніе какихъ-либо запоздалыхъ протестовъ, было внесено такое постановленіе; „если кто изъ обществъ не согласится на полюбовную разверстку земли, то нежеланіе оставить безъ уваженія, такъ какъ... всѣ селенія получили надѣлъ въ общей дачѣ безъ граниченія одного общества отъ другого. Потому, не входя во внутренній распорядокъ между членами того общества, мы тѣмъ не менѣе для разграниченія поселенно должны измѣрить и ихъ земли, съ каковой цѣлью, если они не выберутъ довѣренныхъ, просить волостной сходъ сосѣдней волости избрать человѣкъ пять благонадежныхъ понятыхъ".

О порядкѣ, въ какомъ происходятъ общіе передѣлы въ волостныхъ общинахъ Туринскаго округа, къ сожалѣнію извѣстно очень мало: пишущій эти строки засталъ передѣлъ 1888 года еще въ начальной фазѣ, когда была только обмѣрена болѣе или менѣе значительная часть угодій,—воспоминанія же о предшествующихъ передѣлахъ успѣли уже въ значительной мѣрѣ изгладиться изъ памяти населенія.

Для волостного передѣла всегда избираются особые довѣренные — „осьмяки" или „восьмяки"; число ихъ (по одному отъ малыхъ селеній, отъ большихъ обыкновенно — по два) опредѣляется общимъ сходомъ всѣхъ селеній, самое же избраніе происходитъ на отдѣльныхъ сельскихъ сходахъ. На осьмяковъ возлагается главнымъ образомъ обмѣръ состоящихъ въ пользованіи каждаго селенія пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, причемъ въ помощь имъ для несенія веревокъ, установки кольевъ и т. п. назначаются особые рабочіе изъ крестьянъ обмѣряемыхъ селеній; эти послѣднія обязаны также доставлять „осьмякамъ" квартиру и содержаніе. Обмѣру въ собственномъ смыслѣ слова подвергаются только пахатныя земли и гдѣ есть—поёмные луга; что̀ касается до лѣсныхъ, болотныхъ и т. п. покосовъ, то „осьмяки" не мѣрятъ ихъ, а только опредѣляютъ на глазомѣръ среднее количество травы, заготовляемой крестьянами каждаго селенія на покосахъ той или иной категоріи.

Когда обмѣрены, порознь, земли всѣхъ селеній волости, „осьмяки" дѣлаютъ разсчетъ, сколько въ какомъ селеніи приходится на душу пашни и покоса, и результаты этого разсчета представляютъ вновь собирающемуся общему сходу, который и рѣшаетъ, какія мѣры принять для устраненія оказавшейся неравномѣрности въ распредѣленіи земли: отъ какого селенія, гдѣ и сколько отрѣзать земли и какому, гдѣ и сколько прирѣзать. Большинство волостныхъ общинъ, при этомъ, стремится достигнуть равномѣрнаго распредѣленія каждаго вида угодій—пашни и покоса — особо, причемъ

старается, насколько возможно, достигнуть и уравнительности въ *разстояніи* угодій отъ селеній,—отвести каждому, въ одинаковой пропорціи, ближнія и дальнія угодья; къ уравненію землевладѣнія *по качеству* угодій волостная община не стремится; только въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ есть поёмные и непоёмные покосы, волостная община „равняетъ" отдѣльно поёмные луга и отдѣльно—лѣсные, болотные и т. п. покосы,—причемъ однако удаленнымъ отъ прирѣчныхъ луговъ селеніямъ предоставляется отказываться отъ своей доли въ раздѣлѣ этихъ луговъ и брать взамѣнъ того участки покосовъ второй категоріи. Особаго порядка придерживается волостная община Жуковской волости, которая растянулась вдоль р. Туры почти на 70 верстъ, причемъ въ сѣверо-западной ея части мало пашенъ, но изобилуютъ луга, въ юго-восточной — сравнительно больше пашенъ и гораздо меньше покосовъ; чтобы уравнять отдѣльно пахатныя земли, пришлось-бы отводить нѣкоторымъ обществамъ дополнительные участки въ 40—50 верстахъ отъ селеній, такъ что эти участки, особенно при хозяйствѣ съ удобреніемъ, оказались-бы для надѣляемыхъ совершенно безполезными; Жуковская волостная община, поэтому, стремится къ уравнительному распредѣленію *всей совокупности угодій*, съ тѣмъ, чтобы недостатокъ однихъ угодій уравновѣшивался избыткомъ другихъ: селенія сѣверо-западной части волости, имѣющія на душу по десятинѣ и менѣе пашни, получили за то по 100 и болѣе копенъ покоса, тогда какъ юго-восточныя селенія имѣютъ пашни по 2 дес. и болѣе, покоса же — всего по 25 копенъ на душу.

Такимъ уравненіемъ между селеніями, черезъ болѣе или менѣе значительные промежутки времени, важнѣйшихъ видовъ угодій ограничиваются въ разсматриваемой мѣстности всѣ функціи общины-волости; затѣмъ, распредѣленіе угодій между домохозяйствами, раскладка платежей и вообще всѣ остальныя проявленія общинной жизни сосредоточиваются уже не въ волости, а *въ селенной общинѣ*; въ громадномъ большинствѣ случаевъ эта послѣдняя состоитъ изъ одного селенія; лишь немногія селенныя общины состоятъ изъ двухъ селеній, совмѣстно дѣлающихъ раскладки и вмѣстѣ передѣляющихъ всѣ угодья; не часты и случаи, когда два или нѣсколько селеній, образуя въ остальныхъ отношеніяхъ самостоятельныя общины, совмѣстно передѣляютъ пашни или покосы; гораздо чаще такое совмѣстное пользованіе встрѣчается по отношенію къ выгонамъ и пастбищамъ: сплошь и рядомъ два или нѣсколько селеній обносятъ смежныя поля (передѣляемыя, въ качествѣ пашенъ, отдѣльно) одною общею городьбою, внутри которой—когда поля свободны отъ хлѣба—пасется скотъ всѣхъ участвующихъ въ городьбѣ селеній, а кромѣ того

нерѣдки и такіе случаи, когда два или нѣсколько селеній (до девяти) имѣютъ одинъ общій присельный выгонъ (поскòтину). Есть наконецъ и случаи (впрочемъ очень рѣдко) обратнаго порядка,—когда большія селенія въ земельномъ отношеніи распадаются на двѣ части; впрочемъ, въ одномъ только случаѣ раздвоеніе распространяется на всѣ угодья, въ двухъ—на однѣ только удобряемыя пашни, и основаніе раздвоенія—очевидно въ неудобствѣ унаваживанія при слишкомъ большомъ размѣрѣ пахатныхъ смѣнъ.

По отношенію къ остальнымъ округамъ сѣверной части Тобольской губерніи складъ землевладѣнія въ неразграниченныхъ дачахъ остался, къ сожалѣнію, невыясненнымъ, почему мы и должны перейти теперь къ разсмотрѣнію довольно богатаго матеріала, собраннаго изслѣдованіемъ по двумъ изъ южныхъ округовъ губерніи — Ишимскому и особенно Курганскому *). Здѣсь, какъ уже было указано выше, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ обнаружилось сильное стремленіе къ размежеванію волостныхъ дачъ на поселенные отрубы; изслѣдованіе застало волостныя дачи неразграниченными всего въ восьми волостяхъ Курганскаго и въ семи волостяхъ Ишимскаго округа,—но и въ этихъ волостяхъ волостное единство находится на пути къ своему распаденію.

Въ Курганскомъ округѣ процессъ разрушенія волостныхъ и вообще большихъ, сложныхъ общинъ сдѣлалъ сравнительно меньшіе успѣхи. По даннымъ г. Осипова, здѣсь имѣется четыре общины-волости (Введенская, Чинѣевская, Усть-Суерская и Шмаковская) и довольно много большихъ составныхъ общинъ, не составляющихъ цѣлыхъ волостей, въ которыхъ еще въ 80-хъ годахъ производилось, тѣмъ или инымъ способомъ, общее уравненіе земли,—производилось, повидимому, безъ какого-либо особаго давленія извнѣ и безъ особенныхъ распрей и недоразумѣній. Пріемы уравнительнаго распредѣленія угодій въ волостныхъ общинахъ Курганскаго округа очень разнообразны. Правда, господствующимъ и здѣсь является порядокъ, при которомъ функціи общины какъ-бы раздваиваются между волостью и селеніемъ: въ большинствѣ волостныхъ и вообще большихъ составныхъ дачъ Курганскаго округа, гдѣ еще сохранилось земельное единство, происходитъ сначала уравненіе угодій между обществами, а затѣмъ уже, въ каждомъ обществѣ особо,—передѣлъ земли между домохозяевами. Но въ нѣкоторыхъ волостяхъ, напр. Шмаковской и Глядянской, такой двойственности нѣтъ: волость

*) «Крест. землепольз. и хоз. Тоб. и Том. губ.», стр. 26—30; «Матеріалы» по Зап. Сиб., вып. V, стр. 6—24, вып. XXI, стр. 145—390. См. нашу статью «Земельная община Курганск. окр.» въ «Сибирск. Сборникѣ» 1895 года.

надѣляетъ *непосредственно каждаго домохозяина*, не разбирая принадлежности его къ тому или другому селенному обществу, и этотъ порядокъ, повидимому, долженъ быть признанъ болѣе раннимъ, нежели порядокъ двустепеннаго передѣла; по крайней мѣрѣ для одной волости (Усть-Суерской) г. Осиповымъ опредѣленно установлено, что передѣлъ 1858 года произведенъ былъ непосредственно между домохозяевами, а въ 1886 году угодья раздѣлены были сначала между обществами, а затѣмъ уже въ каждомъ обществѣ—между отдѣльными хозяевами. Дѣло въ томъ, что, по объясненію г. Осипова, передѣлъ 1858 года засталъ еще сложившуюся при захватномъ пользованіи сильную чрезполосицу домохозяевъ различныхъ селеній, забиравшихся нерѣдко очень далеко, въ погонѣ за болѣе свѣжими и урожайными землями; разбить волостную территорію на поселенные участки, поэтому, въ то время нельзя было-бы иначе, какъ сдвинувъ очень многихъ домохозяевъ съ насиженныхъ ими мѣстъ, чего сибирская община, какъ подробнѣе будетъ показано въ своемъ мѣстѣ, всемѣрно избѣгаетъ. Впослѣдствіи, въ результатѣ, частью, естественнаго прироста населенія, частью—послѣдовавшихъ отрѣзокъ излишнихъ земель, размѣры участковъ отдѣльныхъ домохозяевъ настолько сокращаются, что сохранять ихъ за собой, при дальности проѣзда, дѣлается невыгодно для самихъ владѣльцевъ; среди крестьянъ начинаетъ обнаруживаться стремленіе стягивать участки поближе къ селеніямъ; чрезполосица между домохозяевами различныхъ селеній мало-по-малу исчезаетъ, и такимъ естественнымъ путемъ складываются поселенные районы, на которые и разбивается волостная территорія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣнія волостной общины распредѣлены на поселенные участки, которые только „уравниваются“ періодически, а раздѣлъ земли между домохозяевами производится распоряженіемъ каждой отдѣльной селенной общины,—обычный способъ „уравненія“ и въ Курганскомъ округѣ заключается въ томъ, что излишнія по разсчету земли отрѣзаются у многоземельныхъ обществъ и прирѣзываются малоземельнымъ. Но изрѣдка встрѣчается и другой порядокъ, при которомъ границы поселенныхъ участковъ остаются неизмѣнными, если же въ какомъ-либо изъ этихъ участковъ оказывается недостатокъ въ угодьяхъ, то излишнія души „припускаются“, т. е. приписываются для надѣленія угодьями къ селеніямъ, имѣющимъ въ нихъ излишекъ; любопытный примѣръ этого рода представляетъ упоминавшаяся уже Усть-Суерская волость; урожаи травъ бываютъ здѣсь періодически, то на заливныхъ лугахъ, то на „горовыхъ“, суходольныхъ покосахъ; въ первомъ случаѣ жители селеній, лежащихъ вдали отъ р. Тобола, „припускаются“ на поёмные луга, рас-

положенные въ участкахъ пяти Притобольныхъ селеній; во второмъ „Притобольныя селенія или не припускаютъ остальныя пять къ поёмнымъ покосамъ или, въ особенно стѣснительныхъ случахъ, сами приписываются къ участкамъ на горовыхъ покосахъ".

Въ рядѣ другихъ волостей Курганскаго округа, хотя и сохранившихъ юридически свое земельное единство, волостная община фактически, въ большей или меньшей мѣрѣ, распалась на отдѣльныя селенныя общины. Такъ, въ Бѣлозерской волости общее уравненіе произведено было въ 80-хъ годахъ только по отношенію къ покосамъ, а пахатныя земли передѣлялись только въ селенныхъ общинахъ, безъ уравненія по волости; въ волостяхъ Иковской, Мендерской, Брылинской и Марайской не уравнивались между селеніями и покосы, и всѣ угодья передѣлялись отдѣльными селеніями совершенно независимо одно отъ другого. Непосредственно повліяли здѣсь разныя случайныя причины: въ Марайской волости—сопротивленіе трехъ крупнѣйшихъ селеній, которымъ передѣлъ былъ невыгоденъ; въ Иковской — нежеланіе крестьянъ затрачивать на передѣлъ много времени; въ Мендерской и Бѣлозерской это обстоятельство также сыграло нѣкоторую роль, главнымъ же образомъ повліяло отсутствіе увѣренности въ законности волостного передѣла ранѣе наступленія новой ревизіи. Но всѣ эти и подобныя случайныя причины, какъ намъ кажется, едва-ли могли-бы оказать рѣшающее вліяніе, если-бы вообще не ослабѣло въ перечисленныхъ волостяхъ сознаніе волостного единства, при крѣпости котораго, какъ видно на примѣрѣ другихъ волостей, подобныя-же затрудненія не помѣшали состояться волостному передѣлу; и едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что по истеченіи тѣхъ 12—15 лѣтъ, на которые въ большинствѣ селеній названныхъ волостей совершены были послѣдніе общіе передѣлы, сознаніе волостного единства ослабѣетъ еще болѣе, и потому трудно ожидать, чтобы волостные передѣлы здѣсь состоялись и впослѣдствіи. Волости эти также точно распадутся на отдѣльныя селенныя общины, какъ уже распались нѣкоторыя другія волости (Лебяжьевская, Арлагульская, Елошанская, Лопатинская), гдѣ община-волость уже окончательно уступила мѣсто болѣе мелкимъ земельнымъ союзамъ.

Еще бо́льшіе успѣхи сдѣлалъ процессъ распаденія волостныхъ общинъ въ сосѣднемъ съ Курганскимъ, Ишимскомъ округѣ. Здѣсь общее владѣніе всѣми угодьями во время изслѣдованія продолжало существовать фактически только въ двухъ волостяхъ—Абатской и Челноковской; въ первой послѣдній общій передѣлъ пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодій произведенъ былъ въ 50-хъ годахъ, послѣ X-ой ревизіи. Въ 1887 г. состоялся по иниціативѣ мѣстнаго

крестьянскаго чиновника приговоръ о новомъ волостномъ передѣлѣ но дѣло не встрѣтило сочувствія въ массѣ населенія волости и, какъ могъ лично удостовѣриться пишущій эти строки, обѣщало затянуться на неопредѣленное время: передѣлъ начался въ 1887 году, но до середины лѣта 1888 г. избранные отъ всѣхъ селеній волости довѣренные не успѣли закончить обмѣра даже пахатныхъ земель; такая медленность вызывалась, съ одной стороны, апатичнымъ отношеніемъ къ дѣлу самихъ довѣренныхъ, которое выражалось въ постоянныхъ неявкахъ и опозданіяхъ, въ изобрѣтаніи предлоговъ для отлучекъ домой или для общей пріостановки работъ; съ другой стороны, она объяснялась сопротивленіемъ тѣхъ обществъ, которымъ передѣлъ былъ невыгоденъ,—сопротивленіемъ, выражавшимся въ отказѣ доставлять довѣреннымъ нужныхъ для обмѣра рабочихъ и лошадей, въ уловкахъ съ цѣлью скрыть часть земли и вообще обмануть довѣренныхъ,—наконецъ, въ прямыхъ попыткахъ не допустить довѣренныхъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, до обмѣра земель. Такое частью равнодушное, частью враждебное отношеніе къ дѣлу заставляло ожидать, „что дѣйствія по обмѣру покоса, лѣса и другихъ угодій затянутся еще на нѣсколько лѣтъ, а когда дѣло дойдетъ до отрѣзки излишнихъ земель, которыя окажутся въ пользованіи крестьянъ нѣкоторыхъ селеній, то волостная община не сможетъ привести этой мѣры въ исполненіе, благодаря сопротивленію, которое встрѣтитъ со стороны крестьянъ этихъ селеній“. Въ Челноковской волости послѣдній общій передѣлъ былъ около 1870 года; съ тѣхъ поръ общаго передѣла не было и — по крайней мѣрѣ во время изслѣдованія — не предвидѣлось. Тѣмъ не менѣе, землепользованіе отдѣльныхъ селеній не могло считаться совершенно обособившимся, и земельное единство волости продолжало существовать, проявляясь въ уступкахъ одними селеніями другимъ участковъ земли; въ одномъ случаѣ такая уступка была вызвана жалобами крестьянъ одного селенія на дурное качество земли, въ другомъ—отрѣзкою части волостной дачи въ казенное вѣдомство: при этой отрѣзкѣ два селенія лишились значительной части своихъ пашенъ и сѣнокосовъ, и въ возмѣщеніе получили два участка земли отъ третьяго селенія, которое мало пострадало при отрѣзкѣ.

Особаго упоминанія заслуживаютъ затѣмъ земельныя отношенія въ третьей, Жиляковской волости; здѣсь каждое селеніе пользуется пашнями и вообще всѣми угодьями въ особой дачѣ, причемъ каждому селенію отведенъ участокъ на своемъ берегу рѣки Ишима, раздѣляющей волость на двѣ половины; затѣмъ, „на горѣ“, — на правомъ берегу, гдѣ расположена лишь небольшая часть селеній, остается невключенное въ селенные участки пространство, гдѣ право

какъ сѣнокошенія, такъ и рубки лѣса, принадлежитъ безразлично всѣмъ крестьянамъ волости. Между тѣмъ правобережныя селенія считаютъ себя—и съ полнымъ основаніемъ—обиженными въ отношеніи какъ количества, такъ и въ особенности качества пахатныхъ земель; постоянныя ихъ жалобы и претензіи не приводили однако ни къ чему, такъ какъ жители лѣвобережныхъ селеній отказывались отвести имъ недостающее количество пахатной земли; въ началѣ 80-хъ годовъ для размежеванія волости былъ командированъ землемѣръ, но составленный имъ проектъ разграниченія не былъ утвержденъ и остался безъ всякихъ послѣдствій; въ 1887 году, благодаря вмѣшательству крестьянскаго чиновника, состоялся компромиссъ: правобережнымъ селеніямъ, въ возмѣщеніе недостатка пашенъ, предоставлено было исключительное право на вышеупомянутые вольные сѣнокосы, и только лѣсъ „на горѣ“ остался въ общемъ волостномъ пользованіи. Компромиссъ этотъ однако никого не удовлетворилъ; раздоры продолжались въ очень острой формѣ, и въ 1888 году предстояло новое вмѣшательство крестьянскаго чиновника.

Въ остальныхъ волостяхъ (если не считать Сладковской, гдѣ господствуютъ захватныя формы пользованія) отъ волостного единства остались только одни слѣды: всѣ селенія этихъ волостей пользуются всѣми угодьями раздѣльно, и земельное единство ихъ выражается исключительно въ совмѣстномъ правѣ крестьянъ цѣлой волости на пользованіе отъѣзжими вольными покосами,—правѣ, которое въ виду удаленности этихъ покосовъ осуществляютъ только немногіе зажиточные крестьяне.

Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ Ишимскаго округа, хотя и надѣленныхъ въ одной волостной дачѣ или въ двухъ-трехъ крупныхъ районахъ, волостное земельное единство фактически совершенно разрушилось: таковы волости Фирсовская, Усть-Ламенская, Черемшанская, Арамашевская (съ Кротовскою), Бердюжская, гдѣ землевладѣніе фактически раздѣлилось окончательно между болѣе мелкими группами населенія—подеревенными общинами. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ такія общины состоятъ изъ одного селенія; но довольно часты въ Ишимскомъ округѣ и небольшія составныя общины (по даннымъ изслѣдованія, такихъ общинъ въ округѣ насчитывается 31), состоящія, большей частью, изъ двухъ, рѣже—изъ трехъ или четырехъ смежныхъ селеній. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ составныхъ общинъ общность пользованія распространяется только на часть угодій, а остальныя угодья (иногда пашня, иногда покосъ) состоятъ въ отдѣльномъ пользованіи каждаго селенія, „по старинѣ“,—въ большинствѣ же случаевъ общность пользованія распространяется на всѣ угодья, кромѣ, иногда, присельныхъ

выгоновъ. Затѣмъ, составной характеръ общины такъ или иначе отражается нерѣдко на самихъ порядкахъ пользованія землею; особенно любопытны въ этомъ отношеніи составныя общины Усть-Ламенской волости, гдѣ передѣлы пахатныхъ земель, сѣнокосовъ и лѣса имѣютъ, такъ сказать, двустепенный характеръ: сначала угодья „уравниваются“ между селеніями, а затѣмъ уже каждое селеніе самостоятельно передѣляетъ между домохозяевами доставшіяся на его долю угодья; при этомъ любопытно, что сѣнокосы передѣляются между селеніями на продолжительный срокъ и притомъ по разсчету числа десятинъ, а въ отдѣльныхъ селеніяхъ, между домохозяевами,—ежегодно и безъ точнаго измѣренія, на глазомѣръ. Въ другихъ случаяхъ составной характеръ общины отражается уже не на способахъ разверстанія угодій, а только на составѣ производящихъ разверстаніе лицъ: именно довѣренные по передѣлу обязательно выбираются отъ каждаго селенія особо, причемъ число ихъ болѣе или менѣе пропорціонально размѣрамъ селеній; иногда обмѣръ въ видахъ ускоренія производится „на два круга“, т. е. избранные отъ каждаго принадлежащаго къ составной общинѣ селенія довѣренные обмѣриваютъ тѣ урочища, которыя заняты по преимуществу ихъ односельчанами; иногда напротивъ, при взаимномъ недовѣріи, всѣ довѣренные „ходятъ“ вмѣстѣ и другъ друга контролируютъ. Въ видѣ общаго правила однако составной характеръ такихъ общинъ нисколько не отражается на порядкахъ ихъ землепользованія: онѣ нераздѣльны и въ смыслѣ раскладки платежей, и въ смыслѣ пользованія землей, такъ что каждый домохозяинъ, независимо отъ принадлежности къ одному или другому селенію, имѣетъ право получить надѣлъ въ любой части общинной территоріи (обыкновенно, впрочемъ, пахатные надѣлы крестьянъ, по соображеніямъ хозяйственнаго удобства, фактически группируются въ болѣе „поддворныхъ“ къ селеніямъ урочищахъ); составной характеръ общины не отражается ни на техникѣ передѣловъ, которые происходятъ также, какъ и въ общинахъ однодеревенныхъ,—ни на составѣ уполномоченныхъ, которые избираются на общемъ сходѣ, опять-таки независимо отъ принадлежности къ тому или другому изъ входящихъ въ составную общину селеній.

Большинство небольшихъ составныхъ общинъ дѣйствуетъ вполнѣ исправно, ни въ чемъ не уступая простымъ, однодеревеннымъ общинамъ. Тѣмъ не менѣе изслѣдованіемъ отмѣчены факты, заставляющіе думать, что и такія составныя общины представляются явленіемъ, клонящимся къ упадку: извѣстенъ всего одинъ случай естественнаго образованія, въ сравнительно недавнее время, такой общины изъ нѣсколькихъ упоминавшихся выше случаевъ, когда по два или

по три селенія были соединены въ одну дачу распоряженіемъ правительства, только въ одномъ дѣйствительно образовалась составная община, въ остальныхъ же случаяхъ пользованіе отдѣльныхъ селеній осталось обособленнымъ. Напротивъ, случаи разъединенія составныхъ общинъ не составляютъ рѣдкости: изслѣдованіемъ отмѣчено 8 распавшихся составныхъ общинъ, а двѣ общины еще не распались только потому, что не могли сговориться на счетъ направленія раздѣльныхъ межъ; въ большинствѣ случаевъ распаденіе вызвано было притѣсненіями „меньшихъ“ селеній со стороны „старшихъ“ и вообще поземельными спорами и недоразумѣніями.

Встрѣчаются въ Ишимскомъ округѣ и раздѣльныя общины; впрочемъ, только въ одномъ случаѣ (с. Свистовское, Малыш. вол.) мы находимъ полное расчлененіе на двѣ общины, — и это потому, что водворенные въ старожильскомъ селеніи новоселы получили надѣлъ въ отдѣльной дачѣ. Въ рядѣ другихъ селеній, расположенныхъ по обѣ стороны какой-либо рѣки, разъединеніе касается лишь одного вида угодій (пахатныхъ земель) и не имѣетъ окончательнаго характера, а объясняется простыми соображеніями удобства: переѣздъ къ пашнѣ черезъ рѣку связанъ, особенно весной, въ половодье, съ такими затрудненіями, что крестьяне предпочитаютъ не „уравниваться“ между половинами селеній, лишь-бы избѣгнуть необходимости пахать за рѣкой.

Возвратимся однако къ волостной общинѣ. Изъ приведенныхъ фактическихъ данныхъ ясно, что въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи волостная община находится не на одинаковой ступени развитія (или точнѣе—упадка). Правда, и въ Курганскомъ округѣ волостная община несомнѣнно находится въ фазисѣ разложенія: господствовавшая еще лѣтъ 50—60 тому назадъ, она въ настоящее время все болѣе и болѣе вытѣсняется общиною однодеревенною или состоящею изъ немногихъ селеній; но въ нѣсколькихъ волостяхъ она еще сохранилась и, по мнѣнію изслѣдователя, „сохранила еще до сихъ поръ много жизненныхъ силъ“ *). Въ Ишимскомъ округѣ распаденіе волостной общины сдѣлало гораздо бо́льшіе успѣхи: проявленія волостного единства, въ большинствѣ случаевъ, являются лишь жалкими остатками существовавшей когда-то, въ эпоху захватныхъ формъ пользованія, полной общности въ правѣ на захватъ входящихъ въ черту волости угодій. Немногія наблюдавшіяся въ послѣднее время болѣе существенныя

*) «Матеріалы» по Зап. Сиб., вып. XXI, стр. 146.

проявленія этого единства, явившись результатомъ административной иниціативы, не привели къ благопріятнымъ результатамъ и притомъ вызвали такую массу вражды, раздоровъ и воззваній къ дальнѣйшему вмѣшательству правительственной власти, которая могла повести лишь къ дальнѣйшему ослабленію сознанія волостнаго единства,—и общее заключеніе, вынесенное изъ изслѣдованія волостныхъ общинъ Ишимскаго округа, сводится къ увѣренности, что „и пользующіяся еще въ настоящее время землею въ общихъ нарѣзкахъ волости въ скоромъ времени фактически обратятся въ группы подеревенныхъ землевладѣній, и исчезнутъ самые слѣды ихъ прежняго единства“ *). Разница между двумя сосѣдними округами, такимъ образомъ, лишь въ *степени* упадка общины-волости, наличность же упадка несомнѣнна въ обоихъ округахъ. Возникаетъ, конечно, вопросъ о *причинахъ* разложенія этой симпатичной и любопытной формы общиннаго землевладѣнія.

По мнѣнію изслѣдователя Курганской общины, г. Осипова, посвятившаго этому вопросу особенное вниманіе **), на первомъ мѣстѣ необходимо поставить здѣсь происходившія въ 40-хъ и особенно 50-хъ годахъ массовыя приселенія переселенцевъ; „ко всѣмъ волостямъ сѣверо-западнаго, лѣсного района, говоритъ онъ, не было приселенія, и здѣсь до сихъ поръ сохранилось волостное землевладѣніе. Наоборотъ въ волостяхъ, гдѣ было сколько-нибудь значительное приселеніе, почти всегда производилось поселенное размежеваніе“. Такое вліяніе приселеній г. Осиповъ объясняетъ прежде всего тѣмъ, что переселенцы, не принося съ собой привычки къ свойственнымъ волостной общинѣ земельнымъ распорядкамъ, естественно стремились остаться при тѣхъ формахъ, къ которымъ привыкли на родинѣ,—при общинѣ деревенской; въ томъ-же направленіи дѣйствовала и рознь между старожилами и переселенцами побуждавшая послѣднихъ, во избѣжаніе притѣсненій со стороны первыхъ, стремиться къ полному обособленію своего землевладѣнія. Но и независимо отъ этого, какъ выясняетъ г. Осиповъ, въ томъ же смыслѣ вліяли и самыя основанія исчисленія размѣровъ земельнаго надѣла: новоселамъ отводилось на ревизскую душу по 15 десятинъ, старожиламъ—тѣ-же 15 десятинъ, но съ прибавкою 25% на приростъ, т. е. всего по $18^3/_4$ дес. на ревизскую душу (въ сосѣднемъ Ишимскомъ округѣ старожилы получали даже по 21 дес.); при такихъ условіяхъ старожиламъ было, конечно, выгоднѣе получать надѣлы отдѣльно отъ переселенцевъ, нежели въ общихъ съ

*) Вып. V, стр. 21

**) Вып. XXI, стр. 24—25, 145—152, 248—249.

ними нарѣзкахъ: въ отдѣльномъ отрѣзѣ старожилъ получалъ по $18^3/_4$ дес., а въ участкѣ, заселенномъ, напримѣръ, поровну старожилами и переселенцами тѣмъ и другимъ доставалось на душу, какъ показываетъ простой разсчетъ, всего по $16^3/_8$ десятины.—Но не одни массовыя причисленія переселенцевъ способствовали разрушенію волостной общины: разлагающее вліяніе на нее оказывали и единичныя приселенія на основаніи общественныхъ пріемныхъ приговоровъ: законъ предоставляетъ право выдачи такихъ приговоровъ отдѣльнымъ сельскимъ обществамъ; эти послѣднія при волостномъ землевладѣніи пользуются своимъ правомъ особенно охотно, такъ какъ, пользуясь сами въ полной мѣрѣ всѣми связанными съ пріемомъ выгодами (денежныя платы, угощенье виномъ, увеличеніе числа лицъ, отбывающихъ натуральныя повинности), онѣ лишь въ гораздо меньшей долѣ, наравнѣ съ остальными составными частями общины-волости, участвуютъ въ надѣленіи принятыхъ землею; со своей стороны, волостная община не признаетъ правъ лицъ, принятыхъ по такимъ приговорамъ, на волостную территорію и не принимаетъ ихъ въ разсчетъ при общеволостныхъ „поравненіяхъ". На этой почвѣ возникаютъ между общиною-волостью и отдѣльнымъ селеніемъ безпрестанные конфликты *), которые несомнѣнно способствуютъ ослабленію общеволостного единства и связи. Наконецъ важное значеніе, въ смыслѣ разрушенія волостной общины, приписывается г. Осиповымъ вліянію „Общаго положенія о крестьянахъ", дѣйствіе котораго распространено на Тобольскую губернію въ началѣ 80-хъ годовъ. „Прежде, говоритъ г. Осиповъ, была живая связь между волостнымъ землевладѣніемъ и отбываніемъ всѣхъ повинностей..., волость была не только административной, но и земельно-хозяйственной единицей. „Общее положеніе" выдвинуло только первую сторону волостного управленія, совершенно оставивъ въ тѣни вторую, вслѣдствіе чего крестьянинъ сталъ смотрѣть на волость, какъ на чисот внѣшнее учрежденіе. Такому отчужденію крестьянина отъ волости много способствуетъ образованіе новыхъ волостей или перечисленіе деревень изъ одной волости въ другую, вызываемое соображеніями объ удобствахъ управленія". Община, будучи административно перечислена въ другую волость, становится въ кройне неудобное положеніе относительно своей прежней волости: „землю она получаетъ; отъ послѣдней, а службы и повинности несетъ въ другой волости" въ результатѣ „при передѣлахъ волость старается такую общину по возможности прижать и считаетъ такое поведеніе справедливымъ; да и сама община хорошо понимаетъ, что иного отношенія

*) Такіе-же факты отмѣчены и по Ишимскому округу

ждать къ себѣ она не можетъ". Словомъ, заключаетъ г. Осиповъ, „несовпаденіе административнаго состава волости съ земельнымъ неизбѣжно ведетъ къ распаденію общины-волости и къ обоюдному желанію окончательно размежеваться на поселенные отрубы".

Многія изъ приведенныхъ соображеній, несомнѣнно, заслуживаютъ вниманія. Мы никакъ не можемъ только признать того вліянія „Общаго положенія о крестьянахъ", о которомъ говоритъ г. Осиповъ; предположеніе это неправдоподобно уже съ хронологической точки зрѣнія: „Общее положеніе" введено въ Тобольской губерніи, по закону 21-го ноября 1879 г., всего за нѣсколько лѣтъ до изслѣдованія, между тѣмъ какъ процессъ разложенія волостной общины охватываетъ въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи не менѣе полустолѣтія; независимо отъ этого „Общее положеніе" скользнуло, въ сущности, по поверхности крестьянской жизни, выразившись преимущественно въ измѣненіи названій лицъ и учрежденій крестьянскаго управленія, и потому, какъ намъ кажется, не могло ни способствовать, ни препятствовать распаденію общины-волости. Что́ касается до прочихъ обстоятельствъ, указываемыхъ г. Осиповымъ, то и они могли имѣть лишь частичное, второстепенное вліяніе; такъ, признавая, что массовое приселеніе переселенцевъ могло способствовать распаденію волостныхъ общинъ, мы видимъ, однако, что въ Ишимскомъ округѣ волостная община распадалась и продолжаетъ распадаться и во всѣхъ сѣверо-восточныхъ волостяхъ, куда притока переселенцевъ совершенно не было; съ другой стороны, разложенію общинъ-волостей несомнѣнно могло способствовать раздѣленіе ихъ въ административномъ отношеніи и перечисленіе селеній изъ одной волости въ другую, — но въ только-что названной мѣстности Ишимскаго округа распаденіе шло совершенно независимо и отъ такого рода административныхъ мѣропріятій; правда, въ 1888 году здѣсь были раздѣлены надвое двѣ неразграниченныя въ земельномъ отношеніи волостныя дачи (Готопутовская и Боровская); но волостное земельное единство этихъ волостей фактически исчезло уже давно, и самыя административныя границы волостей были установлены соотвѣтственно установившимся задолго предъ тѣмъ границамъ фактическаго землевладѣнія отдѣльныхъ селеній.

Для насъ представляется несомнѣннымъ, что всѣ перечисленныя и другія тому подобныя обстоятельства могли развѣ только *способствовать* ускоренію того процесса разложенія волостной общины, основной причины котораго надо искать глубже—въ слабомъ сознаніи крестьянами своей солидарности внѣ предѣловъ наиболѣе тѣснаго общественнаго союза—отдѣльнаго селенія. Пока существуетъ просторъ, характеризуемый между прочимъ захватными формами

пользованія землей; пока количество угодій превышаетъ потребности наличнаго населенія, а цѣнность ихъ ничтожна, — до тѣхъ поръ общность владѣнія не затрогиваетъ ничьихъ существенныхъ интересовъ, и на первый планъ выступаютъ выгодныя стороны общаго владѣнія, позволяющаго каждому, не стѣсняясь какими-либо селенными межами, пахать и косить тамъ, гдѣ ему, по его хозяйственнымъ соображеніямъ, кажется болѣе выгоднымъ. Но вотъ, въ результатѣ-ли естественнаго прироста населенія или прилива переселенцевъ, появляется „утѣсненіе"; земля пріобрѣтаетъ цѣнность, изъ за нея начинаются споры, недоразумѣнія, которыя мало-помалу заставляютъ общину взять въ свои руки распредѣленіе между общественниками земельныхъ угодій; при этихъ спорахъ и недоразумѣніяхъ ясно проявляется слабость связи между крестьянами различныхъ селеній, въ сравненіи съ крѣпкою связью, соединяющей членовъ одной и той-же селенной общины,—и центръ тяжести крестьянскаго землевладѣнія мало-по-малу переносится изъ большого, но плохо сплоченнаго волостного союза въ небольшой, но крѣпко связанный селенный союзъ.

Было-бы однако ошибкой предполагать, что ослабленіе общинной связи между крестьянами разныхъ селеній, связанныхъ общностью волостного землевладѣнія, равносильно ослабленію общинной связи и общиннаго духа вообще. Напротивъ, уже представленный въ настоящей главѣ обзоръ фактическихъ данныхъ показываетъ, что *разложеніе волостныхъ общинъ идетъ болѣе или менѣе параллельно процессу перехода отъ захватныхъ способовъ пользованія къ пользованію душевому*, т. е. отъ такихъ формъ, при которыхъ общинное начало остается какъ-бы въ скрытомъ состояніи, къ такимъ, при которыхъ земельная община достигаетъ своего полнаго развитія. И мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что оба эти явленія—развитіе душевого пользованія и распаденіе волостной общины—связаны между собой не только зависимостью отъ одной общей причины—сгущенія населенія, но и непосредственною причинною связью: волостная община—союзъ слишкомъ крупный и неповоротливый для того, чтобы организовать передѣлы угодій; волостной передѣлъ затягивается на слишкомъ много времени, расцѣнка угодій по цѣлой волости слишкомъ затруднительна, самыя податныя разверстки не могутъ производиться всею волостью, которая недостаточно близка для этого къ индивидуальному плательщику; большинство земельныхъ и податныхъ функцій, поэтому, мало по малу сосредочивается въ общинѣ-селеніи; за общиной—волостью остается только производство, время отъ времени, волостного „поравненія", но и это послѣднее — дѣло настолько трудное, что начинаетъ мало-по-малу

затягиваться на болѣе продолжительные сроки, а затѣмъ и вовсе выходитъ изъ употребленія.

Сказанному какъ будто противурѣчитъ то обстоятельство, что на сѣверѣ Тобольской губерніи, и въ частности въ южныхъ волостяхъ Туринскаго округа, гдѣ общинныя формы достигли особенно высокаго развитія, община-волость сохранилась вполнѣ и, повидимому, не проявляетъ признаковъ разложенія. Но это противурѣчіе—только кажущееся, и живучесть волостной общины въ названной мѣстности вполнѣ объясняется, прежде всего, незначительностью занимаемой волостями этого района площади, а затѣмъ и главнымъ образомъ—особенностями территоріи и расположенія угодій: всѣ южныя волости Туринскаго округа расположены по теченію р. Туры, вблизи которой густо сгруппировались почти всѣ селенія, а волостныя дачи протянулись на 30 и болѣе верстъ къ югу, вглубь междурѣчнаго нагорья; каждая изъ этихъ дачъ по естественнымъ условіямъ распадается на нѣсколько полосъ: полосу поемныхъ луговъ, за которою слѣдуетъ сплошь воздѣланная полоса унаваживаемыхъ долинныхъ и увальныхъ пашенъ, а дальше къ южной границѣ тянется лѣсное пространство, по которому разбросаны, болѣе или менѣе рѣдко, клочки пашни и сѣнокоса. Разбить такія территоріи на поселенные отрубы было-бы почти невозможно: для этого пришлось-бы либо вытянуть селенныя дачи весьма длинными и узкими лентами, которыя пересѣкали-бы всѣ перечисленныя полосы, либо отвести каждому селенію надѣлъ въ нѣсколькихъ участкахъ и создать невозможную черезполосицу, либо въ видахъ округленія очертанія надѣловъ отказаться отъ всякой мысли уравнять ихъ качество, и посадить одни селенія на сплошныя увальныя пашни и заливные луга, а другія надѣлить однимъ лѣсомъ съ клочками плохой пашни и покоса. Лишь при существованіи волостной общины возможно сколько-нибудь удобное и уравнительное распредѣленіе угодій между населеніемъ этихъ волостей; существованіе общины-волости, такимъ образомъ, вызывается здѣсь самими естественно-хозяйственными условіями, вліяніе которыхъ перевѣшиваетъ вліяніе условій, толкающихъ волостную общину къ разложенію, — а потому и можно думать, что община-волость въ разсматриваемой мѣстности и другихъ ей подобныхъ имѣетъ всѣ шансы на дальнѣйшее существованіе и не разрушится безъ какихъ-либо постороннихъ вліяній.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЯ ЗАХВАТНЫЯ ФОРМЫ ПОЛЬЗОВАНІЯ ЗЕМЛЕЮ *).

Во многихъ мѣстностяхъ Сибири, преимущественно въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ, и въ настоящее время можно наблюдать случаи образованія среди пустопорожнихъ, таёжныхъ и урманныхъ пространствъ новыхъ поселеній, а въ прежнее, еще недавнее время такіе случаи составляли обыкновенный порядокъ вещей:

*) См. «Матеріалы» по Зап. Сибири, вып. V, стр. 128--149; вып. VI, стр. 28; вып. XVI, стр. 36—80; вып. XVII, стр. 134—148; вып. XVIII, стр. 221--247; вып. XXI, стр. 30—39; сводная работа «Крест. землепольз. и хозяйство въ Тоб. и Том. губ.», стр. 31—43; «Матеріалы» по Ирк. и Енис. губ., т. II, вып. 3, стр. 113—164; вып. 6, стр. 97—106; т. IV, вып. 3, стр. 135—227. См. также брошюру *Е. С. Филимонова* «Формы волостного землевладѣнія въ сѣверо-западной Барабѣ» (Пермь, 1895) и *наши* статьи: «Застывшая исторія общины». «Вѣстн. Евр.» 1893 г., іюнь; «Общинные порядки Томскаго и Маріинскаго окр.», «Алтайскій сборникъ» 1894 г.; «Организація и главнѣйшіе выводы изслѣдованія Ирк. и Енис. губ.», Сборн. правовѣдѣнія, т. IV; «Къ вопросу о первоначальныхъ формахъ общиннаго землевладѣнія», тамъ-же, т. VI; «Земельная община Курганскаго округа», «Сибирскій сборникъ» за 1895 г.

Первая попытка намѣтить тотъ процессъ развитія общинныхъ формъ въ Сибири, который составляетъ предметъ настоящей и слѣдующей главы, была сдѣлана пишущимъ эти строки въ V и XVIII выпускахъ Зап. Сибирск. «Матеріаловъ» и въ статьѣ «Застывшая исторія общины»: первоначальную форму пользованія землей мы обозначали названіемъ *заимочнаго* пользованія, сущность котораго состоитъ въ томъ, что разъ захваченныя угодья остаются на неопредѣленное время въ пользованіи захватившаго, независимо отъ того, эксплоатируетъ онъ ихъ фактически или нѣтъ; одновременно съ этою формой, по отношенію къ угодьямъ, вовсе не допускающимъ приложенія труда, практикуется и свободный захватъ. По мѣрѣ наступленія «утѣсненія» заимочная форма уступаетъ мѣсто *вольному* пользованію, при которомъ захватъ имѣетъ силу лишь

среди массы свободныхъ земель, каждый желающій безпрепятственно выбиралъ себѣ наиболѣе удобное, на его взглядъ, мѣсто, селился и строился, пахалъ и косилъ гдѣ ему „глянулось", большею частью никого не спрашивая и ненарушая ни чьихъ правъ, но нерѣдко прибѣгая и къ насилію по отношенію къ прежнему владѣльцу

постольку, поскольку онъ связанъ съ дѣйствительною эксплоатаціей угодій,—и уже отъ этой формы совершается переходъ къ пользованію *душевому*. Совершенно тождественная, по существу, схема развитія сибирскихъ общинныхъ порядковъ почти въ то-же время была намѣчена въ одной оффиціальной запискѣ однимъ изъ главныхъ участниковъ восточно-сибирской статистической экспедиціи, Е. А. Смирновымъ. Что касается до вышеназванной работы г. Филимонова, написанной около того-же времени, но къ сожалѣнію напечатанной только въ 1895 году, то въ этой работѣ устанавливается не три, а большее число, именно *пять* формъ, располагающихся въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) *вольное* землепользованіе, «вольница»,—самая первоначальная форма, устанавливающаяся при чрезвычайномъ просторѣ по отношенію къ пашнямъ (распахиваемымъ безъ предварительной расчистки) и покосамъ, и состоящая во временномъ захватѣ угодій, не создающемъ никакихъ прочныхъ правъ владѣнія или пользованія; 2) *заимочное* пользованіе—въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ употребляется въ нашихъ работахъ; 3) *заимочно-захватное* пользованіе—когда община начинаетъ для надѣленія безземельныхъ отрѣзать излишнія земли, и особенно старыя залежи, у наиболѣе крупныхъ заимщиковъ; 4) *захватная* форма, равнозначущая нашей «вольной» и 5) пользованіе *общинно-душевое*. Наконецъ авторъ главы о формахъ землевладѣнія въ Енисейской губерніи («Матер.» по Ирк. и Енис. губ., т. IV, вып. 3), г. Дубенскій, классифицируетъ эти формы такимъ образомъ: 1) форма *свободная* или *вольная*—существующая по отношенію къ угодьямъ, количество которыхъ относительно неограничено и эксплоатація которыхъ не требуетъ предварительныхъ затратъ труда (лѣса, пастбища, также покосы)—соотвѣтствуетъ первой формѣ г. Филимонова; 2) форма *захватно-родовая* — соотвѣтствуетъ нашей заимочной; 3) *захватно-общинная* форма—соотвѣтствуетъ нашей вольной и 4) *общинно-уравнительная* форма.

Такимъ образомъ гг. Филимоновъ и Дубенскій, во-первыхъ, придерживаются иной терминологіи (и притомъ каждый—своей), нежели какой держались мы въ нашихъ прежнихъ работахъ, и во-вторыхъ—къ намѣченнымъ нами тремъ основнымъ формамъ прибавляютъ: г. Дубенскій—еще одну (1-ую въ его классификаціи), г. Филимоновъ—даже двѣ (первую и третью). «Заимочно-захватное» владѣніе г. Филимонова едва-ли можно, однако, считать за особую форму; это—только моментъ въ переходномъ процессѣ,—и г. Филимоновъ, какъ кажется, и самъ не особенно настаиваетъ на выдѣленіи этого момента въ особую рубрику. Напротивъ, основанія для выдѣленія особой «вольной» формы (по терминологіи какъ г. Филимонова, такъ и г. Дубенскаго) нельзя не признать вполнѣ достаточными. По внѣшности эта форма вполнѣ сходна съ тою формой, которую г. Дубенскій называетъ «захватно-общинною», г. Филимоновъ—«захватною», а пишущій эти строки называлъ тоже «вольною»,—но «внутреннее содержаніе ихъ, какъ основательно замѣчаетъ г. Дубенскій, существенно различно: въ то время, когда одна наблюдается при полномъ, неограниченномъ просторѣ въ земельныхъ угодьяхъ, когда на одинъ участокъ не бываетъ даже и двухъ претендентовъ, другая возникаетъ только тогда, если земельный просторъ уже

земли—инородцу. Такой порядокъ разселенія хорошо иллюстрируется однимъ документомъ, приводимымъ Е. С. Филимоновымъ и относящимся къ 1782 году; въ документѣ этомъ говорится, что изъ написанныхъ по ревизіи селъ и деревень, которые безъ всякаво отъ команды свѣдѣнія, по самовольству своему *перепѣзжаютъ съ мѣста*

болѣе или менѣе ощутительно сократился, когда воспользоваться каждымъ освободившимся отъ эксплоатаціи участкомъ немедленно-же находится нѣсколько желающихъ». Такимъ образомъ эти двѣ формы дѣйствительно едва-ли можно отождествлять, и въ то-же время «вольную» форму (слѣдуя терминологіи г. Дубенскаго) едва-ли можно оставить (какъ мы дѣлали въ нашихъ работахъ по Западно-Сибирской общинѣ) совершенно внѣ классификаціи: эта «вольная» форма—результатъ обусловленнаго многоземельемъ *отсутствія* какихъ-бы то ни было *столкновеній* между интересами отдѣльныхъ общинниковъ; «захватно-общинная»—результатъ *вызванной постоянными столкновеніями этихъ интересовъ регулирующей дѣятельности общины*,—и слѣдовательно эти двѣ формы дѣйствительно, должны быть признаны существенно отличными другъ отъ друга. Едва-ли можно, однако, согласиться съ мнѣніемъ гг. Дубенскаго и Филимонова, будто «вольная» форма пользованія *предшествуетъ* «заимочной» или «захватно-родовой» и уступаетъ ей свое мѣсто; приводимыя въ работѣ г. Дубенскаго фактическія данныя не даютъ никакихъ указаній, которыя подтверждали-бы справедливость этой мысли; напротивъ, они ее скорѣе опровергаютъ: «вольная» форма, говоритъ г. Дубенскій, существуетъ по отношенію къ лѣсамъ, пастбищамъ и лишь изрѣдка—покосамъ, «захватно-родовая»—по отношенію къ усадьбамъ и пашнямъ; первая, слѣдовательно, устанавливается по отношенію къ угодьямъ, не требующимъ подготовительныхъ затратъ труда, вторая—по отношенію къ угодьямъ, требующимъ, напротивъ, наиболѣе интенсивнаго приложенія этого послѣдняго; трудно себѣ представить, при такихъ условіяхъ, возможность перехода отъ одной изъ нихъ къ другой. Что касается до г. Филимонова, то онъ полагаетъ, что «вольница» была первоначальной формой пользованія также и по отношенію къ пашнямъ, когда онѣ распахивались на открытой степи, и начала уступать мѣсто «заимочному» владѣнію только тогда, когда начали расчищаться подъ пашни лѣсныя площади; намъ кажется, однако, что уважаемый изслѣдователь, возстановлявшій *эту* форму пользованія преимущественно по преданіямъ и документамъ и едва-ли видѣвшій ее воочію, введенъ былъ въ заблужденіе выраженіями «вольница», «вольная соха» и т. д., употребляемыми какъ въ народномъ говорѣ, такъ и въ старинныхъ оффиціальныхъ документахъ: «вольное» (въ разсматриваемомъ смыслѣ) пользованіе, при которомъ, по словамъ г. Филимонова, крестьяне «время отъ времени наѣзжаютъ для вспашки и посѣва», едва-ли совмѣстимо съ основнымъ характеромъ земледѣльческаго производства: даже при первобытномъ переложномъ хозяйствѣ необходимо устанавливается, хоть на короткое время — три-четыре года, прочная связь между пашней и лицомъ, ее обработавшимъ, не имѣющая никакого сходства съ дѣйствительно временными наѣздами на «вольные» сѣнокосы. Но даже допуская, что тутъ нѣтъ недоразумѣнія, — все-же возможность происхожденія «захватнаго» владѣнія изъ этой «вольницы» остается болѣе чѣмъ сомнительной: «вольница», по удостовѣренію г. Филимонова, существовала по отношенію къ степнымъ пашнямъ, по отношенію къ которымъ не приводится ни одного примѣра перехода отъ этой формы къ заимочной; послѣдняя ставится самимъ г. Филимоновымъ

на мѣсто, пользуясь большимъ пространствомъ вольныхъ въ тамошнемъ мѣстѣ земель». По этой причинѣ, говорится далѣе въ этомъ документѣ, „крестьяне поселились вновь многими большими и малыми деревнями и однодворками—даже и въ степныхъ мѣстахъ", причемъ „кто гдѣ выгоднѣе для себя вольное мѣсто изобрѣлъ и посе-

---

въ тѣснѣйшую связь съ затратой труда на расчистку лѣса (стр. 21 и 22), а при этомъ условіи типичная «вольница», конечно, была не мыслима.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакой возможности признать, чтобы «вольная» (въ смыслѣ гг. Дубенскаго и Филимонова) форма пользованія могла переходить въ «заимочную» или «захватно-родовую». Вѣрнѣе будетъ признать эти двѣ формы *одновременно* существующими, при большомъ земельномъ просторѣ, по отношенію къ различнымъ категоріямъ земельныхъ угодій.

Затѣмъ, необходимо остановиться на терминологическихъ различіяхъ. Взамѣнъ предложенныхъ пишущимъ эти строки терминовъ «заимочное» и «вольное» пользованіе, г. Дубенскій предлагаетъ термины «захватно-родовое» и «захватно-общинное» владѣніе; г. Филимоновъ, удерживая терминъ «заимочное» владѣніе, замѣняетъ нашъ терминъ «вольное» пользованіе терминомъ «захватное». Намъ кажется, что ни одна изъ этихъ терминологій не можетъ быть удержана въ полномъ объемѣ; въ частности, употреблявшійся и въ нашихъ прежнихъ работахъ терминъ «заимочное» владѣніе долженъ быть оставленъ, потому что, благодаря множественности значеній слова «заимка», неоднократно вызывалъ уже разнообразныя недоразумѣнія; терминъ «вольное» пользованіе, въ примѣненіи къ данной формѣ, развивающейся изъ первоначальнаго захвата, — потому, что этотъ терминъ, дѣйствительно, гораздо болѣе соотвѣтствуетъ первоначальной формѣ, вновь установленной гг. Дубенскимъ и Филимоновымъ. Терминъ «захватно-общинное» владѣніе, взамѣнъ термина «вольное пользованіе», кажется намъ вполнѣ удачнымъ: сущность той формы, которой г. Дубенскій присвоиваетъ это названіе, заключается дѣйствительно въ регулированномъ вмѣшательствомъ *общины захватъ*; желательно было-бы, правда, изобрѣсти для обозначенія этой формы терминъ, въ которомъ содержалось-бы и указаніе на характеристичный для нея элементъ труда,—но сдѣлать это едва-ли удалось-бы, не придавъ термину излишней длины и тяжеловѣсности. Что касается до термина «захватно-родовое» владѣніе, то его едва-ли можно признать удачнымъ: подъ словомъ «родъ» принято разумѣть широкій союзъ лицъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ, представляющій собой одно хозяйственное цѣлое, и въ этомъ смыслѣ родовое владѣніе въ Сибири не существуетъ; во избѣжаніе недоразумѣній удобнѣе будетъ, поэтому, называть данную форму владѣнія, вторую по классификаціи г. Дубенскаго, а по нашей—первую, просто «захватною»;—такой терминъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать ея сущности, которую составляетъ именно ничѣмъ не регулированный захватъ пустолежащей земли.

На основаніи изложеннаго получаемъ слѣдующую схему формъ землепользованія, предшествующихъ наступленію земельныхъ передѣловъ:

1) При наибольшемъ просторѣ: а) для угодій, требующихъ затраты труда на раскультивированіе,—«захватное» пользованіе;

литься захотѣлъ, тотъ тамо всегда поселяться имѣетъ". Правительство, хотя и стремилось размѣщать и удерживать населеніе въ опредѣленныхъ пунктахъ, преимущественно вдоль трактовыхъ дорогъ, относилось, однако, къ этому „самовольству" вполнѣ снисходительно; въ сообщаемыхъ тѣмъ-же изслѣдователемъ документахъ, напримѣръ,

---

б) для угодій, не требующихъ такой затраты труда,—«вольное» пользованіе.

2) Переходная форма—«захватно-общинное пользованіе».

3) Конечная форма—«общинно-уравнительное пользованіе».

Этой терминологіи мы и будемъ придерживаться въ текстѣ.

Необходимо замѣтить здѣсь-же, что одинъ изъ изслѣдователей, г. Осиповъ, работавшій въ Курганскомъ округѣ, отрицаетъ вообще существованіе той формы пользованія, которую мы называли прежде «заимочною», а въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ называть «захватною». «Никакого правового значенія, говоритъ онъ, заимка не имѣетъ; никто не думаетъ, что заимщикъ имѣетъ какія-нибудь права на занимаемыя имъ земли только какъ заимщикъ; онъ имѣетъ ихъ лишь до тѣхъ поръ, пока обработываетъ свои земли; если онъ ихъ почему-либо бросаетъ, то всякій имѣетъ право ихъ занять... Въ заимкахъ не выражается никакой особой формы землевладѣнія, потому что понятіе объ нихъ не содержитъ въ себѣ никакой правовой идеи» («Матеріалы» по Зап. Сиб., вып. XXI, стр. 37). Въ текстѣ будутъ приведены данныя, свидѣтельствующія о томъ, что утвержденіе г. Осипова совершенно ошибочно,—что такая форма пользованія, при которой *захватъ самъ по себѣ*, независимо отъ приложенія къ землѣ труда, создаетъ длящіяся, прочныя отношенія къ захваченной землѣ, несомнѣнно существуетъ и лишь при наступленіи нѣкотораго «утѣсненія» исчезаетъ и даетъ мѣсто другой формѣ, именно той, которую имѣетъ въ виду въ цитированныхъ словахъ г. Осиповъ. Здѣсь я считаю однако полезнымъ привести тѣ соображенія, которыми г. Осиповъ подкрѣпляетъ свою мысль. «Что дѣйствительно, говоритъ онъ на слѣдующей страницѣ, въ заимочномъ владѣніи не заключается никакой правовой идеи,—это видно изъ того, что въ тѣхъ общинахъ, въ которыхъ совокупность обстоятельствъ вынуждала размѣстить хозяевъ на новыхъ мѣстахъ, это производилось безъ всякихъ колебаній и безъ всякаго неудовольствія со стороны тѣхъ, которые покидали свои заимки. Поэтому принципъ старозаимочности (названіе, употребляемое г. Осиповымъ для обозначенія порядка, когда домохозяева, при передѣлахъ, по возможности не сдвигаются со своихъ мѣстъ; см. ниже, глава VI) находится лишь въ исторической и хозяйственной связи съ заимочнымъ владѣніемъ; при передѣлахъ каждый домохозяинъ остается на своемъ старомъ владѣніи не потому, что у него на это есть такое право, котораго нѣтъ у другихъ и которое обусловливается тѣмъ, что его прадѣды заняли мѣсто,—а исключительно по мотивамъ общей пользы».—«Одинаковое происхожденіе, заключаетъ г. Осиповъ, словъ «заимка» и «старозаимочность»; дѣйствительное владѣніе домохозяевами въ нѣкоторыхъ общинахъ тѣми мѣстами, на которыхъ существуютъ столѣтнія заимки; сбивчивыя понятія относительно значенія заимочной формы владѣнія землей—все это могло-бы привести къ совершенно ложному пониманію существующихъ нынѣ (въ Курганскомъ округѣ) формъ землепользованія» Прежде всего значительная часть этихъ замѣчаній покоится, какъ намъ кажется, на недоразумѣніи: конечно г. Осиповъ совершенно правъ, когда разъясняетъ

кому слѣдуетъ предписывается „ежели которые обыватели пожелаютъ въѣхать гдѣ-либо на вольныя и свободныя земли, тѣмъ не возбранять“, или: „крестьянамъ, въѣзжающимъ въ другія способныя, гдѣ есть вольныя и излишнія земли (мѣстности), къ размноженію хлѣбопашества поступать по своему усмотрѣнію и препятствія не чинить“.

Присмотрѣвъ себѣ достаточно просторное, вообще подходящее къ его вкусамъ пространство земли, пришелецъ „занимаетъ“, захватываетъ его и устраиваетъ на немъ свою „заимку“: онъ строитъ себѣ домъ, хозяйственныя постройки, огораживаетъ вокругъ нихъ „поскóтину“—выпускъ для скота, разрабатываетъ подъ пашню и покосъ столько земли, на сколько у него „хватаетъ силы“, и постепенно расширяетъ свои владѣнія во всѣ стороны, гдѣ только находитъ удобныя для того мѣста. Такимъ-же точно порядкомъ совершается захватъ и въ томъ случаѣ, когда облюбованный участокъ „занимаетъ“ не одна семья, а цѣлая группа семей: тогда всѣ дома ставятся въ „кучѣ“, окружаются общею поскотиной, и затѣмъ каждая семья захватываетъ для себя, иногда въ обособленныхъ урочищахъ, а чаще—въ перемежку, нужную ей пахатную и сѣнокосную землю.

Возникшее такимъ образомъ поселеніе разрастается, если мѣсто выбрано удачно, отчасти естественнымъ путемъ, отчасти—путемъ подселенія постороннихъ лицъ, которое охотно допускается первоначальными заимщиками, потому что одинокая жизнь представляетъ существенныя неудобства, а въ тайгѣ нерѣдко оказывается и не безопасною. Каждый вновь образующійся дворъ, какъ и первоначальные насельники, „занимаетъ“, захватываетъ подъ свое хозяйство

различіе между заимочнымъ владѣніемъ и тѣмъ, что онъ называетъ принципомъ «старозаимочности»; но, сколько намъ извѣстно, никто и не смѣшивалъ этихъ двухъ явленій: «старозаимочность»,—иначе «старшинство», «старина»,—есть принципъ, лежащій въ основаніи извѣстныхъ формъ *передѣловъ, заимочное же или захватное владѣніе безусловно исключаетъ,* пока оно существуетъ, *всякую возможность передѣловъ,*—и для насъ не понятно, какимъ образомъ г. Осиповъ могъ опровергать существованіе заимочнаго владѣнія доводами, исходящими отъ существованія передѣловъ!.. Намъ кажется вообще, что источникъ возраженій г. Осипова коренится, въ значительной мѣрѣ, въ терминѣ «заимочное владѣніе», способномъ, какъ мы упоминали, породить недоразумѣніе—смѣшеніе «заимки», какъ типа разселенія и хозяйства, могущаго сохранится, до нѣкоторой степени, даже и при душевой формѣ пользованія землею, и «заимки», «занятія» какъ совокупности угодій, состоящихъ въ длящемся захватномъ пользованіи даннаго домохозяина. Возможность такихъ недоразумѣній даже со стороны столь компетентныхъ лицъ, какъ г. Осиповъ, и побуждаетъ насъ, на будущее время, отказаться отъ этого термина и замѣнить его терминомъ *«захватное» владѣніе.*

оставшіяся еще свободными земли. Пока поселеніе незначительно, всѣ эти „заимки", „занятія" группируются по близости отъ усадебъ; чѣмъ болѣе оно растетъ, тѣмъ большій районъ захватывается въ сферу крестьянскаго пользованія, причемъ небогатые дворы стараются держаться поближе къ усадьбамъ, хотя-бы земля здѣсь была и хуже почвою, и менѣе свѣжа; напротивъ, зажиточные хозяева, въ погонѣ за свѣжестью почвы и за просторомъ, „занимаютъ" все болѣе отдаленныя урочища; чтобы избѣжать въ рабочую пору ежедневныхъ дальнихъ переѣздовъ, здѣсь ставятся избушки, гдѣ вся семья или часть ея проводитъ все время полевыхъ работъ; избушка, постепенно обращается въ домъ, обстраивается амбарами, окружается поскóтиной,—и семья сначала частью своихъ членовъ, а затѣмъ и въ полномъ составѣ, переходитъ на заимку на постоянное жительство. Такимъ образомъ, первоначальная заимка обращается въ селеніе и, разростаясь, выдѣляетъ изъ себя новыя заимки,—болѣе или менѣе обособленные хутора, которые нерѣдко разростаются, въ свою очередь, въ самостоятельныя поселенія *).

Таковъ обычный въ Сибири ходъ естественнаго разселенія; въ Западной Сибири, гдѣ крестьянское землевладѣніе уже въ значительной мѣрѣ урегулировано, процессъ заимочнаго разселенія уже въ значительной мѣрѣ отошелъ въ область прошлаго, и слѣдомъ его остались только преданія и названія селеній вродѣ „Земляная заимка", „Новая заимка" и т. д., принадлежащія въ настоящее время иногда весьма крупнымъ селеніямъ. Напротивъ въ губерніяхъ Енисейской и Иркутской, гдѣ культурныя площади со всѣхъ сторонъ соприкасаются съ необъятною, медленно поддающеюся разработкѣ тайгою, образованіе заимокъ и разростаніе ихъ въ самостоятельныя селенія—явленіе обычное и въ настоящее время.

Въ тѣсной связи съ очерченнымъ процессомъ разселенія складывались, пока былъ просторъ, и формы пользованія землей: земельныя угодья, вошедшія въ черту „юридической дачи" или просто входившія въ черту естественнаго притяженія отдѣльнаго поселенія или группы поселеній, представляли собой, съ одной стороны, совокупность многочисленныхъ „*захватныхъ*" владѣній, съ другой — массы пустолежащихъ, совершенно свободныхъ земель, отчасти служившихъ запаснымъ земельнымъ фондомъ для прибылого населенія, отчасти же эксплоатировавшихся наличнымъ населеніемъ на правѣ „*вольнаго*" пользованія. Остановимся сначала на этомъ послѣднемъ.

---

*) О заимочномъ разселеніи см. «Матеріалы» по Ирк. и Енис. губ., т. II, вып. 2, стр. 38—43; т. IV. вып. 2, стр. 13—18; «Матеріалы» по Зап. Сиб., вып. XVII, стр. 134—148; Филимоновъ, назв. соч., стр. 22—27.

Свободная или *вольная* форма осуществляется, какъ говоритъ изслѣдователь общинныхъ порядковъ Енисейской губерніи, М. М. Дубенскій, „по отношенію къ тѣмъ угодьямъ, которыя имѣются въ количествѣ настолько достаточномъ, что не можетъ быть и рѣчи о необходимости какихъ-бы то ни было ограниченій въ совершенно свободномъ пользованіи ими, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ для эксплоатаціи своей не требуютъ никакихъ подготовительныхъ затратъ труда; къ такимъ угодьямъ относятся чаще всего лѣса, затѣмъ—пастбища и лишь сравнительно рѣдко—покосы“, и по отношенію къ этого рода угодьямъ, какъ было указано въ предъидущей главѣ обыкновенно устанавливается даже совмѣстное общее владѣніе крестьянъ нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній. Выражается вольная форма пользованія въ томъ, что каждый общественникъ можетъ рубить лѣсъ, гдѣ ему угодно и въ какихъ угодно размѣрахъ, какъ на собственное потребленіе, такъ и для сбыта на сторону; что каждый можетъ пасти любое количество скота какъ въ обще-деревенской поскòтинѣ, такъ и на дальнихъ выгонахъ, не вошедшихъ въ сферу притяженія отдѣльныхъ заимокъ или захватныхъ владѣній, соблюдая только установленный общиною порядокъ городьбы поскòтины и лѣтняго содержанія скота. По отношенію къ сѣнокоспымъ угодьямъ „вольная“ форма представляетъ двѣ разновидности; при той и другой всѣ желающіе ежегодно выѣзжаютъ на покосъ въ опредѣленный общиною день, и каждый становится косить на любомъ мѣстѣ, никого не спрашиваясь и не стѣсняясь желаніями и соображеніями другихъ общественниковъ. „Вольные сѣнокосы, говоритъ г. Филимоновъ, особенно подробно описавшій эту форму, вольно косить всякому: „кто первый пришелъ съ косой, тотъ и правъ“. Если на какой-либо вольный покосъ является два—три—четыре домохозяина въ одно время, то они большею частью полюбовно дѣлятъ сѣнокосъ между собой, говоря: „я буду косить здѣсь, ты—тамъ, а этотъ—вонъ на томъ мѣстѣ“... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда сѣнокосное мѣсто очень хорошо, дѣло рѣшается иногда и „боемъ“—но само собою разумѣется, что при многочисленности сѣнокосовъ, дающихъ въ изобиліи сѣно, дѣло доходитъ до „боя“ въ рѣдкихъ случаяхъ“. Это—наиболѣе обычная разновидность „вольнаго“ пользованія покосами, при которой каждый общественникъ коситъ, гдѣ ему угодно, но не можетъ никому помѣшать косить хотя-бы непосредственно возлѣ себя, „коса о косу“, — и если ему становится тѣсно, долженъ самъ уйти и искать себѣ для косьбы другого, болѣе просторнаго мѣста. Но эта разновидность представляется сравнительно болѣе новою; несомнѣнно старѣе другая разновидность, которая и до сихъ поръ наблюдается въ нѣкоторыхъ

мѣстностяхъ, особенно богатыхъ сѣнокосными угодьями, и притомъ, какъ указываетъ г. Филимоновъ, по отношенію къ наиболѣе доброкачественнымъ покосамъ, въ другихъ же мѣстахъ успѣла уже уступить мѣсто той формѣ, которая была только-что охарактеризована: это—вольное пользованіе, соединенное съ правомъ „закоса“: въ назначенный общиною день каждому общественнику предоставляется „окосить“ или „затяпать“ кругомъ такое пространство, какое онъ сможетъ обойти, и это пространство поступаетъ на данное лѣто въ исключительное пользованіе закосившаго.

„При поѣздкѣ на затяпку вольныхъ сѣнокосовъ, говоритъ г. Филимоновъ, каждый мчится „во весь духъ“, „во весь карьеръ“ на луга, именно на то мѣсто, которое онъ раньше намѣтилъ для сѣнокошенія. По пріѣздѣ на намѣченное мѣсто, косецъ беретъ косу и „кладетъ мѣтку, или тяпки“, прислушиваясь въ то-же время, не ѣдетъ-ли кто иной на „затяпываемое“ имъ мѣсто. „Клажа мѣтокъ“ заключается въ томъ, что косецъ обкашиваетъ со всѣхъ сторонъ мѣсто, которое онъ предназначилъ для своего скоса, обыкновенно, впрочемъ, не сплошнымъ прокосомъ, а съ болѣе или менѣе значительными перерывами,—и „замѣченный“ или „затяпанный“ лугъ считается неприкосновенною временною собственностью косца — „чьи тяпки, того и сѣнокосъ“. „Въ тѣхъ случаяхъ, говоритъ г. Филимоновъ въ другомъ мѣстѣ, когда одновременно подъѣзжали къ одному и тому-же урочищу два лица, они, начавъ „дѣлать тяпки“, вслѣдствіе ночной темноты или тумана, допускали нерѣдко ошибки такого рода, что „тяпки одного заходили за тяпки другого“. Тогда съ разсвѣтомъ приступали къ „разводу“, который производился полюбовно, такъ чтобы ни тому, ни другому не было обидно; въ сомнительныхъ случаяхъ вопросъ разрѣшался „конаніемъ на палкѣ“ или иною формою жеребьевки; первый день сѣнокоса или „раскосный день“ цѣликомъ проходилъ въ разводахъ, конаньяхъ, ссорахъ, спорахъ и подчасъ дракахъ, причемъ только къ концу дня уяснялось, кто гдѣ „положилъ тяпки“ и кто гдѣ долженъ косить. Въ силу этого и самый скосъ сѣна начинался только съ слѣдующаго дня“.

Эта разновидность „вольнаго сѣнокошенія“, повторяемъ, представляется болѣе старинною и удержалась до настоящаго времени лишь въ сравнительно немногихъ мѣстностяхъ, обыкновенно же при наступленіи нѣкотораго „утѣсненія покосами“ уступала мѣсто другой, охарактеризованной выше разновидности вольнаго пользованія покосами, не допускающей „закашиванья“ или „затяпыванья“.

Изложеннаго достаточно для характеристики „вольной“ формы пользованія; необходимо обратить вниманіе на двѣ свойственныя ей, на первый взглядъ противурѣчащія другъ другу особенности: съ

одной стороны—на ея сравнительную *долговѣчность*: какъ будетъ обстоятельнѣе показано въ дальнѣйшемъ изложеніи, вольное пользованіе общественными лѣсами и выгонами, а отчасти и сѣнокосными угодьями, переживаетъ не только одновременно съ нимъ возникающую по отношенію къ другимъ категоріямъ угодій „захватную" форму, но обыкновенно—также и приходящую на смѣну къ этой послѣдней „захватно-общинную" форму, и продолжаетъ существовать по отношенію къ перечисленнымъ угодьямъ и тогда, когда по отношенію къ другимъ угодьямъ уже давно установилось общинно-душевое пользованіе; другою характерною чертой этой формы, именно въ разсматриваемыя эпохи крайняго многоземелья, является, напротивъ, ея *неустойчивость*: любой участокъ вольнаго пастбища, покоса или лѣса во всякое время можетъ быть загороженъ въ составъ поскòтины вновь возникающей заимки, можетъ быть расчищенъ кѣмъ угодно подъ пашню или сѣнокосъ, наконецъ можетъ просто войти въ сферу притяженія какой-либо заимки и такимъ образомъ перейти изъ „свободнаго", „вольнаго" пользованія каждаго желающаго въ „захватное" пользованіе того или другого отдѣльнаго общественника.

Обратимся теперь къ наиболѣе типичной для слагающагося при большомъ земельномъ просторѣ землепользованія *захватной* формѣ и посмотримъ, въ чемъ заключаются сущность и основанія того, что̀ можно назвать *захватнымъ правомъ* *).

Содержаніе захватнаго права, на первый взглядъ, совершенно совпадаетъ съ сдержаніемъ права собственности: разъ захвативъ землю, сибирскій крестьянинъ считаетъ себя ея полновластнымъ хозяиномъ; онъ не допускаетъ никого распахивать или косить входящую въ сферу его „занятія" землю, хотя-бы самъ, въ данную минуту, и не обрабатывалъ тѣхъ или другихъ полосъ или даже еще вовсе не приступалъ къ ихъ эксплоатаціи; для охраны этого своего права на исключительное *владѣніе* землей онъ не останавливается и передъ насиліемъ, и передъ обращеніемъ къ авторитету старосты и волостного суда, которые всегда ограждаютъ его права отъ всякаго вторженія; право заимщика на неограниченное *пользованіе* землей разумѣется само собой: заимщикъ можетъ засѣвать любую часть своего „занятія" въ любомъ сѣвооборотѣ, можетъ косить свою землю, застроить ее, загородить въ поскòтину или оставить безъ

*) Напомнимъ, что терминъ «захватное пользованіе», «з. право» постоянно будетъ употребляться нами въ тѣсномъ смыслѣ, соотвѣтствующемъ смыслу прежде употреблявшаго нами термина: «заимочное» владѣніе и з. право, и будетъ обозначать только *одну* изъ формъ захватнаго пользованія, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ слова.

всякаго употребленія, руководствуясь исключительно собственными хозяйственными соображеніями; въ силу принадлежащаго ему права *распоряженія* землею, онъ можетъ, не спрашиваясь никого, продавать и сдавать землю въ аренду, дарить ее и передавать по наслѣдству, какъ по завѣщанію, такъ и въ обычномъ порядкѣ законнаго наслѣдованія. Пользуясь такимъ образомъ правомъ владѣнія, пользованія и распоряженія, заимщикъ фактически является, какъ будто-бы, полнымъ, ничѣмъ не ограниченнымъ собственникомъ захваченной имъ земли.

Такъ опредѣляли мы въ 1893 году, на основаніи, главнымъ образомъ, лично-собраннаго матеріала, содержаніе захватнаго права. Совершенно сходно опредѣляетъ захватную форму изслѣдователь Енисейской общины, г. Дубенскій, какъ „такую форму, когда, во 1-хъ, источникомъ возникновенія владѣнія является захватъ (завладѣніе, заимка), а во 2-хъ,—единицей, къ которой оно пріурочивается или, правильнѣе,—субъектомъ его является родъ, не въ томъ однако смыслѣ, что данною землей владѣютъ сообща всѣ сородичи, а въ томъ, что владѣніе, возникшее изъ захвата, передается затѣмъ по наслѣдству, изъ рода въ родъ"; типичные признаки этой формы (къ нимъ мы вернемся еще ниже) г. Дубенскій совершенно справедливо усматриваетъ въ слѣдующемъ: 1) „участокъ лѣса, какъ-бы обширенъ онъ ни былъ, захваченный подъ пашню, разъ только лѣсъ уже зачерченъ, считается во владѣніи зачертившаго, хотя-бы послѣдній не разрабатывалъ его многіе годы; 2) участокъ пашни, оставленный въ залежь, считается во владѣніи своего хозяина, и сколько-бы времени онъ ни лежалъ безъ обработки, захватить его никто права не имѣетъ; 3) захватывать и разрабатывать земли подъ пашню можетъ всякій, даже посторонній, гдѣ и сколько ему угодно; 4) наконецъ, каждый владѣлецъ пашни можетъ распорядиться ею по своему усмотрѣнію; онъ можетъ передавать ее въ чье-либо пользованіе на любой срокъ и можетъ продавать ее „на вѣчно" не только своимъ односельчанамъ, но и постороннимъ" *).

*) Л. С. Личковъ, характеризуя захватное владѣніе, въ проявленіяхъ и основаніяхъ его, совершенно сходными чертами, въ тоже самое время полагаетъ, что принадлежащее міру «право распорядителя земель общины» проявляется и при господствѣ захватной формы: «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, говоритъ онъ, міръ ограничиваетъ право захвата извѣстнымъ срокомъ, по прошествіи котораго земля переходитъ въ его, мірское распоряженіе; въ другихъ онъ устанавливаетъ извѣстный срокъ владѣнія залежью, по истеченіи котораго она можетъ быть захвачена подъ распашку кѣмъ-либо другимъ»; далѣе, указывается на случаи «обращенія отдѣльныхъ членовъ общества къ міру съ просьбою дать земли, отвести ее изъ участка такого-то домохозяина, у котораго-де земли слишкомъ много, у котораго она лишняя», и т. п.,—а также на случаи про-

Сходство захватнаго права на землю съ правомъ собственности не ограничивается одними только проявленіями его, но распространяется, какъ выяснено изслѣдователемъ формъ землепользованія въ Иркутской губерніи, Л. С. Личковымъ, и на его основанія: заимщикъ *первый нашелъ* данное удобное для культуры мѣсто, а потому именно онъ, а не кто-нибудь другой, имѣетъ на него права хозяина; первымъ основаніемъ захватнаго права является такимъ образомъ то самое право *перваго захвата* „ничьей", „Божьей" земли, которое извѣстно было уже римскимъ юристамъ, какъ одно изъ первыхъ основаній права собственности (res nullius cedit primo occupanti). Другимъ, не менѣе важнымъ основаніемъ захватнаго права является *право* затраченнаго на разработку *труда*, опять-таки извѣстное уже римскому праву подъ названіемъ „спецификаціи": на большей части протяженія охваченнаго изслѣдованіями края пашня, а отчасти—и покосъ, являлись не свободнымъ даромъ природы, а результатомъ труда, затраченнаго на расчистку лѣса; трудъ этотъ, при сколько-нибудь крупномъ лѣсѣ, не могъ быть вознагражденъ плодами одного посѣва или одного урожая травы; самая расчистка поэтому возможна была только въ томъ случаѣ, если за расчищающимъ обезпечено было право многолѣтняго пользованія расчищенною землей, и слѣдовательно захватное право въ этомъ отношеніи являлось необходимымъ условіемъ расширенія культурной площади. Наконецъ третье основаніе захватнаго права, опять-таки при другихъ условіяхъ являющееся источникомъ права собственности, есть *право давности*, съ точки зрѣнія крестьянской общины основанное, съ одной стороны, на томъ соображеніи, что давность безспорнаго владѣнія является доказательствомъ согласія общества на это владѣніе, съ другой—на томъ, что безспорность продолжительнаго владѣнія доказываетъ его справедливость и правильность.

Право давности играетъ, однако, среди основаній захватнаго пользованія совершенно второстепенную роль; напротивъ, начала трудовое и захватное представляются болѣе или менѣе равнозначущими; и *если моментъ приложенія труда всегда, eo ipso, сопровождается захватомъ, то этотъ послѣдній моментъ, при разсматри-*

теста общества противъ отчужденія захватной земли въ руки постороннихъ общинѣ лицъ.—Въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ выяснено, что всѣ эти попытки ограниченія захватнаго пользованія являются уже признаками наступающаго *перехода къ другой*, захватно-общинной формѣ, и потому совершенно не могутъ характеризовать захватнаго владѣнія въ его *первоначальномъ, чистомъ* видѣ; сущность *этой* формы въ томъ именно и состоитъ, что *права общины, какъ цѣлаго,* на землю рѣшительно *ни въ чемъ не проявляются,* остаются, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи.

ваемой формѣ, и самъ по себѣ создаетъ уже прочныя отношенія къ захваченной землѣ. Ниже мы должны будемъ подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ, такъ какъ именно *самостоятельное* значеніе захвата составляетъ характернѣйшее отличительное свойство этой формы. Здѣсь эта двойственность основаній захватнаго права интересна для насъ въ другомъ отношеніи, такъ какъ ею опредѣляются тѣ виды угодій, на которые можетъ распространяться захватное пользованіе: это, прежде всего, *всѣ угодья, захваченныя въ сферу притяженія „занятій", „заимокъ" отдѣльныхъ домохозяевъ,*—т. е. нетолько площади, занятыя подъ усадьбами, огороженныя поскòтины, распаханныя или ранѣе пахавшіяся полосы, сѣнокосныя поляны,—но и пространства, къ которымъ трудъ никогда не прилагался ни къ какой формѣ; всѣ эти угодья—исключительная принадлежность заимщика, который отстаиваетъ свои права, въ случаѣ надобности, и судомъ, и силой: въ книгахъ рѣшеній волостныхъ судовъ можно найти не мало дѣлъ о дракахъ, возникшихъ изъ-за того, что заимочники запрещали косить траву „по близости ихъ пашни"; есть и дѣла о ложныхъ обвиненіяхъ „по злобѣ" за то, что кто-либо осмѣливался косить траву вблизи какой-либо заимки,—а съ другой стороны имѣются и рѣшенія волостныхъ судовъ, которыми прямо удостовѣряется незаконность *приближенія* къ „занятію" другого лица; мы не можемъ не упомянуть здѣсь объ одномъ въ высшей степени характерномъ рѣшеніи *): по поводу спора двухъ заимочниковъ, А. и Ш., объ обоюдныхъ захватахъ земли, судъ, имѣя въ виду, что „А. въ 50 саженяхъ отъ поскòтины и въ одной верстѣ отъ заимки Ш. распахалъ и посѣялъ хлѣбъ, Ш. же никакихъ стѣсненій А. не дѣлалъ, а распахивалъ землю вблизи своей заимки...", постановилъ: „распаханную землю Ш. оставить во владѣніи его, Ш., а А. сдѣлать внушеніе, чтобы *„онъ не распахивалъ нигдѣ вблизи заимки* Ш., такъ какъ А. имѣетъ около своей заимки много пустопорожней земли".

Это наиболѣе типичная форма захватнаго владѣнія. Но независимо отъ такихъ сплошныхъ „занятій", „заимокъ", заключающихъ въ себѣ и культурныя, и некультурныя земли, въ захватномъ пользованіи состоятъ и *всѣ вообще тѣ земли,* хотя-бы и удаленныя отъ заимокъ, *на обращеніе которыхъ въ культурное состояніе былъ затраченъ какой-либо трудъ,*—всѣ вообще пашни и тѣ сѣнокосы, которые расчищены изъ-подъ лѣсной заросли („чищенія", „чищобы"): всякій клочокъ земли, разъ къ разработкѣ его приложенъ трудъ или хотя-бы только изъявлено намѣреніе его разработать, посту-

*) Ишимской вол. расправы, Томскаго окр... 7. VI. 1881, № 26.

паетъ въ захватно-наслѣдственное владѣніе, и по отношенію къ лѣснымъ расчисткамъ такое владѣніе держится и тогда, когда по отношенію къ другимъ угодьямъ типичная форма захватнаго пользованія успѣла уже совершенно исчезнуть и смѣниться захватно-общинною и даже уравнительно-душевою формой.

Иногда трудовое начало понимается, впрочемъ, еще гораздо шире, и для установленія захватнаго права владѣнія покосомъ не требуется даже затраты труда на *расчистку*,—а достаточно факта *эксплоатаціи*,—достаточно разъ выкосить покосъ, чтобы пріобрѣсти на него прочное право владѣнія: „всякій крестьянинъ, нашедшій свободное, „ничье" мѣсто, пригодное для сѣнокоса, можетъ его выкосить, и съ этого момента оно становится принадлещимъ ему „навсегда"; особыхъ примѣтъ для этого никакихъ не нужно, ибо кошенное мѣсто не трудно отличить по виду отъ некошеннаго"; въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ такой порядокъ встрѣчается, сравнительно, довольно часто, и притомъ преимущественно у инородцевъ, въ жизни которыхъ сѣнокосы играютъ особенно важную роль.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ объектахъ захватнаго пользованія, необходимо еще остановиться на вопросахъ о распашкѣ чужихъ покосовъ и, наоборотъ—о косьбѣ на чужихъ пашняхъ, брошенныхъ въ залежь и заросшихъ травою *). При наиболѣе типичномъ захватномъ пользованіи, когда заимочникъ не допускаетъ никого даже приближаться къ своему „занятію", эти вопросы, само собою разумѣется, не могли и возникнуть; они являются на сцену только по отношенію къ пашнямъ и сѣнокоснымъ „чищобамъ", удаленнымъ отъ заимокъ. Пока захватная форма крѣпка, право сѣнокошенія на залежахъ принадлежитъ исключительно лицу, расчистившему и пахавшему пашню,—какъ ему-же одному принадлежитъ право вновь распахивать залежь,—и только изрѣдка въ этомъ отношеніи дѣлается уступка требованіямъ „бѣдноты" и сѣнокошеніе на залежахъ признается вольнымъ, свободнымъ для всѣхъ. Что̀ касается до обращенія сѣнокосныхъ мѣстъ въ пашню, то общимъ, незнающимъ исключенія правиломъ является полная свобода производства распашекъ на сѣнокосныхъ мѣстахъ: „сохѣ, говорятъ крестьяне, препятствовать нельзя"; но въ то время, какъ однѣ общины освобождаютъ распахавшаго чужой покосъ даже отъ обязанности вознаградить владѣльца, въ другихъ онъ долженъ вознаградить его равноцѣннымъ участкомъ сѣнокоса изъ своего „занятія",—и обяза-

---

*) Къ сожалѣнію матеріалъ по этому весьма любопытному вопросу имѣется лишь для очень ограниченнаго района—восточной части Томской губерніи.

тельность такого вознагражденія признается, какъ видно по нѣкоторымъ рѣшеніямъ, и волостнымъ судомъ.

Въ предыдущемъ изложеніи мы показали, что захватное право какъ въ проявленіяхъ своихъ—въ объемѣ принадлежащихъ заимщику полномочій, такъ и въ основаніяхъ, почти совпадаетъ съ правомъ собственности на землю,—и, напр., г. Филимоновъ *) прямо говоритъ, что сибирское заимочное (синонимъ „захватнаго") землепользованіе характеризовалось главнымъ образомъ правомъ *наслѣдственно-родовой собственности* земельнымъ участкомъ и правомъ купли—продажи въ *вѣчную собственность* этого участка. Но такое отождествленіе захватнаго владѣнія съ частною собственностью на землю, съ подворнымъ владѣніемъ, не можетъ, конечно, быть признано основательнымъ: существенная разница между тѣмъ и другимъ, по совершенно справедливому объясненію г. Дубенскаго, „заключается въ самомъ титулѣ или основаніи владѣнія: въ первомъ случаѣ имъ является захватъ, во второмъ—наслѣдованіе; конечно, захватъ далеко не даетъ владѣнію такой прочной санкціи, какъ наслѣдованіе, и притомъ—наслѣдованіе не въ качествѣ одного лишь случайнаго и временнаго аттрибута владѣнія, а въ качествѣ его коренного юридическаго основанія. Наконецъ подворно-наслѣдственная форма представляется формой настолько законченной и окрѣпшей, что переходъ отъ нея къ какому-либо иному виду владѣнія не можетъ осуществиться безъ болѣе или менѣе рѣшительнаго и рѣзко выраженнаго переворота, между тѣмъ какъ форма захватная является лишь переходной, причемъ переходъ отъ нея къ любому виду владѣнія, не исключая даже уравнительно-душевого, можетъ, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, совершаться очень быстро и очень легко". Это послѣднее различіе сводится къ другому, болѣе коренному и существенному: при подворномъ владѣніи, основанномъ на правѣ личной собственности, община, какъ земельная единица, фактически вовсе не существуетъ, а представляетъ собой не болѣе, какъ аггломератъ отдѣльныхъ владѣющихъ землею собственниковъ. При захватномъ владѣніи мы видимъ совсѣмъ иное: прежде всего, рядомъ съ этою формой всегда существуетъ вольное пользованіе извѣстными видами угодій, по отношенію къ которымъ, такимъ образомъ, совершенно ясно проявляется общинное земельное единство; съ другой стороны, и по отношенію къ состоящимъ въ захватномъ владѣніи угодьямъ община не забываетъ о томъ, что *она* есть верховный распорядитель и распредѣлитель земли; она только потому предоставляетъ отдѣльному общественнику неограниченную сво-

*) Назв. соч., стр. 27–28.

боду захватывать землю и удерживать ее въ своемъ владѣніи, что благодаря изобилію земли не имѣетъ надобности вмѣшиваться въ ея распредѣленіе; „при многоземельѣ, говоритъ г. Филимоновъ, раздѣлъ земли представляется совершенно ненужнымъ, безцѣльнымъ и не имѣющимъ никакого смысла. Въ раздѣлъ обыкновенно поступаетъ только то, въ чемъ чувствуется какой-либо недостатокъ; въ чемъ же чувствуется избытокъ, то подвергаться раздѣлу не можетъ". Но когда многоземелье уступаетъ мѣсто нѣкоторому „утѣсненію", община начинаетъ осуществлять съизначала принадлежавшее ей право распоряженія землею, и захватное владѣніе начинаетъ смѣняться другими формами пользованія.

Итакъ, захватное владѣніе не можетъ быть отождествляемо съ подворно-наслѣдственнымъ, но въ то-же время его (равно какъ и вольное пользованіе) нельзя разсматривать и какъ одну изъ формъ общиннаго владѣнія, по крайней мѣрѣ въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова: подъ „общиннымъ владѣніемъ" „разумѣется владѣніе недвижимымъ имуществомъ, принадлежащее обществу домохозяевъ, которые распоряжаются и пользуются имъ по взаимному между собою соглашенію" *); *отдѣльнымъ общественникамъ* по отношенію къ эксплоатируемой ими землѣ принадлежитъ при общинномъ владѣніи только одинъ изъ элементовъ права собственности—право *пользованія*, право же *владѣнія* и *распоряженія* всецѣло принадлежитъ *общинѣ*. Между тѣмъ, при захватномъ владѣніи въ рукахъ отдѣльнаго хозяина сосредоточиваются, фактически, всѣ три составные элемента права собственности—владѣніе, пользованіе и распоряженіе, а за общиною остается только нѣчто вродѣ dominium eminens, ни въ чемъ фактически, до поры до времени, не проявляющееся, — и потому ясно, что эта форма пользованія не можетъ быть подведена подъ вышеприведенное опредѣленіе общиннаго владѣнія.

Что́ же такое, однако, захватное владѣніе? оно есть владѣніе общинное, но въ то-же время, какъ будто-бы, и не общинное; оно носитъ всѣ видимые признаки подворнаго владѣнія, — но въ то-же время оно и не подворное. Какой-же, спрашивается, его истинный характеръ?—Отвѣтъ, кажется намъ, очень простъ: захватное владѣніе въ комбинаціи съ вольнымъ пользованіемъ, — это та *первоначальная форма владѣнія*, тотъ зародышъ, который возникаетъ при чрезвычайно рѣдкомъ населеніи и почти безграничномъ земельномъ просторѣ; какъ въ зародышѣ, въ захватной формѣ есть признаки, свойственные и общинному, и подворному владѣнію; какъ изъ зародыша, изъ нея съ теченіемъ времени можетъ развиться и чисто

*) Иванюковъ, Политич. экономія, 3-е изд., стр. 136.

подворное, и чисто общинное владѣніе. Процессъ перваго рода произошелъ, повидимому, въ Малороссіи,—въ томъ-же направленіи совершалась эволюція и германской марки, съ которою очерченныя нами въ настоящей главѣ сибирскія формы землепользованія имѣютъ, несомнѣнно, весьма много сходства *); въ Сибири, напротивъ, захватныя формы пользованія переходятъ въ формы чисто общинныя, связанныя съ передѣлами земли,—и весь смыслъ исторіи развитія формъ землепользованія въ Сибири заключается именно въ побѣдѣ общиннаго начала надъ личнымъ, въ переходѣ отъ такихъ формъ землепользованія, гдѣ послѣднее фактически подавляетъ собой первое, къ такимъ, которыя знаменуютъ полный перевѣсъ общиннаго начала.

Почему-же, спрашивается, ходъ развитія формъ пользованія землей получилъ въ Сибири именно такое, а не обратное направленіе? почему захватная форма—„зародышъ", заключающій въ себѣ признаки и общиннаго, и подворнаго владѣнія, переходитъ именно въ первое, а не въ послѣднее? Большинство изслѣдователей не пыталось дать рѣшенія этого труднаго вопроса,—и только г. Дубенскій (впрочемъ тоже касающійся его лишь мимоходомъ) находитъ отвѣтъ, по крайней мѣрѣ отчасти, „во вліяніи тѣхъ воззрѣній, которыя огромное большинство колонизаторовъ приносило съ собой съ мѣстъ своей родины, въ связи съ системой взиманія казенныхъ податей подъ круговымъ ручательствомъ всѣхъ членовъ податной общины". Съ этимъ объясненіемъ, однако, едва-ли возможно согласиться: если и можно признать нѣкоторое, хотя и не особенно значительное вліяніе существующей системы взиманія казенныхъ платежей, то принесенныя колонизаторами „съ мѣстъ своей родины" воззрѣнія едва-ли могли сыграть какую-бы то ни было роль: прежде всего, развитіе формъ землепользованія идетъ въ данномъ направленіи не только у крестьянъ, но и у аборигеновъ края—инородцевъ; съ другой стороны, въ приложеніи къ настоящей книгѣ будутъ приведены данныя, свидѣтельствующія, что вновь прибывавшіе переселенцы, какъ таковые, вовсе не вліяли на ходъ развитія формъ землепользованія, у старожиловъ же, нѣсколько поколѣній прожившихъ въ краѣ, „принесенныя съ собой" воззрѣнія давнымъ-

*) Вотъ какъ характеризуется марка у Рошера (Nationaloekonomik des Ackerbaues, 12 Aufl., S. 264): «По характеру похоже на общину, но только съ менѣе тѣсною внутреннею связью (von loserem Zusammenhange), марковое устройство (Markverfassung), при которомъ однѣ некультурныя земли—лѣсъ и пастбище—являются общимъ достояніемъ, пашни же состоятъ въ частной собственности (захватномъ владѣніи?) отдѣльныхъ дворовъ. Такая общность (Markgenossenschaft) могла объединять и отдѣльные дворы (заимки), и цѣлыя селенія».

давно могли-бы уступить мѣсто воззрѣніямъ индивидуалистическимъ, сложившимся подъ вліяніемъ борьбы съ дикою природой и вошедшаго въ систему единоличнаго захвата. Дѣло, кажется намъ, не въ тѣхъ „принесенныхъ съ родины“ воззрѣніяхъ, которыя могли сложиться у того или другого отдѣльнаго лица, у той или другой отдѣльной группы лицъ, подъ вліяніемъ того или иного существовавшаго на родинѣ склада земельныхъ отношеній; дѣло въ присущемъ, вообще, крестьянину-пахарю, независимо отъ его происхожденія, воззрѣніи на землю, какъ на „ничью“, „Божію“, „Государеву“, — какъ на фондъ, изъ котораго *каждый* имѣетъ равное съ другими право черпать себѣ средства существованія; на почвѣ *этого* воззрѣнія дѣйствуетъ, при отсутствіи направленныхъ на поддержку личнаго начала внѣшнихъ вліяній, основной двигатель—прогрессирующее „утѣсненіе,“ а затѣмъ—процессъ развитія общинныхъ порядковъ можетъ найти себѣ подспорье и въ разныхъ случайныхъ вліяніяхъ, каковы податная система или даже прямое вмѣшательство администраціи.—Мы уже упоминали выше, что и въ эпоху господства захватной и вольной формъ права общины, какъ верховнаго распорядителя и распредѣлителя земли, никогда не исчезаютъ изъ народнаго сознанія. Тотъ порядокъ, которымъ шло развитіе формъ землепользованія въ Сибири, представляется намъ, поэтому, порядкомъ наиболѣе естественнымъ и необходимымъ, окрѣпнуть же и перейти въ подворно-наслѣдственное владѣніе захватная форма могла-бы не иначе, какъ при наличности какой-либо искусственной внѣшней поддержки личнаго начала.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ИСЧЕЗНОВЕНІЕ ЗАХВАТНЫХЪ ФОРМЪ И ПЕРЕХОДЪ КЪ ОБЩИННО-УРАВНИТЕЛЬНОМУ ПОЛЬЗОВАНІЮ*).

Ключъ для согласованія, при захватномъ владѣніи, верховнаго права общины съ неограниченностью правомочій отдѣльныхъ общественниковъ на захваченныя ими земли лежитъ, какъ мы говорили въ предыдущей главѣ, въ крайнемъ изобиліи земли, при которомъ только и возможна захватная форма: права общины, какъ цѣлаго, на захватныя земли ни въ чемъ не проявляются, остаются какъ-бы въ скрытомъ состояніи; община предоставляетъ отдѣльному лицу неограниченную свободу „занимать" землю въ свое исключительное пользованіе, такъ какъ земли для всѣхъ хватаетъ, и слѣдовательно неограниченно-свободный захватъ каждаго отдѣльнаго общественника свободно мирится съ такимъ-же захватомъ каждаго другого и обезпечиваетъ каждому полную возможности утилизировать всю свою рабочую способность и вести самостоятельное хозяйство; община, такимъ образомъ, не вмѣшивается въ земельныя отношенія, вытекающія изъ захватнаго владѣнія, *не потому*, чтобы она *не имѣла на то права*, а потому, что *не видитъ въ этомъ надобности*.

Сказаннаго никоимъ образомъ не слѣдуетъ, однако, понимать въ томъ смыслѣ, чтобы захватная форма являлась, даже и при изобиліи земли, гарантіей равномѣрнаго распредѣленіи послѣдней между общественниками. Напротивъ, распредѣленіе это, по крайней мѣрѣ въ видѣ общаго правила, вовсе *не можетъ* быть равномѣрнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый домохозяинъ захватываетъ въ свое исключительное владѣніе такое количество пахатной и сѣнокосной земли, съ какимъ онъ въ силахъ совладать; но ясно, что слабый домохозяинъ, единственный работникъ въ семьѣ, не имѣющій денегъ для найма,

*) Источники см. примѣчаніе на стр. 44.

держащій всего двухъ-трехъ лошадей, можетъ обработать въ нѣсколько десятковъ разъ меньше земли, нежели богатый, многорабочій дворъ, запрягающій 20—30 лошадей и издерживающій на наемъ рабочихъ сотни, а то и тысячи рублей. „Такъ какъ захватно-родовое (по нашей терминологіи — захватное) владѣніе, говоритъ г. Личковъ, произошло изъ разработки свободныхъ земель, незанятыхъ культурою,—разработки и расчистки, требующихъ обыкновенно болѣе или менѣе значительнаго труда и усилій, то естественно предположить, что размѣръ захвата въ большей или меньшей мѣрѣ обусловленъ размѣромъ рабочихъ силъ семьи, размѣромъ ея средствъ для найма съ этой цѣлью лишнихъ рабочихъ, для удѣленія части своего рабочаго времени на увеличеніе своего землевладѣнія“, — и „уже въ силу такого происхожденія захватно-родоваго владѣнія, распредѣленіе при немъ земель должно быть неуравнительно“. И въ самомъ дѣлѣ: въ трехъ округахъ Иркутской губерніи, гдѣ захватная форма до сихъ поръ еще особенно крѣпка, процентъ дворовъ безъ пашни, по даннымъ подворной описи, равенъ 13,4%, если же взять одно русское населеніе — даже 20,4%, тогда какъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Тобольской губерніи, гдѣ уже упрочилась общинно-душевая форма, процентъ дворовъ безъ пашни *вмѣстѣ съ засѣвающими не свыше 1 десятины* падаетъ: въ Ишимскомъ округѣ до 14,2%, въ Туринскомъ—до 11,6%, въ типическихъ же волостяхъ Курганскаго округа процентъ дворовъ безъ пашни не превышаетъ 8,3 и 4,2%. Зато и концентрація пашни въ однѣхъ рукахъ представляется въ Иркутской губерніи весьма значительною: изъ числа имѣющихъ землю домохозяйствъ четвертая часть (25,1%) имѣетъ свыше 20 десятинъ, почти шестая (16,1%)—болѣе 25 дес. пашни. Весьма любопытныя историческія данныя приводитъ г. Филимоновъ объ изслѣдованныхъ имъ западныхъ волостяхъ Каинскаго округа. „При обиліи земли, говоритъ онъ, въ прежнее время участки занимались большихъ размѣровъ, десятинъ въ 100—200—300 и даже болѣе... Тогда сибирякъ-заимщикъ, разъ онъ только былъ хорошимъ хозяиномъ, жилъ помѣщикомъ. Вотъ почему про эпоху заимочнаго (т. е. захватнаго) землевладѣнія у мѣстнаго населенія въ настоящее время сохранились самыя идиллическія представленія. Судятъ объ этомъ времени главнымъ образомъ по жизни крупнопомѣстныхъ заимщиковъ, которые составляли, въ сущности, ничтожную часть населенія, и забываютъ массу малопомѣстныхъ и особенно безземельныхъ крестьянъ, которые, судя по даннымъ „Коммисаріатской подворной описи 1805—1810 г.“, составляли тогда 19,9%, а также забываютъ о безлошадныхъ хозяйствахъ, общее количество которыхъ, по даннымъ той-же описи, достигало 17,3% (нынѣ 6%)“.

Въ противуположность немногочисленнымъ богатѣямъ—заимочникамъ, эксплоатирующимъ сотни десятинъ земли, — въ нѣсколько разъ больше, нежели нужно для обезпеченія ихъ ближайшихъ потребностей, „бѣднота", такимъ образомъ, вовсе не имѣетъ возможности осуществлять своего права на захватъ угодій, и потому не только не извлекаетъ никакихъ выгодъ изъ своей принадлежности къ общинѣ, но не имѣетъ возможности даже прокормиться продуктами собственнаго хозяйства; по срединѣ между тѣми и другими стоятъ среднесостоятельные дворы, работающіе 3—4 лошадьми и эксплоатирующіе всего по два-три десятка десятинъ. На первый взглядъ такое распредѣленіе земли между домохозяйствами можетъ показаться весьма правильнымъ: каждый имѣетъ столько земли, сколько онъ можетъ обработать, а такъ какъ при неограниченномъ земельномъ просторѣ ни у кого не можетъ возникнуть надобности въ арендованіи, то владѣніе землей не даетъ никому возможности получать доходъ, сложа руки. Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ менѣе благополучно: каждый безхозяйный или хозяйственно-слабый общественникъ прекрасно знаетъ, что онъ имѣетъ столько-же права на участіе въ пользованіи землею, какъ богатѣйшій заимочникъ; это сознаніе получаетъ особенно острый характеръ благодаря тому, что общественникъ, кромѣ пользованія *правами*, несетъ и *обязанности*, именно участвуетъ въ общинныхъ платежахъ и повинностяхъ, — и въ правильно организованной общинѣ права должны быть соразмѣрны обязанностямъ. Этой-то соразмѣрности при захватномъ владѣніи землею нѣтъ: въ то время, какъ земля распредѣляется соразмѣрно благосостоянію и фактической рабочей способности отдѣльныхъ дворовъ, платежи обыкновенно разверстываются (точнѣе—разверстывались въ эпоху, когда шло изслѣдованіе) по душамъ рабочаго возраста, а то и по ревизскимъ душамъ, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительной „силѣ" каждаго отдѣльнаго двора. При захватномъ пользованіи легко можетъ случиться, поэтому, что богатѣй—заимочникъ будетъ платить податей и отбывать повинностей столько-же, а то и меньше, нежели фактически-безземельный крестьянинъ, живущій у него-же въ батракахъ *). Ясно, что

*) Этому обстоятельству не слѣдуетъ, однако, какъ намъ кажется, приписывать слишкомъ большого вліянія на ходъ развитія сибирскихъ земельныхъ порядковъ. Какъ будетъ подробнѣе объяснено въ своемъ мѣстѣ, среди крестьянства недавна замѣчалось, при захватномъ владѣніи, стремленіе къ переложенію платежей «на занятія»,—по запашкѣ и по скоту (т. е. косвенно—по размѣрамъ пользованія покосами и пастбищами); а въ послѣднее время, благодаря давленію администраціи, эти способы раскладки получили широкое распространеніе. Если-бы переходъ отъ захватныхъ къ общинно-уравнительнымъ способамъ

захватная форма крайне невыгодна для бѣднѣйшей части населенія, не имѣющей „силы“ для расчистки соотвѣтствующаго ея потребностямъ количества земли, но обязанной платежомъ подати,—и эта часть населенія издавна добивается упраздненія заимочной формы владѣнія и перехода къ пользованію уравнительно-душевому.

Пока земли много, всѣ хлопоты бѣдняковъ остаются безуспѣшными и разбиваются объ отпоръ со стороны заинтересованныхъ въ сохраненіи захватнаго пользованія богачей: „мало вамъ земли,—возражаютъ послѣдніе на требованія „бѣдноты“,—такъ земля то вѣдь вольная! пустого мѣста вонъ сколько лежитъ! мы поработали, землю себѣ расчистили,—и вамъ никто не запрещаетъ расчищать; пашите себѣ, сколько хотите, а насъ не трогайте!“ Пока дѣйствительно есть свободныя земли, этотъ доводъ почти неотразимъ; къ нему присоединяются еще и ссылки на вложенный въ расчистку земли трудъ: „мы землю разработали,—говорятъ заимочники,—намъ ее и держать; иной, пни копавши, весь извелся; вы руки скламши глядѣли, а теперь задаромъ на наши труды сѣсть хотите; вы вотъ сами помайтесь надъ землей, да тогда и хлѣбъ съ нея кушайте“. Доводъ опять-таки, весьма убѣдительный. А если къ силѣ этихъ доводовъ прибавить еще ту „силу“, ту фактическую власть, которою часто пользуются на сходахъ, благодаря своему богатству, крупные заимщики, то понятно станетъ, почему захватное владѣніе во многихъ мѣстахъ продолжаетъ держаться, хотя и не соотвѣтствуетъ интересамъ большинства.

Но вотъ, постепенно-ли, благодаря естественному приросту населенія, или сразу, благодаря „стѣсненію“, вызванному наплывомъ большой массы переселенцевъ, изъятіемъ частъ общинной земли въ переселенческіе участки и т. п. обстоятельствами,—положеніе дѣлъ измѣняется: на мѣсто прежняго простора является „утѣсненіе“,—вся наиболѣе удобная для пахоты земля захвачена и расчищена,

---

пользованія опредѣлялся главнымъ образомъ несоотвѣтствіемъ между платежами и землепользованіемъ, то соотвѣтствіе, установленное изложеннымъ способомъ, должно было-бы прекратить, или, по крайней мѣрѣ, на долго пріостановить этотъ переходъ; въ дѣйствительности однако оказывается скорѣе обратное: г. Осиповъ свидѣтельствуетъ, что въ Курганскомъ округѣ требованія измѣненія разверстки податей были «одною изъ первыхъ ступеней при переходѣ къ душевому пользованію», а въ Ишимскомъ округѣ нами отмѣчены случаи, когда введеніе раскладки по «занятію» оказывалось послѣднимъ толчкомъ, преодолѣвавшимъ сопротивленіе зажиточныхъ общественниковъ передѣлу, и за этимъ шагомъ непосредственно слѣдовалъ общій передѣлъ; это объясняется тѣмъ, что разъ введено поземельное обложеніе, то отпадаетъ важнѣйшій стимулъ, побуждавшій зажиточныхъ крестьянъ отстаивать захватныя формы—возможность безплатно запахивать лишнюю землю.

захвачены и всѣ мѣста, удобныя для сѣнокошенія. Между тѣмъ въ общинѣ продолжаютъ возникать путемъ семейныхъ раздѣловъ новые дворы—и не находятъ удобной земли для распашки; другіе дворы, бывшіе прежде въ „бѣдномъ состояніи", „поправляются" и стремятся расширить свое хозяйство,—но и имъ тоже „некуда пошириться"; къ обществу приселяются ссыльные, требуютъ себѣ земли,—свободной хорошей земли опять—таки не оказывается. Разъ наступило такое положеніе дѣлъ,—захватное владѣніе начинаетъ явно нарушать законныя права цѣлыхъ категорій общественниковъ; богатѣй-заимщикъ уже не можетъ сказать „малолѣту" бѣдняку, ссыльно-поселенцу: „тебѣ мѣста довольно, была-бы охота работать! паши себѣ, а насъ не трогай!"—всякій знаетъ, что для того, чтобы *имѣть возможность* работать, ему надо „тронуть" захватившаго всю землю заимочника,—что этотъ послѣдній пашетъ уже, въ сущности, не вольную, а *чужую* землю; заимочники теряютъ нравственную опору своего права на землю; захватное владѣніе должно пошатнуться, и медленно, постепенно оно начинаетъ перерождаться въ новыя формы, болѣе соотвѣтствующія измѣнившимся условіямъ и интересамъ большинства.

Ясная и по апріорнымъ соображеніямъ, тѣснѣйшая причинная связь между процессомъ развитія формъ землепользованія и въ частности—паденіемъ захватной формы, съ одной стороны, и сокращеніемъ земельнаго простора, съ другой, единогласно признается всѣми изслѣдователями: признаки перехода отъ захватной формы къ другимъ появляются, „когда земельный просторъ уже болѣе или менѣе значительно сократился" (Дубенскій), „съ моментомъ использованія всѣхъ лучшихъ вольныхъ земель, составлявшихъ запасный фондъ, изъ котораго каждый новый земледѣлецъ бралъ для себя земельный участокъ" (Филимоновъ). Въ тѣхъ случаяхъ, когда „утѣсненіе" наступало постепенно, постепенно-же шло и измѣненіе формъ землепользованія; рѣзкія сокращенія земельнаго простора, вызванныя отрѣзками земель въ казенное вѣдомство или въ участки для переселенцевъ, сопровождались рѣзкими-же скачками въ области формъ землепользованія; г. Филимоновъ прямо указываетъ, что „учрежденіе въ Западной Сибири отряда межевыхъ чиновъ по образованію переселенческихъ участковъ служило одной изъ важнѣйшихъ причинъ возникновенія здѣсь общины" (т. е. общинно-уравнительнаго пользованія), а пишущему эти строки пришлось отмѣтить въ Маріинскомъ округѣ нѣсколько случаевъ, совершенно осязательно показывающихъ связь измѣненій въ порядкахъ землепользованія съ измѣненіями въ степени обезпеченія землей. Такъ, въ одной деревнѣ, Бекетской (Почитанской волости), до послѣдовавшаго въ 1863 году приселенія Пензенскихъ переселенцевъ, „мѣста много

было", а потому землепользованіе имѣло захватный характеръ: каждый имѣлъ свое „занятіе",—„тамъ пахалъ, тамъ косилъ и никого больше не пускалъ"; съ прибытіемъ новоселовъ стало „тѣсно", и сказанный порядокъ тотчасъ-же „нарушился" и смѣнился другимъ, при которомъ „пока пашешь—ты хозяинъ, а бросилъ—земля вольная" (см. ниже); въ 1890 г. произошла отрѣзка излишнихъ земель въ Баимской волости,—и въ нѣсколькихъ общинахъ тотчасъ-же запрещено было городить при заимкахъ особыя поскотины,—а при поѣздкѣ въ 1894 г. по Боготольской волости намъ удалось записать одинъ характерный разговоръ, свидѣтельствующій, какъ ясно сами крестьяне представляютъ себѣ связь между разсматриваемыми явленіями; дѣло въ томъ, что старожилое населеніе Боготольской волости введено было при отмежеваніи переселенческихъ участковъ въ особенно тѣсныя границы; и вотъ, желая выяснить въ бесѣдѣ съ крестьянами, насколько вредно это обстоятельство отразилось на крестьянскомъ хозяйствѣ, мы получили отвѣтъ, что „богатымъ—тѣмъ обидно, а намъ, ровненькимъ (среднесостоятельнымъ),—такъ лучше стало: прежде богатые сидѣли по заимкамъ, а намъ некуда и податься было; а какъ отобрали землю подъ россійскихъ, такъ мы на заимки глядѣть не стали".—Сходные случаи отмѣчены изслѣдованіемъ и по Ишимскому округу, Тобольской губерніи; въ двухъ сѣверо-западныхъ его волостяхъ покосы начали передѣляться непосредственно вслѣдъ за произведеннымъ въ началѣ 80-хъ годовъ выдѣломъ значительной части земли въ переселенческіе участки; въ Усть-Ламенской волости раздѣлъ по душамъ пашенъ и покосовъ былъ вызванъ въ 60-хъ годахъ приходомъ партіи поляковъ, сосланныхъ за участіе въ мятежѣ 1863—64 гг. и причисленныхъ къ крестьянскимъ обществамъ; въ Ильинской и Локтинской, въ 50-хъ годахъ,—прибытіемъ витебскихъ переселенцевъ, частью водворенныхъ въ однихъ селеніяхъ со старожилами, частью образовавшихъ отдѣльныя селенія и получившихъ особые надѣлы, вымежеванные изъ старожильскихъ земель *).

Итакъ, „утѣсненіе" было главнымъ двигателемъ, направлявшимъ ходъ развитія сибирскихъ порядковъ пользованія землею. Но были и нѣкоторыя внѣшнія и случайныя обстоятельства, мѣстами содѣйствовавшія ускоренію хода этого развитія. Факты не даютъ основанія, какъ будетъ подробно показано въ приложеніи, придавать такого значенія вліянію или примѣру переселенцевъ, — но не безъ

---

*) Отмѣтимъ, что и поляки, и витебцы на родинѣ владѣли землей подворно, и слѣдовательно повліяли въ разсматриваемомъ отношеніи чисто механически—чрезъ сокращеніе земельнаго простора.

вліянія въ этомъ отношеніи былъ другой безпрерывно приливающій въ составъ сибирской общины элементъ, хотя юридически и совершенно безправный, — ссыльно-поселенцы; изслѣдованіемъ положительно констатировано, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ Ишимскаго округа, Тобольской губерніи, вліяніе ссыльнаго элемента значительно ускорило переходъ къ душевому пользованію; дѣло въ томъ, что возможность пользованія на захватномъ правѣ, наравнѣ съ другими, пашнею и покосомъ и право свободно рубить лѣсъ, конечно, не могутъ удовлетворить „шатающагося" (а такихъ большинство) ссыльно-поселенца, который самъ не пашетъ, сѣна не коситъ, нуждается въ ничтожномъ количествѣ топлива или даже вовсе въ немъ не нуждается,—и который могъ-бы, фактически, извлекать выгоду изъ владѣнія землею лишь путемъ сдачи ея въ аренду или продажи лѣса на срубъ; такой ссыльный не довольствуется поэтому своимъ правомъ участія въ захватномъ пользованіи, а требуетъ отвода опредѣленнаго душевого надѣла,—и такія требованія, иногда поддерживаемыя администраціей, нерѣдко могли явиться существеннымъ дополнительнымъ стимуломъ къ введенію уравнительно-душевого пользованія.

Затѣмъ не малое вліяніе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, оказало и прямое воздѣйствіе администраціи и въ частности — введенныхъ въ Западной Сибири съ 1888 года крестьянскихъ учрежденій. Случаи административнаго давленія бывали и прежде, но рѣдко, лишь въ видѣ исключенія; такъ, въ 1860 г. въ одной изъ волостей Ишимскаго округа, Фирсовской, раздѣлъ угодій по душамъ состоялся по приказанію исправника, вызванному постоянными поземельными спорами. Напротивъ, въ 80-хъ годахъ въ томъ-же округѣ цѣлый рядъ случаевъ окончательнаго перехода къ душевому пользованію былъ вызванъ прямыми распоряженіями крестьянскихъ чиновниковъ; распоряженія эти, послѣдовавшія въ 1884 и 1885 годахъ, имѣли въ виду, главнымъ образомъ, содѣйствовать упорядоченію податного дѣла, установить соотвѣтствіе платежныхъ раскладокъ съ распредѣленіемъ земельныхъ угодій и этимъ самымъ устранить одну изъ важнѣйшихъ причинъ накопленія недоимокъ,—и результатомъ ихъ явился раздѣлъ по душамъ, состоявшихъ до тѣхъ поръ въ захватномъ пользованіи угодій, совершенный въ періодъ съ 1885 по 1888 годъ въ восьми различныхъ волостяхъ Ишимскаго округа; на такое вліяніе „приказа чиновника" крестьяне прямо указывали изслѣдователю при опросѣ, а въ довольно многихъ приговорахъ о раздѣлѣ угодій есть прямыя ссылки на „предписаніе г. чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, въ которомъ сказано раздѣлить земли по душамъ", и не приводится никакихъ другихъ мотивовъ. Въ нѣко-

торыхъ волостяхъ распоряженія крестьянскихъ чиновниковъ дали только послѣдній, легкій толчокъ къ наступленію того переворота въ формахъ пользованія землей, который былъ уже достаточно подготовленъ предыдущимъ ходомъ развитія и вполнѣ соотвѣтствовалъ мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ; напротивъ въ другихъ (Соколовской, Красноярской, Арамашевской, Кротовской), гдѣ земельный просторъ былъ еще достаточно великъ, эти распоряженія ускорили наступленіе момента окончательнаго перехода къ душевому пользованію на десятки лѣтъ, такъ какъ вопросъ о передѣлѣ далеко не успѣлъ здѣсь настолько созрѣть, чтобы можно было ожидать скораго его разрѣшенія по иниціативѣ самихъ общинъ. Насколько рѣзокъ былъ въ этихъ мѣстностяхъ вызванный распоряженіями крестьянскихъ чиновниковъ скачокъ, видно изъ любопытнаго общественнаго приговора одного селенія Соколовской волости, гдѣ прямо говорится: „намъ было *повторено* черезъ прочтеніе предписаніе г. чиновника по крестьянскимъ дѣламъ... относительно уравненія между собой надѣлами пахатной земли по душамъ; согласно предложенія старосты и распоряженія г. чиновника, по *долгомъ* между собою *разсужденіи* единогласно приговорили: нынѣ же раздѣлить всю пахатную землю по душамъ...“ Такимъ образомъ, даже послѣ *вторичнаго* прочтенія начальственнаго распоряженія—прочтенія, очевидно имѣвшаго понудительный характеръ, сходъ повиновался только „по долгомъ разсужденіи“, т. е. очевидно послѣ продолжительныхъ споровъ и пререканій. Нѣкоторыя другія общества той-же волости хотя на бумагѣ и постановили приговоры о передѣлѣ, но въ дѣйствительности не произвели передѣла и остались при прежнихъ, свободныхъ формахъ пользованія. Въ волостяхъ Арамашевской, Кротовской и Готопутовской сопротивленіе было настолько сильно, что къ передѣлу приступлено было лишь черезъ 3—4 года по воспослѣдованіи распоряженія чиновника (въ 1887 и 1888 гг.), а въ многоземельной Сладковской волости передѣлъ и вовсе не осуществился, такъ какъ всѣ настоянія чиновника разбились объ упорное сопротивленіе богатой части населенія.

Нѣчто подобное имѣло мѣсто и въ Иркутской губерніи: хотя здѣсь и не было прямого давленія, но сходную, до нѣкоторой степени, роль сыгралъ губернаторскій циркуляръ 1882 года, разъяснившій крестьянамъ ихъ право исключать изъ оклада податей „мертвыя ревизскія души“ *), включая взамѣнъ ихъ новыя и надѣляя эти послѣднія земельными угодьями. Циркуляръ этотъ, разъяснивъ крестьянамъ ихъ право дѣлить землю, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ

*) Объ этомъ циркулярѣ см. подробнѣе въ главѣ V.

понятъ былъ какъ своего рода приказъ—и дѣйствительно, изъ числа 20 общинъ трѣхъ южныхъ округовъ губерніи, гдѣ изслѣдованіемъ отмѣчены „душевыя поравненія“ пашни, въ 15-ти эти „поравненія“ произошли въ 1884 и 1885 гг., очевидно подъ прямымъ вліяніемъ циркуляра. Въ этомъ случаѣ однако административное воздѣйствіе нигдѣ не произвело крутой ломки, а только нѣсколько ускорило мѣстами процессъ, который назрѣвалъ уже самъ собою: это видно уже изъ того, что циркуляръ, распубликованный по всей губерніи, вызвалъ „поравненія“ только въ одной мѣстности, именно въ нѣкоторыхъ волостяхъ Иркутскаго округа; здѣсь, какъ констатируетъ изслѣдованіе, и до циркуляра шли толки о передѣлѣ, но крестьяне „не знали своихъ правовъ“, противники же „поравненія“ утверждали, что „равнять“ захватныя земли никто не имѣетъ права,— такъ что циркуляръ только устранилъ препятствія, не дававшія осуществиться уже назрѣвшему переходу къ душевому пользованію: въ другихъ мѣстностяхъ, болѣе богатыхъ землею, тотъ-же циркуляръ повелъ только къ новой разверсткѣ платежей и совершенно не отразился на формахъ землепользованія *).

Попытаемся теперь выяснить, какъ происходилъ самый процессъ перехода отъ захватныхъ формъ къ общинно-уравнительному пользованію по отношенію къ двумъ важнѣйшимъ видамъ угодій — пахатнымъ и сѣнокоснымъ землямъ, отлагая до одной изъ послѣдующихъ главъ знакомство съ порядками пользованія всѣми прочими видами угодій.

Прежде всего процессъ развитія формъ пользованія землею не происходитъ равномѣрно на всей линіи общинныхъ порядковъ **); процессъ этотъ начинается обыкновенно съ какого-либо одного рода угодій —съ пашенъ, сѣнокосовъ, лѣсныхъ насажденій, кедровниковъ, коноплянниковъ, рыболовныхъ угодій, — тогда какъ по отношенію къ другимъ видамъ угодій захватныя формы продолжаютъ оставаться въ полной силѣ. Чтобы разобраться въ чрезвычайно пестромъ, на первый взглядъ, фактическомъ матеріалѣ и выяснить себѣ послѣдовательность, въ которой происходитъ переходъ къ душевому пользованію, надо прежде всего вспомнить, что исчезновеніе захватныхъ формъ всегда обусловливается недостаткомъ (конечно, очень

*) «Матер.» по Ирк. и Енис. губ., т. II, вып. 3, стр. 202—203.

**) Надо замѣтить, что все нижеизложенное не относится къ тѣмъ случаямъ, когда переходъ къ душевому пользованію совершался подъ прямымъ давленіемъ администраціи. При наличности такого толчка извнѣ случалось (такъ было, напр., въ 1887—1888 гг. въ нѣкоторыхъ волостяхъ Ишимскаго округа), что общины отъ чисто-захватныхъ формъ переходили сразу, по отношенію ко всѣмъ видамъ угодій, къ точному обмѣру и общему передѣлу.

часто лишь весьма относительнымъ) въ угодьяхъ, а слѣдовательно— и ихъ высокою цѣнностью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь весьма рельефно выступаетъ и вліяніе трудового начала. Пока земли было много, начало это понималось весьма широко, и всякій, вложившій свой трудъ въ землю, тѣмъ самымъ навсегда (или точнѣе — на неопредѣленно-продолжительное время) пріобрѣталъ право на исключительное владѣніе этою землею. Съ измѣненіемъ обстоятельствъ община вспоминаетъ, что захватное владѣніе землею далеко не всегда основано на затраченномъ трудѣ, а нерѣдко—на простомъ фактѣ оккупаціи; что, далѣе, количество труда, вложеннаго въ раскультированіе пашенъ или расчистку покосовъ, бывало весьма неодинаково: если трудъ, затраченный на расчистку подъ пашню, положимъ, крупнаго лиственничнаго лѣса, дѣйствивельно можетъ окупиться лишь весьма значительнымъ числомъ урожаевъ, то расчистка подъ пашню рѣдкаго березняка, а тѣмъ болѣе—подъемъ степной цѣлины, вполнѣ оплачивается первыми-же двумя—тремя урожаями, а расчистка подъ покосъ какого-нибудь кустарника — первыми двумя—тремя укосами травы. Разница въ трудности раскультированія тѣхъ или другихъ угодій, а отсюда—и въ продолжительности времени, нужнаго для того, чтобы могъ оплатиться затраченный трудъ, является поэтому вторымъ факторомъ, вліяющимъ на послѣдовательность перехода къ общинно-уравнительному пользованію.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ оба фактора—количество вложеннаго въ землю труда и относительное изобиліе или недостатокъ угодій—дѣйствуютъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ двумъ основнымъ сельско-хозяйственнымъ угодьямъ, въ одномъ направленіи: недостатокъ въ сѣнокосныхъ угодьяхъ почти вездѣ обнаруживался значительно раньше, нежели недостатокъ въ земляхъ, удобныхъ для хлѣбопашества; въ то-же время расчистка сѣнокосныхъ земель и встрѣчается гораздо рѣже, и поглощаетъ обыкновенно гораздо меньше труда, нежели расчистка пашенъ,—а потому по отношенію къ пахатнымъ землямъ надо ожидать гораздо большей долговѣчности захватныхъ (въ широкомъ смыслѣ) формъ, нежели по отношенію къ покосамъ. И въ самомъ дѣлѣ: въ сѣверо-восточной части Томской губерніи (окр. Томскій и Маріинскій), гдѣ общинъ, передѣляющихъ пашни, изслѣдованіемъ почти не отмѣчено, по отношенію къ покосамъ душевое пользованіе успѣло сдѣлать уже очень большіе успѣхи; на крайнемъ юго-западѣ той-же губерніи (юго-зап. волости Каинскаго окр.) передѣлы пашенъ встрѣчаются, правда, уже довольно часто,—но за то сѣнокосы передѣляются уже почти повсемѣстно. Въ Енисейской губерніи, гдѣ пахатныя земли почти нигдѣ не поступали еще въ душевое пользованіе (исключенія см.

ниже) — захватныя формы пользованія покосами сохранились въ чистомъ видѣ всего въ 16,9% общаго числа селеній, — во всѣхъ остальныхъ пользованіе сѣнокосными угодьями уравнивается по душамъ, хотя впрочемъ только въ 21,1% общаго числа селеній уравненіе приняло уже характеръ правильнаго передѣла. Въ Иркутской губерніи покосы только въ немногихъ общинахъ продолжаютъ оставаться въ захватномъ владѣніи или, будучи передѣлены послѣ ревизіи, съ тѣхъ поръ ни разу не передѣлялись, въ громадномъ же большинствѣ общинъ они передѣляются періодически; напротивъ пашни начали уравниваться только въ немногихъ волостяхъ Иркутскаго и главнымъ образомъ Верхоленскаго округа, и то—лишь очень несовершенными способами. Единственное исключеніе изъ общаго правила представляютъ только нѣкоторыя мѣстности Тобольской губерніи, гдѣ покосовъ мѣстами гораздо больше, чѣмъ пашенъ, и гдѣ переходъ къ душевому пользованію начинался, поэтому, съ этихъ послѣднихъ.

Развитіе формъ пользованія землею совершается неодновременно не только по отношенію къ разнаго рода угодьямъ, но и по отношенію къ отдѣльнымъ разновидностямъ одного и тогоже угодья. Особенно часто это замѣчается по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ; если, въ самомъ дѣлѣ, взять двѣ крупныя разновидности послѣднихъ—заливные луга и незаливные, особенно лѣсные покосы, то окажется прежде всего, что первые, благодаря высокой урожайности, легкости уборки и высшему достоинству сѣна, цѣнятся гораздо выше вторыхъ; гдѣ поэтому есть покосы того и другого рода, тамъ всѣ стремятся косить на заливныхъ лугахъ и пренебрегаютъ остальными покосами; изъ числа послѣднихъ лѣсные покосы, кромѣ того, требуютъ затраты труда на расчистку, тогда какъ заливные луга являются свободнымъ даромъ природы. Всѣ эти обстоятельства, очевидно, болѣе благопріятствуютъ сохраненію старыхъ формъ пользованія по отношенію къ незаливнымъ и особенно лѣснымъ покосамъ, нежели по отношенію къ заливнымъ лугамъ. И дѣйствительно: если взять для примѣра изслѣдованныя пишущимъ эти строки мѣстности Томской губерніи, то окажется, что въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска, гдѣ сѣно имѣетъ выгодный сбытъ, а покосы — высокую цѣнность, заливные луга передѣлены всѣ безъ исключенія, остальные покосы,—только въ меньшинствѣ общинъ; далѣе на востокъ, гдѣ покосовъ очень много, а цѣнность ихъ ничтожна, и гдѣ поэтому по отношенію къ лѣснымъ и т. п. покосамъ не было и попытокъ перехода къ душевому пользованію, заливные луга все-же передѣлены въ большинствѣ общинъ. По отношенію къ пахатнымъ землямъ разница во времени перехода къ душевому пользованію наблюдается рѣже и притомъ лишь из-

рѣдка обусловливается видовыми отличіями угодій; такъ, въ Иркутской губерніи, особенно въ Верхоленскомъ округѣ, не рѣдки случаи, когда общины приступали къ ограниченію захватнаго права по отношенію къ „луговой пахотѣ“ и вообще пашнямъ, распаханнымъ безъ предварительной расчистки, и оставляли это право неприкосновеннымъ по отношенію къ „лѣсной“ пашнѣ, разработанной съ большою затратою труда. Гораздо чаще мы встрѣчаемся со случаями другого рода, когда разница во времени перехода къ душевому пользованію обусловливается различіями въ почвенныхъ условіяхъ, близости, вообще въ цѣнности земли, или когда общины, не рѣшаясь произвести общаго передѣла, передѣляютъ тѣ земли, въ которыхъ не заинтересованъ въ отдѣльности никто изъ домохозяевъ,—выморочные участки, „выгородки“ изъ поскотинъ и т. д.,—но на этого рода случаяхъ намъ придется ближе остановиться въ другомъ мѣстѣ.

Итакъ, количество труда, затраченнаго на обращеніе земли въ годное для культуры состояніе, съ одной стороны, и изобиліе или недостатокъ даннаго рода угодій и относительная ихъ цѣнность, съ другой,—таковы, повторяемъ, тѣ факторы, которыми опредѣляется послѣдовательность перехода отъ захватныхъ формъ къ душевому пользованію. Попытаемся теперь выяснить, какъ слагается по отношенію къ пахатнымъ и сѣнокоснымъ землямъ самый переходный процессъ.

Начнемъ *съ пахатныхъ земель*. По отношенію къ этому угодью захватная форма никогда не переходитъ непосредственно въ пользованіе уравнительно-душевое, а превращается сначала въ промежуточную форму, которую можно обозначить названіемъ *захватно-общинной*. Для того, чтобы вполнѣ ясно представить себѣ сущность этой послѣдней, а равно и самый процессъ перехода къ ней отъ чисто-захватной формы, намъ необходимо вернуться назадъ и остановиться подробнѣе на нѣкоторыхъ свойственныхъ захватной формѣ характерныхъ чертахъ.

Выше уже упоминалось, что главнѣйшими основаніями захватнаго владѣнія являются, съ одной стороны, право перваго захвата, съ другой—право вложеннаго въ землю труда. Очень часто эти два момента совпадаютъ, и захватывая землю, крестьянинъ тотчасъ-же приступаетъ и къ разработкѣ ея; но нерѣдки и такіе случаи, когда моментъ приложенія къ землѣ труда *не сопровождаетъ* моментъ захвата, а *слѣдуетъ* за нимъ по истеченіи болѣе или менѣе длиннаго промежутка времени: захватывая лѣсную землю, крестьянинъ не сразу приступаетъ къ ея расчисткѣ, а сначала только „зачерчиваетъ“ деревья (т. е. снимаетъ съ нихъ кольцомъ кору, чтобы вызвать засыханіе дерева) или даже только дѣлаетъ на нихъ въ знакъ завла-

дѣнія землею зарубки; пока господствуетъ захватная форма въ ея чистомъ видѣ, земля, какъ только деревья зачерчены или отмѣчены зарубками (такъ наз. „чертежъ"), поступаетъ уже въ исключительное владѣніе „зачертившаго", и никто, кромѣ этого послѣдняго, не имѣетъ права приступать къ ея расчисткѣ, хотя-бы „чертежъ" цѣлые десятки лѣтъ оставался безъ дальнѣйшей разработки. Далѣе: въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ захватное владѣніе, въ земледѣліи вездѣ господствуетъ залежная система; при безраздѣльномъ господствѣ захватной формы залежи остаются въ исключительномъ владѣніи лицъ, разрабатывавшихъ пашни; эти лица одни имѣютъ право и вновь распахивать залежи, и пользоваться растущею на нихъ травою.— На этихъ-то пунктахъ начинаются, при наступленіи „утѣсненія", ограниченія захватнаго права: и „чертежи", и залежи мало по малу перестаютъ быть исключительною принадлежностью отдѣльныхъ лицъ и становятся общимъ достояніемъ. По отношенію къ „чертежамъ" исключительное право зачертившаго, сначала, угасаетъ лишь при „долговременномъ"—безъ ближайшаго обозначенія—оставленіи ихъ безъ дальнѣйшей разработки,—настолько долговременномъ, что возникаетъ предположеніе о нежеланіи „зачертившаго" приступать къ ихъ расчисткѣ; затѣмъ появляются опредѣленные 15-ти—10 лѣтніе сроки, мало-по-малу сокращающіеся до 5, 4, 3 лѣтъ; наконецъ исчезаютъ всякіе сроки, и зачерчиваніе само по себѣ совершенно перестаетъ обосновывать право на владѣніе землей: „на зачерчиваніе не глядятъ,—другой смѣло заѣзжаетъ въ чужой чертежъ, ибо труда тутъ никакого не вложено." „Внѣшняя форма выраженія захвата, говоритъ г. Дубенскій, состоитъ въ томъ, что хозяинъ, избравъ никѣмъ не занятый участокъ земли, зачерчиваетъ, опахиваетъ или огораживаетъ его и такимъ образомъ становится къ этому участку въ отношенія фактическаго владѣльца. Естественно, что чѣмъ неограниченнѣе пространства свободныхъ и удобныхъ для культуры земель, тѣмъ менѣе основанія ограничивать дѣйствія отдѣльнаго лица различными условіями, необходимыми для закрѣпленія его права на данный участокъ; огороженный участокъ можетъ стоять тогда долгіе годы незастроеннымъ, опаханная полоса—неразработанной, зачерченный лѣсъ—не вырубленнымъ, и тѣмъ не менѣе никто не станетъ оспаривать права на участокъ его первоначальнаго заимщика. Иное дѣло, если въ землѣ ощущается недостатокъ; тогда для возникновенія права владѣнія моментъ захвата считается уже недостаточнымъ, а требуется еще дѣйствительное пользованіе путемъ приложенія къ захваченному участку труда въ томъ или иномъ видѣ. Срокъ между внѣшнимъ выраженіемъ захвата и проявленіемъ фактическаго пользованія устанавливается обычаемъ самый короткій,

обыкновенно едва только достаточный для того, чтобы пользованіе осуществилось, въ противномъ же случаѣ участокъ становится свободнымъ, и захватить его можетъ всякій желающій". Такимъ образомъ *начало* владѣнія пашней мало-по-малу переносится отъ момента *захвата* къ моменту дѣйствительной *разработки*.

Аналогичный процессъ происходитъ и по отношенію къ моменту *прекращенія* владѣнія, который постепенно приводится къ моменту прекращенія *фактическаго пользованія*. Процессъ этотъ также происходитъ съ большою постепенностью. Во многихъ общинахъ Томской губерніи отъ владѣльцевъ пашенъ отходитъ прежде всего исключительное право на пользованіе растущею на залежахъ травою. Что касается до исключительнаго права на *распашку* отдохнувшихъ залежей, то община лишь медленно и постепенно приходитъ къ полному его отрицанію. Вначалѣ это право только ограничивается опредѣленнымъ, 20 или 15-лѣтнимъ срокомъ; въ этомъ случаѣ, какъ объясняетъ г. Личковъ, право на удержаніе за собой залежей въ принципѣ еще признается за распахавшимъ землю, а „продолжительный срокъ пребыванія въ залежи является болѣе или менѣе несомнѣннымъ доказательствомъ того, что хозяинъ пересталъ интересоваться землею, отказался отъ своихъ правъ на нее, слѣдовательно она теперь ничья, и кто хочетъ — можетъ ее себѣ присвоить путемъ вторичной расчистки". При этомъ, какъ констатировано въ Енисейской губерніи, община нерѣдко изыскиваетъ разные компромиссы: такъ, ограждая право на залежи, расчищенныя изъ-подъ лѣса, она допускаетъ захватъ кѣмъ угодно степныхъ залежей, не требовавшихъ затраты труда; иногда она допускаетъ захватъ залежей, лежащихъ уединенно, но не допускаетъ такового по отношенію къ залежамъ, расположеннымъ вблизи „мягкихъ" пашенъ, т. е. въ сферѣ „занятія" ихъ владѣльцевъ. Но мало-по-малу всѣ эти различія сглаживаются; въ то-же время срокъ, по истеченіи котораго допускается вольный захватъ залежи, постепенно сокращается отъ 15—20 до 3 лѣтъ. Если при этомъ залежь пригодна для сѣнокошенія, то въ началѣ переходнаго процесса теченіе срока начинается лишь съ того момента, когда хозяинъ перестаетъ ее косить; когда трудовой принципъ окончательно упрочился, срокъ считается съ самаго момента оставленія въ залежь: первые три года хозяину предоставляется исключительное право сѣнокошенія на залежи, по истеченіи же этого срока право распашки послѣдней принадлежитъ каждому желающему. Мало-по-малу однако и трехлѣтній срокъ начинается нарушаться; онъ сокращается до двухъ, до одного года,—въ концѣ концовъ исчезаютъ всѣ сроки, и пашня становится свободной для захвата, лишь только хозяинъ оставилъ

ее безъ обработки: хозяинъ, забросившій свою пашню, предполагается уже вознаградившимъ себя за затраченный на расчистку трудъ, и потому заброшенная земля сразу становится общимъ достояніемъ и можетъ хоть сейчасъ распахиваться всякимъ, кто найдетъ это для себя выгоднымъ.

Одновременно съ ограниченіемъ правъ на „чертежи" и залежи, община постепенно стѣсняетъ отдѣльныхъ лицъ и въ ихъ неограниченномъ прежде правѣ на *отчужденіе* захваченной земли, — на продажу и залогъ ея, а также на передачу по наслѣдству: при чисто-захватной формѣ владѣнія индивидуальной волѣ предоставляется въ этомъ отношеніи полной просторъ, и право отчуждать захваченныя земли пользуется безусловнымъ признаніемъ; когда захватное начало слабѣетъ, отчужденіе начинаетъ признаваться дѣйствительнымъ лишь при наличности такихъ условій, когда владѣніе можетъ быть пріобрѣтено и помимо купли—продажи,—такихъ условій, какъ согласіе общества, приложеніе труда и. т. п.,—и въ концѣ концовъ общество и волостной судъ приходятъ къ совершенному игнорированію сдѣлокъ купли—продажи, считая такія сдѣлки, съ точки зрѣнія обычая, незаконными.

Въ результатѣ очерченныхъ измѣненій *чисто-захватная форма и переходитъ въ иную форму—захватно-общинную.* „Эта форма, какъ и захватная, основана на принципѣ труда, но въ отличіе отъ захватной—безъ комбинаціи этого принципа съ прицинами первоначальнаго захвата, давности и наслѣдованія: *при господствѣ захватной формы, общинникъ, вложившій свой трудъ въ землю, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ вѣчное право владѣнія этою землею; при захватно-общинномъ пользованіи общинникъ имѣетъ право на землю лишь до тѣхъ поръ, пока продолжаетъ прилагать къ ней свой трудъ;* какъ только онъ „выпуститъ землю изъ рукъ," она опять становится общественнымъ достояніемъ, и каждому общиннику предоставляется, буде онъ пожелаетъ и найдетъ для себя выгоднымъ, встать къ ней въ тѣ-же чисто трудовыя отношенія; при захватномъ владѣніи каждый общественникъ, на основаніи своего права перваго захвата, имѣетъ право не допускать кого-бы то ни было вторгаться съ косой или съ сохой въ намѣченныя имъ для своего „занятія" границы, хотя-бы внутри послѣднихъ были совершенно не эксплоатируемыя имъ площади; при захватно-общинномъ пользованіи онъ владѣетъ *только* тѣмъ пространствомъ, къ которому прилагаетъ свой трудъ; онъ не можетъ воспретить кому-бы то ни было пахать рядомъ, „межа объ межу" со своею полосой, или занять оставшійся между двумя распаханными имъ полосами промежутокъ". Такое опредѣленіе захватно-общиннаго пользованія, какъ промежуточной формы

между чистымъ захватомъ и общинно-уравнительнымъ пользованіемъ, данное нишущимъ эти строки въ 1893 году, вполнѣ подтверждается работами гг. Дубенскаго и Филимонова: „характернѣйшимъ признакомъ, говоритъ г. Дубенскій, знаменующимъ переходъ захватной формы въ захватно-общинную, служитъ то обстоятельство, что обычно-правовымъ титуломъ индивидуальнаго владѣнія является уже не *захватъ*, а фактическое, непосредственное *пользованіе*. Такимъ образомъ захватъ, какъ основаніе права на тотъ или иной участокъ земли, утрачиваетъ при захватно-общинной формѣ всякое самостоятельное значеніе, является лишь моментомъ, сопутствующимъ или правильнѣе—нѣсколько предшествующимъ непосредственному приложенію къ данному участку труда по его эксплоатаціи“,— и слѣдовательно „*владѣніе возникаетъ одновременно съ проявленіемъ фактическаго пользованія и одновременно съ его прекращеніемъ прекращается*“. Совершенно тождественно по существу и опредѣленіе г. Филимонова: и по его наблюденіямъ „заимочная“ (т. е. захватная) форма переходитъ въ такую форму, „при которой участокъ земли, взятый или захваченный подъ обработку, находится... во временномъ пользованіи земледѣльца, а именно *до тѣхъ поръ, пока послѣдній обработываетъ* захваченный имъ участокъ; въ противномъ-же случаѣ, на основаніи правила „тотъ не владѣлецъ, кто не пахарь“, земельный участокъ „захватывается“ какимъ-либо инымъ земледѣльцемъ и тотчасъ-же поступаетъ въ пользованіе этого новаго захватчика“.

Итакъ первоначальная форма владѣнія землей, основанная прежде всего на *захватѣ*, оккупаціи, хотя и въ связи съ трудовымъ началомъ, постепенно смѣняется другою формой, въ основѣ которой лежитъ исключительно *одно только трудовое начало*. Какъ выяснено, преимущественно, при изслѣдованіи общинныхъ порядковъ Енисейской губерніи, эта смѣна формъ связана съ глубокими измѣненіями, вообще, въ народномъ правосознаніи, и въ частности — съ повышеніемъ значенія трудового начала. Что въ случаяхъ спора между лицомъ, первоначально захватившимъ землю, но не разработавшимъ ея, и лицомъ, вложившимъ въ землю свой трудъ, преимущество начинаетъ отдаваться этому послѣднему, — это ясно изъ самаго опредѣленія захватно-общинной формы пользованія; но и независимо отъ этого, совершенно измѣняется отношеніе крестьянскаго міра и его выразителя—волостного суда къ вопросу о вознагражденіи за затраченный на обработку спорнаго участка трудъ: пока господствуетъ чисто-захватное начало, „право отвѣтчика требовать отъ истца вознагражденія за обработку угодья, признаннаго судомъ принадлежащимъ послѣднему, ограничивается только тѣми случаями, когда

отвѣтчику удастся доказать, что онъ обработалъ чужой участокъ по ошибкѣ или, при лучшихъ обстоятельствахъ, когда истцу не удастся доказать, что захватъ произведенъ отвѣтчикомъ съ явной злонамѣренностью,“ завѣдомо. Когда захватная форма смѣняется захватно-общинною, когда трудъ, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ *юридическое* значеніе, какъ основаніе самаго права на владѣніе землей, — тогда дѣла о вознагражденіи начинаютъ рѣшаться по принципу: „никто не долженъ обогащаться на чужой счетъ“, и волостной судъ вознаграждаетъ отвѣтчика за труды независимо отъ того, началъ-ли онъ обрабатывать спорное угодье по ошибкѣ или съ явною mala fides — съ несомнѣннымъ знаніемъ, что оно находится уже въ пользованіи другаго лица.

Для насъ однако гораздо важнѣе другая сторона дѣла, именно, что разсматриваемая форма имѣетъ уже вполнѣ опредѣленный *общинный* характеръ. Правда, община выступаетъ активно лишь въ то время, когда захватно-общинная форма только еще начинаетъ складываться,—когда притязанія безземельныхъ и малоземельныхъ общественниковъ на чужіе „чертежи“ и „залежи“ встрѣчаютъ рѣзкій отпоръ со стороны ихъ владѣльцевъ, опирающихся на свое захватное право; общинѣ, какъ цѣлому, въ это время приходится вступаться въ дѣло и путемъ формальныхъ или словесныхъ отводныхъ приговоровъ принуждать владѣльцевъ залежей и „чертежей“ уступать ихъ нуждающимся въ землѣ общественникамъ. Когда, напротивъ, послѣ ряда такого рода случаевъ принципы новой формы землепользованія достаточно упрочились въ сознаніи крестьянства,—тогда надобность въ прямыхъ распоряженіяхъ со стороны общины исчезаетъ, потому что каждый общественникъ знаетъ уже взглядъ общины и волостного суда на дѣла, и владѣлецъ залежей и „чертежей“ уступаетъ ихъ, не доводя дѣло до обсужденія на сходѣ или до разбирательства на судѣ; порядокъ, соотвѣтствующій захватно-общинной формѣ, начинаетъ осуществляться самъ собой, и каждое индивидуальное пользованіе возникаетъ помимо непосредственнаго вѣдома общины, на основаніи единоличнаго захвата подъ обработку либо пустопорожнихъ земель, либо участковъ, обработка которыхъ прекратилась.

Хотя такимъ образомъ при захватно-общинномъ пользованіи, разъ оно успѣло достаточно упрочиться, все основывается, на первый взглядъ, не на распоряженіяхъ общины, а на индивидуальныхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ не менѣе именно при этой формѣ землепользованія общинное начало впервые выступаетъ съ полною ясностью и опредѣленностью: прежде всего при этой формѣ, въ отличіе отъ захватной, каждый общественникъ имѣетъ одинаковое съ другими право на каждый клочокъ невоздѣлываемой въ данный моментъ земли,—право,

нестѣсняемое уже исключительными правами, принадлежащими отдѣльнымъ лицамъ, заимщикамъ, на тѣ или другія части общинной территоріи. Съ другой стороны, индивидуальный захватъ при этой формѣ имѣетъ за собой уже успѣвшую проявиться въ рядѣ случаевъ регулирующую дѣятельность общины; и эта послѣдняя, не вмѣшиваясь въ распредѣленіе угодій между отдѣльными лицами, пока все идетъ тихо и гладко, тотчасъ-же выступаетъ впередъ, какъ только происходитъ какое-либо отступленіе отъ нормальнаго порядка: міръ вмѣшивается, если кто вздумаетъ, по старой памяти, продать свою землю; міру жалуются тѣ, кого не пускаютъ распахивать свободныя залежи или кого „опахали“ „не по праву и справедливости“,—и въ результатѣ міръ начинаетъ все болѣе и болѣе чувствовать свою силу и значеніе. Нельзя поэтому не согласиться съ мнѣніемъ г. Филимонова, что захватно-общинная форма „есть та первоначальная школа, въ которой впервые вырабатываются принципы мірского землепользованія, вырабатывается мірская совѣсть, пріобрѣтается вліяніе міра надъ своими членами и укрѣпляется связь послѣднихъ съ первымъ.

Борьба между чисто-захватною и захватно-общинною формами составляетъ въ настоящее время главное содержаніе общинной жизни въ большей части того обширнаго края, на который распространились статистическія изслѣдованія 1887—1892 гг. При этомъ только въ Иркутской губерніи захватная форма стоитъ еще довольно твердо, а форма захватно-общинная сдѣлала пока сравнительно небольшіе успѣхи,—и обстоятельство это вполнѣ объясняется преобладаніемъ здѣсь пашенъ, расчищенныхъ изъ-подъ лѣса съ болѣе или менѣе значительными затратами труда, — условіемъ, какъ ясно изъ предыдущаго, очень увеличивающимъ шансы владѣльцевъ захватныхъ пашенъ и залежей. Напротивъ въ Енисейской губерніи захватное владѣніе пашнями уже почти всюду уступило или уступаетъ мѣсто захватно-общинному: въ чистомъ своемъ видѣ захватная форма наблюдается лишь въ весьма немногихъ мѣстностяхъ,—но и здѣсь изслѣдованіе считаетъ „участь этой формы, въ принципѣ, рѣшенной“; съ другой стороны однако въ Енисейской губерніи весьма немного и мѣстностей, гдѣ форма владѣнія пашнями являлась-бы уже законченною захватно-общинной, въ большинствѣ же случаевъ слѣды переживанія болѣе ранней, захватной формы еще очень замѣтны. То-же самое можно сказать и о ближайшей къ границѣ Енисейской губерніи части Томской губерніи: здѣсь изслѣдованіе только въ одной волости застало крѣпкое еще захватное владѣніе,—преобладаютъ разныя переходныя формы, а въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска—вполнѣ установившееся захватно-общинное поль-

зованіе. Самою распространенною формой это послѣднее является и въ изслѣдованной г. Филимоновымъ сѣверо-западной части Каинскаго округа (а вѣроятно—и въ прилегающей къ нему юго-восточной части Тобольской губерніи), хотя и здѣсь сохранилось не мало остатковъ захватнаго владѣнія. Наконецъ земледѣльческій сѣверъ и юго-западъ Тобольской губерніи представляютъ собой уже область господства общинно-уравнительной формы; въ нѣкоторыхъ волостяхъ сравнительно болѣе богатаго землею Ишимскаго округа еще сохранилось захватно-общинное пользованіе, а недавно существовали еще и чисто-захватныя формы, о которыхъ у населенія сохранилось еще вполнѣ отчетливое воспоминаніе; напротивъ въ Курганскомъ округѣ даже захватно-общинная форма извѣстна—и то лишь въ немногихъ волостяхъ—только по воспоминаніямъ, а о чисто-захватной формѣ самое преданіе успѣло настолько изгладиться изъ народной памяти, что изслѣдователь этого округа, г. Осиповъ, даже отрицаетъ самую возможность чего-либо похожаго на тотъ складъ земельныхъ отношеній, который мы обозначаемъ этимъ названіемъ.

Разграничить точнѣе районы господства захватной и захватно-общинной формъ нѣтъ возможности, да нѣтъ, пожалуй, и надобности, такъ какъ самыя эти формы не отдѣляются другъ отъ друга рѣзкою чертой, а сливаются другъ съ другомъ рядомъ незамѣтныхъ переходовъ. Само крестьянство и главный носитель его правосознанія—волостной судъ—далеко не всегда ясно отличаютъ одну форму отъ другой; характерный примѣръ такого смѣшенія представляетъ записанное нами рѣшеніе одного волостного суда, который по спорному дѣлу о захватѣ земли и заимки призналъ, съ одной стороны, право общественниковъ на захватъ и распашку лежащей вблизи заимки земли, „какъ уже давно не вспахиваемой“, но съ другой—нашелъ, что „отвѣтчики не должны были занимать пашни въ непосредственной близости отъ заимки“,—и эти пашни, поэтому, опредѣлилъ оставить въ пользованіи заимочника; такимъ образомъ судъ въ одномъ и томъ-же случаѣ руководился соображеніями, относящимися къ обѣимъ принципіально различнымъ, но на практикѣ нерѣдко сливающимся формамъ землепользованія.

Гораздо чаще случаи другого рода, когда захватное право, теоретически уже не признаваемое общиной, фактически, къ великому неудовольствію бѣдной части населенія, продолжаетъ существовать. Съ такимъ явленіемъ пишущему эти строки приходилось встрѣчаться въ сѣверо-восточной части Томской губерніи; при разспросахъ сходы давали отвѣты, указывающіе на существованіе захватно-общиннаго пользованія: „у насъ земля вольная,—всякій

пашетъ, гдѣ глянется"; „земля общественная,—ежели я полосу пашу, а другой возлѣ съ сохой станетъ,—какъ я могу препятствовать?"; „пока я пашу,—я хозяинъ, бросилъ пахать,—земля общественная"; сходныя указанія давали и рѣшенія волостныхъ судовъ,—но въ то-же время въ дѣйствительности оказывалось, что добрая половина общественной земли захвачена въ составъ нѣсколькихъ крупныхъ „занятій" и фактически недоступна для массы общественниковъ, такъ какъ заимочники успѣшно сопротивляются всякимъ попыткамъ вторженія въ оферу ихъ захвата. Орудіе для такого сопротивленія они находятъ въ самомъ принципѣ вольнаго пользованія: „подъѣзжай къ нему (богачу) съ одной сохой, жалуются бѣдняки,—а онъ на четырехъ, а то и на шести сохахъ выѣдетъ да вокругóмъ тебя опашетъ и заборонитъ,—такъ ты на одномъ загонѣ и остался: хоть-бы они къ намъ не лѣзли, а намъ, бѣднотѣ, гдѣ ужъ отбивать у нихъ пашню!"—Этотъ пріемъ, помощью котораго заимщикъ, оставаясь на легальной почвѣ, фактически „выживаетъ" всякаго пришельца изъ района своего „занятія", весьма распространенъ, по крайней мѣрѣ въ изслѣдованной пишущимъ эти строки части Томской губерніи,—и благодаря ему бѣдняки обыкновенно не рѣшаются и подступаться къ заимкамъ. Но заимщики не останавливаются и предъ болѣе рѣшительными мѣрами: въ книгахъ волостныхъ судовъ можно найти не мало указаній на драки, ложные доносы „по злобѣ", насильственные захваты запаханной земли и т. п. поступки, а нерѣдко заимочникамъ удается найти защиту своихъ притязаній на исключительное владѣніе захваченными землями со стороны состоящей по преимуществу изъ богатѣевъ волостной администраціи, иногда—и волостного суда.

Независимо отъ изложенныхъ явленій, въ которыхъ проявляется ожесточенная, мѣстами, борьба заимщиковъ за свое привиллегированное положеніе, встрѣчаются и случаи, когда захватныя владѣнія продолжаютъ фактически существовать, не встрѣчая никакихъ препятствій и не вызывая никакого неудовольствія; это бываетъ именно тогда, когда община владѣетъ дальними землями, на которыя бѣднякамъ, да и средне-состоятельнымъ хозяевамъ, засѣвающимъ по 5—7 десятинъ, „не изъ-за чего ѣхать"; напротивъ богачи, которымъ разстоянія не страшны, охотно берутъ такія дальнія, обыкновенно свѣжія земли и устраиваютъ на нихъ свои заимки; такъ какъ такія дальнія земли не привлекаютъ вниманія массы общественниковъ, то возникшія здѣсь „занятія" богачей остаются нетронутыми въ то время, когда на ближайшихъ урочищахъ, гдѣ хозяйствуетъ масса населенія, чисто-захватная форма уже окончательно смѣнилась захватно-общинною.

По мнѣнію г. Филимонова, весьма правдоподобному, хотя и не находящему себѣ достаточно общаго подтвержденія въ добытомъ изслѣдователями фактическомъ матеріалѣ, такая двойственность составляетъ, да и должна составлять, общее правило: „всѣ крупныя заимки, говоритъ онъ, лежащія отъ селеній на разстояніи не болѣе 6—7 верстъ, исчезли въ Барабѣ,—но зато онѣ сохранились на периферіи дачъ“; и это именно потому, что „дальность отъ селенія служитъ всегда значительною гарантіей цѣлости заимокъ“,— а самый процессъ смѣны одной формы другою сводится въ каждой данной общинѣ къ тому, что „волна захвата (по нашей терминологіи захватно-общинной формы), начавшаяся въ центрѣ земельной дачи, съ большою стремительностью и силой направляется къ периферіи, разрушая на своемъ пути предшествовавшую заимочную (захватную) форму землевладѣнія“. Чистая форма послѣдней сохранилась въ Барабѣ только на дальнихъ заимкахъ, и коренные заимщики нерѣдко бѣгутъ отъ сгущающагося населенія и ищутъ простора и неприкосновенности своего захвата въ безлюдномъ урманѣ и вообще въ никѣмъ не населенныхъ, дикихъ мѣстностяхъ. И нельзя не согласиться со справедливостью замѣчанія г. Филимонова, что „это бѣгство заимщиковъ на вольныя земли имѣло и имѣетъ величайшее историческое значеніе въ дѣлѣ колонизаціи края и разселенія населенія по территоріи послѣдняго“.

Обладая при нѣкоторой степени „утѣсненія“ извѣстными преимуществами передъ чисто-захватнымъ владѣніемъ, захватно-общинная форма связана однако, въ свою очередь, и съ весьма существенными неудобствами: прежде всего, разъ единственнымъ основаніемъ землевладѣнія является трудъ, то „естественно, что хозяева болѣе сильные и богатые начинаютъ стѣснять въ пользованіи хозяевъ сравнительно слабыхъ и бѣдныхъ,—отбираютъ у послѣднихъ случайно оставшіяся необработанными пашни или „чертежи“, и такимъ образомъ въ земельныя отношенія вносятся произволъ и безпорядокъ; затѣмъ исчезновеніе существовавшихъ при захватной формѣ ограниченій права распашки пустопорожней земли, прилегающей къ распаханнымъ полосамъ, ведетъ къ учащенію и обостренію споровъ между владѣльцами сосѣднихъ пашенъ, и наконецъ возможность для каждаго захватывать пашню на первый-же или второй годъ по оставленіи ея въ залежь ведетъ къ непрерывной, безъ отдыха, эксплоатаціи пашенъ, весьма вредной при мѣстной системѣ полеводства“ (Дубенскій); сильнѣе и рѣзче всего эти специфическія неудобства захватно-общинной формы сказываются, конечно, именно при той борьбѣ между богатыми и бѣднотою, о которой мы упоминали на предыдущихъ страницахъ. Что̀ касается

до другой стороны дѣла, до степени соотвѣтствія этой формы требованіямъ равномѣрности, то въ теченіе нѣкотораго времени, при извѣстной степени земельнаго простора, захватно-общинная форма создаетъ такія-же условія, какія ранѣе, при значительно большемъ просторѣ, создавались чисто-захватнымъ пользованіемъ: каждый пользуется землею „по трудамъ своимъ", и если чье-либо фактическое пользованіе незначительно, то обиженному приходится „на себя пенять", ибо *возможность* расширять свое хозяйство предъ нимъ совершенно открыта; въ то-же время, однако захватно-общинная форма, конечно, не устраняетъ основного недостатка чисто-захватной формы—несоотвѣтствія землевладѣнія съ платежами, а затѣмъ, когда „утѣсненіе" сдѣлало нѣсколько шаговъ впередъ, долженъ настать моментъ, когда всѣ лучшія земли окажутся разобранными „по рукамъ", а въ некультурномъ состояніи или въ залежахъ, слѣдовательно доступными для свободнаго захвата, останутся лишь худшія по почвеннымъ условіямъ или истощенныя земли. Тогда захватно-общинная форма становится столь-же стѣснительною для болѣе или менѣе значительной части населенія, какъ когда-то стала форма захватная,—и это обстоятельство, въ связи съ остальными намѣченными выше неудобствами захватно-общинной формы, вызываетъ дальнѣйшія вмѣшательства міра въ земельныя отношенія его членовъ, —вызываетъ постепенное вытѣсненіе идеи захвата, хотя-бы и основаннаго на трудѣ, идеей *поравненія*, а вмѣстѣ съ тѣмъ—постепенный переходъ отъ захватно-общинной формы къ формѣ *общинно-уравнительной* или *душевой*. Переходнымъ моментомъ являются такъ называемые *отводы*—явленіе, особенно обстоятельно изученное въ восточно-сибирскихъ губерніяхъ, почему мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ опираться по преимуществу на собранныя въ этихъ губерніяхъ данныя,—впрочемъ вполнѣ согласующіяся съ тѣми болѣе отрывочными данными, которыя собраны въ Западной Сибири.

Главные недостатки захватно-общинной формы можно свести, согласно сказанному, къ *непрочности и неравномѣрности* землевладѣнія. Соотвѣтственно этому и отводы имѣютъ двоякій характеръ, имѣя цѣлью, какъ говоритъ г. Дубенскій, „съ одной стороны сдѣлать данное владѣніе возможно прочнымъ и безспорнымъ, съ другой—по возможности урегулировать землепользованіе въ количественномъ, такъ сказать, отношеніи. Въ первомъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ *отводами земель, никѣмъ незанятыхъ*, во второмъ—съ тѣмъ, что̀ принято называть *отводами - отрѣзками*". Отводы перваго рода задолго предшествуютъ вторымъ: сначала община присваиваетъ себѣ только исключительное право распоряжаться такъ

называемыми „безродными“, выморочными пашнями; она „ограничивается наложеніемъ своего veto только на захватъ земель, никѣмъ не занятыхъ, отводя ихъ по своему усмотрѣнію или въ пожизненное пользованіе, или на опредѣленный періодъ или, наконецъ до „новаго передѣла“ (собственно отвода); наряду съ выморочными землями отводы распространяются и на залежи, и на „чертежи“, — словомъ на всѣ тѣ земли, которыя при установившейся захватно-общинной формѣ считаются не достояніемъ отдѣльныхъ лицъ, а свободными, состоящими въ распоряженіи общины. При такихъ условіяхъ „воздѣйствіе общества на сравнительные размѣры землепользованія остается, такъ сказать, отрицательнымъ, ибо этимъ путемъ общество можетъ только препятствовать дальнѣйшему росту неравномѣрности“, не допуская захвата свободныхъ земель тѣми, у кого и безъ того много земли, и напротивъ, отводя ихъ безземельнымъ или малоземельнымъ крестьянамъ,—но отнюдь не касаясь тѣхъ земель, которыя были захвачены раньше. „Но разъ только обычай призналъ за обществомъ право распоряжаться хотя-бы только пустующими землями..., онъ неизбѣжно, съ теченіемъ времени, распространяетъ это право уже на всѣ земли безъ изъятія—какъ свободныя, такъ и занятыя; такимъ путемъ создаются отводы-отрѣзки“, носящія уже характеръ *частнаго поравненія*.

Такія отрѣзки, въ свою очередь, распространяются лишь медленно и съ большою постепенностью: дѣло начинается съ отдѣльныхъ случаевъ отрѣзокъ отъ тѣхъ хозяевъ, которые „держатъ“, по мнѣнію общества, слишкомъ много земли; отдѣльные куски отводятся тѣмъ, у кого земли явно недостаточно, или чаще—совершенно безземельнымъ. Отрѣзки въ началѣ дѣлаются не на основаніи какихъ-либо точныхъ измѣреній, а „глазомѣрно“, на основаніи близкаго знакомства общины съ размѣрами землевладѣнія каждаго общественника; въ Курганскомъ округѣ сохранилось еще воспоминаніе о времени, когда „отрѣзали землю отъ тѣхъ домохозяевъ, у которыхъ было много земли, причемъ не соображались ни съ качествомъ земли, ни съ количествомъ душъ, какъ у тѣхъ домохозяевъ, у которыхъ производили отрѣзки, такъ и у тѣхъ, въ пользу которыхъ эти отрѣзки дѣлались,—„лишь-бы безъ пашни не остались“; иногда приэтомъ принимаются во вниманіе обстоятельства въ родѣ того, не сдаетъ-ли домохозяинъ часть земли постоянно въ аренду, не приходится-ли ему прибѣгать при обработкѣ пашни къ услугамъ наемныхъ рабочихъ и т. п. Община въ подобныхъ случаяхъ рѣдко приступаетъ къ отрѣзкѣ по собственной иниціативѣ; она ждетъ просьбы отдѣльныхъ домохозяевъ, заинтересованныхъ въ такого рода отрѣзкахъ: „просящій указываетъ большею частью на такой-то

участокъ, который онъ просилъ-бы отрѣзать для него отъ другого, приводитъ свои соображенія, почему этотъ участокъ ему такъ необходимъ и почему онъ, съ его точки зрѣнія, для нынѣшняго владѣльца лишній, ненужный, безъ котораго онъ обойтись навѣрно можетъ и т. п. Тотъ, у кого хотятъ произвести отрѣзку, обыкновенно возражаетъ, что у него земли совсѣмъ не такъ много или даже очень, по его мнѣнію, мало, что она ему не лишняя, а напротивъ— очень нужна, и проч."; рѣшеніе вопроса на основаніи столь противорѣчивыхъ заявленій нерѣдко зависитъ отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ, а иногда—и отъ „угощенія" (Личковъ). Неудивительно поэтому, что на практикѣ такія случайныя отрѣзки нерѣдко дѣлаются очень несправедливо и очень часто не только не уменьшаютъ, а иногда даже усиливаютъ неравномѣрность распредѣленія земли.

Тѣмъ не менѣе уже и такія отрѣзки, хотя и безпорядочныя и дурно организованныя, имѣютъ весьма важное значеніе, такъ какъ являются вполнѣ опредѣленными и несомнѣнными проявленіями власти міра, какъ верховнаго распорядителя и распредѣлителя общинной земли.

Отрѣзки, повторяемъ, начинаются обыкновенно съ единичныхъ, болѣе или менѣе нерѣшительныхъ попытокъ: землю отбираютъ сначала отъ тѣхъ заимщиковъ-богатѣевъ, которые сосредоточили въ своихъ рукахъ наибольшее, явно чрезмѣрное количество земли, а затѣмъ отрѣзки постепенно учащаются и начинаютъ сглаживать и менѣе бросающіяся въ глаза неравномѣрности; дѣйствіе послѣдовательныхъ отрѣзокъ можетъ быть уподоблено работѣ струга, который сначала срѣзываетъ только наиболѣе значительныя неровности, затѣмъ начинаетъ захватывать и болѣе мелкія, и постепенно превращаетъ неровную поверхность въ совершенно гладкую. Параллельно съ учащеніемъ отрѣзокъ, эти послѣднія пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе точный характеръ: вмѣсто первоначальныхъ „глазомѣрныхъ" отводовъ, прибылыя души начинаютъ надѣляться опредѣленнымъ числомъ десятинъ, малоземельнымъ добавляютъ недостающее до той-же нормы количество земли, а отрѣзки, хотя и продолжаютъ производиться по прежнему „глазомѣрнымъ" порядкомъ, постепенно подгоняютъ къ той-же нормѣ и землепользованіе многоземельныхъ хозяевъ,—и такимъ образомъ постепенно, безъ рѣзкаго скачка, происходитъ процессъ приведенія землепользованія въ соотвѣтствіе съ распредѣленіемъ платежей, устраняется всякій *явный* избытокъ или недостатокъ въ землѣ. Когда наступило такое положеніе дѣлъ, производство правильнаго передѣла является только вопросомъ времени, такъ какъ передѣлъ, не внося уже ничего новаго по су-

ществу, является только способомъ болѣе полнаго достиженія той цѣли, которая уже въ значительной мѣрѣ достигнута дѣйствіемъ системы постепенныхъ отрѣзокъ.

Въ другихъ случаяхъ (преимущественно въ Иркутской губерніи и въ Каинскомъ округѣ) отрѣзки сосредоточиваются къ одному моменту и производятся на основаніи одного общаго общественнаго приговора, и такимъ образомъ получается та весьма несовершенная форма общаго передѣла, которую г. Личковъ называетъ „*общимъ поравненіемъ*“; такое поравненіе происходитъ путемъ отрѣзки отъ тѣхъ, „у кого сообразно числу его душъ земли много“, къ тѣмъ, у кого земли „противъ душъ не хватаетъ“; все уравненіе „основывается на показаніяхъ относительно количества земель, данныхъ на сходѣ самими владѣльцами и ихъ сосѣдями по пашнѣ, причемъ тѣмъ, у кого не хватаетъ земли до нормы, предоставлено право „разыскивать себѣ землю“, т. е. искать такого хозяина, который владѣлъ-бы бо̀льшимъ, нежели ему слѣдуетъ, количествомъ земли. Сыскавъ такого хозяина съ лишнею землей, проситель заявляетъ объ этомъ сходу, большею частью выставляетъ, какъ водится, извѣстное количество вина и получаетъ отводный актъ на указанный участокъ“. За отрѣзкою оказавшихся излишковъ, остальная земля каждой данной семьи „оставалась та-же, какою она владѣла и раньше; прибавка, въ свою очередь, дѣлалась къ тому количеству и той самой землѣ, которою хозяинъ владѣлъ и раньше; иначе говоря, коренные участки оставались у каждаго на своихъ мѣстахъ, и только отрѣзки переходили изъ рукъ въ руки, мѣняли своихъ хозяевъ“. „Поравненіе“ однако, было далеко не полнымъ: „нѣкоторыми были скрыты излишки, другіе не дополучили, и имъ предоставлено было только право „доглядывать за другими, нельзя-ли у нихъ открыть излишекъ, которымъ-бы можно было покрыть недостающее до нормы; качественнаго уравненія, обыкновенно сопровождающаго коренные передѣлы, тоже не было“. Такимъ образомъ, такія общія „поравненія“, какъ и равненіе путемъ постепенныхъ, послѣдовательныхъ отрѣзокъ, „представляютъ собой все-таки весьма несовершенныя передѣльныя формы и сообразно существу своему и по самой исторіи своего происхожденія являются не болѣе и не менѣе, какъ тѣми-же отводами, только распространяющимися на всѣхъ членовъ общины, унормированными и введенными въ систему“. Въ Енисейской губерніи (и въ сѣверо-восточной части Томской) дѣло нигдѣ не дошло еще даже до этой несовершенной формы „общаго поравненія“, а въ Иркутской такія „поравненія“, по даннымъ изслѣдованія, производились главнымъ образомъ на сѣверѣ, въ Верхоленскомъ округѣ; въ южной полосѣ губерніи общія поравненія отмѣчены всего

въ двухъ десяткахъ общинъ, исключительно въ наименѣе богатомъ землею Иркутскомъ округѣ, — переходъ же къ болѣе правильнымъ формамъ общаго передѣла для всего обширнаго пространства, лежащаго къ востоку отъ Томска, есть еще дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго.

Кромѣ такого постепеннаго перехода отъ захватнаго пользованія къ несовершеннымъ формамъ „частнаго" или „общаго поравненія" и уже отъ нихъ—къ правильному передѣлу, общинно-уравнительное пользованіе иногда возникаетъ и инымъ путемъ: передѣлъ совершается сразу и достаточно точнымъ способомъ, но лишь по отношенію къ *части* пахатныхъ земель. Такъ, въ передѣлъ нерѣдко пускаются только тѣ пашни, по отношенію къ которымъ общинѣ совершенно не приходится считаться съ захватными правами отдѣльныхъ лицъ. Въ Иркутской губерніи, напримѣръ, бывали случаи, что община пускала въ раздѣлъ между всѣми общинниками оставшіяся въ ея распоряженіи выморочныя пашни; гораздо чаще случаи раздѣла подъ пашню земель, удобныхъ для полевой культуры, но раньше имѣвшихъ другое назначеніе и безспорно состоящихъ въ распоряженіи міра; къ этой послѣдней категоріи принадлежитъ рядъ случаевъ, отмѣченныхъ и на западѣ Енисейской губерніи, и на ближайшей къ послѣдней окраинѣ Маріинскаго округа, Томской губерніи, и въ Каинскомъ округѣ, — случаевъ передѣла по душамъ такъ называемыхъ „выгородокъ",—площадей, выдѣленныхъ для обращенія въ пахатную землю изъ огороженнаго присельнаго выгона. Съ другой стороны, преимущественно на югѣ Тобольской губерніи и въ Каинскомъ округѣ, постепенность перехода къ душевому пользованію опредѣляется нерѣдко достоинствомъ угодій — почвенными условіями, разстояніемъ отъ усадебъ и т. п.: передѣлу на первый разъ подвергаются только наиболѣе цѣнныя—лучшія по почвѣ или поддворныя пашни, всѣ же остальныя, худшія или отдаленныя земли остаются по прежнему въ захватно-общинномъ пользованіи и поступаютъ въ передѣлъ—опять-таки нерѣдко въ два пріема—лишь по истеченіи нѣкотораго болѣе или менѣе продолжительнаго времени; въ Курганскомъ округѣ, по даннымъ г. Осипова, такой смѣшанный порядокъ пользованія, какъ и всѣ вообще формы, описанныя въ предыдущемъ изложеніи, отошелъ уже въ область воспоминаній; напротивъ въ Ишимскомъ, а равно, по изслѣдованіямъ г. Филимонова, въ Каинскомъ округѣ, общины, передѣляющія однѣ только ближнія или лучшія пашни, еще довольно многочисленны, — а слѣды такого двойственнаго порядка, въ видѣ оставшихся внѣ передѣла „послѣдовъ", очень удаленныхъ или весьма плохихъ по качеству и потому мало кѣмъ эксплоатируемыхъ, сохранились едва-ли не въ

большинствѣ тѣхъ общинъ, которыя въ остальномъ уже окончательно перешли къ общинно-уравнительному порядку. Наконецъ довольно многія общины, преимущественно въ Верхоленскомъ округѣ, Иркутской губерніи, пускаютъ въ передѣлъ лишь тѣ земли, которыя либо совершенно не обрабатываются,—залежи, либо обрабатываются настолько давно, что съ избыткомъ окупили трудъ, затраченный на ихъ расчистку, оставляя внѣ передѣла всѣ тѣ пашни, отобраніе которыхъ могло-бы нарушить права кого-либо изъ общественниковъ, основанныя на затраченномъ и еще не окупившемся трудѣ. Такихъ оставляемыхъ внѣ передѣла пашенъ — большинство даже въ тѣхъ общинахъ Верхоленскаго округа, гдѣ уже появились передѣлы: *число* такихъ общинъ равно 40,6% всего числа общинъ округа, площадь передѣляемыхъ пашенъ — всего 5,4% всей распаханной въ округѣ земли.

По отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ душевое пользованіе, какъ уже упоминалось выше, сдѣлало гораздо бо̀льшіе успѣхи, нежели по отношенію къ пахатнымъ землямъ. Такъ, въ Иркутской губерніи „покосы только въ немногихъ мѣстахъ до настоящаго времени не перешли въ уравнительное по душамъ поравненіе“, а болѣе 75% общаго числа общинъ въ настоящее время уже производятъ ежегодные передѣлы сѣнокосныхъ угодій. Въ Енисейской губерніи захватныя формы сохранились сравнительно гораздо болѣе; изслѣдованіе даетъ точныя цифры, по округамъ, числа общинъ съ тою или другою формою пользованія сѣнокосами, и эти цифры, по переводѣ въ процентныя отношенія, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	ЧИСЛО СЕЛЕНІЙ (въ %)			
	съ захватнымъ или вольнымъ пользованіемъ.	съ частными поравненіями.	съ общими поравненіями.	съ передѣлами покосовъ.
въ Канскомъ окр.	21,5	16,4	45,6	16,5
„ Красноярскомъ „	6,4	3,8	43,6	46,2
„ Ачинскомъ „	26,7	38,7	25,3	9,3
„ Минусинскомъ „	15,2	29,2	40,6	15,0
въ итогѣ по губерніи	17,0	22,7	39,2	21,1

Такимъ образомъ число селеній, гдѣ захватныя формы вполнѣ сохранились или еще только начали разрушаться (частныя поравненія), колеблется, по округамъ, между 10,2 и 65,4%, число селеній, гдѣ пользованіе покосами такъ или иначе приведено въ соотвѣтствіе съ платежами,—между 34,6 и 89,8%, причемъ въ наиболь-

шей мѣрѣ захватныя формы сохранились въ богатомъ покосами Ачинскомъ округѣ, въ наименьшей—въ Красноярскомъ. На сѣверо-восточной окраинѣ Томской губерніи, гдѣ сѣнокосныя угодья чрезвычайно обширны, а излишки сѣна почти не имѣютъ сбыта, не было почвы для развитія душевого пользованія, которое поэтому успѣло появиться лишь въ нѣкоторыхъ обществахъ по отношенію къ заливнымъ лугамъ и совершенно не возникало еще по отношенію къ прочимъ видамъ сѣнокосовъ; напротивъ въ окрестностяхъ Томска, гдѣ сѣно имѣетъ значительный и выгодный сбытъ, заливные луга передѣлены повсемѣстно, а въ тѣхъ районахъ, гдѣ по преимуществу заготовляютъ сѣно на продажу, душевое пользованіе сдѣлало большіе успѣхи и по отношенію къ прочимъ видамъ покосовъ. Затѣмъ на юго-западѣ Томской губерніи, въ Каинскомъ округѣ, надо различать южную, степную полосу, гдѣ сѣнокосовъ немного и гдѣ они, поэтому, повсемѣстно передѣляются, отъ сѣверной, урманной, гдѣ еще всецѣло преобладаютъ захватныя формы. Наконецъ вся Тобольская губернія представляетъ собой уже область господства душевыхъ формъ, и вольное сѣнокошеніе сохранилось мѣстами только въ трехъ юго-восточныхъ округахъ, гдѣ оно впрочемъ тоже уже доживаетъ послѣдніе дни.

Что касается до самаго процесса перехода отъ захватныхъ формъ къ душевому или общинно-уравнительному пользованію, то этотъ переходъ совершался разными путями, въ зависимости отъ свойствъ сѣнокосныхъ угодій и въ частности отъ того, былъ-ли, и въ какой мѣрѣ, затраченъ трудъ на ихъ расчистку, или же, наоборотъ, они были свободнымъ даромъ природы.

Выше мы упоминали о томъ, что по отношенію къ одной части сѣнокосныхъ угодій первоначальною формой является *вольное* пользованіе, по отношенію къ другой—*захватное*; эта послѣдняя форма по преимуществу примѣняется, съ одной стороны, къ сѣнокоснымъ мѣстамъ, вошедшимъ въ сферу притяженія заимокъ, съ другой—къ лѣснымъ покосамъ, съ болѣе или менѣе значительною затратою труда расчищеннымъ изъ-подъ лѣса и предохраняемымъ отъ заростанія.

Въ мѣстностяхъ, особенно богатыхъ сѣнокосными угодьями, вольное пользованіе принимаетъ ту форму, при которой допускается „закашиваніе“ или „затяпываніе“ покосовъ, и закошенное пространство на данное лѣто поступаетъ въ исключительное владѣніе закосившаго. По мѣрѣ сокращенія земельнаго простора, эта форма вольнаго пользованія вездѣ уступаетъ мѣсто другой, при которой „закашиваніе“ не допускается, и каждый общественникъ можетъ косить гдѣ ему угодно, не стѣсняясь тѣмъ, гдѣ косятъ другіе, но и самъ никого не стѣсняя. По отношенію къ заливнымъ лугамъ,

какъ упоминалось, и этотъ порядокъ пользованія большею частью уже исчезъ и смѣнился порядкомъ общинно-уравнительнымъ, причемъ, къ сожалѣнію, изслѣдованію нигдѣ не удалось наблюдать по отношенію къ этимъ угодьямъ самаго переходнаго процесса. Напротивъ по отношенію къ незаливнымъ покосамъ въ южной части Тобольской губерніи сдѣланы довольно обстоятельныя наблюденія, которыя показали, что переходъ отъ вольнаго пользованія къ обычнымъ формамъ ежегоднаго передѣла посредствомъ „расписыванія по урочищамъ“ или „набоя душъ“ (см. ниже, гл. VII) совершался черезъ рядъ столь незамѣтныхъ переходныхъ ступеней, что точно опредѣлить моментъ, когда прекращается вольное и начинается душевое пользованіе, нѣтъ возможности. Нѣкоторое ограниченіе вольнаго пользованія можетъ быть усмотрѣно уже въ установленіи дня начала сѣнокошенія, а затѣмъ—въ воспрещеніи прибѣгать для уборки сѣна на вольныхъ покосахъ къ найму поденщиковъ. Болѣе опредѣленный переходный характеръ имѣетъ такое явленіе: общественники, чтобы слишкомъ многимъ не столкнуться на одномъ урочищѣ и не терять времени на поиски свободныхъ мѣстъ, начинаютъ передъ выѣздомъ на покосъ условливаться, кому куда ѣхать: „ты здѣсь коси, а я туда поѣду“; при такомъ уговорѣ, конечно, каждый дѣйствуетъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы не попасть на урочища, куда собирается слишкомъ много народу, и такимъ образомъ уже достигается приблизительно правильное распредѣленіе общественниковъ по сѣнокоснымъ урочищамъ; если затѣмъ нѣсколько человѣкъ сошлось на одномъ сѣнокосномъ урочищѣ, то опять-таки условливаются: одному косить одинъ уголъ, другому—другой.—На дальнѣйшей ступени всѣ общественники въ опредѣленный день выѣзжаютъ для осмотра покосовъ, каждый намѣчаетъ себѣ мѣсто, гдѣ онъ намѣренъ косить, и сообщаетъ объ этомъ остальнымъ; если кому при такой разбивкѣ достанется слишкомъ мало, то „общество“ дѣлаетъ ему прирѣзку отъ кого-либо изъ сосѣдей. Очевидно, что переходъ отъ такого порядка, котораго въ сущности еще нельзя назвать передѣломъ, къ настоящему передѣлу однимъ изъ вышеназванныхъ способовъ, уже весьма легокъ, и къ тому-же переходъ отъ каждой изъ намѣченныхъ ступеней къ послѣдующей совершается такъ медленно и постепенно, что сами крестьяне не могутъ обыкновенно указать года, съ котораго у нихъ начались передѣлы покосовъ. Трудность точно опредѣлить моментъ перехода къ общинно-уравнительной формѣ еще увеличивается въ тѣхъ случаяхъ, отмѣченныхъ въ Ишимскомъ округѣ, когда пользованіе покосами облекается въ двоякую форму: при хорошихъ урожаяхъ травы покосы продолжаютъ оставаться въ

вольномъ пользованіи, ограничиваемомъ только опредѣленнымъ днемъ начала косьбы, при худыхъ же они передѣляются способомъ „разъѣзда по урочищамъ“.

Переходимъ теперь къ другимъ категоріямъ сѣнокосныхъ орудій, и остановимся прежде всего на тѣхъ изъ нихъ, которые входятъ въ сферу „занятій“ крупныхъ заимщиковъ и въ силу этого состоятъ въ ихъ исключительномъ захватномъ владѣніи. Такіе покосы слѣдуютъ судьбѣ, вообще, „заимокъ“ и окружающихъ ихъ захватныхъ участковъ: пока захватное право вообще держится крѣпко, пока нѣтъ посягательствъ ни на „чертежи“, ни на залежи, до тѣхъ поръ захватное пользованіе держится и по отношенію къ покосамъ; параллельно съ ослабленіемъ захватнаго начала по отношенію къ пашнямъ происходитъ такое-же ослабленіе и по отношенію къ покосамъ, по отношенію къ которымъ захватное пользованіе тоже уступаетъ мѣсто не монополизированному захватно-общинному пользованію,—и въ Томской губерніи отмѣчено не мало общинъ, гдѣ эта послѣдняя форма лишь въ самое недавнее время одержала верхъ надъ первою. И здѣсь переходъ совершается не безъ сильнаго сопротивленія со стороны крупныхъ заимочниковъ; смѣна формъ поэтому происходитъ обыкновенно не сразу: мѣстами община не признаетъ уже захватнаго права на заимочные покосы, но фактически крупные пахари не допускаютъ никого косить въ чертѣ своихъ „занятій“, не останавливаясь для этого и передъ прямымъ насиліемъ; въ другихъ случаяхъ часть покосовъ—именно недавно расчищенные изъ-подъ лѣса—осталась еще въ неприкосновенномъ захватномъ пользованіи, форма же пользованія остальными покосами имѣетъ неопредѣленный характеръ: большинство общественниковъ еще продолжаетъ косить на насиженныхъ мѣстахъ, но нерѣдки и случаи „заѣзда“ на чужіе покосы, которые иногда ведутъ къ спорамъ и судбищамъ, но чаще оканчиваются мирно: и прежній владѣлецъ, и пришелецъ, остаются на спорномъ мѣстѣ и только установляютъ между собой какую-либо границу: „ты по сю сторону коси, а я по ту буду“. Наконецъ не рѣдкостью являются случаи, когда богачи дѣйствуютъ аггрессивно и пользуются вновь возникающими порядками для того, чтобы „окашивать“ бѣдняковъ и такимъ образомъ „выживать“ ихъ съ лучшихъ сѣнокосныхъ урочищъ.

Какъ-бы то ни было, но захватное пользованіе по отношенію къ „заимочнымъ“ покосамъ всегда исчезаетъ одновременно съ исчезновеніемъ захватной формы по отношенію къ пашнямъ, выпускамъ и пр.,—вообще съ исчезновеніемъ неприкосновенности заимочныхъ „занятій“,—и покосы становятся открытыми для свободнаго пользованія всѣхъ общественниковъ.

Не менѣе, можетъ быть, распространено захватное пользованіе и по отношенію къ покосамъ, не входящимъ въ сферу притяженія заимокъ; владѣніе покосомъ, разъ возникшее въ силу расчистки или даже въ силу простаго факта выкашиванія, продолжается, пока самъ владѣлецъ добровольно не откажется отъ своихъ правъ. Съ наступленіемъ „утѣсненія“ это захватное владѣніе иногда претерпѣваетъ такія-же измѣненія, какъ и по отношенію къ пашнямъ: въ Енисейской губерніи отмѣчены общины, гдѣ захватное владѣніе обусловливается исправностью городьбы остожьевъ: „пока хозяинъ остожье блюдетъ, до тѣхъ поръ раскашиваемое имъ мѣсто никто захватить не въ правѣ; чуть онъ остожье убралъ,—коси, кто хочетъ“ (Дубенскій); въ другихъ общинахъ захватное пользованіе держится лишь до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ дѣйствительно выкашиваетъ свое мѣсто; если же онъ не косилъ его два года подъ рядъ, то это мѣсто становится „вольнымъ“ и косить его можетъ всякій желающій. „Такимъ образомъ, говоритъ г. Дубенскій, захватное владѣніе сѣнокосами, такъ-же точно и почти въ такой-же формѣ, какъ и владѣніе пашнями, обнаруживаетъ стремленіе перейти, въ концѣ концовъ, во владѣніе захватно-общинное“. Но эта послѣдняя форма по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ не успѣваетъ упрочиться. Дѣло въ томъ, объясняетъ г. Дубенскій, что пашни при существующемъ залежномъ хозяйствѣ обрабатываются, а слѣдовательно при захватно-общинной формѣ остаются въ однѣхъ рукахъ, лишь въ теченіи нѣкотораго, болѣе или менѣе короткаго времени; „такимъ образомъ, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени нѣтъ серьезныхъ побудительныхъ причинъ къ вмѣшательству общества въ поземельныя отношенія его членовъ, въ смыслѣ количественнаго регулированія ихъ пашневладѣнія, ибо регулированіе происходитъ само собой, путемъ захвата и распашки оставленныхъ залежей“; напротивъ сѣнокосы вполнѣ допускаютъ многолѣтнее непрерывное пользованіе; „при такихъ условіяхъ, разъ только начинаетъ обнаруживаться извѣстный недостатокъ въ сѣнокосныхъ угодьяхъ, неудобства индивидуальной свободы пользованія обнаруживаются очень скоро, и также скоро, въ интересахъ количественной равномѣрности его, становится необходимымъ прямое вмѣшательство міра“.

Короче говоря, возможность непрерывной эксплоатаціи покосовъ не даетъ простора развитію захватно-общинной формы, самая возможность которой неразрывно связана съ періодическими перерывами эксплоатаціи. Развитіе этой формы не идетъ поэтому далѣе слабыхъ зачатковъ, обыкновенно же переходъ отъ захватнаго пользованія къ душевому происходитъ даже совершенно помимо этой

промежуточной формы. Вмѣшательство міра выражается прямо въ „частныхъ поравненіяхъ“, сначала въ видѣ единичныхъ и сравнительно рѣдкихъ опытовъ, только съ теченіемъ времени переходящихъ въ постоянную практику; затѣмъ оно переходитъ къ поравненіямъ всеобщимъ и въ концѣ концовъ—къ періодическимъ кореннымъ передѣламъ. Изслѣдованіе по Енисейской губерніи констатируетъ при этомъ, что частныя „поравненія“ входятъ въ обычай по отношенію къ сѣнокосамъ гораздо легче, нежели по отношенію къ пашнямъ; прежде всего—уже потому, что для культуры сѣнокосовъ не требуется либо никакихъ предварительныхъ затратъ труда, либо требуются лишь самыя ничтожныя затраты, окупаемыя первыми-же двумя-тремя сборами сѣна; съ другой стороны, изслѣдованіе указываетъ еще и на то обстоятельство, что удобныя для сѣнокошенія мѣста почти всегда занимаютъ болѣе или менѣе обширныя сплошныя пространства, чѣмъ значительно облегчается съ технической стороны самое осуществленіе „поравненій“. Это послѣднее обстоятельство, впрочемъ, оставлено безъ какихъ-либо доказательствъ и въ дѣйствительности едва-ли справедливо: лѣсные, степные и т. п. покосы едва-ли менѣе, а скорѣе болѣе разбросаны и разнокачественны, нежели пахатныя земли, и *точное* ихъ измѣреніе было-бы никакъ не легче, а напротивъ—гораздо труднѣе, нежели измѣреніе этихъ послѣднихъ.

Первымъ, очень робкимъ шагомъ къ душевому „поравненію“ является отводъ „прибылымъ душамъ“, властью общины, сѣнокосовъ изъ пустолежащихъ или освобождающихся за выбытіемъ прежнихъ владѣльцевъ мѣстъ, съ полнымъ признаніемъ, въ то-же время, захватнаго права на уже занятые покосы. Община какъ-будто не вноситъ тутъ еще ничего новаго—она только санкціонируетъ своею властью ранѣе существовавшій порядокъ завладѣнія покосами. Но разъ сдѣлавъ этотъ шагъ, община уже не можетъ на немъ остановиться: съ одной стороны, для отвода „прибылой душѣ“ не всегда оказывается въ наличности выморочная сѣнокосная земля; съ другой,—„прибылыя души“ скоро перестаютъ довольствоваться отводомъ сѣнокоснаго участка изъ „пустопорожнихъ,“ всегда болѣе плохихъ и удаленныхъ мѣстъ,—и община видитъ себя вынужденною сдѣлать дальнѣйшій шагъ: она начинаетъ отбирать путемъ „глазомѣрныхъ“ отрѣзокъ часть захваченныхъ покосовъ у тѣхъ изъ общественниковъ, которые захватили особенно много покосовъ: „Выѣдемъ въ Петровъ день,—разсказывали пишущему эти строки крестьяне окрестностей Томска,—увидимъ, у кого покосовъ больно много,—да и скажемъ: ты, братъ, отдай сколько-нибудь, а то крестьянину косить нечего;—да такъ и назначимъ: по сю сторону лога ты коси,

а онъ по ту сторону". Или вотъ какъ описываются соотвѣтствующіе порядки у инородцевъ Енисейской губерніи: „собравшіеся на сугланъ инородцы перебираютъ по порядку всѣхъ своихъ сородичей, высчитывая, сколько приблизительно накашивается каждымъ копенъ на его покосахъ, и отъ тѣхъ, у кого окажется значительный излишекъ, отдѣляютъ новоселу, смотря по количеству его скота, отъ 50 до 100 и болѣе копенъ". Уже въ силу самой глазомѣрности этого рода отрѣзокъ, въ силу отсутствія какого-либо точнаго критерія, первые шаги общины на этомъ пути очень нелегки: владѣльцы обширныхъ покосовъ нерѣдко отказываются отдать свою „отцовщину", свои „чищобы", ссылаясь то на право давности, то на затраченный трудъ, а то и вовсе отрицая наличность у нихъ излишковъ; они „галдятъ" на сходахъ, и нерѣдко благодаря своей зажиточности и вліянію успѣваютъ воспрепятствовать постановленію невыгоднаго для нихъ приговора; если приговоръ состоялся, они жалуются по начальству, обращаются въ волостной судъ; наконецъ пытаются насильственно недопустить получившаго отводный приговоръ общественника на свои покосы *), и лишь мало-по-малу хозяева, захватившіе много покосовъ, отказываются отъ сопротивленія и примиряются съ невыгодными для нихъ новыми порядками.

При возникновеніи „частныхъ поравненій" они распространяются большею частью на одни только лучшіе луга, и только мало-по-малу переходятъ на остальные, худшіе. Сначала они выражаются исключительно въ формѣ прирѣзокъ и отрѣзокъ у отдѣльныхъ лицъ, въ результатѣ которыхъ пользованіе покосами мало-по-малу изъ захватнаго становится уравнительно-душевымъ и пріурочивается уже не къ отдѣльному двору, а къ платежной душѣ. Но при отсутствіи точныхъ измѣреній, при разнокачественности покосовъ и непостоянствѣ ихъ урожайности, путемъ прирѣзокъ и отрѣзокъ можетъ быть достигнуто лишь далеко не полное уравненіе сѣнокосныхъ участковъ; въ дополненіе къ этому пріему общества, поэтому,

---

*) Вотъ характерный отрывокъ изъ «заявленія», найденнаго нами въ «дѣлѣ» одного изъ волостныхъ судовъ Томскаго округа: «крестьянами д. Аркашевой былъ данъ мнѣ покосъ, которымъ раньше пользовался крестьянинъ С., на этотъ покосъ на пользованіе имъ дана мнѣ обществомъ бумага, и когда я пришелъ косить его, то С. не допустилъ меня косить его, угрожая сжечь его и бросился первоначально на косившаго вмѣстѣ со мной крестьянина Сир. съ литовкой (косой), а потомъ бросился съ него на меня, ударивъ меня въ грудь, хотя таковой (покосъ) и былъ мною скошенъ по приказанію сельскаго старосты, но тѣмъ не менѣе С. вопреки приказанію старосты сгребъ его и сметалъ и теперь взялъ это сѣно въ свое пользованіе, а мнѣ таковое не отдаетъ».

прибѣгаютъ, какъ отмѣчено главнымъ образомъ въ Енисейской губерніи, къ двумъ другимъ: 1) къ очень распространенному и почти всегда сопровождающему „частныя поравненія“ способу *обмѣна паями* между отдѣльными домохозяевами: „будетъ тебѣ, говорятъ въ такихъ случаяхъ,—насидѣлся на хорошемъ паѣ, посиди теперь на плохомъ“; 2) къ прирѣзкамъ и отрѣзкамъ, въ зависимости отъ колебаній урожая травъ: за нѣсколько дней до начала сѣнокоса на сходѣ выясняютъ, примѣнительно къ урожаю, у кого будетъ травы сравнительно много и у кого мало, а затѣмъ производятъ соотвѣтственныя прирѣзки и отрѣзки.

„Частныя поравненія“ задѣваютъ обыкновенно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ одного—двухъ хозяевъ; постепенно учащаясь, они приводятъ къ приблизительно-равномѣрному распредѣленію покосовъ, или точнѣе—къ сглаженію слишкомъ рѣзкихъ, сразу очевидныхъ неравномѣрностей. Когда эта цѣль достигнута, задача общины снова затрудняется: при новой потребности въ отводѣ сѣнокосныхъ участковъ, она не можетъ уже удовлетворить эту потребность отрѣзкою у какого-либо одного общественника, такъ какъ явныхъ излишковъ ни у кого не осталось. Ей приходится поэтому прибѣгнуть къ равномѣрнымъ отрѣзкамъ отъ участковъ *всѣхъ* общественниковъ, и такимъ образомъ наступаетъ уже необходимость „общаго поравненія“. Эти „общія поравненія“, производимыя безъ предварительнаго измѣренія сѣнокосныхъ урочищъ, не какимъ-либо опредѣленнымъ способомъ, а путемъ неоформленныхъ обоюдныхъ соглашеній общественниковъ, представляютъ собой наиболѣе распространенную въ Енисейской губерніи и въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска форму пользованія покосами, такъ какъ находятся, по словамъ г. Дубенскаго, „въ полномъ соотвѣтствіи съ замѣтно сократившимся уже во многихъ мѣстностяхъ земельнымъ просторомъ, но сократившимся все-таки еще не настолько, чтобы ощущалась настоятельная необходимость въ переходѣ къ правильнымъ передѣламъ, имѣющимъ цѣлью привести уравнительность пользованія къ возможному идеалу“.

Само собою разумѣется, что такія „поравненія“ вначалѣ дѣлаются далеко неудовлетворительно: отрѣзки дѣлаются опять-таки „глазомѣрно“,—на „стожокъ“, „на полъ-стожка“, распредѣленія на сорта обыкновенно нѣтъ; неудивительно, что при „поравненіяхъ“ господствуетъ изрядный безпорядокъ: „старыя души“ увѣряютъ, что у нихъ нѣтъ никакого излишка, „прибылыя“ считаютъ себя обдѣленными; отсюда масса споровъ и „галдѣнія“, и передѣлъ нерѣдко затягивается на цѣлыя недѣли: „дѣлимъ съ Петрова и до Ильина дня, говорятъ крестьяне,—всякій реветъ (кричитъ): мнѣ мало, — а начнутъ косить, у всѣхъ остается“... Но *принципъ* „поравненія“ —

тотъ-же, что и принципъ правильнаго передѣла, и переходъ отъ несовершенныхъ пріемовъ уравненія къ болѣе правильнымъ и точнымъ совершается уже впослѣдствіи безъ всякихъ затрудненій, — хотя и здѣсь надо сказать, что остатки захватныхъ формъ, въ видѣ какихъ-нибудь недѣленныхъ, „вольныхъ“ покосовъ, дальнихъ или плохихъ по качеству, встрѣчаются еще очень долго послѣ того, какъ главная масса угодій подверглась правильному передѣлу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

РАСКЛАДОЧНЫЕ ПОРЯДКИ ПРИ ЗАХВАТНЫХЪ ФОРМАХЪ И ПРИ ДУШЕВОМЪ ПОЛЬЗОВАНІИ *).

Вопросъ о способахъ разверстки платежей и повинностей имѣетъ уже потому весьма важное значеніе, что эти способы бросаютъ яркій свѣтъ на взаимное отношеніе между размѣрами лежащихъ на крестьянахъ платежей и доходностью состоящихъ въ ихъ пользованіи земельныхъ и иныхъ угодій. Понятно однако, что платежныя раскладки могутъ имѣть такое значеніе только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ являются вмѣстѣ съ тѣмъ и раскладками земельными, — гдѣ раскладочная душа совпадаетъ съ земельною, — гдѣ, другими словами, существуетъ общинно-уравнительная форма землепользованія. Между тѣмъ эта послѣдняя сдѣлалась господствующею, пока, лишь въ небольшой по пространству части изслѣдованнаго края,— на сѣверѣ и на юго-западѣ Тобольской губерніи; затѣмъ какъ въ юго-восточной части этой послѣдней, такъ и во всѣхъ трехъ среднесибирскихъ губерніяхъ пашни состоятъ исключительно или преимущественно въ захватномъ или захватно-общинномъ пользованіи, при которомъ размѣръ угодій, захваченныхъ каждымъ отдѣльнымъ общественникомъ, не находится рѣшительно ни въ какомъ соотвѣтствіи съ количествомъ лежащихъ на немъ платежей. Правда, сѣнокосныя угодья большею частью уже передѣляются по душамъ, такъ что платежная душа въ большинствѣ случаевъ совпадаетъ съ „сѣнокосною душой",—но доходность сѣнокосовъ почти вездѣ такъ ничтожна, что совершенно не уравновѣшиваетъ тягости лежащихъ на

*) «Матеріалы» по Зап. Сиб., вып. I, стр. 286—291, вып. IV, стр. 113—135 pass., вып. V, стр. 24—96, вып. XIII, стр. 25—53, вып. XVIII, стр. 368—397, вып. XX, стр. 320—328, вып. XXI, 110—118. Сводная работа, «Крест. Землепольз. и т. д. въ Тоб. и Том. губ.», стр. 412—428; «Матеріалы» по Ирк. и Енис. губ., т. II, вып. 5, стр. 126—150; т. IV, вып. 5, стр. 264—296.

общественникахъ платежей; можно, правда, указать на исключенія: въ нѣкоторыхъ пригородныхъ районахъ очень высока доходность сѣнокосовъ, такъ что болѣе или менѣе уравновѣшиваетъ платежи; въ другихъ случаяхъ высокую рентную доходность имѣютъ общественные кедровники или рыболовныя угодья, пользованіе которыми также разверстывается по душамъ, — и эти обстоятельства конечно отражаются на характерѣ платежныхъ раскладокъ. Но въ видѣ общаго правила обязанность платежа разныхъ сборовъ и отбыванія натуральныхъ повинностей не уравновѣшивается никакими достаточно цѣнными правами, которыя принадлежали-бы плательщикамъ преимущественно предъ неплательщиками и были-бы пропорціональны въ своихъ размѣрахъ размѣрамъ душевыхъ платежей. Въ противуположность наблюдаемому при господствѣ душевого пользованія, въ зависимости отъ доходности угодій, разнообразію раскладочныхъ порядковъ, — въ районѣ господства захватныхъ формъ податныя раскладки имѣютъ почти исключительно тягловый характеръ: зная, что лишняя платежная душа не прибавитъ ему ни одной лишней пяди земли — по крайней мѣрѣ пахатной, каждый общественникъ конечно заинтересованъ въ томъ, чтобы быть обложеннымъ какъ можно менѣе. Самымъ удобнымъ объектомъ для обложенія являются при такихъ условіяхъ либо *рабочая сила* населенія, либо *благосостояніе*, въ той мѣрѣ, въ какой оно выражается въ размѣрахъ пользованія общественными угодьями. Но рядомъ съ этими двумя объектами исторически возникъ и до недавняго времени игралъ преобладающую роль еще и третій объектъ, не имѣющій въ сущности никакого реальнаго значенія—*ревизская душа*.

Въ Сибири, какъ извѣстно, до сихъ поръ существуетъ еще подушная подать, и оброчная подать также взимается по душевому окладу. Размѣръ лежащихъ на населеніи каждой волости и каждаго отдѣльнаго поселенія казенныхъ платежей опредѣляется по числу душъ, значащихся въ волости или селеніи по сказкамъ послѣдней—въ настоящее время X-ой ревизіи, и во вниманіе принимается только та прибыль или убыль ревизскихъ душъ, которая является результатомъ перечисленій послѣднихъ изъ однихъ платежныхъ обществъ въ другія. Прежде, когда ревизіи слѣдовали одна за другою черезъ краткіе промежутки времени, тѣ-же ревизскія сказки служили основаніемъ и для внутренней разверстки окладныхъ сборовъ въ каждомъ обществѣ или селеніи: каждый дворъ платилъ подати за тѣ души, которыя значились въ составѣ его по ревизской сказкѣ, — платилъ независимо отъ вызванныхъ рожденіями или смертью измѣненій въ его наличномъ составѣ; только въ томъ случаѣ, когда дворъ окончательно вымиралъ, числя-

щіяся на немъ «души» поступали въ разрядъ „упалыхъ“, и причитающійся съ нихъ окладъ разверстывался между оставшимися въ живыхъ ревизскими плательщиками. Затѣмъ, по отношенію къ мірскимъ сборамъ, волостнымъ и сельскимъ, и натуральнымъ повинностямъ примѣнялось начало расверстки по рабочей силѣ, но въ связи съ тѣмъ-же ревизскимъ принципомъ: сборы и повинности раскладывались на *ревизскихъ работниковъ*, т. е. на лицъ, внесенныхъ въ ревизскія сказки и не перешагнувшихъ извѣстнаго предѣльнаго возраста.

Понятны неудобства, связанныя съ такого рода порядками, — понятно также, что неудобства эти должны были обостряться съ каждымъ годомъ, протекавшимъ со времени ревизіи. Возможный еще, до нѣкоторой степени, при чередованіи ревизій чрезъ 10 — 15-лѣтніе сроки, ревизскій порядокъ сдѣлался окончательно невозможнымъ, когда со времени десятой ревизіи прошло 20—25 лѣтъ, когда успѣло вымереть до половины и болѣе ревизскаго населенія, населеніе же вновь народившееся распредѣлилось по семьямъ совершенно иначе, нежели числившееся по ревизіи. Тѣмъ не менѣе ревизскій порядокъ продолжалъ держаться, потому что крестьяне вѣрили въ его обязательность и думали, что всякая вписанная въ сказки душа должна облагаться, хотя-бы въ дѣйствительности она перестала существовать,—а не записанная не можетъ быть облагаема казенными платежами до наступленія слѣдующей ревизіи. Конечно, тѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе многочисленные дворы, для которыхъ описанный порядокъ былъ невыгоденъ, вели упорную борьбу противъ ревизской раскладки, но вѣра въ обязательность послѣдней настолько укоренилась въ сознаніи массы, что для ея разсѣянія понадобилось вмѣшательство администраціи, основанное на сенатскомъ указѣ отъ 5-го октября 1884 года № 4217. Въ силу этого указа послѣдовали во всѣхъ четырехъ губерніяхъ циркулярныя губернаторскія распоряженія, разъяснившія крестьянамъ несомнѣнно принадлежащее крестьянскимъ обществамъ, въ силу п. 6 и 11 ст. 51 Общаго положенія о крестьянахъ, право самостоятельно устанавливать и измѣнять внутреннюю разверстку платежей. Результатомъ этихъ распоряженій, большею частью понятыхъ крестьянами не только какъ *разъясненіе ихъ правъ* по разверсткѣ платежей, а какъ *приказаніе* произвести новую разверстку,—приказаніе, впрочемъ, вполнѣ согласное съ назрѣвшею потребностью, — явились повсемѣстно произведенныя въ серединѣ 80-хъ годовъ „новыя расположки“, основанныя по преимуществу на началѣ обложенія рабочей силы; но это начало, хотя и несомнѣнно доминирующее, еще и до настоящаго времени не окончательно вытѣснило

ревизскій принципъ. Картину постепеннаго вытѣсненія ревизской раскладки трудовою представляютъ собой раскладочные порядки всѣхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ еще господствуютъ захватныя формы пользованія землею, и лишь довольно слабо привходитъ начало раскладки поимущественной.

Остановимся сначала на тѣхъ формахъ, въ которыя облекается трудовое начало въ его комбинаціяхъ съ ревизскимъ, и затѣмъ уже коснемся особо проявленій принципа имущественной раскладки.

Детали раскладокъ, основанныхъ на ревизскомъ и рабочемъ началѣ, представляются безконечно разнообразными. Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ этомъ разнообразіи, намъ кажется нелишнимъ привести нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ изъ матеріаловъ изслѣдованія западно-сибирскихъ губерній.

Въ Зырянской волости (Маріинскаго округа), при раскладкѣ казенныхъ платежей установлено двѣ категоріи плательщиковъ: «*годная* душа» съ 18 до 60 лѣтъ и «*негодная*» четырехъ видовъ: «малолѣтки» 16 и 17 лѣтъ, старики выше 60 лѣтъ, выборныя должностныя лица и запасные солдаты; «негодные» платятъ только душевой окладъ въ размѣрѣ, слѣдующемъ по окладному листу; «годные»—тотъ-же окладъ плюсъ «раскладку» платежей за оставшіяся незамѣщенными «мертвыя души». Одними «годными», далѣе, отбываются волостные сборы и натуральныя повинности, что же касается до сельскихъ сборовъ, то въ раскладкѣ ихъ отдѣльныя общества держатся самыхъ разнообразныхъ пріемовъ, — раскладываютъ то на всѣхъ плательщиковъ, то на однихъ «годныхъ», то на проживающихъ въ селеніи неплательщиковъ (отставныхъ солдатъ, ссыльныхъ и т. д.).

Въ Баимской волости (того-же округа) въ большинствѣ общинъ устанавливается четыре категоріи плательщиковъ: «*годные*» съ 19 до 55 лѣтъ, не пользующіеся никакими льготами,—платятъ всѣ сборы и отбываютъ всѣ повинности; *конторскіе*—подростки 17 и 18 лѣтъ и «среднія» души 55—60 лѣтъ—платятъ одинъ окладъ казенныхъ платежей (безъ раскладки за умершихъ) и въ однихъ обществахъ одни волостные, въ другихъ одни сельскіе сборы; *тѣловые*—лица старше 60 л., солдаты и больные,—платятъ одинъ податной окладъ; наконецъ «малолѣтки», ниже 17 л., и «разночинцы» платятъ небольшія «накладки», «по состоянію».

Въ Почитанской волости (того-же округа), *весь* податной окладъ, а также волостные сборы и повинности раскладываются исключительно на «годныя души»; онѣ-же однѣ, въ нѣкоторыхъ общинахъ, платятъ и сельскіе сборы, въ другихъ—къ платежу послѣднихъ привлекаются старики, подростки, ссыльные и т. п. Фактически раскладка производится независимо отъ категорій платежей: на названныхъ только-что неполныхъ плательщиковъ кладутся небольшія суммы «по изможенію» ихъ, а вся остальная сумма платежей полностью дѣлится на число «годныхъ» душъ.

Въ Ишимской (Томск. окр.) волости въ полномъ окладѣ состоятъ «годныя» души съ 17—21 года, обыкновенно до 60 лѣтъ; «старики» платятъ окладъ, приблизительно равный установленному окладнымъ листомъ; въ большинствѣ общинъ существуетъ еще категорія «малолѣт-

ковъ», въ которой подростки состоятъ отъ 2 до 4 лѣтъ; мѣстами всѣ «малолѣтки» платятъ одинаковую сумму, приблизительно равную окладу «стариковъ»; въ другихъ мѣстахъ они сначала облагаются небольшою суммою (2 — 3 р. въ годъ), которая затѣмъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Категоріи сборовъ при раскладкахъ фактически игнорируются.

Въ общемъ довольно похожи раскладочные порядки Семилужной волости (того-же окр.): здѣсь «малолѣтки» съ 15 — 16 до 17 — 19 лѣтъ числятся въ разрядѣ «полудушковъ», платящихъ отъ 4 до 6 р. въ годъ; въ категоріи «годныхъ» душъ плательщики остаются до 60 лѣтъ, а начиная съ этого возраста платятъ «свою душу»—окладъ податей въ размѣрѣ, причитающемся по окладному листу; дряхлые старики совсѣмъ освобождаются отъ платежей.

Тотъ-же порядокъ принятъ въ нѣсколькихъ обществахъ Нелюбинской волости (того-же окр.); въ большинствѣ же общинъ есть всего двѣ категоріи плательщиковъ: «старики» съ 60 лѣтъ, платящіе, вмѣстѣ съ больными и льготными, одинъ окладъ податей — «свою душу», и «годныя» души съ 16 или 17 до 60 лѣтъ, платящія всѣ сборы и отбывающія всѣ повинности.

По западной окраинѣ области господства заимочнаго и вольнаго пользованія имѣются лишь весьма отрывочныя и неполныя свѣдѣнія — по юго-восточной части Ишимскаго (Сладковская вол. и прилегающія къ ней окраины Маслянской и Соколовской) и по одной волости Тюкалинскаго округа (Кулачинской). Въ этихъ мѣстностяхъ раскладочные порядки стоятъ на менѣе совершенной ступени, нежели въ перечисленныхъ только-что волостяхъ Томскаго полѣсья: въ этихъ послѣднихъ, именно, при раскладкахъ, принимаются во вниманіе только живые плательщики,—а «мертвыя души», продолжая значиться по окладнымъ листамъ, совершенно исключены изъ внутренней общественной раскладки. Напротивъ въ названныхъ только-что мѣстностяхъ Ишимскаго и Тюкалинскаго округовъ между живыми плательщиками разложены подати только за «упалыя души», т. е. за такихъ ревизскихъ плательщиковъ, которые умерли, не оставивъ послѣ себя прямыхъ наслѣдниковъ; такъ называемыя «отеческія души», т. е. оклады умершихъ плательщиковъ, оставившихъ послѣ себя семейства, удерживаются на отвѣтственности этихъ послѣднихъ: при этомъ однѣ общины держались этого правила съ полною строгостью и понимали его въ самомъ широкомъ смыслѣ; другія «принимали на общество» и часть «отеческихъ» душъ, снимая ихъ съ болѣе бѣдныхъ плательщиковъ; третьи оставляли на отвѣтственности наслѣдниковъ «души» умершихъ отцовъ, но принимали на «общественный раскладъ» «души» умершихъ дядей, братьевъ и т. п. Затѣмъ получились слѣдующія категоріи плательщиковъ: «*годныя души*» съ 17—18 до 60 лѣтъ, платящія подати какъ за себя, такъ и за «принятыя на общество» мертвыя души — такъ называемый «раскладъ», и участвующія въ раскладкѣ всѣхъ волостныхъ и сельскихъ сборовъ и повинностей; «*старики*» съ 60 лѣтъ, платящіе душевой окладъ и «раскладъ» за «упалыя души», и «*мертвыя души*», за которыя ихъ семьи платятъ одинъ только окладъ казенныхъ платежей.

Разнообразіе это, конечно, значительно возросло-бы, если-бы мы захотѣли приводить еще примѣры по Енисейской и Иркутской гу-

берніямъ; чтобы не удлиннять изложенія, мы ограничимся приведенными примѣрами и перейдемъ прямо къ сдѣланнымъ изслѣдованіемъ обобщеніямъ,—такъ сказать къ схемамъ развитія складывающихся при захватныхъ формахъ землепользованія раскладочныхъ порядковъ.

Въ двухъ западно-сибирскихъ губерніяхъ, Тобольской и Томской, первымъ шагомъ въ смыслѣ вытѣсненіи ревизской раскладки трудовою всегда являлось привлеченіе къ раскладкѣ подрастающаго поколѣнія—„малолѣтковъ", „заревизныхъ" —и исключеніе стариковъ изъ круговой отвѣтственности за „убылыя", не замѣщенныя „малолѣтками" души; въ большинствѣ общинъ района господства захватныхъ формъ пользованія дѣло на этомъ и остановилось, и какъ на болѣе высокую ступень развитія можно указать только на установленные довольно многими общинами для младшихъ подростковъ уменьшенные оклады, болѣе соотвѣтствующіе ихъ еще неполной рабочей способности; сравнительно немногія общины установили промежуточную группу плательщиковъ и на другомъ концѣ раскладочной лѣстницы: это—„престарѣлыя", „среднія" души, обыкновенно съ 55 до 60-лѣтняго возраста, только еще начинающія утрачивать рабочую способность и потому облагаемыя хотя и ниже, нежели „годныя" души, но выше, нежели „старики"; совершенное исключеніе изъ оклада „ревизскихъ стариковъ" допускается, вообще говоря,—и то не вездѣ—только по отношенію къ совершенно дряхлымъ, по отношенію къ какимъ оно допускалось и прежде, въ эпоху полнаго господства ревизскаго начала. Въ сравнительно немногихъ общинахъ ревизскій принципъ можетъ быть признанъ уже окончательно вытѣсненнымъ, и раскладка основывается исключительно на трудовомъ началѣ: иногда всѣ сборы и повинности раскладываются на однихъ только „годныхъ" работниковъ или „бойцовъ", обыкновенно съ 17—18 до 60-лѣтняго возраста; въ другихъ общинахъ выдѣляются, иногда порознь, иногда вмѣстѣ, двѣ группы неполныхъ работниковъ: съ одной стороны—подростки, съ другой—пожилые, еще не вполнѣ утратившіе способность къ труду; тѣ и другіе платятъ уменьшенный окладъ податей и не участвуютъ или участвуютъ въ неполной мѣрѣ въ отбываніи натуральныхъ повинностей,—а старики, перешедшіе установленный предѣльный возрастъ, совершенно освобождаются отъ платежей, и послѣдніе принимаются „на общественный раскладъ".

Очень сходны по общему складу разверсточные порядки Енисейской губерніи; здѣсь „большинство сельскихъ обществъ различаетъ двѣ категоріи платежныхъ душъ: „бойцовъ" и „стариковъ". „Бойцовая" душа—иначе „дѣльный" работникъ—это каждый крестья-

нинъ рабочаго возраста, причисленный къ данному обществу, старожилъ или сынъ поселенца—все равно. Обычный возрастъ бойца—отъ 17 до 55 лѣтъ, колебанія начальнаго возраста отъ 16 до 21 года, конечнаго—отъ 50 и даже 45 до 60 лѣтъ. Крестьянинъ, перешедшій за этотъ возрастъ, попадаетъ въ разрядъ „стариковъ" или „тягловыхъ" душъ, куда зачисляются также калѣки, хроническіе больные и состоящіе на общественной службѣ. Предѣльный возрастъ „старика" не установленъ точно, — въ большинствѣ общинъ старикъ „тянетъ" до самой смерти. Затѣмъ, къ этимъ двумъ основнымъ разрядамъ многія общества прибавляютъ еще и промежуточные: таковы подростки, облагаемые въ неполномъ размѣрѣ въ теченіе отъ одного до четырехъ лѣтъ; „полубойцовыя" души, чаще всего отъ 55 до 60 лѣтъ, платящія меньше „бойцовъ", но больше „стариковъ"; наконецъ самый разрядъ „стариковъ" иногда дѣлится на два различно-облагаемыхъ подразряда. Такимъ образомъ получается всего пять разрядовъ плательщиковъ (подростки, бойцы, полубойцы, старики „тягловые" и старики „полутягловые"), изъ которыхъ чаще всего выдѣляются три: подростки, бойцы и полубойцы; изрѣдка встрѣчается распредѣленіе плательщиковъ на 4 категоріи, всѣ же пять категорій одновременно не встрѣчаются никогда. Затѣмъ казенные, волостные и сельскіе сборы разверстываются иногда вмѣстѣ, общею суммою, иногда—каждый сборъ особо. При первомъ порядкѣ раскладки „старики" въ большинствѣ случаевъ облагаются нормальнымъ казеннымъ окладомъ (2 р. 58 коп., 2 р. 77 к. или 2 р. 95 к. въ полугодіе), остальная же сумма платежей распредѣляется поровну между бойцами; рѣже случается, что на стариковъ кладется какая-нибудь круглая цифра, остальное же опять-таки распредѣляется между бойцами,— а встрѣчается и такая раскладка, при которой заранѣе устанавливается, что „полубойцовая" душа должна платить половину, „а стариковская"— четверть оклада бойца. Наконецъ въ обществахъ, гдѣ разверстка каждаго вида сборовъ дѣлается особо, старики обыкновенно привлекаются къ обложенію казенными сборами наравнѣ съ бойцами, а къ обложенію волостными и сельскими сборами привлекаются одни бойцы.

Въ Иркутской губерніи господствующимъ способомъ раскладки казенныхъ платежей является раскладка равными долями по „могущимъ душамъ", съ 16—17 лѣтъ и до 60-лѣтняго возраста или до самой смерти, за исключеніемъ только бездѣтныхъ дряхлыхъ стариковъ, калѣкъ, а также безъ вѣсти отсутствующихъ; размѣръ оклада каждой отдѣльной души очевидно тѣмъ меньше, чѣмъ больше число душъ, а отсюда—„вѣчные споры, тяжбы между разными калѣками, стариками и обществомъ: первые требуютъ освобожденія

отъ платежей. для чего обращаются съ ходатайствами къ начальству, достаютъ докторскія свидѣтельства о неспособности къ труду и проч.; общество же крайне неохотно исполняетъ эти справедливыя требованія своихъ членовъ—инвалидовъ". Нѣсколько менѣе употребительнымъ способомъ является разверстка окладныхъ сборовъ по двумъ или болѣе разрядамъ душъ: нѣкоторое число душъ—„малыя души"—облагается только тѣмъ количествомъ казенныхъ сборовъ, которое положено на душу по окладнымъ листамъ, тогда какъ „большія", „бойцовыя" души несутъ еще и „накладку" за убылыхъ плательщиковъ; въ бойцы зачисляются лица съ 17—18 до 55—60 лѣтъ, „малыми" же душами облагаются: подростки съ 15—16 до 17—18 лѣтъ, старики свыше 55 или 60 лѣтъ, должностныя лица, ссыльные и т. д.; при этомъ „малыя" души бываютъ иногда нѣсколькихъ разрядовъ, съ разными размѣрами платежей. Еще болѣе разнообразія замѣчается въ способахъ раскладки мірскихъ сборовъ и натуральныхъ повинностей; хотя общій принципъ раскладки денежныхъ мірскихъ сборовъ вездѣ одинъ — раскладка по рабочей силѣ, но самый счетъ „бойцовыхъ" душъ ведется по самымъ разнообразнымъ основаніямъ, и притомъ основанія эти очень часто бываютъ различны для волостныхъ и для сельскихъ сборовъ, иногда—и для разныхъ видовъ тѣхъ и другихъ; при этомъ „никакой правильности въ системахъ разверстки, никакого соотношенія между способами раскладки податей и мірскихъ сборовъ нельзя подмѣтить; различныя системы встрѣчаются въ перебивку другъ съ другомъ и съ такими многочисленными мѣстными отклоненіями, что можно было-бы насчитать не одинъ десятокъ разнящихся другъ отъ друга системъ". Затѣмъ, раскладка натуральныхъ повинностей—особенно гоньбовой и дорожной — производится опять-таки независимо отъ раскладки денежныхъ сборовъ, и въ то-же время каждая повинность раскладывается независимо отъ другихъ; самые пріемы раскладки повинностей въ принципѣ сходны съ пріемами раскладки сборовъ, но перекрещиваются съ ними въ массѣ разнообразныхъ комбинацій.

Такимъ образомъ во всей области господства захватныхъ формъ землепользованія въ основѣ податныхъ раскладокъ лежатъ, какъ мы уже говорили, одни и тѣ-же основные принципы,—именно принципъ *ревизско-душевой* и принципъ обложенія *мужской рабочей силы*, переплетающіеся между собой въ самыхъ разнообразныхъ соединеніяхъ, причемъ, какъ констатируетъ покойный Н. М. Астыревъ, разработавшій по Иркутской губерніи матеріалъ по обложенію вообще и раскладкамъ въ частности, „подмѣтить какую-либо связь между экономическими условіями данной мѣстности и принятыми въ ней системами разверстокъ не представляется возможнымъ",—

и раскладочные порядки, по крайней мѣрѣ въ подробностяхъ, опредѣляются въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ случайныхъ обстоятельствъ.

Если затѣмъ остановиться на вопросѣ о выгодахъ или невыгодахъ этого рода раскладочныхъ порядковъ, то приходится присоединиться къ отзыву Н. М. Астырева, что „при такой системѣ разверстокъ въ сильномъ выигрышѣ остаются богачи, а въ проигрышѣ бѣдняки. Извѣстно, продолжаетъ Астыревъ, что есть хозяева въ изслѣдованной мѣстности, запахивающіе по сотнѣ и болѣе десятинъ земли, имѣющіе по сотнѣ и болѣе головъ разнаго скота, держащіе по десяти и болѣе батраковъ, обладающіе тремя, четырьмя жилыми домами съ различными холодными постройками, и проч.; рядомъ съ ними или у нихъ-же въ работникахъ живутъ ихъ односельцы, имѣющіе какую-нибудь полъ-десятины посѣва, или же совершенно безхозяйные, бездомовые и безлошадные. И по силѣ душевого принципа разверстки податей оказывается, что хозяинъ-богачъ и его работникъ-голышъ платятъ одинаковое количество казенныхъ, волостныхъ и сельскихъ сборовъ, одинаково подлежатъ всякимъ натуральнымъ повинностямъ, кромѣ развѣ квартирной повинности и городьбы поскотины, да мѣстами — гоньбовой повинности. Бѣдная часть населенія, говоритъ далѣе Астыревъ, уже давно поняла всю невыгодность для нея этого способа разверстки,—но сила традицій, сила инерціи, наконецъ принципъ индивидуализма въ сибирскомъ населеніи еще настолько велики, что они съ трудомъ лишь уступаютъ новымъ требованіямъ и запросамъ, предъявленнымъ самою жизнью“.

Разработавъ данныя о раскладочныхъ порядкахъ и вообще принявъ участіе въ изслѣдованіи по одной только Иркутской губерніи— этой области господства наиболѣе напряженныхъ формъ захватнаго пользованія, безвременно скончавшійся талантливый изслѣдователь имѣлъ полное основаніе придти къ изложенному только-что заключенію; въ частности, имущественное начало въ раскладкахъ здѣсь почти совершенно отсутствуетъ, и по всей Иркутской губерніи отмѣчены всего двѣ общины, установившія у себя раскладку по основному признаку благосостоянія—размѣрамъ запашки. Въ настоящее время мы располагаемъ гораздо болѣе широкимъ матеріаломъ, на основаніи котораго затруднились-бы приписать „сибирскому населенію“ вообще какой-либо особый „принципъ индивидуализма“: общинное начало въ сибирскомъ крестьянствѣ не слабѣе, нежели въ „россійскомъ“, и основная идея, проходящая красною нитью черезъ весь накопленный изслѣдованіемъ матеріалъ, есть побѣдоносная борьба этого начала съ началомъ индивидуализма.

Въ частности, на западѣ изслѣдованнаго края, въ губерніяхъ Томской и Тобольской (въ послѣдней—тамъ, гдѣ еще не совершился переходъ къ душевому пользованію) имущественное начало обложенія сдѣлало гораздо большіе успѣхи. Впрочемъ, господствующую роль оно и здѣсь играетъ только по отношенію къ проживающимъ въ селеніяхъ постороннимъ лицамъ—„разночинцамъ", а затѣмъ въ нѣсколько меньшей мѣрѣ—къ лицамъ, хотя и принадлежащимъ къ составу общества, но занимающимъ по тѣмъ или другимъ причинамъ болѣе или менѣе обособленное положеніе: ссыльнымъ, солдатамъ и т. п. У „разночинцевъ" (къ числу которыхъ относятся и не причисленные къ обществамъ переселенцы), какъ у лицъ, невходящихъ въ общественную круговую поруку, не подлежатъ обложенію ни „душа", ни рабочая сила; община беретъ съ нихъ сборы только за то, что они пользуются общественными угодьями,—понятно, что размѣры этихъ сборовъ должны быть пропорціональны размѣрамъ этого пользованія, а слѣдовательно, въ видѣ общаго правила,—и общему благосостоянію каждаго даннаго лица: обычнымъ способомъ обложенія „разночинцевъ" являются поэтому такъ называемыя „накладки по состоянію", колеблющіяся въ такихъ широкихъ предѣлахъ, какъ 2—3 рубля, съ одной стороны, и 25—30, а иногда и до 50 рублей, съ другой; при опредѣленіи размѣра „накладокъ" общества сообразуются со всѣми элементами благосостоянія—съ размѣрами запашки и скотоводства, торговыми операціями и т. д.; безхозяйные платятъ по 2—3 р. „за усадьбу и дровяныя порубки", „разночинцы" же, не имѣющіе и своей избы, остаются внѣ всякаго обложенія. Рѣже встрѣчается другой порядокъ обложенія, при которомъ съ „разночинца" взимается по опредѣленной таксѣ сборъ „за усадьбу и дровяную порубку", а затѣмъ—особый сборъ за каждую голову скота и за каждую десятину запашки; наконецъ нѣкоторыя общества заставляютъ „разночинцевъ", ведущихъ хозяйство, участвовать въ раскладкахъ сборовъ и повинностей по числу имѣющихся въ ихъ семьяхъ „бойцовъ", „полубойцовъ" и т. д., наравнѣ съ коренными общественниками, и только безхозяйныхъ облагаютъ маленькими „накладками"; особенно часто этотъ послѣдній порядокъ обложенія примѣняется къ еще не перечисленнымъ, но уже получившимъ пріемный приговоръ переселенцамъ.

Что̀ касается до солдатъ и ссыльныхъ, то община, прежде всего, не имѣетъ яснаго понятія о своемъ правѣ подвергать ихъ личному обложенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не считаетъ себя обязанною давать имъ безплатно пользоваться своими угодьями, откуда и приходитъ къ идеѣ обложенія фактическаго пользованія угодьями. Особенно мало связаны съ общиною ссыльные, а потому по отношенію къ

нимъ душевое обложеніе встрѣчается лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія: обыкновенно тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ „домообзаводство и хлѣбопашество“, облагаются „накладками по состоянію“, бездомные же и безхозяйные остаются свободными отъ всякихъ платежей. Также неясно для общины и положеніе солдатъ, служившихъ по рекрутскимъ наборамъ, и потому послѣдніе почти всегда облагаются такимъ-же порядкомъ, какъ и ссыльные; солдаты, служившіе по жеребью, гораздо тѣснѣе связаны съ общиною, и потому они обыкновенно участвуютъ въ раскладкахъ наравнѣ съ другими своими сверстниками, и лишь въ немногихъ общинахъ облагаются „накладками“, измѣняющимися въ зависимости отъ ихъ благосостоянія, но никогда не превышающими размѣровъ полнаго оклада „годной души“.

Затѣмъ, въ раскладкѣ платежей между полноправными и связанными круговою порукой общественниками имущественное начало обыкновенно является лишь коррективомъ, дополненіемъ къ основнымъ принципамъ раскладки—душевому и трудовому. Въ Томской губерніи имущественное начало выступаетъ довольно рѣдко даже и въ этой скромной роли. Изслѣдованіемъ отмѣчено прежде всего, нѣсколько общинъ, гдѣ въ зависимости отъ болѣе или менѣе высокаго уровня благосостоянія отдѣльныхъ семей измѣняется *время* поверстанія въ полный окладъ «малолѣтковъ» или исключенія изъ оклада „стариковъ“; въ нѣкоторыхъ другихъ общинахъ, гдѣ пребываніе въ полномъ окладѣ ограничено неизмѣннымъ начальнымъ и конечнымъ возрастомъ, въ зависимости отъ „состоянія“ измѣняется размѣръ окладовъ „малолѣтковъ“ и „стариковъ“; наконецъ встрѣчаются отдѣльныя общины, гдѣ „годныя души“ несутъ только слѣдующій по окладному листу окладъ, а платежи, причитающіеся съ „убылыхъ“ душъ, раскладываются между домохозяйствами путемъ небольшихъ „накладокъ по состоянію“.—Во всѣхъ изложенныхъ случаяхъ „накладки“ и вообще примѣненіе имущественнаго принципа имѣютъ, такъ сказать, обычный характеръ, — являются нормальною составною частью системы обложенія соотвѣтствующихъ общинъ; въ нѣкоторыхъ общинахъ, напротивъ, „накладки“ имѣютъ экстраординарный характеръ: такими „накладками“, въ размѣрѣ до 30—35 р. въ годъ, облагаются такіе „богатѣи“, которые рѣзко выдѣляются по размѣрамъ запашекъ, скотоводства, по крупнымъ заготовкамъ лѣса, и т. п.; въ остальномъ раскладка производится всецѣло по душамъ и бойцамъ; случаи примѣненія такого рода „накладокъ“, однако, не очень часты, такъ какъ обыкновенно стремленіе бѣдняковъ и „ровненькихъ“ крестьянъ облагать „накладками“ „богатѣевъ“ разбивается о рѣшительное противудѣйствіе этихъ послѣднихъ.

Въ юго-восточной части Тобольской губерніи—мѣстности, гдѣ захватныя формы доживаютъ свои послѣдніе дни, — примѣненіе имущественнаго начала является уже скорѣе общимъ правиломъ, нежели исключеніемъ,—хотя опять-таки лишь въ видѣ дополненія къ раскладкѣ по рабочей силѣ. Чаще всего на „годныя души" ложится здѣсь только податной окладъ въ размѣрѣ слѣдующемъ съ души по окладному листу, а платежи за „убылыя души" раскладываются, всецѣло или частью, „по состоянію." Обложеніе „по состоянію" встрѣчается въ этомъ районѣ въ двухъ видахъ: въ видѣ пропорціональнаго обложенія скота (очень рѣдко — запашки) и въ видѣ навалки на наиболѣе состоятельныхъ общественниковъ, сверхъ нормальнаго обложенія, болѣе или менѣе значительныхъ „накладокъ". Сборъ со скота встрѣчается въ свою очередь въ двухъ формахъ: иногда облагается *весь* имѣющійся у крестьянъ скотъ, иногда же на каждую платежную душу назначается опредѣленное льготное число головъ (отъ 2 до 5), и сборъ взимается только съ числа головъ, превышающаго эту норму; въ обоихъ случаяхъ обложенію подвергается только скотъ, пасущійся на общественныхъ угодьяхъ, скотъ же, пасущійся на арендованныхъ пастбищахъ, отъ обложенія освобождается,—и такимъ образомъ обложеніе скота очевидно является не столько попыткой обложенія хозяйственнаго капитала, сколько пропорціональнымъ сборомъ за пользованіе общественными пастбищами. Какъ источникъ уплаты податей за „убылыя души", сборъ со скота примѣняется въ большинствѣ тѣхъ мѣстностей Ишимскаго округа, гдѣ еще не совершился переходъ къ душевому пользованію; при этомъ въ однихъ обществахъ онъ является единственнымъ источникомъ для покрытія платежей за „убылыя" души, въ другихъ онъ примѣняется для этой цѣли въ различныхъ комбинаціяхъ съ дополнительнымъ обложеніемъ рабочаго населенія: обыкновенно сборъ со скота установляется заранѣе въ опредѣленномъ размѣрѣ, а недобранная изъ этого источника сумма кладется на „годныя души".

Что касается до „*накладокъ*", то онѣ встрѣчаются тоже въ нѣсколькихъ формахъ: иногда случается, что община, подвергая обложенію всѣхъ лицъ рабочаго возраста, оставшіяся неразобранными „убылыя" души кладеть въ видѣ „накладки" на подростковъ въ наиболѣе зажиточныхъ семьяхъ, — но гораздо чаще „накладки" дѣлаются совершенно независимо отъ состава домохозяйствъ, а исключительно по степени ихъ благосостоянія; при этомъ иногда въ соображеніе принимаются исключительно размѣры хлѣбопашества и скотоводства, иногда же кромѣ того и весь „заворотъ" домохозяйства, включая и денежный капиталъ, и торговыя операціи.

Самый размѣръ „накладокъ“ опредѣляется двоякимъ образомъ: иногда „накладка“ назначается въ опредѣленной цифрѣ, —1, 2, 3, 5, 10 рублей; иногда же „наваливаютъ“ душу, нѣсколько душъ (въ промысловыхъ мѣстностяхъ Тобольскаго округа до 5—10 душъ) или часть души, за которыя обложенный дѣлается отвѣтственнымъ плательщикомъ. Очень часто „накладки“ являются въ комбинаціи съ какимъ-либо инымъ способомъ раскладки платежей за „убылыя“ души, иногда же ими покрывается вся сумма платежей за эти послѣднія; въ послѣднемъ случаѣ поступаютъ обыкновенно такъ: начинаютъ съ самаго зажиточнаго члена общины и „кладутъ“ на него соотвѣтствующую его благосостоянію сумму; затѣмъ переходятъ къ слѣдующему по зажиточности, на котораго кладутъ нѣсколько меньше, и продолжаютъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока сумма „накладокъ“ не покроетъ всей суммы платежей за „убылыя“ души.

Что касается до общинъ, которыя совершенно отказались отъ подушнаго и рабочаго способовъ раскладки и переложили всѣ платежи на запашку и скотъ, то такихъ общинъ и въ западно-сибирскихъ губерніяхъ отмѣчено всего три или четыре, почему останавливаться здѣсь подробнѣе на этомъ способѣ раскладки представляется излишнимъ.

Говоря объ имущественномъ началѣ въ податныхъ раскладкахъ мы до сихъ поръ совершенно не упоминали объ Енисейской губерніи, которая занимаетъ въ этомъ отношеніи совершенно обособленное положеніе. Дѣло въ томъ, что всѣ тѣ проявленія имущественнаго начала, которыя отмѣчены изслѣдованіемъ въ Иркутской и въ двухъ западно-сибирскихъ губерніяхъ, вышли, такъ сказать, извнутри общины, независимо отъ какихъ-либо внѣшнихъ вліяній. Напротивъ въ Енисейской губерніи введеніе имущественнаго начала въ раскладки послѣдовало въ 1887—88 г. подъ прямымъ вліяніемъ администраціи: по этому вопросу 11 декабря 1886 г. состоялось особое постановленіе губернскаго совѣта, и мѣстная полицейская власть, какъ констатируетъ изслѣдованіе, содѣйствовала введенію новыхъ пріемовъ раскладки какъ циркулярными предписаніями, разосланными по волостнымъ правленіямъ, такъ и частными разъясненіями на сходахъ,—разъясненіями, которыя во многихъ случаяхъ понимались какъ обязательныя распоряженія и предлагались волостными правленіями сходамъ къ обязательному руководству. Несмотря на старанія уѣздной и волостной администраціи, имущественная раскладка, однако, далеко не вполнѣ вытѣснила въ Енисейской губерніи душевую: въ годъ изслѣдованія всего 21,0% общей суммы платежей (по отдѣльнымъ округамъ отъ 8,8 до 30,0%) было разложено на пашню и скотъ, 1,9% — смѣшанными способами, а болѣе трехъ

четвертей (77,1%) было разложено по прежнему на повозрастныя и т. п. категоріи душъ.

Какъ видно уже изъ приведенныхъ цифръ, обычною формою имущественнаго обложенія является именно рекомендованное губернскимъ совѣтомъ обложеніе съ десятины пашни и съ головы скота, причемъ самый размѣръ обложенія опредѣляется заранѣе въ круглыхъ цифрахъ, чаще всего 10—20 коп. на десятину пашни, а на голову крупнаго скота 5—10 коп. въ полугодіе; рѣже случается, что заранѣе опредѣляютъ, какую *часть общей суммы* сборовъ разложить „на занятія", и уже исходя изъ этой валовой цифры, путемъ примѣрныхъ разсчетовъ приходятъ къ нормѣ обложенія десятины пашни и головы скота; обыкновенно на „занятія" кладется въ такихъ случаяхъ вся сумма платежей за „убылыя" души. Что касается до самаго объекта обложенія, то изъ пахатныхъ земель облагаются иногда одни посѣвы, иногда—посѣвы вмѣстѣ съ парами, изъ скота—чаще всего одинъ крупный, иногда—однѣ лошади, изрѣдка—весь скотъ до свиней включительно; число десятинъ и головъ скота опредѣляется путемъ особой переписи, причемъ за утайку полагается штрафъ отъ 1 до 3 и даже до 5 руб. съ утаенной десятины или головы скота.

Что касается до тѣхъ способовъ раскладки, которые мы обозначили названіемъ смѣшанныхъ, то сущность ихъ сводится къ установленію особыхъ категорій душъ по степени ихъ „имущества", зажиточности; такъ, нѣкоторыя общины установляютъ особый окладъ—выше „стариковскаго", но ниже „бойцоваго", для безземельныхъ другія дѣлятъ души на нѣсколько категорій по достатку, для каждой изъ которыхъ установляется особый окладъ; третьи установляютъ особыя „накладки" для ремесленниковъ, торговцевъ и т. п.

Не имѣя положительныхъ данныхъ, изслѣдованіе, въ лицѣ г. Ушакова, не рѣшается утверждать положительно, уменьшается-ли или увеличивается годъ отъ года часть платежей, раскладываемыхъ на имущество, но „судя по отрывочнымъ записямъ скорѣе можно признать второе. Отказъ раскладывать на пашню и скотъ въ однихъ обществахъ, уменьшеніе нормъ платежа въ другихъ (нѣкоторыя общества, не рѣшаясь явно „ослушаться начальства", но въ то-же время не сочувствуя раскладкѣ „по занятіямъ", понижаютъ подесятинный окладъ до 1 копѣйки!), привлеченіе безхозяйныхъ и т. п. явленія далеко не уравновѣшиваются введеніемъ имущественной раскладки обществами, до сихъ поръ ея не практиковавшими, даже если-бы этотъ переходъ былъ сдѣланъ самостоятельно, а не подъ вліяніемъ администраціи, какъ это въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто". Изслѣдованіе даетъ указанія и по вопросу о причинахъ такого малаго успѣха попытокъ администраціи: „лучшимъ аргумен-

томъ, говоритъ г. Ушаковъ, за поимущественную раскладку моглабы служить бо́льшая справедливость ея и соразмѣрность съ силами плательщика; однако *этотъ аргументъ нигдѣ не записанъ со словъ крестьянъ*". А разъ общественное сознаніе еще совершенно не додумалось до сознанія справедливости имущественной раскладки, то на сцену выступаютъ неудобства ея—ея сложность и затруднительность контроля, и эти неудобства играютъ на руку противниковъ имущественной раскладки и побуждаютъ общину стремиться къ возстановленію менѣе уравнительной, но за то болѣе простой подушной и рабочей раскладки.

Въ Иркутской губерніи въ концѣ 80-хъ годовъ администраціей „также приняты мѣры, чтобы съ введеніемъ разверстки земскаго сбора по доходности земельныхъ угодій и промысловъ, раскладка всѣхъ платежей внутри обществъ между отдѣльными плательщиками производилась также соотвѣтственно имущественной состоятельности ихъ",—но произведенное очень скоро послѣ этихъ „мѣръ" изслѣдованіе еще совершенно не отмѣтило здѣсь какихъ-бы то ни было практическихъ послѣдствій этого административнаго воздѣйствія *).

Намъ предстоитъ теперь обратиться къ раскладочнымъ порядкамъ тѣхъ мѣстностей, *гдѣ установилась уже общинно-уравнительная форма пользованія землею, и гдѣ платежныя раскладки поэтому сливаются съ разверстками общинной земли.*

Общинно-уравнительное пользованіе вполнѣ упрочилось на двухъ противуположныхъ концахъ того обширнаго края, къ которому относится наша работа: на западѣ — по всему сѣверу и юго-западу Тобольской губерніи, и на востокѣ—въ сѣверной части Иркутской губерніи, именно на сѣверной окраинѣ Иркутскаго округа и въ большой части общинъ Верхоленскаго. Въ этой послѣдней мѣстности общинно-уравнительное пользованіе появилось, по крайней мѣрѣ по отношенію къ пахатнымъ землямъ, сравнительно недавно, — и облекается пока въ болѣе или менѣе несовершенныя формы; тѣмъ не менѣе уже и здѣсь „господствующимъ принципомъ является связь между фактомъ владѣнія пашней и платежомъ казенныхъ податей";

---

*) Подобное-же воздѣйствіе имѣло мѣсто и въ Томской губерніи, но повидимому уже послѣ производства хозяйственно-статистическаго изслѣдованія; здѣсь это воздѣйствіе увѣнчалось повидимому довольно большими результатами; по крайней мѣрѣ въ Маріинскомъ округѣ, какъ мы могли лично удостовѣриться при объѣздѣ округа въ 1894 г., была повсемѣстно введена раскладка по пашнѣ и скоту, либо въ чистомъ видѣ, либо въ комбинаціи съ раскладкой по рабочей силѣ.

въ главныхъ основаніяхъ здѣсь сохранилась еще ревизская разверстка платежей и земли, но исправленная введеніемъ начала раскладки по рабочей силѣ; при этомъ подростки, „малолѣты“, записываются въ окладъ и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣляются землею, *когда того пожелаетъ домохозяинъ*, но не позже 17 лѣтъ, старики же, если пожелаютъ, исключаются изъ оклада съ 60-лѣтняго возраста, если же пожелаютъ дальше держать землю, то остаются въ податномъ окладѣ хотя-бы до самой смерти, и освобождаются только отъ мірскихъ сборовъ. Затѣмъ въ подробностяхъ, какъ можно судить по даннымъ изслѣдованія, способы разверстки въ этой мѣстности представляются еще мало выработанными, что̀ отчасти можетъ быть объяснено новизною и неустойчивостью здѣсь самаго душевого порядка пользованія пахатною землею.

Не останавливаясь въ виду этого на раскладочныхъ порядкахъ этой мѣстности, мы можемъ перейти къ основаніямъ разверстки земли и платежей въ области наибольшаго развитія общинно-уравнительнаго пользованія—въ Тобольской губерніи. Къ сожалѣнію достаточно обстоятельныя описанія раскладочныхъ порядковъ имѣются только по тремъ округамъ этой губерніи, — именно Курганскому и Ишимскому, занимающимъ юго-западную окраину губерніи, и по Туринскому, который можно считать болѣе или менѣе типическимъ для сѣверной земледѣльческой окраины Тобольской губерніи,—т. е. для области съ упрочившимся навознымъ хозяйствомъ. Прежде нежели перейти къ обзору раскладочныхъ порядковъ этихъ трехъ округовъ, какъ они описаны изслѣдованіемъ 1887—1889 гг., необходимо отмѣтить, что въ прежнее время основаніемъ земельно-податныхъ разверстокъ и въ области душевого пользованія являлась *ревизская* душа. Раскладка по сказкамъ X ревизіи и здѣсь держалась до самихъ 80-хъ годовъ, несмотря на всеобщее недовольство крестьянъ, вызывавшееся двумя основными причинами, — которыя прекрасно характеризуются двумя общественными приговорами, записанными въ Ишимскомъ округѣ: „*Сумма*, читаемъ мы въ одномъ изъ нихъ, причитающаяся на поступившихъ въ военную службу, умершихъ и неспособныхъ къ труду, *падаетъ въ раскладъ на наличныхъ членовъ общества*, въ томъ числѣ и на старыхъ и самобѣднѣйшихъ, которые и безъ того *едва въ состояніи уплачивать* за себя *подати*; нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, не уплатившія подати и раскладa по бѣдности, вторично упадаютъ на общество“. Въ другомъ приговорѣ читаемъ: „послѣ X ревизіи прошло 26 лѣтъ, а число ревизскихъ душъ остается безъ измѣненія, между тѣмъ въ большинствѣ семействъ произошли перемѣны: есть умершіе, а болѣе новорожденные; есть такія лица, которыя поступили въ военную

службу, и послѣ нихъ остались жены и дѣти, которыя *землянымъ надѣломъ не пользуются*, потому что лица тѣ рождены послѣ X ревизіи; есть и такія: малосемейный (совершенно одинъ) надѣленъ на три ревизскихъ души, и наоборотъ, большесемейные пользуются надѣломъ на одну ревизскую душу, что порождаетъ бѣдность и нужды; чтобы *прокормить семью*, такимъ лицамъ необходимо нанимать землю у другихъ владѣльцевъ". Такимъ образомъ въ волостяхъ, надѣленныхъ плохими и малоцѣнными земельными угодьями, болѣе всего давала себя чувствовать *тягость платежей* за „мертвыя души", ложившаяся на съ каждымъ годомъ уменьшавшееся число плательщиковъ; въ волостяхъ съ хорошими и цѣнными угодьями неудовольствіе шло со стороны домохозяйствъ, возникшихъ или разросшихся послѣ ревизіи и желавшихъ получить *соотвѣтствующее ихъ потребностямъ количество земли*. Всеобщее недовольство выражалось и въ единичныхъ попыткахъ ввести болѣе правильную разверстку платежей, и въ многочисленныхъ прошеніяхъ, подававшихся по начальству; но вѣра въ обязательное значеніе ревизій была разсѣяна лишь послѣ того, какъ губернскій совѣтъ въ 1884 году разъяснилъ право сельскихъ обществъ „самимъ дѣлать раскладку податей на наличныя души". Результатомъ этого разъясненія, и здѣсь почти вездѣ понятаго крестьянами, какъ *приказаніе*, была повсемѣстно произведенная въ промежутокъ времени съ 1884 по 1887 г. „новая расположка" податей, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и коренной передѣлъ угодій. Основанія этой „новой расположки" мы и разсмотримъ на послѣдующихъ страницахъ.

Работы изслѣдователей великороссійской общины и особенно покойнаго Орлова въ достаточной мѣрѣ выяснили уже тѣсную зависимость между порядками земельно-податныхъ раскладокъ, съ одной стороны, и отношеніемъ доходности земли къ лежащимъ на общинѣ платежамъ, съ другой. „Смотря по тому, читаемъ мы въ книгѣ г. В. В. „Крестьянская община" [1]), насколько крестьяне дорожатъ землей и считаютъ платежи легкими или тяжелыми, иначе говоря—насколько доходъ отъ земли больше или меньше связанныхъ съ ея пользованіемъ повинностей,—въ актѣ передѣла на первый планъ выдвигается та или другая изъ характерныхъ для него сторонъ: онъ разсматривается крестьянами, по преимуществу, или какъ моментъ уравненія выгодъ пользованія землею, или какъ методъ равномѣрнаго распредѣленія податной тягости...

---

[1]) Стр. 243—244; г. В. В. въ цитированныхъ словахъ излагаетъ господствующій взглядъ, къ которому самъ на послѣдующихъ страницахъ вноситъ нѣкоторыя поправки.

Въ первомъ случаѣ передѣлъ имѣетъ въ виду возвысить доходъ семьи, дать ей средства удовлетворить потребности; во второмъ—онъ увеличиваетъ ея расходы, облагаетъ каждое хозяйство налогомъ. Въ первомъ случаѣ, поэтому, мѣрой участія каждаго члена общины должны служить *потребности*, во второмъ—платежная сила или основа ея—*производительная способность*. Иначе говоря, принципъ уравненія въ первомъ случаѣ требуетъ распредѣленія земли между семьями по потребительной нормѣ; во второмъ—по производительной".

Къ совершенно тождественнымъ выводамъ привело изслѣдованіе раскладочныхъ порядковъ Тобольской губерніи: „гдѣ земля плодородна, гдѣ притомъ арендная цѣнность душевого надѣла превышаетъ платежи, тамъ „земельно-податная душа" является для обложеннаго ею двора средствомъ обезпеченія существованія; въ то-же время земля здѣсь какъ-бы сама платитъ подати, независимо отъ прилагаемаго къ ней человѣкомъ труда; естественною, поэтому, является здѣсь раскладка не по рабочей силѣ, а по потребности въ землѣ, по *потребительному составу* семьи. Напротивъ, гдѣ земельно-податная душа является тягостью, а платежи ложатся на трудъ населенія, тамъ раскладка должна слѣдовать не потребительному составу, а *рабочей силѣ* каждаго отдѣльнаго домохозяйства". Въ тѣсной связи съ изложеннымъ находится классификація земельно-податныхъ раскладокъ по другому основанію—на раскладки по принципу *добровольнаго* поверстанія и на раскладки по принципу *принудительной навалки* душевыхъ окладовъ: „система поверстанія по доброй волѣ заинтересованныхъ домохозяевъ, поверстанія „съ воли", „по изможенію", примѣнима конечно только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ арендная цѣнность душевого надѣла не ниже суммы душевыхъ платежей; гдѣ первая величина меньше послѣдней, тамъ всякій домохозяинъ очевидно предпочтетъ арендовать нужныя ему угодья, и слѣдовательно при добровольномъ порядкѣ раскладки вовсе не окажется желающихъ поверстаться въ окладъ,—въ такихъ мѣстностяхъ, слѣдовательно, необходимо долженъ господствовать принудительный порядокъ раскладки".

Наиболѣе разнообразную картину представляютъ, соотвѣтственно крайнему разнообразію хозяйственныхъ условій, раскладочные порядки Ишимскаго округа. Этотъ округъ распредѣленъ изслѣдованіемъ на четыре района, характеризуемые на первомъ мѣстѣ размѣрами средняго урожая пшеницы. *Первый* районъ со среднимъ урожаемъ въ 70 пудовъ; хлѣбопашество съ большимъ избыткомъ обезпечиваетъ продовольствіе населенія и окупаетъ затрачиваемый

трудъ; арендная цѣнность душевыхъ надѣловъ вездѣ нѣсколько превышаетъ всю совокупность платежей. Во *второмъ* районѣ, со среднимъ урожаемъ пшеницы въ 60 пудовъ, хлѣбопашество тоже способно прокормить населеніе и окупаетъ затрачиваемый трудъ, хотя лишь съ самымъ незначительнымъ излишкомъ; арендная цѣнность соотвѣтствуетъ размѣру платежей, но не превышаетъ ея. *Третій* районъ, наиболѣе обширный, со среднимъ урожаемъ пшеницы въ 40—50 пудовъ; здѣсь, благодаря почти повсемѣстному вытѣсненію пшеницы рожью и низкой заработной платѣ, хлѣбопашество еще обезпечиваетъ продовольствіе населенія и въ общемъ окупаетъ затрачиваемый трудъ; арендная цѣнность надѣльныхъ земель нигдѣ не покрываетъ всѣхъ платежей, и только въ лучшихъ мѣстностяхъ (лѣвый берегъ Ишима и побережье Емца) покрываетъ окладные казенные платежи. Наконецъ въ *четвертомъ* районѣ, гдѣ пшеница почти не сѣется и даже ржаные хлѣба начинаютъ вытѣсняться ячменемъ, хлѣбопашество далеко не обезпечиваетъ продовольствія населенія и не окупаетъ затрачиваемаго труда, арендная же цѣнность земли совершенно ничтожна, такъ что платежи почти цѣликомъ ложатся на трудъ населенія.

Два первые, лучшіе района охватываютъ почти всю южную часть округа, два послѣдніе, худшіе—всю сѣверную половину. Въ отношеніи раскладочныхъ порядковъ разница между этими двумя половинами начинается уже съ того, что въ сѣверной половинѣ Ишимскаго округа нигдѣ не было *коренного* измѣненія основаній податной раскладки: земельно-платежной единицей осталась *ревизская душа*, и переверстка касалась только „мертвыхъ душъ", т. е. только платежей и земельныхъ надѣловъ тѣхъ „душъ", которыя со времени ревизіи умерли или вообще выбыли изъ состава общества: при томъ переложенію большею частью подвергались однѣ только „упалыя" или „безродныя" души, т. е. души, числившіяся на совершенно вымершихъ домохозяйствахъ, «отеческія» же или «родчія» души большею частью оставались на отвѣтственности сыновей, племянниковъ и вообще близкихъ родственниковъ умершихъ. Напротивъ, въ южной половинѣ округа почти повсемѣстно произошло *коренное* измѣненіе земельно-платежныхъ раскладокъ,—ревизская душа совершенно сошла со сцены и замѣнилась другими разверсточными единицами. Эта разница въ характерѣ раскладокъ видна уже изъ крестьянской терминологіи: если спросить крестьянина какой-либо изъ сѣверныхъ волостей, „съ какихъ душъ" онъ платитъ подати, онъ непремѣнно отвѣтитъ: „съ ревизскихъ", и только путемъ дальнѣйшихъ распросовъ выяснится, что съ него „сняли мертвую душу" или что ему „навалили душу на малолѣтка" и т. п.;

напротивъ, въ южныхъ волостяхъ отвѣтъ будетъ непремѣнно „съ новыхъ душъ", „по новой расположкѣ", „по новой ревизіи" и т. п.,— выраженія, указывающія на коренную ломку прежней раскладки *).

Посмотримъ же теперь, какъ группируются въ Ишимскомъ округѣ мѣстности съ добровольными и съ принудительными раскладками. Порядокъ поверстанія „съ воли", „по изможенію", господствуетъ во всемъ первомъ, лучшемъ районѣ; далѣе—во всѣхъ лучшихъ селеніяхъ второго района, выдающихся по качеству угодій или по высокой зажиточности селеній; наконецъ изъ мѣстностей третьяго района этотъ порядокъ встрѣчается именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ доходность душевого надѣла соотвѣтствуетъ суммѣ податного оклада,—именно по лѣвому берегу Ишима и на побережьѣ Емца. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ разверстка платежей и земли произведена „на такое число душъ, *на которое кто считаетъ себя въ силахъ уплачивать*" (изъ одного приговора). Свобода самообложенія не представляется однако неограниченною: отдѣльнымъ общественникамъ разрѣшается только, по усмотрѣнію, верстать или не верстать въ окладъ числящихся въ ихъ семьяхъ „ѣдоковъ", т. е. лицъ мужескаго пола, какого-бы возраста они ни были: но обыкновенно въ тѣхъ общинахъ, гдѣ принятъ подобный порядокъ раскладки, послѣдняя фактически, особенно гдѣ доходность надѣловъ *выше* платежей, приближается къ раскладкѣ на всѣ наличныя души мужескаго пола. Довольно многія общины въ южной половинѣ Ишимскаго округа даже такъ или иначе ограничиваютъ составъ допускаемыхъ къ поверстанію лицъ, а именно не разрѣшаютъ „вписывать въ подать" лицъ, не достигшихъ опредѣленнаго начальнаго возраста: въ однѣхъ общинахъ—годичнаго, въ другихъ пяти, десяти и даже 17-лѣтняго. Едва-ли можно сомнѣваться, что возникновеніе такого рода ограниченій—отчасти результатъ вліянія малосемейныхъ общественниковъ, желавшихъ этимъ путемъ уменьшить общее число раскладочныхъ единицъ и слѣдовательно увеличить размѣръ отдѣльнаго душевого надѣла, отчасти—вызвано желаніемъ общины не допускать увеличенія числа подлежащихъ поверстанію душъ сверхъ числа освободившихся душевыхъ надѣловъ и этимъ путемъ избѣжать необходимости коренного передѣла угодій.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ перваго и второго района Ишимскаго округа, гдѣ раскладка податного оклада произведена „съ воли", „по

*) Надо замѣтить, что во многихъ раскладочныхъ приговорахъ говорится и здѣсь только о замѣщеніи мертвыхъ душъ, а не о коренной переверсткѣ на «новыя души»; такая редакція приговоровъ объясняется, вѣроятно, неполною увѣренностью крестьянъ въ правѣ ихъ совершенно оставить ревизскую раскладку.

изможенію", число раскладочныхъ единицъ вездѣ превысило число ревизскихъ душъ, значащееся въ обществахъ по окладному листу; въ 13-ти волостяхъ, по которымъ изслѣдованіе располагало достаточно полными и точными цифрами, платежи, исчисляемые казенною палатою по числу 28,980 ревизскихъ душъ, раскладываются внутри общинъ на 31,648 душъ (земля же распредѣляется, въ виду многочисленности разнаго рода льготныхъ душъ—солдатъ, ссыльныхъ и т. п. — на 38,683 души); обратное явленіе наблюдается только въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ общинъ, гдѣ поверстаніе въ окладъ было ограничено какимъ-либо начальнымъ возрастомъ. Размѣръ раскладочнаго душевого оклада получался путемъ дѣленія всей слѣдующей съ общества податной суммы на общее число раскладочныхъ душъ, и на тѣ-же души положено было раскладывать и всѣ мірскіе сборы (кромѣ, въ нѣкоторыхъ общинахъ, части, раскладываемой на скотъ) и натуральныя повинности. Напротивъ въ вышепоименованныхъ мѣстностяхъ, принадлежащихъ къ третьему району, мірскіе сборы и натуральныя повинности повсемѣстно раскладываются на „годныхъ" работниковъ, иначе—„на лука"; вмѣстѣ съ тѣмъ число поверстанныхъ въ общинную раскладку душъ почти нигдѣ не достигло числа душъ, значащагося по окладному листу; платежи за ревизскія души, оставшіяся незамѣщенными, лишь въ очень немногихъ общинахъ этой мѣстности разлагаются на всѣ надѣленныя землею души, а въ большей части случаевъ раскладываются на „годныхъ работниковъ" или на скотъ, такъ что собственно пользованіе душевымъ надѣломъ связано съ платежомъ одного только податного оклада. Смыслъ изложенныхъ фактовъ понятенъ: въ мѣстностяхъ, отнесенныхъ къ *первымъ двумъ районамъ, арендная доходность душевого надѣла окупаетъ полную сумму всѣхъ платежей и повинностей*, почему вся эта сумма и раскладывается по „ѣдокамъ", надѣленнымъ землею; напротивъ въ названныхъ мѣстностяхъ сѣверной половины округа, принадлежащихъ къ *третьему району, мірскіе сборы и натуральныя повинности ложатся на трудъ и на имущество населенія, а душевой надѣлъ окупаетъ только окладные сборы*, тамъ же, гдѣ платежи за „души на обществѣ" раскладываются отдѣльно отъ податного оклада, доходность надѣла даже нѣсколько ниже размѣра этого послѣдняго плательщикъ, пользуясь количествомъ угодій, слѣдующимъ на его душу, плюсъ достающуюся ему при передѣлѣ долю угодій, слѣдующихъ на „упалыя" души (на послѣднія особыхъ надѣловъ не отводятъ), обязанъ за это платить только *свой* душевой окладъ, *безъ* соотвѣтствующей доли платежей за „упалыя" души; если, напримѣръ, на 200 ревизскихъ душъ, значащихся въ общинѣ, оказалось

раскладочныхъ душъ всего 150, а платежи 50-ти „упалыхъ“ душъ разверстаны на работниковъ или на скотъ, то это значитъ, что за $^1/_{150}$ часть общественныхъ угодій общественники соглашаются платить только $^1/_{200}$ часть лежащаго на общинѣ податного оклада, а слѣдовательно, общинный надѣлъ окупаетъ только $^{150}/_{200}=^3/_4$ общей суммы послѣдняго.

Такимъ образомъ въ Ишимскомъ округѣ, въ видѣ общаго правила, добровольныя раскладки являются, въ то-же время, раскладками по потребительной нормѣ; лишь въ очень немногихъ общинахъ южной половины округа раскладка по этой послѣдней нормѣ произведена какъ-бы принудительнымъ порядкомъ, на всѣ наличныя души мужскаго пола („включить нашихъ малолѣтнихъ дѣтей безъ изъятія“, говорится въ одномъ приговорѣ),—но и здѣсь принудительность является только кажущеюся: въ тѣхъ немногихъ общинахъ, гдѣ принятъ былъ этотъ порядокъ, доходность надѣла превышаетъ платежи, а потому отказовъ отъ поверстанія въ окладъ нельзя было и ожидать; тотъ, кому не по силамъ было-бы „управиться“ съ землей, всегда могъ передать землю за „приплату“, „верхи“, такъ что отказываться отъ „душъ“ ему было-бы прямо невыгодно *).

Затѣмъ въ видѣ общаго правила можно сказать, что принудительный порядокъ раскладки совпадаетъ съ господствомъ раскладки по рабочей силѣ, въ комбинаціи съ началомъ ревизско-душевымъ. Обыкновенно всѣ плательщики, записанные въ ревизскія сказки, остаются въ окладѣ; для замѣщенія „мертвыхъ душъ“ всѣ подростки, достигшіе опредѣленнаго общиною возраста, обыкновенно 16—17, рѣже 15 или 18-лѣтняго, обязательно зачисляются въ окладъ, поверстаніе же лицъ, не достигшихъ этого возраста предоставляется усмотрѣнію заинтересованныхъ домохозяевъ (на практикѣ же такое поверстаніе вовсе не практикуется); исключеніе изъ оклада лицъ, по дряхлости, по нищетѣ или другимъ причинамъ неспособныхъ „нести душу“, хотя и допускается, но лишь въ видѣ изъятія,—если „кого общество пожалѣетъ“, въ видѣ правила же „ревизскіе“ плательщики „держатъ душу“ до самой своей смерти.—Въ большинствѣ общинъ оказалось меньше „малолѣтковъ“, подлежащихъ поверстанію въ окладъ, нежели „мертвыхъ душъ“; часть этихъ послѣднихъ, именно „отеческія души“, осталась на отвѣтственности отдѣльныхъ общественниковъ—сыновей, братьевъ, племянниковъ и. т. д.,—а такъ называемыя „упалыя“ или „безродныя“ души остались на круговой отвѣтственности общества; въ 9-ти волостяхъ, гдѣ господствуютъ разверстки разсматриваемаго типа, при 18,265 ревизскихъ

---

*) Подробнѣе объ этомъ порядкѣ см. ниже.

душахъ, въ общественной раскладкѣ участвуютъ всего 16,052 души (а земля вмѣстѣ съ льготными передѣляется на 19,808 душъ), такъ что на непосредственной отвѣтственности обществъ остаются платежи, слѣдующіе съ 2,213 „упалыхъ“ душъ; суммы податного оклада, причитающіяся съ этихъ душъ, раскладываются частью на скотъ, главнымъ же образомъ на „лука“ или „годныхъ работниковъ“ отъ 15—17 до 60-лѣтняго возраста, не пользующихся льготами за общественную службу и. т. п.; на тѣ-же лука раскладываются мірскіе сборы и натуральныя повинности.—Смыслъ этого порядка, опять-таки, ясенъ: самая принудительность раскладки показываетъ, что пользованіе душевымъ надѣломъ подъ условіемъ уплаты хотя-бы одного податного оклада не представляетъ для крестьянина выгоды; начальный возрастъ, соотвѣтствующій времени зачисленія въ „годные работники“, показываетъ, что душевой окладъ цѣликомъ или почти цѣликомъ ложится на трудъ населенія, и изъ того-же источника покрываются всѣ мірскіе сборы и натуральныя повинности. И дѣйствительно, въ Ишимскомъ округѣ большая часть придерживающихся этого способа раскладки общинъ совсѣмъ не перешла или не вполнѣ перешла отъ захватныхъ формъ пользованія угодьями къ общинно-уравнительнымъ, при наличности же душевого пользованія основными угодьями этотъ порядокъ раскладки господствуетъ только въ четвертомъ районѣ и въ наихудшихъ мѣстностяхъ третьяго, — слѣдовательно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ рентная доходность угодій совершенно ничтожна.

Нѣсколько иной порядокъ встрѣчается во многихъ общинахъ южной половины Ишимскаго округа, принадлежащихъ главнымъ образомъ къ бѣднѣйшей части второго района: здѣсь именно подростки обязательно верстаются въ окладъ по достиженіи 8—10, рѣже 12-лѣтняго возраста; правомъ добровольнаго поверстанія дѣтей, не достигшихъ урочнаго возраста, здѣсь пользуются довольно многіе изъ болѣе состоятельныхъ хозяевъ, тогда какъ въ общинахъ предыдущей категоріи, какъ мы упоминали, случаевъ добровольнаго поверстанія совершенно не бываетъ; каждая поверстанная въ окладъ душа въ равной мѣрѣ участвуетъ въ платежѣ всѣхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей. Ясно, что смыслъ этого порядка совершенно иной, нежели порядка, очерченнаго выше: арендная доходность надѣла лишь немногимъ ниже суммы платежей; недостающая величина настолько незначительна, что можетъ быть пополнена изъ заработка „борноволока“,—мальчика 8 — 12-лѣтняго возраста; а у хорошаго хозяина надѣлъ, благодаря лучшей обработкѣ земли, можетъ и вполнѣ оплачивать всѣ платежи и повинности.

Наконецъ, среди общинъ, прибѣгнувшихъ къ принудительной

разверсткѣ, нѣкоторыя верстали обязательно въ окладъ только часть общественниковъ, ограничиваемую извѣстнымъ *начальнымъ* (17, 16, 15, 13, 12, 10 и 5 лѣтъ) и извѣстнымъ *конечнымъ* возрастомъ (60, рѣже 70 лѣтъ), поверстаніе же лицъ, не достигшихъ установленнаго возраста или перешагнувшихъ конечный, ставили въ зависимость отъ усмотрѣнія заинтересованныхъ домохозяевъ. Этотъ способъ разверстки встрѣчается однако не часто, и выяснить его зависимость отъ доходности угодій намъ не удалось.

Закончивъ такимъ образомъ обзоръ платежно-земельныхъ раскладокъ Ишимскаго округа и выяснивъ, насколько возможно было, связь ихъ съ доходностью душевыхъ надѣловъ, мы должны оговориться, что связь эта существуетъ только въ видѣ общаго правила, изъ котораго можно насчитать не мало исключеній; съ одной стороны, въ нѣкоторыхъ обществахъ съ несомнѣнно благопріятнымъ соотношеніемъ платежей и доходности надѣловъ, мы встрѣчаемся съ принудительною разверсткою платежей по рабочей силѣ; съ другой—въ мѣстностяхъ съ весьма низкою доходностью надѣловъ встрѣчаются случаи разверстки податного вклада съ ранняго, 8—10 лѣтняго возраста, или раскладки мірскихъ сборовъ на всѣ платежныя души, т. е. на землю. Такія ненормальныя явленія объясняются иногда простымъ подражаніемъ, иногда же переживаніемъ издавна установившихся порядковъ надъ условіями, вызвавшими ихъ возникновеніе.

Въ смежномъ съ Ишимскимъ Курганскомъ округѣ раскладочные порядки представляютъ гораздо менѣе разнообразія, что̀ и понятно въ виду гораздо меньшаго разнообразія здѣсь, вообще, условій крестьянскаго хозяйства. Курганскій округъ распадается на два района—восточный, Притобольный, и западный, Приозерный; уже первый изъ нихъ во всѣхъ отношеніяхъ, слѣдовательно и въ благопріятномъ соотношеніи платежей къ доходности надѣловъ, очень сходенъ съ лучшими районами Ишимскаго округа, къ которымъ онъ прилегаетъ; въ западномъ же районѣ Курганскаго округа условія, въ общемъ, еще благопріятнѣе. Въ Курганскомъ округѣ поэтому нѣтъ мѣста для тягловой, рабочей разверстки, играющей такую существенную роль въ худшихъ мѣстностяхъ Ишимскаго; значеніе здѣсь различныхъ способовъ раскладки наглядно изображается слѣдующими цифрами:

	Число селеній, гдѣ разверстка сдѣлана:						
	На всѣ наличныя души.	На желающихъ.	На ревизскія души съ замѣщеніемъ умершихъ малолѣтками.	На всѣ души, начиная съ 1 г.	5 л.	7 л.	10 л.
Въ западн. районѣ. .	202	53	17	3	1		4
или въ % къ общему числу	71,5	18,7	6,0	1,1	0,4	0,4	1,4

	Число селеній, гдѣ разверстка сдѣлана:						
	На всѣ наличныя души	На желающихъ.	На ревизскія души съ замѣщеніемъ умершихъ малолѣтками.	На всѣ души. 1 г.	5 л.	начиная съ 7 л.	10 л.
Въ восточн. районѣ . .	76	57	—	32	1	1,	—
или въ % къ общему числу.	45,2	33,9	—	19,0	0,6	0,6	—
По цѣлому округу .	278	110	17	35	2	2	4,
или въ % къ общему числу	61,7	24,3	3,8	7,17	0,4	0,4	0,

Такимъ образомъ почти въ двухъ третяхъ общаго числа селеній Курганскаго округа земельно-податныя разверстки произведены были на всѣ наличныя души или, что то-же по внутреннему смыслу, на души старше одного года (этотъ послѣдній пріемъ, по объясненію изслѣдователя, г. Осипова, обязанъ своимъ распространеніемъ вліянію одного изъ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ); затѣмъ почти въ одной четверти общинъ земля разверстывалась „на желающихъ", т. е. каждому общиннику дозволялось взять на себя то или другое число душъ, не свыше однако числа всѣхъ наличныхъ душъ мужскаго пола, числящихся въ его семьѣ,—и слѣдовательно почти въ 95% селеній господствуетъ разверстка по потребительной нормѣ. Характерную особенность Курганскаго округа составляетъ *преобладаніе разверстки на всѣ наличныя души*, которая въ Ишимскомъ округѣ встрѣчается лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія, надъ разверсткой „на желающихъ", господствующей въ лучшихъ волостяхъ Ишимскаго округа,—причемъ въ смежныхъ съ этимъ послѣднимъ Приозерныхъ волостяхъ раскладка „на желающихъ" сравнительно гораздо болѣе распространена (33,9%), нежели въ западномъ Притобольномъ районѣ (18,17%). Г. Осиповъ объясняетъ это различіе разницею въ основныхъ экономическихъ условіяхъ обоихъ районовъ; объясненіе это бросаетъ новый и болѣе правильный свѣтъ на относительный смыслъ раскладокъ на „всѣ наличныя души" и „на желающихъ", почему мы и позволимъ себѣ привести его in extenso. „Почти во всѣхъ волостяхъ Притобольнаго района, говоритъ г. Осиповъ, крестьянское землевладѣніе крайне стѣснено; большею частью отведено по 15 десятинъ на ревизскую душу, причемъ въ смежности почти вовсе нѣтъ казенныхъ земель, которыя могли-бы быть арендованы крестьянами. Кромѣ того, это наиболѣе лѣсистая часть округа, обладающая вдобавокъ великолѣпными поемными лугами; цѣнность душевого пайка на заливныхъ сѣнокосахъ колеблется около 1—2 р. даже въ зимнюю пору, передъ сборомъ податей; при неурожаѣ травъ

на горовыхъ покосахъ эта цѣнность возрастаетъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ до 15—25 р. Естественно, что при такихъ условіяхъ всякій домохозяинъ стремится зачислить въ земельную разверстку всѣ свои наличныя души, и потому бо̀льшая часть общинъ Притобольнаго района стремилась передѣлить земли на наличныя души". Въ Приозерномъ районѣ, напротивъ, „душевой надѣлъ во многихъ волостяхъ доходитъ до 21 дес.; за надѣломъ осталось еще много казенныхъ земель; пашни въ общей сложности хуже, чѣмъ въ Притобольномъ районѣ: лѣса вырублены; заливныхъ покосовъ нигдѣ нѣтъ, за то пастбища весьма обширны; существованіе во многихъ волостяхъ рыболовныхъ озеръ даетъ въ удачный годъ легкій и хорошій заработокъ, отвлекающій крестьянъ отъ земледѣлія. Указанныя обстоятельства ослабляли желаніе домохозяевъ получить надѣлъ на возможно большее число душъ. Сами общины хорошо сознавали, что нельзя „возлагать бремена неудобоносимыя", и потому не принуждали своихъ членовъ брать надѣлы на всѣ наличныя души и установили такой порядокъ, чтобы каждый бралъ столько надѣловъ, сколько хочетъ".

Приведенное объясненіе, очевидно, вполнѣ подтверждаетъ ту высказанную нами выше мысль, что при раскладкѣ „на всѣ наличныя души" принудительность является только кажущеюся; этотъ способъ раскладки примѣняется только тогда, когда зачисленіе всѣхъ наличныхъ душъ *выгодно и желательно для каждаго* общественника, когда никому не можетъ прійти мысль объ отказѣ отъ поверстанія въ окладъ, и слѣдовательно не можетъ быть и повода для дѣйствительнаго понужденія къ такому поверстанію. Мало того: *этотъ* способъ разверстки практикуется именно тогда, когда поверстаніе въ окладъ, благодаря высокой доходности земли, *явно и несомнѣнно выгодно для всякаго*, и слѣдовательно является показателемъ *еще болѣе благопріятнаго* соотношенія между платежами и доходностью надѣловъ, нежели раскладка „на желающихъ", при которой предусматривается возможность, что поверстаніе въ окладъ покажется кому-нибудь невыгоднымъ и нежелательнымъ. Можно было-бы сказать поэтому, что первый способъ разверстки соотвѣтствуетъ *превышенію* доходности надъ платежами; второй—приблизительному *равенству* платежей съ доходностью, если-бы въ Ишимскомъ округѣ разверстка „на желающихъ" не практиковалась и тамъ, гдѣ доходность несомнѣнно нѣсколько выше платежей, и душевые надѣлы передаются съ болѣе или менѣе значительными „верхами".

Къ сожалѣнію г. Осиповъ недостаточно выяснилъ сущность переверстки „на ревизскія души съ замѣщеніемъ умершихъ малолѣтками", произведенной въ 17-ти общинахъ; на первый взглядъ можно-бы по-

думать, что такая разверстка носитъ уже тягловый характеръ и указываетъ на неблагопріятное соотношеніе между платежами и доходностью надѣловъ. Но въ дѣйствительности она имѣетъ совершенно иной характеръ и смыслъ; цѣль ея, по указанію г. Осипова, „вмѣсто умершихъ включить живыхъ, *годныхъ къ службѣ*“; стремясь главнымъ образомъ къ этой цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ желая избѣжать хлопотъ по новой нарѣзкѣ душевыхъ надѣловъ, связанныхъ съ увеличеніемъ числа разверсточныхъ единицъ, община допускаетъ къ поверстанію лишь подростковъ, которые уже годны къ службѣ и число которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не превышаетъ числа освободившихся за убылью ревизскихъ плательщиковъ душевыхъ надѣловъ.

Переходя затѣмъ къ сѣверной половинѣ Тобольской губерніи, мы по двумъ округамъ, Тобольскому и особенно Тюменскому, находимъ лишь весьма отрывочныя данныя. Относительно Тюменскаго округа мы знаемъ только, что въ большей части волостей его надѣлы и платежи „мертвыхъ“ положены на малолѣтокъ отъ 17—18 лѣтъ,—въ другихъ же волостяхъ „надѣлы и подати мертвыхъ душъ по прежнему тяготѣютъ на родственникахъ умершихъ плательщиковъ“, а сумма платежей, причитающаяся на „безродныя“ души, уплачивается всѣмъ обществомъ по раскладкѣ. Сходные порядки господствуютъ и въ Тобольскомъ округѣ; и здѣсь „разверстка не касается крестьянъ, уже имѣющихъ земельный надѣлъ и исправно уплачивающихъ подати. Ей подлежатъ лишь надѣлы умершихъ или лицъ, находящихся въ отлучкѣ и неисправно вносящихъ подати... Эти надѣлы передаютъ подросткамъ отъ 16—18 лѣтъ, а если ихъ больше, чѣмъ этихъ послѣднихъ, то и болѣе молодымъ, хотя для подобныхъ лицъ, не достигшихъ предѣльнаго возраста, принятіе надѣла и не обязательно. При этихъ разверсткахъ родственники умершаго имѣютъ преимущество передъ всѣми другими лицами“. Мѣстами, гдѣ 16—18 лѣтнихъ подростковъ не хватаетъ, въ окладъ верстаютъ мальчиковъ, начиная съ 10 и даже 5 лѣтъ, а такъ какъ „подобное принужденіе взять надѣлъ для малолѣтняго сына составляетъ подчасъ тягость, съ которою не всегда въ состояніи справиться малосильный крестьянинъ“, то общество „сообразуется при этомъ съ имущественнымъ цензомъ и съ благосостояніемъ отдѣльныхъ членовъ“; при этомъ на зажиточныхъ общественниковъ кладутся не только „безродныя“ души, но иногда и платежи умершихъ членовъ бѣдныхъ семей. Наконецъ мѣстами, въ видахъ уравненія податной тягости, прибѣгаютъ къ дробленію земельно-платеж-

ныхъ душъ, такъ что „на слабаго плательщика кладутъ лишь $^1/_4$—$^1/_2$ души... Если въ слѣдующемъ году у него подростетъ сынъ и станетъ полуработникомъ, то его надѣляютъ еще $^1/_4$—$^1/_2$ паемъ, который слагаютъ съ семьи, гдѣ хозяинъ достигъ до 60-лѣтняго возраста и т. д.“.

Такимъ образомъ и въ Тюменскомъ, и въ Тобольскомъ округѣ господствуетъ до сихъ поръ ревизская земельно-податная раскладка, съ замѣщеніемъ только убылыхъ плательщиковъ способными къ труду представителями подрастающаго поколѣнія; при этомъ число вновь поверстанныхъ „малолѣтскихъ душъ“, въ видѣ общаго правила, меньше числа убылыхъ, и напримѣръ въ семи волостяхъ Тобольскаго округа, гдѣ по ревизіи числится 16,543 души, платежныхъ душъ имѣлось, по даннымъ изслѣдованія, всего 15,130. Что касается до мірскихъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, то они раскладываются всецѣло на надѣленныхъ землею „годныхъ работниковъ“.

Изслѣдованіе къ сожалѣнію не дѣлаетъ попытки привести такой тягловый характеръ раскладочныхъ порядковъ въ двухъ разсматриваемыхъ округахъ въ связь съ общимъ складомъ хозяйственной жизни мѣстнаго крестьянства, и лишь мимоходомъ упоминаетъ о томъ, что земельный надѣлъ составляетъ здѣсь „тягость“, бремя для общественниковъ. О причинахъ этого явленія мы можемъ поэтому только догадываться; на первомъ мѣстѣ надо поставить обширность, вообще, земельныхъ угодій и легкость аренды, обусловливаемую обиліемъ дешевыхъ инородческихъ земель; затѣмъ—распространенность всякихъ неземледѣльческихъ заработковъ, заставляющую населеніе мало дорожить пашней; наконецъ въ Тобольскомъ округѣ—плохое качество пашенъ и малую ихъ урожайность, въ Тюменскомъ—переходное состояніе земледѣлія: старое залежное хозяйство уже отжило здѣсь свой вѣкъ, а хозяйство съ удобреніемъ еще не успѣло достаточно упрочиться.

Еще недавно тоже самое имѣло мѣсто и въ третьемъ округѣ земледѣльческаго сѣвера Тобольской губерніи—Туринскомъ. Лѣтъ 30—40 тому назадъ, „когда съ одной стороны населеніе было значительно меньше, а слѣдовательно просторъ—гораздо больше; когда, съ другой стороны, лѣса были въ лучшемъ состояніи, нежели теперь и, доставляя населенію значительные промысловые заработки, отвлекали его отъ земледѣлія; когда наконецъ истощенная производительность пашенъ не возстановлялась еще достаточно систематическимъ удобреніемъ, и потому урожаи хлѣбовъ были значительно ниже, чѣмъ теперь,—цѣнность надѣльныхъ угодій далеко не покрывала лежавшихъ на населеніи платежей; земельно-подат-

ная душа была тяжелою обузою, „тягостью“ для обложеннаго ею двора, а сдѣлавшись „безродною“ становилась такою-же обузою для цѣлой общины; послѣдняя либо сдавала въ этомъ случаѣ душевыя угодья въ аренду, а нехватавшую сумму пополняла изъ мірского капитала или „раскладывала на общество“, либо „наваливала упалую душу“ на наиболѣе состоятельные или богатые рабочею силою дворы, на одни—по цѣлой душѣ, на другіе—по половинѣ, по четверти души. Въ настоящее время, по крайней мѣрѣ въ волостяхъ южной половины округа, положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось: сильный приростъ населенія повелъ къ значительному сокращенію многоземелія: распространеніе хозяйства съ удобреніемъ и сокращеніе лѣсныхъ промысловъ—къ количественному расширенію и качественному улучшенію земледѣлія; все это, въ связи съ поднятіемъ цѣнъ на хлѣбъ, привело къ значительному возвышенію доходности земли,—и рентная доходность передѣляемыхъ угодій въ настоящее время либо превышаетъ всю сумму лежащихъ на населеніи платежей, либо равна этой суммѣ“. Ясно, что при такихъ условіяхъ „душа“ перестаетъ быть обузой, тягостью: она становится, напротивъ, основною опорой благосостоянія надѣленнаго ею двора: и въ то время, какъ прежде ревизская раскладка вызывала неудовольствіе и протесты излишне-обложенныхъ дворовъ, теперь, напротивъ, войну противъ нея ведутъ недостаточно (сообразно измѣнившемуся составу семей) обложенные дворы“. „При такомъ пользованіи земельными надѣлами, читаемъ мы въ приговорахъ нѣсколькихъ обществъ Жуковской волости, домохозяевамъ, *имѣющимъ земляные надѣлы на ревизскія души, существовать выгодно*, а имѣющимъ участокъ земли на одну душу, при сыновьяхъ рожденныхъ послѣ ревизіи, *пропитывать свои семейства*, платить въ казну подати и относить повинности... *обременительно*, и размножившіяся семейства при неимѣніи достаточнаго для себя количества полевыхъ земляныхъ надѣловъ легко могутъ дойти до нищеты и разстройства хозяйства“.

Движеніе противъ ревизской раскладки началось и въ Туринскомъ округѣ уже довольно давно: но пока держался неправильный взглядъ на обязательное значеніе ревизій, единственнымъ средствомъ обезпеченія землею обильныхъ ѣдоками семей была передача имъ, цѣликомъ или частями, земельныхъ надѣловъ „упалыхъ“ „безродныхъ“ душъ. Только послѣдовавшее въ 1884 году разъясненіе губернскаго совѣта повело и въ Туринскомъ округѣ къ болѣе или менѣе коренным измѣненіямъ земельно-платежныхъ разверстокъ. При этомъ однако, если остановиться, пока, на одной только южной половинѣ округа, замѣчается существенная разница

между тремя ея юго-восточными и пятью сѣверо-западными волостями: въ этихъ послѣднихъ ревизская раскладка сохранилась лишь въ немногихъ общинахъ; напротивъ, въ юго-восточныхъ волостяхъ она удержалась повсемѣстно. Объясненія этого различія надо искать въ томъ, что въ сѣверо-западныхъ волостяхъ цѣнность душевыхъ надѣловъ, за исключеніемъ немногихъ общинъ, превышаетъ платежи, и земельно-податныя души передаются за отступную плату („торговля душами"); „душа", такимъ образомъ, даетъ „выгоду", рентный доходъ,—и погоня за этой „выгодой" являлась могущественнымъ стимуломъ, побуждавшимъ многосемейныхъ общественниковъ настаивать на новой разверсткѣ душъ. Напротивъ въ юго-восточныхъ волостяхъ, гдѣ просторъ пока гораздо больше, а хозяйство съ удобреніемъ еще не вполнѣ упрочилось, арендныя цѣны земли ниже; доходность душевыхъ надѣловъ не превышаетъ здѣсь душевыхъ платежей, хотя и вполнѣ окупаетъ ихъ, и платежи, такимъ образомъ, поглощаютъ всю ренту безъ остатка. При такихъ условіяхъ существующая земельно-податная разверстка, какова-бы она ни была, никого не можетъ тяготить: крестьянинъ, имѣющій лишнюю „душу", не имѣетъ надобности „сваливать" ее на общину, такъ какъ „душа" „сама себя оправдываетъ" и всегда можетъ быть „сдана въ платежъ" другому общественнику; многосемейный крестьянинъ не имѣетъ надобности настаивать на надѣленіи лишнею душою, такъ какъ всегда можетъ „снять душу" за тѣ-же платежи. Въ измѣненіи разверстки (какъ, впрочемъ, и въ сохраненіи ея), такимъ образомъ, никто не заинтересованъ, ревизская раскладка можетъ поэтому держаться и дѣйствительно держится, частью по инерціи, частью во избѣжаніе хлопотъ, связанныхъ съ передѣломъ.

Итакъ, во всѣхъ общинахъ юго-восточной части волости изслѣдованіе застало ревизскую раскладку безъ измѣненія. Напротивъ въ сѣверо-западныхъ волостяхъ огромное большинство общинъ перешло къ новымъ способамъ разверстки, представляющимъ собой болѣе или менѣе полное отступленіе отъ ревизской раскладки.

Здѣсь, прежде всего, надо остановиться на способѣ разверстки „*по ѣдокамъ*", состоящемъ въ томъ, что община, удерживая въ принципѣ ревизскую разверстку, отбираетъ часть „душъ" у тѣхъ дворовъ, наличный потребительный составъ которыхъ малъ сравнительно съ числомъ закрѣпленныхъ за ними ревизіей земельно-податныхъ единицъ, и передаетъ ихъ тѣмъ дворамъ, въ коихъ при небольшомъ числѣ ревизскихъ душъ состоитъ много „ѣдоковъ", причемъ *въ соображеніе принимаются и лица женскаго пола.* „Многіе изъ общественниковъ, говорится въ одномъ приговорѣ,

имѣютъ въ своемъ пользованіи по ѣдокамъ въ семействахъ своихъ земли неуравнительно: есть такіе, которые состоятъ изъ 5 и до 13 ѣдоковъ и землею пользуются однимъ и до четырехъ душевыхъ надѣловъ, которымъ *пропитывать свои семейства трудно* (слѣдуетъ поименный перечень)..., а есть такіе, у которыхъ находится въ пользованіи земли достаточное количество, а ѣдоковъ мало (тоже слѣдуетъ перечень)...; всѣмъ этимъ поименованнымъ противъ выше прописанныхъ *существовать очень выгодно*; а чтобы не довести первыхъ до нищеты и разстройства семьи..., присогласовали произвести переверстку земли по ѣдокамъ, для чего отъ *многодушевыхъ крестьянъ отобрать землю* и отобранною *удовлетворить первыхъ по числу душъ—ѣдоковъ*: отдѣлить отъ многодушевыхъ крестьянъ В. К—ва $^1/_2$ души С. Б—ву, В. М—ва—1 душу, (изъ нея) $^1/_2$ души И. Л—ну и $^1/_2$ П. Д—ву..., Л. К—ва на $^1/_2$ души—$^1/_4$ С. Б—ву и $^1/_4$ Е. С—ву, и т. д. и т. д.". Самое отобраніе и передача „душъ" производятся не на основаніи какихъ-либо точныхъ и опредѣленныхъ признаковъ, а по соображенію, вообще, со степенью избытка или недостатка у каждаго хозяина надѣльной земли въ сравненіи съ его потребностями; первымъ поводомъ къ прибавкѣ кому-либо „душъ" всегда служитъ его ходатайство передъ сходомъ, первымъ показаніемъ къ отобранію излишнихъ „душъ"—„торговля", т. е. сдача земли въ аренду и особенно—„сдача изъ выгоды" полныхъ душевыхъ надѣловъ, какъ ясное доказательство наличности излишка въ землѣ.

Способъ переверстки „по ѣдокамъ" принятъ въ большинствѣ общинъ разсматриваемой мѣстности,—и это обстоятельство тѣмъ убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ о его цѣлесообразности, что „начальство", въ лицѣ мѣстнаго чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, рекомендовало другой способъ—именно разверстку по наличнымъ душамъ мужескаго пола. И особенно любопытны въ этомъ отношеніи случаи, когда общины, постановивъ согласно совѣту „мирового" приговоръ о раскладкѣ по этому послѣднему способу, затѣмъ отмѣняли приговоръ и производили переверстку по „ѣдокамъ"; такихъ случаевъ изслѣдованіемъ отмѣчено четыре, причемъ въ одномъ приговорѣ сдѣланный общиною шагъ мотивируется такъ: „хотя нами и былъ постановленъ приговоръ о разверсткѣ на наличныя души мужскаго пола..., но приступая къ разверсткѣ, находимъ оную... неуравнительною,—а именно: что нѣкоторые изъ общественниковъ *могутъ также остаться при одномъ душевомъ надѣлѣ земли при семействѣ, состоящемъ изъ многихъ членовъ женскаго пола*, которыхъ пропитывать и самому существовать будетъ обременительно, а напротивъ получившіе надѣлы на нѣсколько душъ

мужскаго пола при маломъ числѣ женскаго пола существовать выгодно".

Такимъ образомъ главный мотивъ, заставляющій крестьянъ предпочитать разверстку „по ѣдокамъ"—это наиболѣе полное соотвѣтствіе этого способа потребительному составу семей; другое важное преимущество этой разверстки въ томъ, что при ней не измѣняется общее число земельно-платежныхъ единицъ, установленное ревизіей; уравненіе достигается путемъ передачи цѣлыхъ „душъ" или частей „душъ" отъ однихъ общественниковъ другимъ, и слѣдовательно обходится безъ коренного передѣла и связанныхъ съ такимъ передѣломъ хлопотъ.

Порядокъ разверстки „*на всѣ наличныя души* мужескаго пола" распространенъ въ разсматриваемой мѣстности значительно менѣе и даже этою сравнительно малою степенью распространенности обязанъ главнымъ образомъ воздѣйствію крестьянскаго чиновника. При этомъ принципъ разверстки по душамъ мужескаго пола строго проведенъ лишь нѣсколькими общинами, всѣ же остальныя внесли въ свои разверстки тѣ или другія поправки: большинство именно, разверставъ землю и платежи по числу наличныхъ душъ мужескаго пола, одновременно или позднѣе произвело частичное переложеніе „по ѣдокамъ",—именно отбирало часть „душъ" отъ тѣхъ дворовъ, гдѣ было мало „ѣдоковъ"—женщинъ, и передавало ихъ такимъ дворамъ, гдѣ при значительномъ числѣ женщинъ было сравнительно мало мужчинъ: а нѣкоторыя общины (всего двѣ), гдѣ цѣнность надѣловъ оказалась недостаточно высокой, перенесла часть „душъ" съ менѣе состоятельныхъ хозяевъ на болѣе состоятельныхъ, такъ что фактически получилась уже раскладка по экономической состоятельности.

Такимъ образомъ общины южной половины Туринскаго округа представляютъ три типа податныхъ раскладокъ: неизмѣнную ревизскую раскладку, разверстку „по ѣдокамъ" обоего пола и раскладку, обыкновенно болѣе или менѣе модифицированную, на наличныя души мужескаго пола. Во всѣхъ трехъ случаяхъ разверстка всѣхъ платежей и повинностей, не исключая, обыкновенно даже хлѣбной руги, производится на основаніи одного и того-же общаго принципа и по однѣмъ и тѣмъ-же раскладочнымъ единицамъ: это и понятно: арендная цѣнность передѣляемыхъ угодій во всей южной половинѣ Туринскаго округа по меньшей мѣрѣ покрываетъ всю сумму лежащихъ на населеніи платежей и повинностей. А разъ это такъ, то очевидно нѣтъ уже надобности въ обложеніи рабочей способности населенія; раскладка мірскихъ сборовъ и повинностей на „годныхъ" работниковъ поэтому вездѣ уничтожена,

и сборы и повинности эти переложены на тѣ-же обложенныя казенною податью и надѣленныя землею души, или точнѣе—на душевые земельные надѣлы.

Сходный порядокъ раскладокъ мы встрѣчаемъ и на сѣверо-западной окраинѣ округа—въ Гаринской волости: здѣсь почти во всѣхъ обществахъ установлена раскладка всѣхъ платежей, а вмѣстѣ съ ними—и земли, на наличныя души мужескаго пола, съ тѣмъ однако отличіемъ, что здѣсь этотъ принципъ разверстки проведенъ въ чистомъ его видѣ, безъ какихъ-либо поправокъ; единственное изъятіе допущено для вдовъ, не имѣющихъ дѣтей мужескаго пола имъ даны полные душевые надѣлы съ обязанностью отбыванія всѣхъ платежей и повинностей. Такой порядокъ раскладки здѣсь также вполнѣ умѣстенъ, такъ какъ благодаря превосходному, при маломъ количествѣ пахатныхъ земель, состоянію и выгодности земледѣлія, доходность душевого надѣла вполнѣ покрываетъ здѣсь всю сумму душевыхъ платежей. Совсѣмъ другую картину представляютъ раскладочные порядки лежащей рядомъ съ Гаринскою, у самой сѣверной границы земледѣлія, Пелымской волости. Весьма высокая доходность пахатной земли является здѣсь исключительно результатомъ тщательной ея обработки, удобренія и осушки, рентная же ея цѣнность очень незначительна, а потому раскладка по потребительному принципу не могла здѣсь утвердиться: въ двухъ сельскихъ обществахъ новая раскладка вовсе не состоялась, такъ какъ „малолѣтки не пожелали принимать земли“; въ остальныхъ девяти обществахъ состоялись приговоры о переверсткѣ на всѣ наличныя души (вѣроятно вслѣдствіе давленія крестьянскаго чиновника), причемъ было оговорено, что „включенныя души отказываться отъ надѣловъ не должны“; въ дѣйствительности однако наличная разверстка осуществилась только въ четырехъ обществахъ, а въ остальныхъ пяти обществахъ болѣе или менѣе значительная часть „малолѣтковъ“ „не далась въ окладъ“, и разверстка фактически произведена была только на желающихъ,—на способныхъ „осилить душу“, „неспособные“ же остались внѣ раскладки; охотно брали душевые надѣлы, вмѣстѣ съ лежащими на нихъ платежами, только зажиточные хозяева, стремившіеся къ расширенію своихъ запашекъ; напротивъ, несостоятельные или мало склонные къ земледѣлію хозяева, не имѣя возможности извлекать изъ земли доходъ путемъ сдачи въ аренду, не находили разсчета облагать себя лишними платежными душами. Что̀ касается затѣмъ до мірскихъ сборовъ и повинностей, то волостные сборы и повинности раскладываются волостью по ревизскимъ работникамъ; внутри обществъ они, мѣстами, раскладываются на всѣ земельныя души, но чаще, вмѣстѣ съ цер-

ковными сборами,—на годныхъ работниковъ; напротивъ, сельскіе сборы вездѣ раскладываются на всѣ земельныя души, кромѣ пользующихся почему-либо льготой. То-же, въ общихъ чертахъ, имѣло мѣсто и въ остальныхъ двухъ волостяхъ сѣверной половины Туринскаго округа—Кошукской и Табаринской: по всѣмъ обществамъ этихъ волостей состоялись приговоры о разверсткѣ всѣхъ сборовъ и повинностей на всѣ наличныя души, причемъ крестьяне мѣстами прямо показывали пишущему эти строки, что постановили приговоры „по приказанію начальства"; но фактически раскладки приняли совершенно другой видъ: только въ нѣкоторыхъ наиболѣе богатыхъ обществахъ „наличная" раскладка осуществилась по отношенію къ казеннымъ платежамъ (а съ ними—и землѣ); въ другихъ обществахъ эти платежи разложены: гдѣ—„по изможенію", гдѣ—на всѣ души съ 8—10 лѣтняго возраста, гдѣ—по старому, по ревизскимъ душамъ съ частичнымъ замѣщеніемъ „мертвыхъ душъ" „малолѣтками",—мірскіе же сборы и натуральныя повинности вездѣ продолжаютъ раскладываться „на годныхъ работниковъ".

На этомъ мы заканчиваемъ обзоръ раскладочныхъ порядковъ Туринскаго округа, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и вообще района господства общинно-уравнительной формы пользованія угодьями. И если данныя по всему вообще району весьма рельефно иллюстрируютъ тѣсную связь между платежно-земельными раскладками и отношеніемъ платежей къ доходности надѣловъ, то въ частности данныя по Туринскому округу показываютъ, что даже прямое воздѣйствіе администраціи оказалось безсильнымъ навязать крестьянской общинѣ такіе способы раскладокъ, которые не соотвѣтствовали мѣстнымъ хозяйственнымъ и податнымъ условіямъ и вообще казалось крестьянамъ недостаточно цѣлесообразными.

Въ предыдущемъ изложеніи мы однако лишь вскользь касались роли имущественнаго начала раскладки въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже установилась общинно-уравнительная форма пользованія землей. Мы видѣли именно, что благосостояніе отдѣльныхъ домохозяевъ иногда принимается во вниманіе при „навалкѣ душъ" въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ доходность надѣловъ значительно ниже платежей: чаще всего община сообразуется съ благосостояніемъ плательщиковъ при рѣшеніи вопроса, верстать или не верстать въ окладъ того или другого подростка,—рѣже случается, что „навалка душъ" на зажиточныхъ хозяевъ производится безъ всякаго отношенія къ составу ихъ семей.—Въ болѣе чистомъ видѣ имущественное начало примѣняется только въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи, именно въ формѣ обложенія скота. Свѣдѣнія объ этомъ видѣ обложенія имѣются

къ сожалѣнію только по Ишимскому округу и лишь объ одной формѣ его—по Курганскому. Въ сѣверныхъ волостяхъ Ишимскаго округа, гдѣ господствуетъ принудительная разверстка по рабочей силѣ въ связи съ ревизскимъ началомъ, обложеніе скота практикуется исключительно для покрытія платежей за „безродныя" души; въ южной половинѣ округа, напротивъ, сборъ со скота взимается исключительно на мірскіе расходы, волостные и сельскіе, и на отбываніе переложенныхъ на деньги натуральныхъ повинностей. Самое обложеніе скота облекается въ троякую форму: при наименѣе употребительномъ, чисто-финансовомъ способѣ обложенія сборъ взимается въ установленномъ общиною размѣрѣ съ *каждой* головы скота, совершенно независимо отъ числа головъ, принадлежащихъ каждому отдѣльному домохозяину; хозяинъ, имѣющій трехъ лошадей, платитъ одинаковый сборъ, все равно, обложенъ-ли онъ одною или пятью раскладочными душами; по отношенію къ бѣднымъ и многосемейнымъ хозяевамъ, платящимъ подати съ нѣсколькихъ душъ, но имѣющимъ мало скота, такой порядокъ обложенія представляется явною несправедливостью. Весьма крупнымъ шагомъ къ устраненію этой несправедливости является упоминавшійся уже выше очень распространенный способъ обложенія „*залишняго*" скота, при которомъ отъ сбора освобождается опредѣленное число головъ (двѣ, три, четыре) на каждую платежную душу, и каждый домохозяинъ платитъ сборъ лишь съ того количества скота, какое имѣетъ свыше установленной общиною льготной нормы. Но наиболѣе соотвѣтствующимъ требованіямъ уравнительной справедливости представляется тотъ очень распространенный въ юго-западныхъ волостяхъ Ишимскаго округа и особенно въ Курганскомъ округѣ порядокъ, который извѣстенъ подъ названіемъ „*расположки скотскаго выпуска*". Этого способа намъ придется еще касаться ниже, въ гл. IX-й, а потому здѣсь скажемъ только вкратцѣ, что суть дѣла сводится здѣсь къ тому, что все количество головъ скота, имѣющееся въ данной общинѣ, дѣлится на число раскладочныхъ душъ, и полученное частное даетъ то число головъ скота, на выпасъ котораго имѣетъ право каждая платежная душа; имѣющіе большее количество головъ скота „покупаютъ выпускъ", т. е. платятъ, согласно установленной общиною таксѣ, тѣмъ общественникамъ, которые имѣютъ меньшее противъ нормы количество скота. Въ чистомъ своемъ видѣ этотъ способъ вовсе не имѣетъ финансоваго значенія; но нерѣдко встрѣчается смѣшанная форма, при которой только часть денегъ уплачиваемыхъ богатыми скотомъ хозяевами идетъ въ пользу малоскотныхъ общественниковъ, остальная же часть поступаетъ въ общественную кассу.

Въ сѣверныхъ округахъ Тобольской губерніи обложеніе скота

весьма мало распространено; по крайней мѣрѣ въ Туринскомъ округѣ оно совершенно не практикуется, и вопросъ о такомъ обложеніи даже не возникалъ; оно и понятно: разъ земля, главный источникъ благосостоянія населенія, можетъ вынести обложеніе всею совокупностью лежащихъ на послѣднемъ сборовъ и повинностей, то нѣтъ никакой надобности въ переложеніи части платежей на скотъ; и это тѣмъ болѣе, что скотоводство на сѣверѣ совершенно не имѣетъ того значенія самостоятельнаго, независимаго отъ земледѣлія источника благосостоянія, какимъ оно является на югѣ; „у кого души, у того и скотъ", говорятъ крестьяне,—и дѣйствительно, при господствѣ хозяйства съ удобреніемъ скотоводство находится въ тѣсной связи съ земледѣліемъ, и количество головъ скота всегда болѣе или менѣе пропорціонально размѣрамъ запашки, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и числу разверсточныхъ единицъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПЕРЕДѢЛЫ ПАХАТНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ *).

Въ предыдущей главѣ мы разсмотрѣли основанія платежныхъ раскладокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—основанія и распредѣленія угодій между общественниками; мы знаемъ, такимъ образомъ, *кто участвуетъ въ передѣлахъ* общинныхъ угодій; въ настоящей главѣ мы должны остановиться на вопросѣ, *какъ производится передѣлъ* важнѣйшаго изъ этихъ угодій—пахатныхъ земель, и описать способы, которыми община достигаетъ уравнительнаго распредѣленія земли между общественниками. Мы остановимся на техникѣ передѣловъ нѣсколько подробнѣе (сравнительно съ ограниченнымъ общимъ объемомъ нашей работы), нежели это дѣлаетъ г. В. В. въ своемъ капитальномъ трудѣ „Крестьянская община", считая это необходимымъ какъ въ виду оригинальности выработанныхъ сибирскою общиною формъ и пріемовъ передѣла, такъ особенно—въ виду значенія этихъ пріемовъ съ точки зрѣнія вопроса о вліяніи передѣловъ на успѣхи сельскаго хозяйства **).

*) «Матеріалы» по Зап. Сиб., вып. I, стр. 78 и слѣд.; вып. II, стр. 32—34; вып. IV, стр. 38—40; вып. VI, стр. 29; вып. XVI, стр. 87—106 pass., но главнымъ образомъ: для южныхъ округовъ Тобольской губ. вып. V, стр. 158—240 и вып. XXI, стр. 143—401; для сѣверныхъ—вып. XIII, стр. 61—85. См. также Филимонова «Формы волостн. землевладѣнія въ с.-з. Барабѣ», стр. 52—60, и *наши* статьи: «Очеркъ общинныхъ порядковъ Ишимскаго округа», въ «Русск. Мысли», 1890, ноябрь, и «Земельная община Курганскаго округа» (рефератъ XXI выпуска «Матеріаловъ») въ «Сибирскомъ сборникѣ» за 1895 годъ.

**) Въ этой главѣ мы не касаемся ряда важныхъ вопросовъ, каковы: отношеніе общины при передѣлахъ къ расчисткамъ, удобряемымъ пашнямъ и вообще къ вложенному въ землю труду. Объ этихъ сторонахъ дѣла мы будемъ говорить въ гл. X, посвященной вопросу о вліяніи общинныхъ порядковъ на количественный и качественный прогрессъ земледѣлія.

Какъ было показано въ четвертой главѣ, въ восточно-сибирскихъ губерніяхъ до сихъ поръ еще господствуютъ по отношенію къ пашнямъ захватные (въ широкомъ смыслѣ) способы пользованія землею, и только въ сѣверной части Иркутской губерніи—въ сѣверныхъ волостяхъ Иркутскаго округа и въ Верхоленскомъ округѣ—въ довольно многихъ общинахъ уже успѣлъ совершиться переходъ къ душевому пользованію; и здѣсь однако это послѣднее почти вездѣ облекается еще въ несовершенную форму „общихъ поравненій", описанную нами въ той-же главѣ и не требующую поэтому дальнѣйшихъ разъясненій.—Всецѣло господствуютъ захватныя формы и въ большей части Томской губерніи,—и только на юго-западѣ послѣдней (волости Вознесенская, Казанская, Усть-Тортасская, Каинскаго округа) развитіе общинныхъ формъ сдѣлало болѣе значительные успѣхи: здѣсь передѣляются въ однѣхъ общинахъ всѣ пашни, въ другихъ—однѣ только первосортныя, лучшія по почвѣ или поддворныя, тогда какъ по отношенію къ остальнымъ пашнямъ еще господствуютъ захватно-общинная или даже чисто-захватная форма. Изслѣдовавшій общинные порядки этой мѣстности, г. Филимоновъ, подробно анализируя захватныя формы пользованія, удѣляетъ общинно-уравнительному порядку немного вниманія. Онъ указываетъ лишь на то, что „захватные участки при первомъ передѣлѣ опять-таки обязательно поступаютъ въ надѣлъ прежнимъ-же владѣльцамъ („съ насиженныхъ участковъ никого не гонятъ"),—весь раздѣлъ сводится къ тому, что отъ однихъ землевладѣльцевъ отрѣзываются „лишки", а другимъ нарѣзываются „нехватки"; если къ этому прибавить, что этотъ первый раздѣлъ, по словамъ г. Филимонова, производится „глазомѣрно", и лишь при послѣдующихъ передѣлахъ пашни начинаютъ подвергаться промѣру, то ясно будетъ, что эта форма въ сущности ничѣмъ не отличается отъ восточно-сибирскихъ „общихъ поравненій". Эта несовершенная форма душевого пользованія смѣняется другою, которую г. Филимоновъ обозначаетъ довольно неудачнымъ названіемъ „чрезполосно-участковаго общиннаго владѣнія",—формою, „при которой надѣлъ... нарѣзывается не въ одномъ мѣстѣ, а въ двухъ, трехъ мѣстахъ". Ни въ какія дальнѣйшія подробности г. Филимоновъ не входитъ, ссылаясь на то, что объ этой формѣ „съ достаточною полнотой говорено было въ разныхъ томахъ „Матеріаловъ по Западной Сибири"",—откуда, принимая во вниманіе сходство общаго характера крестьянскаго хозяйства, мы и можемъ заключить, что практикующіеся здѣсь способы передѣла пахатныхъ земель сходны, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, съ порядками, выработавшимися въ юго-западной части Тобольской губерніи и ниже подробно описанными.

Такимъ образомъ мы можемъ сосредоточить все наше вниманіе на способахъ передѣла пахатныхъ земель въ Тобольской губерніи въ большей части округовъ которой душевое пользованіе успѣло получить и по отношенію къ пахатнымъ землямъ болѣе или менѣе всеобщее распространеніе. Достаточно полныя свѣдѣнія, къ сожалѣнію, имѣются только по тремъ округамъ — Курганскому, Ишимскому и Туринскому; по остальнымъ имѣются лишь немногія указанія, позволяющія заключать о господствѣ тѣхъ или иныхъ формъ передѣловъ пахатныхъ земель.

Независимо отъ различій въ подробностяхъ, способы передѣла пахатныхъ земель и вообще пользованія этими землями, выработанные земельною общиною Тобольской губерніи, не представляются однообразными и въ своихъ главныхъ основаніяхъ: въ этомъ отношеніи необширная сѣверная, лѣсная полоса (Туринскій округъ, кромѣ юго-восточной окраины, и средняя часть Тобольскаго), гдѣ населеніе располагаетъ лишь весьма незначительными площадями удобной земли и гдѣ унаваживаніе пашенъ вошло уже во всеобщее употребленіе, рѣзко отличается отъ южной, степной, и средней, переходной полосы (округа Ишимскій, Курганскій, Ялуторовскій, южная часть Тобольскаго, Тюменскій), гдѣ запасъ пахатныхъ земель сравнительно великъ и гдѣ хозяйство съ удобреніемъ либо еще вовсе не появлялось, либо только еще начало вытѣснять прежніе хозяйственные порядки, основанные исключительно на использованіи естественной производительности земли.

Основною характерною чертою общинныхъ порядковъ *южной и средней полосъ* Тобольской губерніи представляется прежде всего полная свобода хозяйства и въ частности—отсутствіе дѣленія пашенъ на смѣны или „поля“ съ какимъ-либо обязательнымъ чередованіемъ хлѣбовъ. Напротивъ въ сѣверной полосѣ мы встрѣчаемся съ такимъ свободнымъ хозяйствомъ лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, и именно тамъ, гдѣ хозяйство съ удобреніемъ появилось сравнительно недавно и не успѣло еще окончательно упрочиться; въ видѣ общаго правила полная свобода хозяйства продолжаетъ существовать здѣсь лишь по отношенію къ неудобряемымъ „запольнымъ“ пашнямъ, но даже и эти послѣднія въ нѣкоторыхъ общинахъ юго-восточной части Туринскаго округа уже распредѣлены на смѣны съ обязательнымъ сѣвооборотомъ. Что касается до удобряемыхъ пашенъ, то онѣ вездѣ разгорожены на поля—„перемѣны“ (на крайнемъ сѣверѣ—на двѣ, южнѣе—на три), съ обязательнымъ чередованіемъ пара съ однимъ или двумя посѣвами.

Другою характерною чертой общинныхъ порядковъ, господствую-

шихъ въ большей, южной и средней части Тобольской губерніи, является отсутствіе „мелкополосности“, составляющей одну изъ существенныхъ чертъ общинныхъ порядковъ Европейской Россіи. Великороссійская община стремится распредѣлить пашни на равнокачественные во всѣхъ отношеніяхъ участки, каждый изъ которыхъ дѣлится на пространственно-равныя полосы, по числу разверсточныхъ единицъ; сибирская община (позволяемъ себѣ употребить это выраженіе потому, что общинные порядки *этой* мѣстности несомнѣнно болѣе типичны для Сибири, нежели порядки сѣверной окраины), правда, также сортуетъ пашни, но число сортовъ очень рѣдко превышаетъ три и почти никогда не бываетъ выше четырехъ, причемъ, по справедливому замѣчанію г. Осипова, въ одинъ сортъ нерѣдко „зачислются участки разнопочвенные, но одинаковые по своей производительности; бываетъ и такъ, что плохія земли зачисляются въ высшіе сорта, если онѣ обладаютъ какими-либо особыми удобствами, напр., близостью къ усадьбамъ, водопоемъ и т. д.“. „Крестьяне разсматриваемаго района, говоритъ г. Осиповъ въ другомъ мѣстѣ, „отлично понимаютъ истину, „что землю на вѣсахъ не развѣсишь“, и что поэтому какіе точные съ формальной стороны пріемы не выдумывай, все-таки „настоящаго“ (т. е. идеально-совершеннаго) по точности раздѣла нельзя достигнуть“; община по этому стремится отвести каждому не *абсолютно-равные*, а *равноцѣнные* по всей совокупности удобствъ душевые надѣлы,—а при такой постапостановкѣ дѣла душевой надѣлъ въ видѣ общаго правила составляется всего изъ трехъ—четырехъ полосъ или участковъ; въ результатѣ „крестьяне пашутъ, самое большое, въ 5—6 мѣстахъ, а сплошь и рядомъ попадаются случаи, что домохозяинъ пашетъ въ одномъ, двухъ мѣстахъ и очень мало тратитъ времени на переѣзды“; а такъ какъ въ душевой надѣлъ достается рѣдко менѣе 4—6 десятинъ, то на каждую душу въ каждой полосѣ рѣдко нарѣзывается менѣе 1—1½, даже двухъ десятинъ,—и такимъ образомъ дробленіе пашенъ на узкія полосы, „ленты“ совершенно не можетъ имѣть мѣста. Эта въ высшей степени важная и благотворная особенность мѣстныхъ общинныхъ порядковъ устанавливается какъ-бы сама собой, какъ необходимый результатъ употребительныхъ здѣсь пріемовъ расцѣнки земли; но нѣкоторыя общины Ишимскаго округа прямо запрещаютъ особенными постановленіями дробленіе пашенъ далѣе извѣстнаго предѣла—обыкновенно десятины: „этакъ для пахоты много годнѣе будетъ“, говорятъ крестьяне въ объясненіе такихъ запрещеній.

Совершенно иное мы видимъ на сѣверной окраинѣ. Здѣсь, прежде всего, значительно меньше общіе размѣры душевыхъ надѣловъ на-

хатной земли; затѣмъ, въ силу изложеннаго выше, на каждую душу должна отводиться земля и на „запольныхъ“, не удобряемыхъ мѣстахъ, и въ каждой изъ трехъ (или двухъ) „перемѣнъ“. Но кромѣ того огромное большинство общинъ еще сортуетъ пашни, а такъ какъ за основаніе расцѣнки принимается кромѣ качества пашенъ и разстояніе ихъ отъ усадебъ (особенно важное при хозяйствѣ съ удобреніемъ), то число сортовъ, особенно если селеніе велико и пахатныя смѣны растянуты, нерѣдко бываетъ довольно значительно—до 4—5 въ каждой смѣнѣ, а общее число полосъ, достающихся на душу, не считая даже „запольныхъ“ земель, колеблется между 6 и 15 при трехъ и 4 и 10 при двухъ „перемѣнахъ“. Не удивительно, что внѣшній видъ этихъ послѣднихъ представляетъ полное сходство съ видомъ полей въ великороссійскихъ общинахъ: каждая „перемѣна“ изрѣзана въ разныхъ направленіяхъ на узкія лентообразныя полосы, ширина которыхъ нерѣдко падаетъ до 5, 3 саженъ и даже ниже.

Въ виду намѣченныхъ существенныхъ различій между сѣверною полосою и остальнымъ пространствомъ Тобольской губерніи мы должны будемъ разобрать отдѣльно порядки передѣла пахатныхъ земель, выработавшіеся въ Ишимскомъ и Курганскомъ округахъ, типичныхъ для всей южной и средней части губерніи, и отдѣльно—въ Туринскомъ округѣ, типичномъ для земледѣльческаго сѣвера.

Въ предыдущей главѣ мы указывали уже на то, что послѣ X ревизіи земельно-податныя разверстки оставались безъ коренного измѣненія до середины 80-хъ годовъ; мы выяснили также основныя причины, побудившія общины къ измѣненію разверстокъ, а слѣдовательно—къ передѣлу пахатныхъ земель: въ мѣстностяхъ, гдѣ доходность душевыхъ надѣловъ превышаетъ платежи,—несоотвѣтствіе распредѣленія земли потребительному составу домохозяйствъ, въ мѣстностяхъ съ обратнымъ соотношеніемъ этихъ двухъ величинъ—несоотвѣтствіе распредѣленія налоговъ съ платежною способностью домохозяйствъ, и въ частности—съ ихъ рабочей силой. Наряду съ этими обстоятельствами изслѣдователь Курганской общины, г. Осиповъ, ставитъ еще одно, которое было упущено изъ виду другими изслѣдователями,—недостатокъ лицъ для отбыванія общественныхъ службъ и вообще натуральныхъ повинностей, вызывавшійся тѣмъ, что надѣленныя землею „души“ мало-по-малу переходили за установленный для отбыванія повинностей предѣльный возрастъ, подроставшее же поколѣніе не привлекалось къ раскладкамъ, потому что не было надѣлено землею. Благодаря сово-

купному дѣйствію всѣхъ этихъ обстоятельствъ, потребность въ передѣлѣ ощущалась съ каждымъ протекавшимъ со времени X ревизіи годомъ все сильнѣе и сильнѣе,—и потому, какъ только вновь введенными крестьянскими учрежденіями было разъяснено право крестьянскихъ обществъ измѣнять внутреннюю разверстку платежей и земли, передѣлы послѣдовали быстро одинъ за другимъ, и „нужда, назрѣвшая въ теченіе 30 лѣтъ, была разрѣшена въ 1—2 года" (Осиповъ). Въ Курганскомъ округѣ, по даннымъ г. Осипова, изъ общаго числа 454 селеній произвели коренные передѣлы: въ 1883 г.—18, въ 1884 г.—115, въ 1885 г.—133, въ 1886 г.—73, въ 1887 г.—67, въ 1888 г.—19, въ 1889 г.—15, такъ что къ 1890 году земли остались не передѣленными лишь въ 14 селеніяхъ; по Ишимскому округу мы не имѣемъ къ сожалѣнію аналогичныхъ цифровыхъ данныхъ; но и здѣсь передѣлы почти повсемѣстно произведены были въ непосредственно-предшествующіе изслѣдованію годы,—преимущественно въ 1885 и 1886 годахъ.

Такимъ образомъ главное движеніе въ пользу передѣловъ относится въ разсматриваемой мѣстности къ 1884—1886 годамъ: между тѣмъ 1883—1885 года въ Курганскомъ округѣ и въ значительной части Ишимскаго были неурожайными, и г. Осиповъ усматриваетъ между этими двумя явленіями прямую причинную связь: „неурожаи, говоритъ онъ, обезсилили населеніе; держать землю въ количествѣ, превышающемъ хозяйственныя силы семьи, стало дѣломъ сомнительной выгодности, потому что арендныя цѣны пали и перестали покрывать большіе платежи съ *ревизской* души"; крестьяне, имѣвшіе излишнюю землю, стали менѣе сильно противиться передѣлу, стремленіе же къ землѣ тѣхъ, кому ея не хватало для пропитанія, по мнѣнію г. Осипова, не ослабѣло, и такимъ образомъ, неурожаи явились излишней силой, толкавшей крестьянъ къ передѣлу. Оставляя въ сторонѣ теоретическую правильность или неправильность приведеннаго разсужденія *), замѣтимъ только, что взглядъ г. Осипова въ данномъ случаѣ не вполнѣ подтверждается фактами: въ тѣ-же самые 1884—1885 гг. передѣлы происходили почти съ тою-же интенсивностью и на сѣверѣ Тобольской губерніи, гдѣ эти годы вовсе не были неурожайными; масса передѣловъ, произведенныхъ въ это время, въ достаточной мѣрѣ объясняется у самого г. Осипова указаннымъ выше вліяніемъ введенія крестьянскихъ учрежде-

*) Намъ кажется, что пониженіе арендныхъ цѣнъ, побудившее многоземельные дворы перестать противиться передѣлу, въ той-же мѣрѣ, если не въ большей, должно было ослабить стремленіе къ этому послѣднему малоземельныхъ дворовъ.

ній, а совпаденіе ихъ съ неурожаями едва-ли можетъ быть признано болѣе, нежели простою случайностью.

Какъ видно изъ предыдущаго изложенія, въ прежнее время передѣлы сопровождали ревизіи, а потому всякій передѣлъ былъ дѣйствителенъ до слѣдующей ревизіи, если только не случалось какого-либо особаго обстоятельства, вродѣ отрѣзки части общинной земли, значительнаго приселенія и т. д.. Въ послѣднее время населеніе перестало ждать ревизіи, а потому всѣ передѣлы, произведенные въ 80-хъ годахъ, объявлены дѣйствительными на опредѣленный срокъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ — не менѣе десяти лѣтъ; такъ, въ Ишимскомъ округѣ только 8 общинъ передѣлили пашни на 6 лѣтъ, двѣ—на 5 и на 3 года; во всѣхъ остальныхъ срокъ назначенъ либо въ 10, либо въ 15 лѣтъ. Общины Курганскаго округа распредѣляются по продолжительности установленнаго срока слѣдующимъ образомъ:

Въ районахъ:	На 10 лѣтъ.	На 12 лѣтъ.	На 15 лѣтъ.
Западномъ Притобольномъ . . .	73	51	148
Восточномъ Приозерномъ. . . .	13	12	137
Всего по округу. . .	86	63	285

Двѣ общины назначили 20-лѣтній срокъ, другія двѣ — срокъ менѣе 10 лѣтъ,—и такимъ образомъ только треть всего числа приняла 10—12-лѣтній срокъ, а почти двѣ трети (65%) произвели передѣлъ на 15 лѣтъ.

Незыблемость установленнаго срока, столь важная съ сельскохозяйственной точки зрѣнія, несомнѣнно сильно озабочивала общину и нерѣдко особо оговаривалась въ мірскихъ приговорахъ („чтобы не было между нами передѣла"; „пользоваться безъ новаго передѣла въ теченіе 10 лѣтъ"; „чтобы намъ другъ на друга не приходить (т. е. не жаловаться) ни впредь, ни послѣ кромѣ назначеннаго 10-лѣтняго срока"; „на 10 лѣтъ безъ перемѣны *во избѣжаніе въ частомъ перемѣрѣ земли*" и т. п.); исключеніе допускается только въ нѣкоторыхъ приговорахъ на случай „перемѣнъ въ пользованіи землею отъ вышняго начальства", въ другихъ—на случай, если будетъ произведена XI ревизія, за которой такимъ образомъ все-же признается обязательное въ отношеніи внутренней разверстки земли, значеніе. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ общинахъ въ промежуткѣ времени между двумя передѣлами не допускается даже частичная переверстка, а передача душевыхъ надѣловъ можетъ происходить лишь на основаніи частныхъ соглашеній (всегда возможныхъ, такъ какъ такое безусловное соблюденіе срока встрѣчается лишь въ общинахъ съ благопріятнымъ соотношеніемъ пла-

тежей и доходности надѣловъ); большинство общинъ, особенно тамъ, гдѣ доходность ниже платежей, допускаетъ во всякое время переверстку съ умершихъ или обѣднѣвшихъ на вновь подростающихъ плательщиковъ,—но такая переверстка ведетъ только къ передачѣ цѣликомъ освобождающихся душевыхъ надѣловъ, общее же распредѣленіе платежныхъ душъ и земли остается неизмѣннымъ.

Затѣмъ намъ кажется полезнымъ остановиться нѣсколько подробнѣе, главнымъ образомъ по даннымъ, собраннымъ въ Ишимскомъ округѣ, еще на одномъ вопросѣ, который мы уже затронули мимоходомъ, — на вопросѣ о распредѣленіи пашенъ на сорта. Во всемъ Ишимскомъ округѣ встрѣтилось всего 6 общинъ, вовсе не распредѣлившихъ пашенъ на сорта, и во всѣхъ этихъ случаяхъ отсутствіе такой расцѣнки объясняется почти полною однокачественностью общественныхъ пашенъ. Немногимъ чаще встрѣчается распредѣленіе пашенъ на *два* сорта, прямо вытекающее, каждый разъ, изъ рельефа мѣстности: въ одинъ сортъ зачисляются всѣ пашни съ пологимъ рельефомъ („увальныя", „островныя", „островъ"), въ другой—всѣ низменныя пашни („низметь", „степь"), независимо отъ болѣе детальныхъ различій въ почвенныхъ условіяхъ. Довольно часто встрѣчается распредѣленіе на *четыре* сорта, и лишь въ видѣ самаго рѣдкаго исключенія—на 5, 6 и даже 7 сортовъ. Затѣмъ, значительное большинство общинъ Ишимскаго округа распредѣляетъ свои пашни на *три* сорта, и просмотръ списка селеній, расцѣнившихъ пахатныя земли на большее число сортовъ, позволяетъ приписать такую расцѣнку, въ значительной мѣрѣ, вліянію пришлыхъ элементовъ,—ссыльныхъ и переселенцевъ.

Наиболѣе распространенные термины для обозначенія сортовъ пашенъ суть: „горная—средняя—послѣдняя"; „горовая—средство—подзолъ"; „островная—степная—колочная", и проч.. Уже эти термины показываютъ, что основаніемъ расцѣнки пашенъ являются главнымъ образомъ ихъ *почвенныя условія* въ связи съ *рельефомъ*; непосредственнымъ основаніемъ расцѣнки служитъ даже преимущественно *рельефъ*, какъ признакъ, въ значительной мѣрѣ опредѣляющій почвенныя условія, а вмѣстѣ съ тѣмъ — болѣе объективный и безспорный, нежели эти послѣднія; болѣе тонкія почвенныя различія (напр. между песчанымъ черноземомъ и сѣрою землей, между почвой выдуваемой и не выдуваемой) при расцѣнкѣ рѣдко принимаются во вниманіе, а только уравновѣшиваются при передѣлѣ однимъ изъ тѣхъ пріемовъ, о которыхъ будетъ идти рѣчь ниже. Также точно, за основаніе расцѣнки почти никогда не принимается и разстояніе пашенъ отъ усадебъ,—и это совершенно понятно: при крупныхъ размѣрахъ полосъ, крестьянинъ почти всегда находитъ

на полосѣ работу на цѣлый день или по крайней мѣрѣ на полдня („пряжку"), а на дальней пашнѣ нерѣдко остается и по нѣскольку дней подъ рядъ, не возвращаясь на ночь домой; при такихъ условіяхъ разстояніе не играетъ большой роли,—и это тѣмъ болѣе, что въ такой богатой лошадьми мѣстности, какъ югъ Тобольской губерніи, крестьянинъ не *идетъ*, а *ѣдетъ* на пахоту или жнитво; не менѣе важно и то обстоятельство, что хозяйство здѣсь ведется безъ удобренія,—а именно при вывозкѣ навоза разстояніе даетъ себя чувствовать сильнѣе, нежели при какихъ-либо иныхъ полевыхъ работахъ.

Обращаясь теперь къ самимъ способамъ распредѣленія пашни между подлежащими надѣленію общественниками, принятымъ въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи, мы сначала охарактеризуемъ одну за другою различныя формы передѣла, встрѣчаемыя въ названной мѣстности, а затѣмъ уже постараемся выяснить тѣ общіе принципы, которые лежатъ въ основѣ тѣхъ или другихъ формъ, и условія, вліяющія на ихъ распространенность.

Разнообразіе способовъ передѣла въ Ишимскомъ округѣ гораздо больше, нежели въ Курганскомъ. Мы встрѣчаемся здѣсь прежде всего съ рядомъ общинъ, которыя произвели послѣдній коренной передѣлъ сейчасъ-же послѣ X ревизіи, а въ 1884—1887 годахъ ограничились частичною переверсткой, т. е. *передачей душевыхъ надѣловъ*, снимавшихся съ „мертвыхъ душъ", заступившимъ мѣсто послѣднихъ „малолѣткамъ". Чаще всего такой порядокъ примѣнялся конечно такими общинами, которыя удержали ревизскій принципъ разверстки и только замѣстили „мертвыя души" „малолѣтками", причемъ число послѣднихъ оказалось равно числу первыхъ. При такихъ условіяхъ этотъ порядокъ былъ очень удобенъ уже потому, что избавлялъ отъ необходимости коренного передѣла и отъ связанныхъ съ послѣднимъ операцій расцѣнки, обмѣра,—вообще отъ значительныхъ затратъ времени, и отъ болѣе или менѣе неизбѣжныхъ при передѣлѣ раздоровъ и распрей; съ другой стороны, онъ одинаково соотвѣтствовалъ видамъ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ: онъ былъ выгоденъ и для такъ называемыхъ „старожительныхъ душъ"—лицъ, державшихъ землю отъ предыдущаго передѣла, потому что позволялъ имъ сохранить прежніе душевые надѣлы, а слѣдовательно—и плоды вложеннаго въ раздѣлку земли труда; но онъ былъ совершенно безобиденъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для вновь верстаемыхъ „малолѣтковъ", которымъ предоставлялись цѣликомъ душевые надѣлы, освободившіеся за чьей-либо смертью и ничѣмъ не отличающіеся по составу угодій отъ надѣловъ „старожительныхъ душъ". Въ виду этихъ именно преимуществъ раз-

сматриваемаго способа, передачей полныхъ душевыхъ надѣловъ ограничились и многія изъ такихъ общинъ, гдѣ „малолѣтовъ“ было поверстано *менѣе*, нежели числилось „мертвыхъ душъ“; такія общины предпочли оставить часть земли нераспредѣленною, въ видѣ запаса или источника мірскаго дохода, нежели прибѣгать къ коренному передѣлу. То-же стремленіе избѣгнуть коренного передѣла побудило довольно многія общины какъ въ Ишимскомъ, такъ и въ Курганскомъ округѣ, ограничить право поверстанія „малолѣтовъ“ опредѣленнымъ начальнымъ возрастомъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы число вновь верстаемыхъ и подлежащихъ надѣленію душъ не превысило числа освободившихся душевыхъ надѣловъ, — а одна община въ Ишимскомъ округѣ, гдѣ „малолѣтовъ“ оказалось больше, нежели свободныхъ надѣловъ, все-таки роздала по цѣлому надѣлу на душу, а для нѣсколькихъ душъ, которымъ не хватило такихъ надѣловъ, нарѣзала въ выгороженномъ изъ поскòтины участкѣ соотвѣтственное количество цѣлинной земли.

Нѣсколько сходенъ съ изложеннымъ порядкомъ, на первый взглядъ, порядокъ передѣла „*по старшинству*“ (иначе „по старинѣ“, „по отчеству“, „по вòтчинѣ“), — одинъ изъ способовъ коренного передѣла, примѣняемыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда число „новыхъ“ душъ больше числа ревизскихъ, и когда слѣдовательно количество земли, имѣющее достаться на душу, меньше достававшагося на душу по предыдущему передѣлу. Сущность этого способа состоитъ въ томъ, что каждый хозяинъ удерживаетъ на свои „старожительныя“ души, въ любомъ мѣстѣ, столько изъ прежде состоявшей въ его пользованіи земли, сколько ему слѣдуетъ получить „по новому расчисленію“, а оказавшуюся излишнею землю „отдаетъ въ общество“; „заревизныя“ души надѣляются, во-1-хъ, изъ свободныхъ надѣловъ „мертвыхъ“ душъ, а во-вторыхъ, — изъ сдѣланныхъ отъ „старыхъ жителей“ отрѣзокъ. При этомъ община стремится, по возможности, надѣлять „малолѣтовъ“ землею, принадлежавшею ихъ ближайшимъ родственникамъ (отсюда выраженіе „по отчеству“). если напримѣръ подлежитъ надѣленію „малолѣтъ“, котораго отецъ умеръ, то ему передается надѣлъ этого послѣдняго; если домохозяинъ держалъ землю, кромѣ своей души, еще на душу умершаго своего отца,— то „малолѣтній“ сынъ его получитъ, во-первыхъ, излишнюю сверхъ нормы „отцовскую“ землю и, во-вторыхъ, часть „дѣдовской“ земли, и т. д.. Только тѣ „малолѣты“, для надѣленія которыхъ не находится свободныхъ „отеческихъ“ надѣловъ,—„малолѣты безъ отечества“,— получаютъ всю землю изъ отрѣзковъ, которые комбинируются въ душевые надѣлы по соображеніямъ общины или ея довѣренныхъ.

Смыслъ этого способа очень ясно высказанъ во многихъ обще-

ственныхъ приговорахъ: „если кто изъ ревизскихъ, читаемъ мы въ одномъ, пожелаетъ занимать прежній свой надѣлъ, то дозволить, но только съ тѣмъ, чтобы было уравненіе“; въ другомъ постановляется произвести передѣлъ, „не сживая съ мѣстъ старожиловъ; гдѣ они ранѣе производили хлѣбопашество, по положенію надѣлить, а остальная земля должна перейти слѣдующему“; въ третьемъ предписывается „измѣрять каждаго домохозяина, если же у кого окажется лишняя земля, то таковую отобрать и передать другому, у котораго недостаетъ противъ числа его душъ“, и т. д.. Уже эти выдержки показываютъ, что, передѣляя землю этимъ способомъ, по существу весьма сходнымъ съ описанными въ главѣ четвертой „общими поравненіями“, община заботится прежде всего о возможномъ *огражденіи интересовъ „старожительныхъ“, „ревизскихъ“ душъ*. Достигая вполнѣ *этой* цѣли, передѣлъ по „старшинству“, однако, нерѣдко очень неблагопріятно отражается на интересахъ тѣхъ изъ „малолѣтковъ“, которымъ не посчастливилось „сѣсть“ на „отцовскую душу“, а приходится довольствоваться надѣломъ, составленнымъ изъ обрѣзковъ. Важнымъ недостаткомъ такихъ „малолѣтскихъ“ надѣловъ является прежде всего ихъ разбросанность: между тѣмъ какъ „старожительскія“ души имѣютъ обыкновенно землю каждаго сорта въ одной полосѣ, а иногда—и всѣ сорта въ одномъ участкѣ, „малолѣты“ могутъ получить въ каждомъ сортѣ по нѣскольку обрѣзковъ, болѣе или менѣе разбросанныхъ. Правда, отрѣзки обыкновенно подгоняютъ къ однимъ мѣстамъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы образовать изъ нихъ возможно крупныя полосы, — но это удается въ далеко неполной мѣрѣ, и „малолѣтскіе надѣлы“ всегда бываютъ гораздо болѣе разбросаны, нежели надѣлы „старожительныхъ“ душъ*). Съ другой стороны, право „старожительныхъ“ душъ оставлять за собой *любую* часть своей „старины“ не можетъ не отражаться и на самомъ *качествѣ* „малолѣтскихъ“ надѣловъ: мы указывали выше на то, что пашни расцѣниваются на сравнительно небольшое число сортовъ, внутри каждаго изъ которыхъ возможны существенныя различія въ качествѣ отдѣльныхъ урочищъ и полосъ; понятно, что „старые жители“, имѣя право выбора, оставятъ за собой въ каждомъ сортѣ лучшія полосы, „малолѣтамъ“ же до-

---

*) Надо впрочемъ имѣть въ виду, что такое дробленіе «малолѣтскихъ» надѣловъ тоже представляется только относительнымъ: размѣръ душевого надѣла и вообще, и особенно въ тѣхъ общинахъ, которыя придерживаются разсматриваемаго порядка передѣла, опредѣляется почти всегда въ цѣломъ числѣ десятинъ, а потому и отрѣзки не могутъ быть менѣе десятины и не могутъ вести къ чрезмѣрному дробленію полосъ.

станутся худшія,—и слѣдовательно „малолѣты“ проигрываютъ, говоря вообще, не только въ смыслѣ расположенія надѣловъ, но и въ отношеніи ихъ качества.

Ясно въ виду изложеннаго, что описанная форма передѣла, поддерживаемая „старыми жителями“, не могла не встрѣтить рѣшительнаго сопротивленія со стороны „малолѣтовъ безъ отцовщины“ и вообще лицъ, которымъ приходилось получать надѣлы, составленные изъ обрѣзковъ; во многихъ случаяхъ сопротивленіе это оставалось безъ результата, и описанный порядокъ передѣла проводился въ его чистомъ видѣ; но довольно многія общины, удерживая въ принципѣ начало „старшинства“, вводили въ интересахъ „малолѣтскихъ“ душъ разныя поправки и ограниченія, на которыхъ, однако, въ виду незначительности представляемаго ими интереса, мы здѣсь не будемъ останавливаться.

Гораздо болѣе оригинальными представляются тѣ формы передѣла, которыя крестьяне обозначаютъ общимъ названіемъ „*перебоя*“ или „*торга*“: сущность ихъ сводится къ тому, что община устраиваетъ нѣчто вродѣ *аукціона* на каждый душевой надѣлъ, предоставляя его въ пользованіе тому изъ общественниковъ, кто въ обмѣнъ за обязанность платить полный душевой окладъ согласится взять *наименьшее количество* угодій, или хотя и то-же количество, но сравнительно *наихудшаго качества*. Эти формы представляются особенно характерными для сибирской общины, появляясь вездѣ, гдѣ только появляется, вообще, душевое пользованіе угодьями, и примѣняясь ко всѣмъ видамъ этихъ послѣднихъ. Ниже мы выяснимъ тѣ принципы, которые лежатъ въ основаніи этихъ формъ и обусловливаютъ ихъ цѣлесообразность; теперь же разсмотримъ детальнѣе тѣ разновидности „торга“, которыя встрѣчаются въ примѣненіи собственно къ пахатнымъ землямъ.

Наиболѣе распространенною въ Ишимскомъ округѣ и единственною примѣняемою въ Курганскомъ разновидностью „торга“ является *передѣлъ „въ надорожку“*. Сущность его состоитъ въ томъ, что если взять одну полосу является нѣсколько желающихъ, то „конкуррентами повышается *оцѣнка* пашни, такъ что въ результатѣ „перебоя“ является, при равномъ общемъ *размѣрѣ* всѣхъ душевыхъ надѣловъ, только *различное распредѣленіе* послѣднихъ *по сортамъ*“. (Осиповъ). „Каждому домохозяину, говоритъ г. Осиповъ, предоставляется повышать общественную оцѣнку каждаго участка земли; если напримѣръ общество положило, что въ данномъ 4-десятинномъ участкѣ десятина перваго сорта, 1,5 дес. второго и 1,5 десят. третьяго, то хозяева могутъ „торговаться“, „надораживать“,—и въ концѣ концовъ данный участокъ остается за тѣмъ,

напримѣръ, кто приметъ его за 1,3 дес. перваго, 1,7 дес. второго и 1 десят. третьяго сорта.

При передѣлѣ въ „надорожку“ исходной точкой для „торга“ на каждую данную полосу является иногда вновь производимая общиною расцѣнка, иногда—расцѣнка, получившаяся при предъидущемъ передѣлѣ. Если прежній владѣлецъ изъявляетъ желаніе оставить полосу за собой по этой оцѣнкѣ, то желающіе „сжить“ его съ этой полосы должны „возвысить землю противъ владѣльца“, „повысить его участокъ“ (выраженія приговоровъ), и такимъ образомъ „старожительная“ душа получаетъ уже нѣкоторое преимущество передъ всѣми остальными: кто-нибудь другой можетъ „сжить“ ее съ полосы не иначе, какъ согласившись взять послѣднюю на менѣе выгодныхъ для себя условіяхъ; затѣмъ, разъ начавшись, „перебой“ или „торгъ“ продолжается до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ конкурентовъ не объявитъ столь высокой оцѣнки, что всѣ остальные откажутся отъ дальнѣйшаго „торга“, или напротивъ—пока нѣсколько человѣкъ не остановятся на одной и той-же оцѣнкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ прежній владѣлецъ полосы, если онъ участвуетъ въ „торгѣ“, въ Курганскомъ округѣ „всегда имѣетъ преимущественное право, „принявши надорожку, остаться на старомъ мѣстѣ“; такимъ-же преимуществомъ прежній владѣлецъ пользуется и въ большинствѣ общинъ Ишимскаго округа, и спорная полоса достается постороннему лицу лишь въ томъ случаѣ, „если на повышку не согласится прежній хозяинъ“ (выраженіе одного приговора). Но нѣкоторыя общины Ишимскаго округа, разъ начался „торгъ“, не признаютъ уже за прежнимъ владѣльцемъ никакихъ преимуществъ, исходя изъ той мысли, что „всѣ мы хозяева, а не онъ одинъ хозяинъ“. Если затѣмъ на одной оцѣнкѣ остановилось нѣсколько равноправныхъ конкуррентовъ, то однѣ общины (повидимому большинство) отводятъ *всю* спорную полосу *первому* предложившему наивысшую оцѣнку; другія прибѣгаютъ къ жеребьевкѣ, причемъ указанный жребіемъ конкуррентъ получаетъ опять-таки всю полосу; наконецъ третьи придерживаются принципа „грѣхъ пополамъ“ и „расшибаютъ“ спорную полосу между всѣми конкуррентами поровну, предоставляя имъ дополучить остальное количество земли даннаго сорта въ другихъ урочищахъ.

Хотя такимъ образомъ при разсматриваемомъ способѣ передѣла всегда есть извѣстныя ограниченія, направленныя къ огражденію законныхъ интересовъ „старожительныхъ душъ“, тѣмъ не менѣе „надорожка“ всегда вводитъ въ передѣлъ нѣкоторый элементъ азарта и игры, особенно со стороны ссыльныхъ и вообще болѣе или менѣе безхозяйныхъ элементовъ,—благодаря чему нерѣдко

ведетъ къ неудовольствіямъ не только со стороны тѣхъ лицъ, которыхъ „сжили“ съ ихъ прежнихъ участковъ, но иногда и со стороны самыхъ „сжившихъ“ и взявшихъ „съ набоя“ соблазнявшія ихъ полосы. Здѣсь съ одной стороны вліяетъ то обстоятельство, что при передѣлѣ „на перебой“, какъ при всякомъ аукціонѣ, многіе увлекаются и заходятъ дальше, чѣмъ того требуютъ ихъ дѣйствительные интересы; съ другой стороны участокъ, въ рукахъ хорошихъ хозяевъ дававшій хорошіе урожаи и потому возбуждавшій сильную конкурренцію, попавъ въ руки плохого пахаря, нерѣдко начинаетъ родить хлѣбъ плохо, и тогда „набившіеся“ на участокъ хозяева начинаютъ жаловаться на свою „ошибку“.—Съ цѣлью уменьшенія этого элемента игры и случайности большинство общинъ, по крайней мѣрѣ въ Курганскомъ округѣ, „не лишаетъ себя права вмѣшаться въ каждый частный случай, гдѣ общество видитъ, что торгующіеся на землю преслѣдуютъ не столько цѣли уравнительной разверстки земли..., сколько побуждаются желаніемъ „рыться въ землѣ“ и „всучить“ кому-нибудь его собственную землю по дорогой цѣнѣ“. Но и независимо отъ этого, большинство общинъ Курганскаго округа, какъ отмѣчаетъ г. Осиповъ, ввело еще тѣ или другія ограниченія процесса „надораживанія“, направленныя къ дальнѣйшему огражденію интересовъ „старыхъ хозяевъ“: такъ, въ нѣкоторыхъ общинахъ „надорожка“ по отношенію къ первому сорту вовсе не допускается, а старому владѣльцу позволяется выбрать первый сортъ въ любомъ мѣстѣ своихъ старыхъ владѣній; гдѣ допускается „надораживаніе“ участковъ перваго сорта путемъ прибавленія къ нимъ полосъ низшаго сорта, принимаемыхъ „надораживающимъ“ за высшій, тамъ иногда прямо постановляется, что нельзя переводить въ высшій сортъ менѣе половины десятины или цѣлой десятины,—иногда-же минимальная величина установляется въ размѣрѣ $^1/_2$ или $^1/_3$ „надораживаемаго“ участка высшаго сорта; нѣкоторыя общины, наконецъ, допускаютъ „надорожку“ только въ извѣстной части высшихъ сортовъ, а на другой части вовсе не допускаютъ ея—и въ конечномъ результатѣ передѣлъ „надорожкою“ въ Курганскомъ округѣ, по удостовѣренію г. Осипова, лишь въ минимальной степени идетъ въ ущербъ законнымъ интересамъ „старыхъ душъ“, а роль случайности и азарта сводится къ ничтожной величинѣ.

Значительно менѣе распространена другая разновидность аукціонной формы,—передѣлъ „на сбавокъ“,—почти вовсе не встрѣчающаяся въ Курганскомъ округѣ и сравнительно рѣдко примѣняемая по отношенію къ пахатнымъ землямъ и въ Ишимскомъ: сущность этого способа—въ томъ, что при стеченіи нѣсколькихъ желающихъ

спорная полоса достается тому изъ нихъ, кто согласится сдѣлать наибольшую сбавку *съ ея площади*, т. е., другими словами, принять наименьшую долю десятины за полную десятину.

При передѣлѣ „на сбавокъ“ какъ распредѣленіе земли на сорта, такъ и размѣръ душевого надѣла обыкновенно устанавливаются заранѣе, на основаніи данныхъ предыдущаго передѣла. Пахатныя земли нарѣзываются чаще всего болѣе или менѣе узкими полосами, протягивающимися поперекъ „гривы“ или иного пахатнаго урочища и по площади равными либо десятинѣ, либо тому количеству земли даннаго сорта, которое по разсчету должно достаться на надѣльную душу. Полосы разбираются одна за другою, по мѣрѣ нарѣзки: на каждую смѣренную полосу тотчасъ-же вызываются желающіе, и если таковыхъ оказывается нѣсколько, то между ними происходитъ торгъ „на сбавокъ“, причемъ размѣръ сбавокъ выражается торгующимися въ саженяхъ и въ частяхъ сажени поперечника; если напримѣръ „торгъ“ идетъ на полосу въ 30 саж. длины и 160 саж. ширины, т. е. площадью въ двѣ десятины, то одинъ изъ торгующихся „смариваетъ двѣ сажени“, т. е. соглашается взять полосу въ 28 саженъ ширины, другой—въ 26, третій—въ $25^1/_2$, четвертый—въ 25, и если не дѣлается дальнѣйшихъ сбавокъ, то полоса остается за четвертымъ, который такимъ образомъ получаетъ, взамѣнъ двухъ, всего $25 \times 160 = 1^2/_3$ десятины, и затѣмъ уже считается удовлетвореннымъ полными двумя десятинами: „если земля добрая, разсуждаютъ крестьяне, такъ и три осьминника ($=^3/_4$ дес.) болѣе десятины стоятъ“.—Отводъ полосъ въ каждомъ сортѣ продолжается изложеннымъ порядкомъ до тѣхъ поръ, пока каждый общинникъ не получитъ номинально столько земли даннаго сорта, сколько ему слѣдуетъ получить по сдѣланному предварительно душевому разсчету; остающійся въ результатѣ сдѣланныхъ сбавокъ излишекъ обыкновенно оставляется, въ каждомъ сортѣ особо, въ запасъ на прибылыя души; но иногда поступаютъ иначе: получившійся въ первомъ сортѣ остатокъ переводятъ во второй сортъ, остатокъ во второмъ сортѣ—въ третій, и только получившійся въ послѣднемъ сортѣ остатокъ исключаютъ изъ передѣла и зачисляютъ въ „общественный запасъ“.

При наиболѣе обычномъ порядкѣ передѣла „на сбавокъ“ хозяева, берущіе наихудшія въ каждомъ сортѣ полосы, получаютъ ровно столько земли, сколько имъ слѣдуетъ „по общественному расчисленію“, и слѣдовательно это послѣднее даетъ *максимальный* размѣръ душевого надѣла; но въ нѣкоторыхъ—впрочемъ очень немногихъ—общинахъ опредѣленная по предварительному разсчету норма душевого надѣла является не максимальною, а *среднею* величиной послѣдняго: если общественники, берущіе лучшія полосы, дѣлаютъ

сбавки съ нормальнаго размѣра, то наоборотъ—берущіе плохія полосы получаютъ тѣмъ большія *прибавки* къ этому размѣру, чѣмъ хуже качество каждой данной полосы. Суть дѣла въ обоихъ случаяхъ, конечно, одна и та-же: компенсація тончайшихъ различій въ качествѣ отдѣльныхъ полосъ, разстоянія ихъ отъ усадебъ и прочихъ свойствахъ соотвѣтственными различіями въ ихъ размѣрѣ.

Такова-же сущность другого способа передѣла, хотя и совершенно отличнаго по формѣ,—способа, который встрѣчается повидимому исключительно въ южной части Ишимскаго округа и который можно назвать способомъ „*развода по урочищамъ*". Способъ этотъ (гораздо чаще примѣняемый впрочемъ къ покосамъ, нежели къ пашнямъ) несомнѣнно является слѣдомъ прежняго захватно-общиннаго пользованія, когда угодій не дѣлили, а только условливались, кому гдѣ пахать и косить, и по формѣ своей рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ способовъ передѣла, прежде всего уже тѣмъ, что не основывается ни на какихъ предварительныхъ измѣреніяхъ. Въ большинствѣ случаевъ и при этомъ способѣ производится расцѣнка пашенъ на два или на три сорта,—но кромѣ того существуетъ еще издавна установившееся распредѣленіе общественныхъ пашенъ на урочища: гдѣ пашни расположены на „гривахъ", тамъ каждая „грива" разсматривается какъ особое урочище; низменныя степныя пашни обыкновенно распредѣляются на 3—4 крупныя части, разграничиваемыя чаще всего главными дорогами; каждая такая часть распадается на меньшія, послѣднія—иногда на еще меньшія урочища. При раздѣлѣ „гривъ" каждый хозяинъ записывается у сельскаго старосты на опредѣленную „гриву", а затѣмъ каждая группа общественниковъ отправляется на свою „гриву" и на мѣстѣ разбиваетъ ее между собой на душевыя полосы. При раздѣлѣ низменныхъ пашенъ общественники сначала расписываются на нѣсколько крупныхъ партій, по упомянутымъ выше крупнымъ частямъ общественнаго надѣла; затѣмъ каждая такая партія въ свою очередь раздробляется по болѣе мелкимъ урочищамъ, а когда запись кончена, всѣ ѣдутъ на пашни, и каждое урочище раздѣляется между записавшимися на глазомѣръ или „съ веревки". Въ томъ и другомъ случаѣ община, какъ цѣлое, не играетъ въ передѣлѣ активной роли; она только принимаетъ записи общественниковъ и въ случаѣ нужды разрѣшаетъ чрезъ своихъ представителей—старосту и понятыхъ—возникающія при окончательной разбивкѣ урочищъ на душевыя полосы слишкомъ острыя недоразумѣнія и споры.

Не трудно понять, какъ описанный порядокъ долженъ отразиться на распредѣленіи пахатныхъ земель между общественниками. Каждый общественникъ конечно стремится получить землю тамъ, гдѣ

земля лучше или удобнѣе для пользованія; если-бы каждый записывался, не зная намѣреній другихъ, то на хорошія урочища моглобы записаться такъ много лицъ, что каждому изъ нихъ досталось-бы слишкомъ мало пашни, тогда какъ другіе получили-бы несоразмѣрно много. Въ дѣйствительности однако этого не можетъ случиться: если какое-либо урочище притягиваетъ слишкомъ много желающихъ, то всегда найдутся такіе, которые, не желая получить слишкомъ мало земли, измѣнятъ свое намѣреніе и запишутся туда, гдѣ земля, можетъ быть, хуже, но куда зато записалось мало народу, и гдѣ поэтому на душу можетъ достаться много земли; такой переходъ увеличитъ размѣръ доли, достающейся каждому записавшемуся въ первомъ урочищѣ, и уменьшитъ—во второмъ, и въ результатѣ общественники естественно распредѣлятся по урочищамъ пропорціонально ихъ качеству; на долю каждаго общественника получится тѣмъ менѣе пашни, чѣмъ лучше ея качество, и наоборотъ,—т. е. получится такое-же уравновѣшиваніе количества земли въ каждой душевой полосѣ съ ея качествомъ, какъ и при передѣлѣ „на сбавокъ“.

Послѣдній изъ способовъ передѣла, пользующихся распространеніемъ въ южной части Тобольской губерніи—главнымъ образомъ въ Курганскомъ округѣ, но отчасти—и въ Ишимскомъ,—есть способъ, который г. Осиповъ очень удачно назвалъ способомъ „*уравновѣшиванія сортовъ*“, и который также примѣняется обыкновенно въ комбинаціи со способомъ передѣла „по старшинству“. Въ этой его наиболѣе обычной формѣ разсматриваемый способъ изображается г. Осиповымъ слѣдующимъ образомъ: „каждому домохозяину предоставляется безусловное право выбрать на владѣемыхъ имъ участкахъ, въ одномъ или двухъ сортахъ, такое количество земли, которое ему причитается въ каждомъ изъ этихъ сортовъ.... Само собой разумѣется, что каждый выбираетъ наилучшія по своимъ понятіямъ, соображеніямъ и выгодамъ земли, которыя ему безпрекословно отводятся“. Послѣ этого общество, по своему усмотрѣнію, надѣляетъ каждаго домохозяина, даже иногда безъ участія самихъ заинтересованныхъ лицъ, землею остальныхъ сортовъ, причемъ „соображаетъ, какія земли надо отвести каждому домохозяину, чтобы уравновѣсить его собственный выборъ и чтобы никому не было обидно. Прежде всего общество старается найти дополнительные участки на старыхъ владѣніяхъ надѣляемаго домохозяина; если у него есть такія плохія земли, которыя могли-бы уравновѣсить первоначальный его выборъ, то общество всегда отводитъ именно эти земли; но если у домохозяина послѣ его добровольнаго выбора все-таки остались хорошія земли, то такому домохозяину отводится

надѣлъ уже на чужихъ участкахъ, оставшихся свободными отъ другихъ домохозяевъ". По справедливому замѣчанію г. Осипова, этотъ способъ имѣетъ важныя преимущества предъ „надорожкой" и вообще аукціонными способами, потому что, съ одной стороны, окончательно устраняетъ элементъ азарта и игры, а съ другой— въ большей мѣрѣ обезпечиваетъ законныя права „старыхъ хозяевъ": „всякому хозяину, говоритъ г. Осиповъ, который не жадничаетъ, не думаетъ обдѣлить другихъ, почти всегда удается остаться на старыхъ своихъ участкахъ не только въ лучшихъ сортахъ—на что онъ имѣетъ безусловное право—но и въ худшихъ земляхъ, отводомъ которыхъ распоряжается уже общество, потому что послѣднее, видя, что надѣленный хозяинъ при избраніи лучшихъ земель ничьихъ интересовъ не покушался нарушить и дѣйствительно не нарушилъ, само старается отвести такому крестьянину землю непремѣнно на его старомъ владѣніи". Сказанное примѣнимо однако къ способу „уравновѣшенія сортовъ" только въ его вышеописанной формѣ, распространенной по преимуществу въ Курганскомъ округѣ; въ Ишимскомъ встрѣчаются еще другія разновидности и комбинаціи этого способа, оставляющія элементу азарта и игры не менѣе или немногимъ менѣе простора, нежели формы чисто-аукціонныя: довольно часто полосы второго и третьяго сорта заранѣе „спариваются" по принципу „уравновѣшенія сортовъ" съ первосортными, и затѣмъ эти послѣднія разбираются аукціономъ „на сбавку" съ тѣмъ, что взявшій „любую" ему первосортную полосу eo ipso получаетъ и „нелюбыя" полосы въ другихъ сортахъ. Достойно при этомъ замѣчанія, что хотя отводъ „нелюбыхъ половинъ" зависитъ отъ ничѣмъ неограниченнаго усмотрѣнія общины, изъ этого, повидимому, не происходитъ никакихъ неудовольствій: изслѣдователю нѣсколько разъ приходилось слышать жалобы на „ошибки" при добровольномъ выборѣ „любой" части надѣла; на неправильности при отводѣ „нелюбой"—ни разу, и несомнѣнно, что этотъ отводъ производился вездѣ вполнѣ уравнительно *).

---

*) Въ Курганскомъ округѣ, по сообщенію г. Осипова, существуетъ еще способъ передѣла, «когда отдѣльный домохозяинъ лишенъ всякаго права выбора себѣ земли и когда отводъ пашни каждому своему члену общество беретъ на свой страхъ и рискъ» («Матер.» по Зап. Сиб., вып. XXI, стр. 63): передѣлъ производится безъ жеребьевокъ, надорожекъ и вообще безъ всякихъ внѣшнихъ формъ, каждый душевой надѣлъ комплектуется обществомъ на основаніи всесторонняго обсужденія дѣла, причемъ «общество разсматриваетъ надѣлъ каждаго домохозяина, какъ одно хозяйственное цѣлое; уравнивая безусловно по количеству пахатной земли, стараясь, чтобы у каждаго надѣлъ былъ равенъ прочимъ по качеству земли и притомъ, по возможности, на старыхъ его владѣніяхъ, общество, однако, не ограничивается этою ариѳметическою справед-

Мы ограничимся здѣсь простымъ упоминаніемъ о разныхъ другихъ способахъ передѣла, лишь въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ встрѣчающихся и въ Ишимскомъ, и въ Курганскомъ округѣ, каковы: „расшибаніе“ спорныхъ участковъ на равныя доли между всѣми конкуррентами съ тѣмъ, чтобы недостающее количество земли даннаго сорта каждый изъ нихъ получилъ въ другомъ мѣстѣ; иногда при этомъ общественникъ, получившій въ „любомъ“ ему

ливостью; оно не боится никакой неравномѣрности надѣла въ отношеніи какого-нибудь его отдѣльнаго свойства, напр., почвы, разстоянія отъ усадьбы и т. п.,— оно заботится лишь о томъ, чтобы *въ общей сложности* надѣлъ каждаго домохозяина доставлялъ ему наибольшую сумму удобствъ, отчего-бы они ни происходили» (стр. 63—64), не отступая при этомъ, во имя реальной пользы отдѣльныхъ домохозяевъ, ни передъ уклоненіемъ отъ правильнаго распредѣленія по сортамъ, ни передъ нарушеніемъ принципа «старозаимочности» (старшинства — см. выше); общество «не насильствуетъ надъ правомъ смѣщаемаго со стараго мѣста домохозяина, а старается воздѣйствовать на его сознаніе; не отнимаетъ у него старое его владѣніе, а старается убѣдить, чтобы онъ отдалъ добровольно»,—словомъ дѣйствуетъ не авторитетомъ власти, а силою убѣжденія (стр. 67—72). Нечего удивляться тому, что г. Осиповъ чрезвычайно симпатизируетъ этому типу передѣла; но трудно предположить, чтобы этотъ идеалъ могъ часто находить себѣ осуществленіе въ дѣйствительности: это возможно лишь въ очень маленькихъ, особенно однородныхъ по составу и дружныхъ общинахъ, какія не рѣдкость на сѣверѣ Тобольской губерніи, и очень мало вѣроятно въ такой мѣстности, какъ Курганскій округъ, гдѣ преобладаютъ крупныя общины, гдѣ составъ населенія смѣшанный (старожилы, переселенцы, ссыльные) и въ средѣ общинъ конечно не обходится безъ партійной борьбы и розни. И если г. Осиповъ самымъ положительнымъ образомъ удостовѣряетъ, что крестьяне чрезвычайно любятъ описанный выше способъ передѣла, полагая, что именно при немъ можно «*успокоить» не большинство только домохозяевъ, а каждаго* (стр. 73), то это заявленіе надо вѣроятно, понимать въ томъ смыслѣ, что крестьяне видятъ въ этомъ способѣ *идеалъ* справедливаго передѣла, или въ томъ, что они прибѣгаютъ къ нему въ дополненіе къ «надорожкѣ», «уравновѣшенію сортовъ» и т. п., когда эти пріемы грозятъ привести къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ. По крайней мѣрѣ, внимательно пересмотрѣвъ помѣщенныя на стр. 143—401 работы г. Осипова описанія отдѣльныхъ передѣловъ, мы не нашли ни одного случая, который можно было-бы подвести подъ описываемый типъ освобожденнаго отъ всякой внѣшней формы, но идеально справедливаго по существу передѣла. Правда, мы находимъ нѣсколько случаевъ, по внѣшности какъ-бы похожихъ на этотъ типъ: это, съ одной стороны, безформенные передѣлы «на махъ», «на глазъ», наблюдаемые въ многоземельныхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще недавно прекратилось вольное пользованіе и гдѣ крестьяне хотятъ лишь «кое-какъ уравняться» количествомъ, не добиваясь качественнаго уравненія (стр. 302—326 passim); съ другой—передѣлы «въ мѣстностяхъ, гдѣ происходятъ безпрерывное вселеніе переселенцевъ и гдѣ, поэтому, землевладѣніе не успѣло выдиться въ сколько-нибудь прочныя формы (стр. 292),—но ясно, что сходство въ томъ и другомъ случаѣ не идетъ дальше внѣшности.

мѣстѣ только *часть* слѣдующей ему въ данномъ сортѣ земли, получаетъ остальную часть лишь тогда, когда надѣлятся остальные общественники, не „лѣзшіе“ на лучшія пахатныя урочища; мѣстами практикуется „раздробленіе малолѣтокъ по старымъ душамъ“, т. е. приписка по одному „малолѣту“ на каждыя 10, 15, 20 и т. д. „старыхъ душъ“, отъ которыхъ „малолѣтъ“ и получаетъ землю по обоюдному соглашенію, и проч., и проч..

Мы должны остановиться еще только на одномъ способѣ передѣла—„жеребьевкѣ“. Являясь въ Европейской Россіи обычнымъ основаніемъ распредѣленія полосъ, жеребьевка въ Сибири вообще и въ южной части Тобольской губерніи въ частности встрѣчается лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія: такъ, въ Ишимскомъ округѣ жеребьевый способъ въ чистомъ его видѣ примѣненъ былъ всего въ 10 общинахъ, да сверхъ того онъ примѣнялся еще въ нѣсколькихъ общинахъ въ комбинаціи съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ способовъ передѣла; въ Курганскомъ округѣ отмѣчено всего 17 случаевъ примѣненія жеребьевки, изъ нихъ большинство — также въ комбинаціи съ другими способами; за немногими исключеніями, жеребьевка въ обоихъ округахъ встрѣчается лишь у крестьянъ изъ переселенцевъ, еще не успѣвшихъ приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ,—въ большинствѣ же случаевъ и общины переселенцевъ отказались отъ примѣненія жеребья и перешли къ тѣмъ самымъ способамъ передѣла, какіе издавна практикуются у старожиловъ.

Такимъ образомъ жеребьевка въ разсматриваемой мѣстности есть явленіе заносное, плохо прививающееся къ обычаямъ мѣстной общины; коренное населеніе края, старожилы, считаетъ жеребьевку „не божескимъ“, „худымъ“ порядкомъ, — вообще, какъ говоритъ г. Осиповъ, „относится къ жеребьевкѣ отрицательно, считая ее самымъ неравномѣрнымъ способомъ раздѣла, при которомъ все предоставлено дѣлу случая“. Такое разногласіе во взглядахъ на жеребьевку между сибирскою и великороссійскою общиной вытекаетъ изъ особенностей расцѣнки земель и вообще всего склада сибирскихъ общинныхъ порядковъ: „жеребьевый способъ, писали мы въ нашей работѣ объ общинныхъ порядкахъ Ишимскаго округа, можетъ повести къ всеобщему удовлетворенію только въ томъ случаѣ, если при раздѣлѣ земли на сорта будутъ приняты во вниманіе тончайшія различія пашенъ по качеству, разстоянію отъ усадебъ и т. п.“; между тѣмъ на югѣ Тобольской губерніи, какъ мы говорили выше, „пашни дѣлятся обыкновенно на небольшое число сортовъ, такъ что эта расцѣнка принимаетъ во вниманіе лишь самыя крупныя различія... Нарѣзанныя душевыя полосы не могутъ поэтому быть настолько уравнены между собой, чтобы возможно было безошибочное для

всѣхъ распредѣленіе ихъ по жребію. Болѣе точное уравненіе душевыхъ полосъ потребовало-бы слишкомъ мелкаго дробленія душевыхъ надѣловъ“ ,— чего мѣстная община всемѣрно избѣгаетъ. То-же, по существу, говоритъ и г. Осиповъ: „необходимое условіе этой формы есть... раздробленіе и разбросанность надѣла каждаго хозяина. Между тѣмъ у сибиряковъ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ объ отводѣ земли каждому домохозяину, по возможности, въ немногихъ мѣстахъ“. Имѣя въ виду это обстоятельство, г. Осиповъ заключаетъ, что при жеребьевкѣ „сфера случайности въ отводѣ надѣла во много разъ увеличилась-бы по сравненію съ передѣломъ великороссійскимъ“, гдѣ многочисленность отводимыхъ каждому домохозяину полосъ „служитъ гарантіей равномѣрности“. Кромѣ того, г. Осиповъ указываетъ еще на другое существенное обстоятельство, мѣшающее сибирякамъ прибѣгать къ жеребьевому способу,—на несовмѣстимость послѣдняго съ тѣмъ основнымъ началомъ, которое г.Осиповъ называетъ „правомъ старозаимочности“,— со стремленіемъ общины оставить каждаго, по возможности, на насиженномъ и обработанномъ имъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли одну за другой всѣ формы передѣла, примѣняемыя въ южной части Тобольской губерніи къ пахатнымъ землямъ, иногда въ чистомъ видѣ, иногда—въ различныхъ между собою комбинаціяхъ. Попытаемся теперь выяснить тѣ общіе принципы, которые лежатъ въ основѣ тѣхъ или другихъ формъ передѣла и, какъ мы увидимъ ниже, въ значительной мѣрѣ вліяютъ на ихъ распространенность.

Съ формальной точки зрѣнія сибирскіе передѣлы распадаются на двѣ крупныя группы: къ одной относится передача цѣликомъ душевыхъ надѣловъ и передѣлъ „по старшинству“ (а также жеребьевка, о которой мы только что говорили и къ которой, какъ къ явленію заносному, возвращаться больше не будемъ), къ другой—всѣ способы передѣла, основанные на „торгѣ“ или на принципѣ „уравновѣшенія сортовъ“; въ основѣ передѣловъ одной группы лежитъ начало *объективнаго*, другой—*субъективнаго равенства*.

Если въ основу передѣла положено начало *объективнаго равенства*, то земля въ каждомъ изъ установленныхъ общиною сортовъ предполагается безусловно равноцѣнною, и слѣдовательно каждая душевая полоса—объективно-равною каждой другой полосѣ того-же сорта, и распредѣленіе полосъ либо предоставляется случаю, либо основывается на принципѣ „старшинства“. Результаты принятія этихъ предположеній могутъ быть двояки: либо будутъ приняты во вниманіе дѣйствительно *всѣ* признаки, вліяющіе на

цѣнность угодій, и будетъ достигнуто болѣе или менѣе полное объективное равенство душевыхъ полосъ,—но это возможно только при связанномъ съ мелкополосицей распредѣленіи пашенъ на множество сортовъ; либо напротивъ община приметъ за основаніе расцѣнки угодій только небольшое число основныхъ признаковъ,—и тогда земля въ каждомъ сортѣ не будетъ равноцѣнна, а душевыя полосы не будутъ, въ дѣйствительности, объективно равны другъ другу. Это послѣднее имѣло мѣсто въ разсматриваемой мѣстности, и потому при передѣлѣ „по старшинству" „малолѣткамъ безъ отцовщины", какъ мы уже говорили, въ видѣ общаго правила доставались надѣлы, и хуже расположенные, и по качеству уступающіе надѣламъ „старыхъ душъ". И вотъ, стремясь достигнуть всеобщаго удовлетворенія безъ чрезмѣрнаго дробленія угодій, сибирская община выработала другое начало, которое мы обозначаемъ названіемъ начала *субъективнаго равенства*: она стремится уже не къ тому, чтобы всѣ душевые надѣлы были *совершенно равны* между собой, а къ тому, чтобы *всякій общественникъ былъ такъ-же доволенъ своимъ надѣломъ, какъ и каждый другой*. „Въ основу здѣшнихъ передѣловъ, говоритъ г. Осиповъ, положенъ общій принципъ: соглашеніе каждаго домохозяина со всѣмъ обществомъ"; цѣль, преслѣдуемая общиной,—чтобы „все было по согласію", чтобы „не было недовольныхъ", и всѣ были „успокоены"; для достиженія этой цѣли крестьяне стараются, „съ одной стороны, отводить надѣлы каждому домохозяину по соображенію съ *совокупностью удобствъ отвода именно отдѣльному крестьянину*, а съ другой — чтобы уравнительность раздѣла заключалась главнымъ образомъ въ *равенствѣ совокупности удобствъ* надѣленія всѣхъ домохозяевъ". „У всякаго вора свой разсчетъ", говоритъ мѣстная пословица,—и это-то разнообразіе требованій, предъявляемыхъ разными хозяевами, и даетъ возможность достигнуть общаго удовлетворенія: одинъ хозяинъ, имѣющій всего одинъ душевой надѣлъ, согласится до извѣстной степени пожертвовать качествомъ земли ея кучности; другой, напротивъ, предпочтетъ взять полосы, разбросанныя по многимъ урочищамъ, лишь-бы получить пашню наилучшаго качества; хозяинъ, имѣющій мало лошадей, охотно возьметъ меньше пашни, чтобы избавиться отъ необходимости далеко ѣздить; напротивъ многолошадный хозяинъ поѣдетъ куда угодно, лишь-бы получить побольше земли; хозяинъ, имѣющій на своей старой пашнѣ избушку, охотно возьметъ эту пашню за первосортную, тогда какъ другой не оцѣнитъ земли выше средняго сорта; бѣднякъ, не могущій самъ хорошо раздѣлать пашни, охотно возьметъ вмѣсто „застрамленной" (запущенной) первосортной земли хорошо „угоенную" второразряд-

ную, тогда какъ мощный крестьянинъ, конечно, не обратитъ вниманія на это обстоятельство. Словомъ, каждый хозяинъ руководствуется множествомъ индивидуальныхъ соображеній и видитъ преимущества или недостатки въ такихъ свойствахъ отдѣльныхъ полосъ или участковъ, которымъ другіе домохозяева не придаютъ такого значенія; и вотъ, посредствомъ разнообразныхъ комбинацій этихъ субъективныхъ преимуществъ и недостатковъ, достигается *равномѣрное удовлетвореніе всѣхъ домохозяевъ*, другими словами—*субъективное равенство* душевыхъ надѣловъ.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о томъ, *какимъ интересамъ* болѣе способны служить тѣ или другіе способы передѣла пахатныхъ земель, мы видимъ, что здѣсь, съ одной стороны, вліяетъ хозяйственный интересъ, съ другой—требованія всеобщаго равенства.

Требованія *хозяйственнаго интереса* находятъ себѣ выраженіе въ одномъ изъ основныхъ и притомъ самомъ благодѣтельномъ въ хозяйственномъ отношеніи принципѣ сибирскихъ передѣловъ, который пишущій эти строки обозначалъ названіемъ принципа „старшинства", „старины", а г. Осиповъ называетъ „правомъ старозаимочности" *). Мы уже видѣли выше, какимъ образомъ *проявляется* этотъ принципъ; понятны и *основанія* его: община „не шевелитъ стараго хозяина съ его владѣнія", потому что „у него тамъ есть постройки, переносъ которыхъ приведетъ его къ большимъ убыткамъ; потому далѣе, что онъ примѣнился къ своей пашнѣ, пригналъ къ ней покосъ и лѣсокъ"; потому наконецъ, что онъ хорошо разработалъ свои участки, можетъ быть уже удобрилъ ихъ, и что, слѣдовательно, онъ „имѣетъ преимущественное предъ всякимъ другимъ право на занятіе своего прежняго участка" (Осиповъ),—и съ этой точки зрѣнія мы считаемъ вполнѣ справедливымъ мнѣніе г. Осипова, что въ разсматриваемомъ принципѣ „едва-ли не самое важное и едва-ли не самое рѣзкое отличіе здѣшнихъ передѣловъ отъ великороссійскихъ".

Къ сожалѣнію однако дѣло имѣетъ и другую сторону: принципъ „старшинства", примѣняемый въ его чистомъ видѣ, всегда будетъ, какъ мы показали выше, невыгоденъ для части общественниковъ,—„для малолѣтовъ безъ отцовщины", которымъ достаются надѣлы и хуже качествомъ, и болѣе разбросанные,—и потому такіе „малолѣтки" всегда являются противниками основанныхъ на началѣ „старшинства" способовъ передѣла, тогда какъ, напротивъ, особенно

*) Этотъ терминъ кажется намъ не совсѣмъ удачнымъ, потому что подъ «старозаимочнымъ владѣніемъ» принято разумѣть такую форму владѣнія, которая не имѣетъ ничего общаго съ тѣми формами, которымъ присваиваетъ это названіе г. Осиповъ.

ревностными ихъ защитниками являются тѣ общественники, которые при предыдущемъ передѣлѣ успѣли какъ-нибудь заполучить лишніе куски земли или землю лучшаго качества, чѣмъ остальные. Такимъ образомъ принципъ старшинства легко можетъ стать и дѣйствительно—часто становится въ противурѣчіе съ принципомъ всеобщаго *равенства*, который лучше всего воплощается въ чистыхъ формахъ аукціонныхъ передѣловъ. Само по себѣ, требованіе равенства является въ общинѣ вполнѣ законнымъ; но подъ его знаменемъ выступаютъ на сцену „худые пахари", руководящіеся между прочимъ стремленіемъ сойти со своихъ дурно-раздѣланныхъ полосъ, занять полосы, прежде принадлежавшія хорошимъ хозяевамъ, и такимъ образомъ получить со сравнительно небольшою затратой труда нѣсколько хорошихъ урожаевъ; защитниками аукціонныхъ способовъ передѣла всегда являются поэтому приписанные къ обществамъ ссыльные, и въ Ишимскомъ округѣ отмѣчено нѣсколько случаевъ, когда аукціонные способы были пущены въ ходъ главнымъ образомъ по ихъ настояніямъ; напротивъ значительная часть мѣстнаго крестьянства относится къ нимъ весьма неодобрительно, считая ихъ направленными исключительно къ выгодѣ лѣнтяевъ и въ нарушеніе интересовъ „хорошихъ", „старательныхъ" крестьянъ.

Такимъ образомъ и принципъ „старшинства", и начало равенства, имѣютъ свою правду и свою неправду: если „добрый пахарь" на сходѣ заявляетъ, что онъ свою полосу „угоилъ" хорошо раздѣлалъ) и потому не хочетъ переходить на другую, можетъ быть дурно обработанную полосу, то „бѣднота" съ полнымъ, можетъ быть, правомъ возражаетъ ему: „ты и такъ уже 60 лѣтъ первую землю пашешь, и сейчасъ насъ на нее не пускаешь!.."; если „бѣднота" распространяется на тему, что „всѣ мы хозяева", и потому протестуетъ противъ какихъ-либо преимуществъ „старыхъ душъ", то владѣльцы хорошо обработанныхъ пашенъ совершенно справедливо возражаютъ: „вы свои пашни застрамили,—а теперь насъ съ полосъ сживаете; вы нашими трудами хлѣбъ есть будете, а мы вамъ опять готовь пашню къ будущему передѣлу!.." Поставленные такимъ образомъ, спорные вопросы трудно разрѣшимы по существу: то ил идругое рѣшеніе ихъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, за кѣмъ въ обществѣ сила: за „добрыми пахарями", или за многочисленною „бѣднотой".

Въ Курганскомъ округѣ, гдѣ передѣлы имѣютъ за собой болѣе длинную исторію, рѣзкое противурѣчіе между принципомъ „старшинства" и требованіями равенства успѣло уже въ значительной степени сгладиться: передѣлы по „старшинству", простою отрѣзкою излишковъ, отмѣчены всего въ какихъ-нибудь двухъ десяткахъ

общинъ, и только въ одной общинѣ передѣлъ былъ произведенъ „надорожкой“, безъ всякихъ ограниченій въ пользу „старыхъ хозяевъ“. За этими исключеніями формы передѣловъ вездѣ складываются здѣсь подъ вліяніемъ комбинаціи того и другого принципа: передѣлъ производится либо „надорожкой“, либо „уравновѣшеніемъ сортовъ“, но всегда съ ограниченіями, достаточно ограждающими законные интересы „старыхъ хозяевъ“.

Не то видимъ мы въ Ишимскомъ округѣ: здѣсь община находится еще въ фазисѣ борьбы между двумя основными теченіями или принципами; лишь немногія общины доработались до примиренія ихъ, выражающагося въ передѣлѣ „надорожкой“ съ достаточными ограниченіями въ пользу „старыхъ хозяевъ“; въ то время затѣмъ, какъ однѣ общины, очень многочисленныя, придерживаются еще принципа „старшинства“ въ его чистомъ видѣ, принося ему въ жертву требованія равенства, другія, хотя и менѣе многочисленныя, передѣляли пашни „торгомъ“ въ „надорожку“ и ли„на сбавокъ“ и т. п. способами, безъ всякихъ гарантій въ пользу „старыхъ душъ“.

Мы говорили уже, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ побѣда того или другого начала зависитъ отъ случайностей борьбы партій; но исходъ этой борьбы въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ самого *свойства* подлежащихъ передѣлу угодій, — отъ ихъ качественнаго однообразія или разнообразія; гдѣ пашни являются, такъ сказать, „пестрыми“, гдѣ рядомъ съ хорошею полосою лежитъ худая, а часто и на одной полосѣ встрѣчаются разнопочвенныя пятна,—тамъ „доброму пахарю“ гораздо труднѣе убѣдить общину въ томъ, что получаемые имъ хорошіе урожаи вытекаютъ не изъ естественныхъ преимуществъ доставшихся ему пашенъ, а являются слѣдствіемъ лучшей обработки,—тамъ, слѣдовательно, требованія „бѣдноты“, опирающіяся на принципъ всеобщаго равенства, гораздо легче могутъ взять перевѣсъ. Гдѣ напротивъ обширныя пространства пахатной земли совершенно или почти совершенно однокачественны,— тамъ вліяніе лучшей обработки сказывается гораздо яснѣе, „бѣднотѣ“ гораздо труднѣе возвести объясняемыя такимъ вліяніемъ различія въ размѣрахъ урожаевъ на степень естественныхъ преимуществъ той или другой полосы, и потому „доброму пахарю“ гораздо легче отстоять свои интересы; при *однокачественности* пашенъ, такимъ образомъ, болѣе шансовъ имѣетъ принципъ передѣла *„по старшинству“*, при *пестротѣ — аукціонные* и т. п. способы, болѣе соотвѣтствующіе требованіямъ равенства. Въ томъ-же направленіи дѣйствуютъ и обстоятельства другого порядка: мы видѣли, что при передѣлѣ по „старшинству“ община исходитъ изъ предположенія *объективнаго равенства* душевыхъ полосъ, при аукціон-

ныхъ и т. п. способахъ она стремится только къ *субъективной равноцѣнности* ихъ. Между тѣмъ ясно, что если въ мѣстности со сплошными пространствами однокачественныхъ пахатныхъ земель требованіе объективнаго равенства, т. е. равноцѣнности въ каждомъ сортѣ равныхъ площадей земли, можетъ быть осуществлено безъ особыхъ затрудненій, то въ мѣстности съ разбросанными и разнопочвенными пашнями это требованіе могло-бы осуществится развѣ только при условіи того дробленія пашенъ на мелкія полоски, котораго мѣстная община всемѣрно избѣгаетъ, — и такимъ образомъ и съ этой точки зрѣнія разнокачественность, пестрота пашенъ толкаетъ къ принятію аукціонныхъ и т. п. способовъ, не требующихъ объективнаго равенства душевыхъ полосъ.

Изложенныя апріорныя заключенія вполнѣ подтверждаются, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Ишимскому округу, дѣйствительными фактами. Если оставить въ сторонѣ сѣверо-западную часть округа, гдѣ господствуютъ способы передѣла несомнѣнно заноснаго происхожденія, то округъ этотъ можно разбить на два крупныхъ района: побережье рѣки Ишима и юго-западный, пріозерный районъ. Въ первомъ—пахатныя земли расположены по широкимъ прирѣчнымъ „уваламъ“ съ однообразною черноземною почвой, только на низкихъ мѣстахъ переходящею въ почвы низшаго достоинства. Во второмъ—пашутся прежде всего „острова“ или „гривы“, разбросанныя по ровной поверхности степи, а затѣмъ—окраины лѣсныхъ „ко́лковъ“ и пригодные для распашки клочки ровной степи; изъ сказаннаго ясно прежде всего, что пашни въ этомъ районѣ представляются весьма разбросанными; но кромѣ того и самыя почвенныя условія мѣняются не только отъ одной „гривы“ къ другой (не говоря уже о коренной разницѣ между „гривными“, „ко́лочными“ и „степными“ пашнями), но на одной и той-же гривѣ почва южнаго склона обыкновенно отличается отъ почвы сѣвернаго, и каждая едва замѣтная впадина отражается и на свойствахъ почвы.—Такимъ образомъ при-Ишимскій районъ характеризуется скученностью и однокачественностью пашенъ, пріозерный—разбросанностью ихъ и пестротой. И соотвѣтственно этому, громадное большинство общинъ при-Ишимскаго района либо ограничилось простою передачей освободившихся душевыхъ надѣловъ, либо произвело передѣлъ „по старшинству“; изъ основанныхъ на субъективной равноцѣнности способовъ передѣла „разводъ по урочищамъ“ и „уравновѣшеніе сортовъ“ здѣсь совершенно не встрѣчаются, передѣлъ „въ надорожку“ отмѣченъ всего въ шести случаяхъ, аукціонъ „на сбавокъ“—въ одномъ. Напротивъ въ одиннадцати волостяхъ пріозернаго района господствуютъ именно эти способы передѣла, основанные на субъективной равно-

цѣнности надѣловъ,—разные виды „торга", „уравновѣшеніе сортовъ", „расписываніе по урочищамъ"; передѣлъ „по старшинству" въ шести изъ этихъ 11-ти волостей вовсе не встрѣчается, а по остальнымъ пяти волостямъ отмѣченъ всего въ 16 общинахъ *).

---

*) Мы совершенно не касались въ текстѣ порядковъ передѣла въ сѣверо-западной части Ишимскаго округа. Дѣло въ томъ, что здѣсь раздѣлъ угодій по душамъ, произведенный въ 80-хъ годахъ подъ непосредственнымъ давленіемъ администраціи, исполненъ былъ не общественными довѣренными, а наемными мѣрщиками, преимущественно изъ ссыльно-поселенцевъ, и весь порядокъ передѣловъ носитъ здѣсь характеръ чего-то заноснаго, совершенно не вытекающаго изъ самостоятельнаго развитія мѣстной общинной мысли. Въ этомъ убѣждаетъ цѣлый рядъ обстоятельствъ: прежде всего—самая внезапность раздѣла угодій по душамъ и рѣзкость перехода отъ захватныхъ формъ пользованія всѣми угодьями къ раздѣлу всѣхъ угодій, въ нѣкоторыхъ общинахъ—не исключая даже пастбищъ и неудобныхъ земель; затѣмъ—механическое примѣненіе ко всѣмъ категоріямъ угодій совершенно тождественныхъ способовъ обмѣра и вообще передѣла, между тѣмъ какъ самая природа нѣкоторыхъ угодій гораздо болѣе благопріятствовала-бы примѣненію другихъ пріемовъ; участіе въ обмѣрѣ наемныхъ лицъ и самый способъ обмѣра, болѣе или менѣе скопированный съ операцій правительственныхъ землемѣровъ; частое примѣненіе жеребьеваго порядка, мало симпатичнаго мѣстному крестьянству; наконецъ полное невниманіе къ принципу «старшинства», въ то время какъ мѣстныя условія (преобладаніе широкихъ прирѣчныхъ уваловъ съ однообразной почвой) должны были-бы привести къ преобладанію именно этого принципа,—всѣ эти условія убѣждаютъ въ томъ, что передѣлъ въ названной мѣстности совершился далеко не тѣмъ путемъ, какимъ онъ совершился-бы при нормальномъ ходѣ развитія мѣстной общинной жизни.

Общій ходъ передѣла въ этой мѣстности рисуется слѣдующимъ образомъ: мѣрщикъ разбиваетъ пашни (и другія угодья) на прямоугольныя «стекла», по 4, 8 или 16 дес. въ каждомъ, и затѣмъ на каждое «стекло» вызываются желающіе. Если желающій оказывается одинъ, «стекло» конечно остается за нимъ; если-же ихъ нѣсколько и община не успѣваетъ склонить конкуррентовъ къ соглашенію, то «стекло» либо остается за однимъ изъ нихъ по жребію, либо раздѣляется между всѣми, «сколько полѣзетъ», пропорціонально числу душъ, причемъ однако не допускается дробленіе «стеколъ» на части меньше десятины на душу; если охотниковъ на «стекло» оказывается больше, нежели въ немъ десятинъ, то излишнія души удаляются по жребію, и «стекло» дѣлится между оставшимися. Нѣкоторыя общины комбинируютъ этотъ способъ съ «уравновѣшеніемъ сортовъ»: надѣливъ общественниковъ землею перваго сорта по желанію или по жребію, затѣмъ отводятъ землю низшихъ сортовъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы взаимно уравновѣсить преимущества и недостатки полосъ разнаго сорта. Если же оказывается, что земля въ нѣсколькихъ «стеклахъ» почему-либо привлекаетъ особенно много конкуррентовъ, то иногда выдѣляютъ такія «стекла» въ особый разрядъ и надѣляютъ въ немъ каждую душу поровну.

Пока идетъ разборъ «стеколъ», община не слѣдитъ за тѣмъ, сколько кто записалъ на себя земли, а потому нерѣдко случается, что нѣкоторые общинники записываютъ на себя больше, нежели имъ слѣдуетъ по разсчету, и это обнаруживается только тогда, когда по окончаніи разбора всѣхъ «стеколъ» часть душъ оказывается не получившею полнаго надѣла. Тогда производится мѣрщи-

По отношенію къ Туринскому округу, типичному для сѣверной полосы Тобольской губерніи—мѣстности съ установившимся обязательнымъ трехпольемъ и хозяйствомъ, основаннымъ на навозномъ удобреніи, наша задача гораздо труднѣе, нежели по отношенію къ южнымъ округамъ Тобольской губерніи. Въ этихъ послѣднихъ изслѣдованіе могло изучить по горячимъ слѣдамъ коренные передѣлы, произведенные почти повсемѣстно въ срединѣ 80-хъ годовъ. Совсѣмъ иное въ Туринскомъ округѣ. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что въ довольно большомъ районѣ ревизская раскладка и до сихъ поръ осталась нетронутой, и что въ большинствѣ общинъ южной части округа новыя раскладки 1885—88 гг. не привели къ измѣненію числа разверсточныхъ единицъ и потому сопровождались не кореннымъ передѣломъ, а простою передачей ранѣе сформированныхъ душевыхъ надѣловъ (или частей ихъ) соотвѣтственно измѣнившемуся составу домохозяйствъ. Пишущему эти строки, поэтому, лишь въ незначительной мѣрѣ возможно было воспользоваться свѣжими воспоминаніями и личными наблюденіями, въ значительной же мѣрѣ пришлось имѣть дѣло съ довольно сбивчивыми и туманными воспоминаніями о передѣлахъ, произведенныхъ по случаю X ревизіи, въ концѣ 50-хъ годовъ. Не удивительно поэтому, что матеріалъ нашъ представляется довольно неполнымъ, вслѣдствіе чего формы передѣла, практикующіяся въ этой мѣстности, могутъ быть обрисованы лишь въ самыхъ общихъ чертахъ,—и даже эти черты иногда будутъ страдать нѣкоторою неясностью и сбивчивостью.

И въ Туринскомъ округѣ (и вообще на сѣверѣ), какъ и въ южныхъ округахъ, мысль о ежегодныхъ жеребьевкахъ, передвижкахъ и т. п., совершенно чужда общинѣ; напротивъ, въ виду распространенности хозяйства съ удобреніемъ, здѣсь особенно твердо сознаніе того вреда, который приносили-бы слишкомъ частые передѣлы пахатныхъ земель. Въ прежнее время передѣлы всегда производились и здѣсь на время отъ ревизіи до ревизіи; послѣ X ревизіи пашни не передѣлялись до середины 80-хъ годовъ, когда въ большинствѣ общинъ произведены были, какъ мы знаемъ изъ предыдущей главы, либо коренные передѣлы, либо переверстки „по ѣдокамъ". Эти послѣднія произведены были либо безъ всякаго опредѣленнаго срока, такъ что за общиной сохранялось право во всякое время производить дальнѣйшія переверстки „душъ", сообразно текущимъ измѣненіямъ въ со-

---

комъ повѣрка записей, и излишне-записанная земля отбирается и передается тѣмъ, кому земли не хватило; полосы, подлежащія такой передачѣ, выбираются въ соотвѣтствующихъ сортахъ не по желанію заинтересованныхъ лицъ, а по усмотрѣнію общины, которая при этомъ опять-таки руководится, по возможности, принципомъ «уравновѣшенія сортовъ».

ставѣ домохозяйствъ, либо на весьма короткій, обыкновенно 5-тилѣтній срокъ, по истеченіи котораго имѣлось въ виду произвести новыя переверстки. Что́ касается до коренныхъ передѣловъ, то они большею частью произведены были тоже не на какой-либо опредѣленный срокъ, а безсрочно, пока не почувствуется необходимость въ новомъ коренномъ измѣненіи земельно-податной раскладки. При иныхъ условіяхъ такая неопредѣленность срока могла-бы привести къ слишкомъ частому повторенію передѣловъ; но въ виду консерватизма, въ данномъ отношеніи, мѣстнаго крестьянства и слабости въ его средѣ (благодаря равномѣрному распредѣленію благосостоянія и малочисленности ссыльно-поселенцевъ) тѣхъ нехозяйственныхъ элементовъ, для которыхъ слишкомъ частые передѣлы могли-бы быть выгодны, этого совершенно нельзя опасаться, и можно быть увѣреннымъ, что отсутствіе опредѣленнаго срока приведетъ скорѣе къ слишкомъ рѣдкому, чѣмъ къ слишкомъ частому повторенію передѣловъ. Затѣмъ, заранѣе опредѣленный срокъ дѣйствительности передѣла установленъ былъ только въ двухъ волостяхъ крайняго сѣвера; и любопытно, что въ одной изъ нихъ (Гаринской), гдѣ земледѣліе въ превосходномъ состояніи и почти нѣтъ безхозяйной „бѣдноты", передѣлъ повсемѣстно произведенъ былъ на 15 лѣтъ; въ другой (Пелымской), гдѣ земледѣліе поставлено хуже и нехозяйственные элементы гораздо многочисленнѣе, срокъ нигдѣ не превышаетъ десяти, а въ большинствѣ обществъ падаетъ до 5—6 лѣтъ.

Мы уже говорили въ началѣ настоящей главы, что отличительной чертой общинныхъ порядковъ сѣвера Тобольской губерніи является, независимо отъ распредѣленія пашенъ на разгороженныя смѣны („перемѣны") съ обязательнымъ сѣвооборотомъ, еще и дробленіе пашенъ на мелкія полосы—результатъ необходимости считаться при расцѣнкѣ, кромѣ почвенныхъ условій, и съ разстояніемъ отъ усадебъ, и слѣдовательно разбивать пашни на значительное число сортовъ.

Къ сравнительно меньшему дробленію пахатныхъ земель ведетъ способъ обмѣра и нарѣзки земли полосами опредѣленной квадратной мѣры *), обыкновенно „осьминниками" (=$^1/_4$ дес., ходячая въ данной мѣстности земельная мѣра). Намѣтивъ приблизительно тѣ урочища, корыя по качеству почвы, близости къ усадьбамъ и т. п. условіямъ заслуживали-бы зачисленія въ первый сортъ, общество приступаетъ къ нарѣзкѣ въ этихъ урочищахъ „первыхъ осьминниковъ"—первосорт-

*) Самая нарѣзка производится лентами, пересѣкающими изъ конца въ конецъ все отнесенное къ данному сорту урочище и имѣющими, очевидно, ширину обратно пропорціональную длинѣ.

ныхъ душевыхъ полосъ, площадью въ $^1/_4$ дес. каждая. Когда „первые осьминники“ нарѣзаны въ потребномъ числѣ, община переходитъ къ нѣсколько худшимъ или менѣе поддворнымъ землямъ и нарѣзываетъ „вторые осьминники“, затѣмъ, если возможно,—„третьи“. Когда получается остатокъ, недостаточный для разбивки на полные „осьминники“, то изъ него нарѣзаются „полуосьминники“, „четверики“ ($^1/_{16}$ дес.) или полуосьминники съ четвериками ($=^3/_{16}$ дес.), а если и затѣмъ получается нераздѣленный остатокъ, обыкновенно совершенно ничтожный и плохой, то такой остатокъ поступаетъ въ непосредственное распоряженіе общины и оставляется въ запасъ. Таковъ обычный порядокъ; но въ очень большихъ общинахъ, гдѣ при разбивкѣ на „осьминники“ нельзя было-бы достигнуть правильной расцѣнки пашенъ по качеству и особенно по разстоянію, единицей нарѣзки душевыхъ полосъ является не „осьминникъ“, а половина или четверть его, такъ что нарѣзаются уже не первые, вторые и пр. „осьминники“, а первые, вторые, третьи и т. д. „полуосьминники“ или даже „четверики“,—а нѣкоторыя общины, интересуясь главнымъ образомъ уравнительнымъ раздѣломъ лучшихъ или поддворныхъ пашенъ, нарѣзываютъ эти послѣднія „полуосьминниками“, всѣ остальныя—полными „осьминниками“.

Гораздо сильнѣе бываетъ дробленіе пашенъ при другомъ, болѣе распространенномъ порядкѣ разбивки полосъ, приближающемся къ порядку, обычному въ центральной Россіи: къ первому, второму или иному сорту заранѣе причисляются опредѣленныя и ясно отграниченныя другъ отъ друга урочища (соотвѣтствующія великорусскимъ конамъ), которыя затѣмъ разрѣзаются на равныя по площади полосы, по числу надѣляемыхъ душъ; размѣръ полосъ не только не вычисляется заранѣе, но нерѣдко остается неизвѣстнымъ и послѣ нарѣзки ихъ, такъ что община, зная точно размѣръ всего душевого надѣла въ данной „перемѣнѣ“, не знаетъ однако въ точности распредѣленія его по сортамъ.

Въ томъ и другомъ случаѣ община непосредственно нарѣзываетъ *душевыя полосы*; но въ юго-восточномъ углу Туринскаго округа довольно многія общины разбивали общественниковъ на свободносоставляющіяся группы — „десятки“, по 10, рѣже по 8 душъ въ каждомъ,—и затѣмъ ограничивались разбивкою пашенъ на „десяточные паи“, предоставляя каждому „десятку“ раздѣлить свои „паи“ „промежъ себя“ на душевыя полосы (дѣлалось это отчасти въ видахъ уменьшенія связанныхъ съ передѣломъ хлопотъ, отчасти ради облегченія направленныхъ къ уменьшенію мелкополосья обмѣновъ). Чаще всего, при этомъ, пашни нарѣзываются цѣлыми десятинами, и каждому „десятку“ послѣдовательно отводятся „первыя“ „вто-

рыя“ и т. д. десятины, такъ что душевыя полосы получаются въ каждомъ сортѣ по $^1/_{10}$ десятины; нѣкоторыя общины, разбивъ пашни на десятины, „глазомѣрно“ опредѣляютъ размѣръ душевой полосы въ каждомъ сортѣ и отводятъ „десяточные паи“ въ столько десятинъ, чтобы частное отъ дѣленія на 10 дало требуемый размѣръ душевой полосы (если, напр., размѣръ душевой полосы—$^1/_4$ дес., то въ „десяточный пай“ отводится по $2^1/_2$ дес.). Оба эти пріема по существу, очевидно, аналогичны первому изъ вышеописанныхъ способовъ нарѣзки душевыхъ полосъ; но встрѣчается и третій, аналогичный второму способу: каждая „перемѣна“ раздѣляется на однокачественные коны, и каждый изъ послѣднихъ разрѣзывается на столько „десяточныхъ стеколъ“, сколько въ общинѣ составилось „десятковъ“,—и такимъ образомъ размѣръ душевой полосы получается не ранѣе, а послѣ расцѣнки пашенъ по сортамъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ основаніяхъ распредѣленія полосъ между общественниками. При изслѣдованіи почти всегда по этому вопросу получались, сначала, отвѣты вродѣ: „разбирали полосы добросогласно“, „садились на полосы изъ воли“, „одинъ на одно мѣсто садился, другой—на другое“, причемъ въ видѣ поясненія иногда прибавлялось: „у насъ общество согласное, шуму и спору не бываетъ“, а иногда—напротивъ: „кто пуще ревѣлъ (кричалъ), тотъ и землю лучше взялъ“, „у кого глотка шире, у того и пашня лучше“. Но въ дѣйствительности „доброгласный“ передѣлъ, не облеченный ни въ какую опредѣленную форму, а основанный на простомъ соглашеніи общественниковъ, имѣлъ мѣсто только въ очень маленькихъ селеніяхъ, въ 15 и 10 дворовъ и менѣе, какихъ очень много особенно на крайнемъ сѣверѣ,—въ селеніяхъ же болѣе значительныхъ, какъ выяснили дальнѣйшіе, тщательные распросы, дѣло происходило не такъ просто.

Первое основаніе, которымъ общины руководились при распредѣленіи душевыхъ полосъ или „десяточныхъ паевъ“,—это уже знакомый намъ принципъ „старшинства“: каждый домохозяинъ, по возможности, оставляется на своихъ прежнихъ полосахъ и сдвигается съ нихъ лишь постольку, поскольку это необходимо для уравненія его землепользованія съ пользованіемъ другихъ общественниковъ. Принципъ этотъ имѣетъ здѣсь вполнѣ ясно сознаваемое трудовое основаніе: „съ гоенной пашни не сживали“; „одинъ землю хорошо назьмилъ, другой—безъ мала что̀ вовсе не назьмилъ,—какъ ихъ съ мѣста шевелить?“ „каждаго у своихъ назьмовъ оставляли“; „кто какую пашню уважилъ, ту и держитъ“; словомъ, каждый домохозяинъ продолжаетъ пользоваться плодами вложеннаго въ раздѣлку земли и удобреніе труда, или же несетъ послѣдствія своего прежняго

нерадѣнія и безпечности. Но въ совершенно чистомъ видѣ порядокъ передѣла „по старшинству“ встрѣчается лишь въ немногихъ общинахъ: дѣло въ томъ, что безусловная однокачественность всѣхъ „первыхъ осьминниковъ“, всѣхъ „вторыхъ“, „третьихъ“ и т. п., несмотря на всѣ старанія общины, недостижима: разница, хотя-бы небольшая, въ разстояніи, тончайшія различія въ почвенныхъ условіяхъ, въ направленіи и крутизнѣ склоновъ и т. п.,—все это дѣлаетъ землю въ каждомъ сортѣ лишь приблизительно, а не вполнѣ однокачественною, а потому безусловное примѣненіе принципа „старшинства“ шло-бы, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, наперекоръ требованіямъ уравнительнаго распредѣленія земли. Въ виду этого громадное большинство общинъ комбинируетъ при передѣлахъ принципъ „старшинства“ съ принципомъ, тоже уже извѣстнымъ намъ изъ предыдущаго изложенія,—„уравновѣшенія сортовъ“.

Обыкновенно эта комбинація принимаетъ такой видъ: разборъ полосъ перваго сорта производится „добросогласно“, причемъ принимается во вниманіе „старшинство“ („старыхъ хозяевъ“ не смѣщаютъ противъ ихъ желанія съ „угоенныхъ“ ими полосъ), иногда же эти полосы разбираются по жребію. Когда всѣ первосортныя полосы разобраны, община уже сама отводитъ каждому общественнику полосы второго и слѣдующихъ сортовъ, причемъ, въ видахъ уравненія, получившимъ лучшія полосы въ первомъ сортѣ даетъ худшія во второмъ и третьемъ, и наоборотъ; но при этомъ все-же, насколько совмѣстимо съ достиженіемъ намѣченной только-что цѣли, стремится оставлять хозяевъ „на старинѣ“, на „угоенныхъ“ ими пашняхъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ этимъ путемъ достигается полное удовлетвореніе законныхъ интересовъ всѣхъ общественниковъ. Но такъ какъ во всякомъ общинномъ предпріятіи, въ томъ числѣ и при передѣлѣ, не мало значитъ и „ширина глотки“,—ловкость, вліятельное положеніе въ общинѣ и т. п., то бываютъ случаи, что болѣе бойкій или вліятельный общественникъ успѣваетъ, въ ущербъ другимъ, заполучить во всѣхъ сортахъ наилучшія полосы. Но тотъ, кто считаетъ себя обиженнымъ, имѣетъ полную возможность достигнуть удовлетворенія: онъ можетъ заставить того, кто получилъ во всѣхъ сортахъ лучшія полосы, либо обмѣняться съ нимъ полнымъ душевымъ надѣломъ, либо „съобчить“ оба надѣла, послѣ чего каждый получаетъ по половинѣ въ каждой полосѣ того и другого. Въ нѣкоторыхъ общинахъ уравновѣшеніе достоинствъ полосъ однихъ сортовъ недостатками другихъ полосъ достигается нѣсколько инымъ способомъ: каждый беретъ въ первомъ сортѣ ту полосу, на которую заявилъ желаніе: но порядокъ такихъ заявленій тщательно отмѣчается, и заявленія на полосы второго сорта

дѣлаются уже въ обратномъ порядкѣ: кто первый взялъ первосортную полосу, получаетъ землю второго сорта послѣ всѣхъ другихъ, второй дѣлается предпослѣднимъ, послѣдній—первымъ; при разборѣ полосъ третьяго сорта возвращаются къ первоначальной очереди, и т. д. Такъ какъ, разумѣется, каждый, будучи предоставленъ самому себѣ, беретъ наилучшую изъ всѣхъ еще свободныхъ полосъ, то такой порядокъ тоже въ достаточной мѣрѣ обезпечиваетъ достиженіе той-же цѣли,—„уравновѣшенія сортовъ".

Нѣсколько иначе достигаютъ уравненія качества душевыхъ надѣловъ нѣкоторыя изъ тѣхъ общинъ, которыя нарѣзаютъ не непосредственно душевыя полосы, а „десяточные паи" (площадью въ $2^1/_2$ и $3^3/_4$ дес., что́ соотвѣтствуетъ душевой полосѣ въ $^1/_4$ и $^3/_8$ дес.): онѣ составляютъ эти паи изъ десятинныхъ „стеколъ", нерѣдко расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы *внутри одного и того-же сорта* уравновѣсить преимуществами однихъ десятинныхъ „стеколъ" недостатки другихъ, — и составленные такимъ образомъ „десяточные паи" распредѣляютъ „добросогласно" или по жребію.

Таковы главнѣйшія начала, примѣняемыя въ Туринскомъ округѣ при передѣлахъ пахатныхъ земель. Не останавливаясь на такихъ способахъ распредѣленія полосъ, случаи примѣненія которыхъ насчитываются единицами, отмѣтимъ еще только, что и на сѣверѣ Тобольской губерніи община столь-же мало сочувствуетъ жеребьевому способу, какъ и въ южныхъ округахъ. Въ чистомъ видѣ этотъ способъ былъ примѣненъ только въ двухъ общинахъ,—и за этими двумя исключеніями онъ встрѣчается только—и то не часто—какъ подспорье, когда при разборѣ первосортныхъ „любыхъ" полосъ или заранѣе подобранныхъ общиной „паевъ" не удается достигнуть „добросогласія", и когда притомъ ни одинъ изъ конкуррентовъ не имѣетъ на спорную полосу правъ „старшинства". Такъ-же рѣдко встрѣчаются по отношенію къ пахатнымъ землямъ и способы передѣла „набоемъ" или „торгомъ", столь распространенные въ южныхъ округахъ,—и это понятно: разъ пашни распредѣлены на большое число сортовъ и душевые надѣлы составляются изъ большого числа мелкихъ полосъ, то является возможность достигнуть равноцѣнности надѣловъ, не измѣняя ни размѣровъ ихъ, ни установленной общиной расцѣнки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПЕРЕДѢЛЫ СѢНОКОСОВЪ *).

По отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ общинно-уравнительная форма пользованія сдѣлала, какъ мы знаемъ, гораздо большіе успѣхи, нежели по отношенію къ пахатнымъ землямъ; за ничтожными исключеніями, покосы передѣляются вездѣ, гдѣ передѣляются пахатныя земли, но кромѣ того,—они передѣлятся и во многихъ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ по отношенію къ этимъ послѣднимъ удержались еще старыя, захватныя формы. Такъ, покосы передѣляются повсемѣстно въ степной, юго-западной части Каинскаго округа, гдѣ передѣлы пашенъ имѣютъ пока лишь незначительное распространеніе; затѣмъ покосы передѣляются въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска, а заливные покосы—и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Томской губерніи, гдѣ передѣлы пахатныхъ земель не встрѣчаются вовсе. Въ Енисейской губерніи, гдѣ общинно-уравнительное пользованіе пашнями въ сколько-нибудь законченной формѣ также почти не встрѣчается, пользованіе покосами уравнивается по душамъ, въ той или иной формѣ, въ 60,3% всего числа селеній. Что́ касается наконецъ до Иркутской губерніи, то въ трехъ южныхъ ея округахъ захватныя формы по отношенію къ покосамъ почти вовсе исчезли и смѣнились болѣе или менѣе совершенными способами передѣловъ, въ Верхоленскомъ же округѣ захватныя формы сохранились хотя и въ большей степени, но только въ одной общинѣ на цѣлый округъ въ захватномъ пользованіи находятся *всѣ* покосы; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ захватныя формы сохранились лишь по отношенію къ меньшинству покосовъ, главная же масса ихъ передѣляется по душамъ.

---

*) «Крест. Землеполь. и хоз. Тоб. и Том. губ.», стр. 58—67; «Матер.» по Зап. Сиб., вып. I, стр. 93—100; вып. II, стр. 35; вып. V, стр. 240—259; вып. VI, стр. 31—32; вып. XIII, стр. 100—121; вып. XVI, стр. 87—106; вып. XVIII, стр. 239—248; вып. XXI, стр. 460—485; «Матер. по Ирк. и Енис. губ.», Т. II, вып. 3, стр. 218—236; вып. 6, стр. 106—112; Т. IV, вып. 3, стр. 212—207.

Мы видѣли уже выше, что распространенность, по отношенію къ покосамъ, общинно-уравнительнаго пользованія находится въ тѣсной зависимости отъ свойствъ этого рода угодій, а главнымъ образомъ—отъ степени ихъ изобилія или недостатка; зависимость эта выражается между прочимъ и въ томъ, что передѣлы значительно болѣе распространены по отношенію къ такимъ наиболѣе цѣннымъ покосамъ, какими являются заливные луга, нежели по отношенію къ менѣе цѣннымъ—лѣснымъ, болотнымъ и т. п. покосамъ. Но вліяніе свойствъ угодій и цѣнности ихъ простирается и гораздо дальше, отражаясь и на самихъ *формахъ*, въ которыя облекается принципъ общинно-уравнительнаго пользованія.

Труднѣе всего установить такую зависимость по отношенію къ *срокамъ* передѣловъ сѣнокосныхъ угодій,—и это потому, что различныя условія не вліяютъ въ какомъ-либо одномъ направленіи, а напротивъ—взаимно перекрещиваются между собой, да и относительно самого характера вліянія разныхъ условій между изслѣдователями не замѣчается единодушія. Въ частности, явное разногласіе, какъ будто-бы, оказывается по вопросу о вліяніи *цѣнности* сѣнокосныхъ угодій. Такъ, авторъ настоящей работы приходилъ на основаніи собраннаго въ западно-сибирскихъ губерніяхъ матеріала къ заключенію, что „высокая цѣнность угодій обыкновенно ведетъ къ установленію продолжительныхъ сроковъ передѣла, низкая—къ ежегоднымъ передѣламъ“,—и объяснялъ такую зависимость слѣдующимъ образомъ: „гдѣ сѣнокосы не имѣютъ высокой цѣнности, тамъ крестьяне считаютъ лишнимъ затрачивать свой трудъ на поддержаніе ихъ въ хорошемъ состояніи, а слѣдовательно ежегодные передѣлы, препятствующіе подобнаго рода затратамъ труда, не представляютъ никакого неудобства; гдѣ напротивъ каждая лишняя копна имѣетъ уже нѣкоторую цѣнность, гдѣ поэтому для крестьянъ является полный разсчетъ содержать сѣнокосы въ чистотѣ, предохранять ихъ отъ заростанія кустарникомъ и т. д., тамъ ежегодные передѣлы являлись-бы сильнымъ тормазомъ для подобнаго рода начинаній, а потому при такихъ условіяхъ всегда наблюдается стремленіе къ удлинненію сроковъ передѣловъ“. Г. Личковъ, разработавшій данныя о формахъ землевладѣнія въ Иркутской губерніи, приходитъ къ діаметрально противоположному выводу: „покосовъ много, говоритъ онъ,—не стоитъ ихъ дѣлить или *не стоитъ ихъ дѣлить часто*; покосовъ мало—надо ихъ уравнивать *почаще*, получше, поправильнѣе“. Съ другой стороны—„покосы хороши, стоятъ вниманія“,—стоитъ и слѣдуетъ дѣлить ихъ *почаще* и получше, а покосы,—хотя-бы и мало ихъ было, хотя-бы и недостатокъ въ нихъ былъ,—плохи,—и не стоитъ стараться, не

стоитъ дѣлить ихъ часто". Къ сожалѣнію мы не имѣемъ достаточно данныхъ для того, чтобы совершенно устранить или выяснить это противурѣчіе, и можемъ дать только предположительное объясненіе: суть дѣла вѣроятно въ томъ, *откуда происходитъ* въ данной мѣстности общинно-уравнительное пользованіе: въ Западной Сибири оно произошло, по преимуществу, изъ вольнаго сѣнокошенія,—формы, при которой общественники каждый годъ косили, гдѣ кому вздумается; возникнувъ путемъ постепеннаго урегулированія ежегоднаго вольнаго захвата, передѣлы съ самаго начала были ежегодными, и лишь постепенно, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, общины переходятъ къ передѣламъ на болѣе продолжительные сроки; въ Иркутской губерніи, напротивъ, первоначальною формой пользованія покосами, въ большинствѣ случаевъ была захватная, при которой каждый общественникъ постоянно косилъ одни и тѣ-же сѣнокосныя мѣста; постепенно развивавшіяся „поравненія" сначала также не устанавливали какихъ-либо опредѣленныхъ сроковъ пользованія покосами, и лишь съ теченіемъ времени, когда „поравненіе" переходитъ въ болѣе правильный передѣлъ, для этого послѣдняго устанавливается и годичный срокъ.

Какъ-бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время ежегодный передѣлъ является по отношенію къ покосамъ общимъ правиломъ, передѣлъ на болѣе продолжительные сроки—исключеніемъ; такъ, въ Иркутской губерніи около 75% общаго числа покосныхъ общинъ передѣляетъ покосы ежегодно, и лишь небольшое число общинъ—на срокъ болѣе трехъ лѣтъ; ежегодно передѣляются покосы и на сѣверо-восточной, и на юго-западной окраинѣ Томской губерніи; въ Ишимскомъ округѣ, Тобольской губерніи, передѣлъ „на года" (т. е. на одинъ срокъ съ пашнями) встрѣчается всего въ трехъ десяткахъ общинъ, въ Курганскомъ—въ „очень немногихъ обществахъ", во всѣхъ же остальныхъ общинахъ сѣнокосы передѣляются ежегодно.

Такое преобладаніе по отношенію къ сѣнокосамъ ежегодныхъ передѣловъ изслѣдователи единодушно объясняютъ крайнимъ непостоянствомъ урожаевъ травы на разныхъ участкахъ общественныхъ покосовъ,—тѣмъ самымъ обстоятельствомъ, которое, какъ мы увидимъ, ведетъ къ преобладанію способовъ передѣла, основанныхъ на началѣ субъективнаго равенства: если трава родится въ одинъ годъ на однихъ, въ другой—на другихъ урочищахъ, то передѣлъ, вполнѣ уравнительный для перваго года, можетъ оказаться совершенно неуравнительнымъ для второго. Съ другой стороны, покосы большею частью являются свободнымъ даромъ природы, почему

продолжительное пользованіе ими не имѣетъ за себя достаточнаго основанія,—и это тѣмъ болѣе, что и самый способъ эксплоатаціи этого рода угодій не требуетъ, вообще говоря, длящагося отношенія хозяина къ эксплоатируемой площади.

Сказаннымъ въ значительной мѣрѣ опредѣляется и область распространенія передѣловъ на болѣе продолжительные сроки: такіе сроки встрѣчаются прежде всего по отношенію къ покосамъ, на которыхъ трава родится болѣе или менѣе однообразно; таковы многіе заливные луга, и они, дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ передѣляются на продолжительные сроки; съ другой стороны, передѣлъ производится на продолжительные сроки или безсрочно, не переходя далѣе формы „частнаго поравненія", по отношенію къ сѣнокосамъ, расчищеннымъ изъ-подъ лѣса или расположеннымъ среди лѣсовъ и очень легко заростающимъ; здѣсь ежегодный передѣлъ представлялся-бы съ одной стороны несправедливостью по отношенію къ лицамъ, расчищавшимъ покосы, а съ другой—былъ-бы и нецѣлесообразенъ, такъ какъ, устраняя возможность продолжительнаго пребыванія сѣнокосныхъ площадей въ однѣхъ рукахъ, тѣмъ самымъ парализовалъ-бы возможность работъ, направленныхъ къ предупрежденію заростанія покосовъ.

Наиболѣе способные обезпечить уравнительное распредѣленіе покосовъ между общественниками, ежегодные передѣлы несомнѣнно связаны и съ существенными неудобствами. Такимъ неудобствомъ является прежде всего ежегодная значительная затрата времени на производство передѣла; правда, въ не слишкомъ большихъ, а главное—дружныхъ, „согласныхъ" общинахъ, передѣлъ обыкновенно кончается въ день, много въ два; но часто случается, что передѣлъ продолжается по нѣскольку дней, даже по цѣлой недѣлѣ, и на все это время значительная часть общественниковъ отвлекается отъ всѣхъ очередныхъ работъ; еще серьезнѣе другое уже упомянутое выше неудобство, — что ежегодные передѣлы отнимаютъ у отдѣльныхъ хозяевъ побужденія заботиться о незаростаніи покосовъ кустами и объ очисткѣ ихъ отъ засоренія. И подъ вліяніемъ сознанія этихъ неудобствъ, какъ констатируетъ изслѣдованіе, отдѣльныя общины и на югѣ, и на сѣверѣ Тобольской губерніи, и особенно въ Иркутской губерніи, перешли уже отъ ежегодныхъ передѣловъ къ болѣе долгосрочнымъ. Г. Личковъ приводитъ довольно многочисленныя выдержки изъ подлинныхъ записей изслѣдованія по данному вопросу; въ значительномъ большинствѣ случаевъ удлинненіе сроковъ мотивируется стремленіемъ избѣжать хлопотъ: стали дѣлить рѣже, потому что „хлопотно, — каждый годъ не передѣлъ 3 — 4 дня уходитъ", что

„много времени даромъ уходитъ“, „во избѣжаніе хлопотъ“, „чтобы хлопотъ было меньше“. Другой мотивъ при опросахъ приводился рѣже, но за то запечатлѣлся и въ нѣкоторыхъ письменныхъ общественныхъ приговорахъ. Такъ, и въ одномъ записанномъ нами въ Туринскомъ округѣ приговорѣ установленіе 12-лѣтняго срока передѣла мотивируется тѣмъ, что ежегодный передѣлъ „не только сопряженъ съ напрасною тратой времени, но даже лишаетъ возможности на удобреніе (= улучшеніе) луговъ. Каждый изъ домохозяевъ знаетъ и твердо убѣжденъ, что луга отъ каждогоднаго передѣла не улучшаются, а напротивъ—ухудшаются отъ заростанія кустарникомъ“. Въ другомъ приговорѣ, цитируемомъ г. Личковымъ, говорится, что „находящіеся въ нашемъ пользованіи сѣнокосные луга отъ каждогоднаго дѣлежа и нерадѣнія насъ самихъ-же къ ихъ расчисткѣ пришли въ такой безпорядокъ, что значительная часть травы не скашивается“, — и потому постановляется не производить слѣдующаго передѣла до истеченія пяти лѣтъ. Въ томъ и другомъ случаѣ община не ограничивается установленіемъ продолжительнаго срока, дающаго *возможность* производить работы по расчисткѣ и осушкѣ покосовъ; она *обязываетъ* каждаго общественника производить такія работы на доставшихся ему сѣнокосныхъ мѣстахъ, угрожая „кто не исполнитъ, за тѣмъ оставить при будущемъ дѣлежѣ старый участокъ, или же дать худшій“.

Свойства угодій, далѣе, чрезвычайно сильно отражаются и на самихъ формахъ, въ которыя облекается душевое пользованіе; по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ, взятымъ вообще, они прежде всего объясняютъ довольно значительную распространенность — по крайней мѣрѣ въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ—жеребьеваго способа, почти не примѣняемаго, какъ мы знаемъ, по отношенію къ пашнямъ: покосы, большею частью, являются свободнымъ даромъ природы, а потому по отношенію къ нимъ, говоря вообще, не могъ установиться тотъ принципъ „старшинства“, противурѣчіе которому являются главнымъ препятствіемъ, мѣшающимъ примѣнять жеребьевку по отношенію къ пахатнымъ землямъ. Съ другой стороны, отличительныя свойства сѣнокосныхъ угодій необходимо должны вести къ преобладанію способовъ передѣла, основанныхъ не на пространственномъ равенствѣ, а на субъективной равноцѣнности душевыхъ надѣловъ. И въ самомъ дѣлѣ: если трудно достигнуть объективнаго равенства, по размѣрамъ и качеству, душевыхъ долей пахатной земли, то еще гораздо труднѣе, даже прямо невозможно, достигнуть его при ежегодныхъ передѣлахъ сѣнокосныхъ угодій, гдѣ кромѣ постоянныхъ свойствъ самихъ угодій приходится принимать во вниманіе еще такой измѣнчивый признакъ, какъ уро-

жай травы на разныхъ урочищахъ общественныхъ покосовъ. Но между разными видами сѣнокосныхъ угодій замѣчается въ этомъ отношеніи существенное различіе: суходольные и особенно лѣсные покосы, небольшими клочками разбросанные по лѣснымъ полянамъ, окаймляющіе узенькими полосками берега лѣсныхъ рѣчекъ и окраины болотъ и разсѣянные по степи между пашенъ, перелѣсковъ и неудобныхъ для сѣнокошенія солонцовъ, рѣшительно не поддаются ни сколько-нибудь точному измѣренію, ни разбивкѣ на сорта, внутри которыхъ отдѣльныя полосы были-бы сколько-нибудь равноцѣнны между собой;—и это тѣмъ болѣе, что въ зависимости отъ дождливаго и сухого лѣта солонечные и болотные покосы нерѣдко остаются и вовсе безъ урожая травы. Свойства заливныхъ луговъ нѣсколько иныя: расположенные вдоль береговъ болѣе значительныхъ рѣкъ, они уже по этому самому не могутъ страдать такою разбросанностью, какою обыкновенно отличаются лѣсные и т. п. покосы; заливные луга отдѣльной общины занимаютъ въ какомъ-нибудь одномъ, рѣже—въ двухъ или трехъ урочищахъ, сплошныя прирѣчныя полосы; урожайность, качество травы и т. п. свойства заливныхъ луговъ представляютъ, правда, значительное разнообразіе,—но отдѣльные участки заливного луга представляются обыкновенно болѣе или менѣе однокачественными. Поэтому распредѣленіе заливныхъ покосовъ на сорта не представляетъ въ большинствѣ случаевъ большой трудности; и если иногда и не удается раздѣлить лугъ внутри каждаго сорта на равныя и въ то-же время равноцѣнныя полосы, то во всякомъ случаѣ оказывается возможнымъ приблизительно-точный раздѣлъ на такія полосы, требующій только нѣкоторыхъ болѣе или менѣе несущественныхъ поправокъ.

Изложенныя условія очень сильно отражаются на способахъ передѣла того и другого рода сѣнокосныхъ угодій, такъ что общины, имѣющія въ своемъ владѣніи и заливные, и незаливные покосы, всегда передѣляютъ послѣдніе отдѣльно отъ первыхъ.

Незаливные—лѣсные, болотные, степные и т. п. покосы въ видѣ общаго правила (исключенія—см. ниже) передѣляются однимъ изъ способовъ, основанныхъ на *субъективной равноцѣнности* душевыхъ паевъ и не сопровождаемыхъ ни какими-либо обмѣрами передѣляемыхъ угодій, ни—за самыми рѣдкими исключеніями—расцѣнкою ихъ на сорта *): размѣръ достающагося каждому общественнику

*) Раздѣленіе незаливныхъ покосовъ на два сорта встрѣчается очень рѣдко и почти исключительно въ такихъ случаяхъ, когда такое раздѣленіе какъ-бы указывается самой природой,—главнымъ образомъ, когда главныя сѣнокосныя урочища отдѣлены другъ отъ друга рѣкой или значительнымъ разстояніемъ.

участка находится въ обратной зависимости отъ относительнаго урожая на немъ травы и качества послѣдней, и въ прямомъ отношеніи къ удаленности его отъ усадебъ и затруднительности вывозки сѣна; количество накашиваемаго сѣна—въ обратной зависимости отъ качества травы и въ прямой—отъ дальности и затруднительности вывозки.

Принципъ субъективнаго равенства душевыхъ надѣловъ или, что̀ то-же, равномѣрнаго удовлетворенія каждаго члена общины, имѣетъ свое основаніе и главный смыслъ, какъ мы знаемъ, въ разнообразіи соображеній и потребностей отдѣльныхъ домохозяевъ,—и по отношеніи къ сѣнокоснымъ угодьямъ это разнообразіе проявляется едва-ли не еще яснѣе, нежели по отношенію къ пашнямъ. Если взять на удачу нѣсколько хозяйственныхъ типовъ, то бѣдняку, имѣющему всего одну лошадь, корову съ теленкомъ и нѣсколько овецъ, прежде всего можетъ пригодиться только доброкачественное сѣно, а затѣмъ—ему необходимо косить по близости отъ деревни, такъ какъ съ дальняго покоса ему не на чемъ вывезти сѣно. Положимъ далѣе, что другой, тоже недостаточный хозяинъ обязанъ отдать за долгъ 100 копенъ сѣна, со сдачей на мѣстѣ заготовки; для такого хозяина не важно ни качество травы, такъ какъ оно не обусловлено въ его обязательствѣ, ни удаленность покоса,—такъ какъ вывозить сѣно придется не ему, а кредитору; для него важна возможная обширность участка, чтобы травы хватило и на свои потребности, и на задолженную сотню копенъ,—и возможно крупная и густая трава, чтобы эту сотню заготовить съ наименьшею затратой труда. Изъ двухъ бѣдняковъ, такимъ образомъ, одинъ согласится взять поменьше мѣста, но поближе и получше качествомъ, другой охотно поѣдетъ на дальнее и плохое качествомъ мѣсто, лишь-бы накосить побольше; охотно возьметъ дальній и плохой участокъ и третій, богатый мужикъ, съ цѣлью захватить побольше мѣста: сѣно ему есть на чемъ вывезти—лошадей много; много у него и „гулевого“ скота, для котораго не требуется хорошаго качества сѣна. Такимъ образомъ выходитъ, что если первый изъ взятыхъ нами на выдержку хозяевъ возьметъ на душу всего на 30 копенъ ближняго и хорошаго покоса, а второй и третій—на 100 копенъ дальняго и худого, то всѣ трое могутъ быть одинаково довольны, и такимъ образомъ участки, во всѣхъ отношеніяхъ различные, окажутся *субъективно равными* между собой.

Самые пріемы передѣла покосовъ, стремящіеся къ достиженію субъективнаго равенства, распадаются на двѣ важнѣйшихъ категоріи: къ первой отнесутся *аукціонные способы*—передѣлъ „набоемъ“ или „торгомъ“, ко второй—расписываніе или *„расхожденіе“ по урочищамъ*.

Наиболѣе распространенной формою является аукціонный *передѣлъ „въ надорожку“* или „навалкой душъ“. Состоитъ эта форма передѣла въ слѣдующемъ: въ назначенный для „дѣлежа травы“ день общественники въ полномъ составѣ выходятъ или, чаще, выѣзжаютъ на сѣнокосныя мѣста и „высматриваютъ“ приблизительно однородныя по качеству травы и урожаю ея въ данномъ году участки („косяки“, „углы“, „колки“ и пр.). Опредѣливъ границы такого участка, если возможно, живыми урочищами, а если таковыхъ нѣтъ,—вѣшками, по общему согласію опредѣляютъ число душъ, какое при данномъ урожаѣ травы и качествѣ ея можетъ „сѣсть“ на данный участокъ, затѣмъ вызываютъ желающихъ принять участокъ на соотвѣтствующее число душъ; если участокъ великъ, то для „принятія его на себя“ желающіе складываются въ небольшую артель („луку“), если онъ малъ, то претендентами могутъ явиться и отдѣльные хозяева, располагающіе достаточнымъ числомъ душъ. Если претендентомъ явился только одинъ хозяинъ или одна артель, то участокъ зачисляется за нимъ или за нею; если желающихъ оказалось нѣсколько, то между ними начинается „надорожка“: за участокъ, назначенный, скажемъ, на 10 душъ, конкурренты „даютъ“ 11, 11½, 12,—въ концѣ концовъ участокъ достается тому изъ нихъ, кто беретъ участокъ на наибольшее число душъ и слѣдовательно на каждую душу довольствуется наименьшею его частью. Такъ продолжаютъ, переходя отъ урочища къ урочищу, до тѣхъ поръ, пока не разберутъ по душамъ всѣхъ общественныхъ покосовъ. Такъ какъ всѣ участвующіе въ „дѣлежѣ травы“ отлично знаютъ всѣ сѣнокосныя урочища и заранѣе ознакомляются съ состояніемъ на нихъ травы, то обыкновенно случается, что на послѣдній свободный „косякъ“ садятся послѣднія ненадѣленныя еще души. Сравнительно рѣдко случается, что остаются неразобранныя урочища или ненадѣленныя души. Такъ какъ при разсматриваемомъ способѣ передѣла „торгъ“ обыкновенно начинается съ лучшихъ урочищъ и постепенно переходитъ къ самымъ худшимъ, то неразобранными могутъ остаться лишь самые плохіе, никому ненужные участки; такіе остатки иногда оставляются недѣленными и косятся желающими на захватъ, иногда сдаются кому-нибудь обществомъ, за деньги или „угощенье“, иногда же идутъ на добавки тѣмъ общественникамъ, которые по общему признанію „ошиблись въ разсчетѣ“ или „зарвались“ при „торгѣ“,—вообще получили меньше травы, нежели слѣдовало по справедливости. Если, наоборотъ, остаются ненадѣлившіяся души, то имъ или отрѣзывается по клочку покоса, или дается по 1—2 копны готоваго сѣна отъ каждаго „косяка“.

Когда, такимъ образомъ, всѣ сѣнокосныя урочища разобраны

между отдѣльными общественниками или артелями общественниковъ, роль общины, какъ цѣлаго, кончается: распредѣленіе сѣнокосовъ между лицами, вошедшими въ каждую отдѣльную „лу̀ку“, является уже ихъ частнымъ дѣломъ, въ которое община вмѣшивается только въ тѣхъ случаяхъ, если между ними не послѣдуетъ добровольнаго соглашенія; чаще всего „косяки“ разбиваются по душамъ „добросогласно“, но иногда помощью веревки нарѣзываются душевые „пайки“, которые разбираются либо по жребію, либо— аукціономъ на „сбавокъ“ и другими способами.

Такова наиболѣе распространенная форма передѣла аукціономъ „въ надорожку“; менѣе распространена другая разновидность, встрѣчающаяся главнымъ образомъ на сѣверѣ Тобольской губерніи и вообще въ мѣстностяхъ, гдѣ сѣнокосныя урочища разбросаны по лѣснымъ полянамъ и такимъ образомъ имѣютъ естественныя, неизмѣнныя и ясныя границы; въ такихъ мѣстностяхъ „торгъ“ ведется не на „высматриваемые“ каждый разъ вновь „косяки“, а именно на эти естественныя урочища, изъ года въ годъ остающіяся неизмѣнными.

Другой очень распространенный по отношенію къ незаливнымъ покосамъ, особенно въ степяхъ южной части Тобольской губерніи, способъ передѣла есть способъ разъѣзда или *расписыванія по урочищамъ*. Сущность его въ примѣненіи къ покосамъ та-же, что̀ и въ примѣненіи къ пашнямъ: всѣ общественныя сѣнокосныя угодья раздѣляются на нѣсколько частей или „стеколъ“, границы которыхъ обыкновенно опредѣляются дорогами и т. п. живыми урочищами; какъ число „стеколъ“, такъ и границы ихъ опредѣляются обычаемъ и изъ года въ годъ остаются безъ измѣненія. Ежегодно, предварительно ознакомившись съ состояніемъ травы на каждомъ изъ „стеколъ“, всѣ домохозяева распредѣляются на число группъ, равное числу „стеколъ“, и каждая группа беретъ на свою долю одно изъ нихъ, которое затѣмъ и раздѣляетъ между входящими въ составъ ея общественниками.

Разсматриваемый порядокъ передѣла представляетъ двѣ разновидности: въ однѣхъ общинахъ разборъ урочищъ производится не выѣзжая изъ деревни, такимъ образомъ, что всѣ общественники записываются у старосты въ особый реестръ, въ которомъ обозначается, кто въ какомъ „стеклѣ“ желаетъ косить; пока производится составленіе списка, каждый можетъ слѣдить за числомъ душъ, записывающихся въ разныя „стекла“, и по желанію переписываться изъ одного „стекла“ въ другое; когда реестръ заключенъ, распредѣленіе общественниковъ по урочищамъ считается окончательно утвержденнымъ, и переходъ съ одного „стекла“ на другое уже не допускается. За-

тѣмъ каждая партія или артель общественниковъ отправляется на то „стекло“, которое ей досталось, и на мѣстѣ, совершенно самостоятельно, распредѣляетъ его между своими участниками, безъ всякаго участія цѣлой общины; раздѣлъ „стеколъ“ производится иногда по простому соглашенію, иногда—„набоемъ“ душъ.—Въ другихъ общинахъ урочища разбиваются нѣсколько иначе: предварительно ознакомившись съ состояніемъ травы, общественники въ назначенный день выѣзжаютъ верхами на дорогу, ведущую къ общиннымъ сѣнокоснымъ угодьямъ; выѣхавъ примѣрно въ центръ мѣстоположенія покосовъ, они разбиваются на двѣ группы, одна изъ которыхъ беретъ покосы вправо отъ дороги, другая—влѣво; переходъ изъ одной группы въ другую затѣмъ ужъ не допускается; каждая изъ этихъ двухъ группъ ѣдетъ по приблизительно-центральной для своей половины сѣнокосныхъ угодій дорогѣ и опять разбивается надвое, и также дробленіе продолжается до тѣхъ поръ, пока общественники не разобьются на столько небольшихъ группъ, сколько считается самыхъ мелкихъ „стеколъ“,—а затѣмъ каждое „стекло“ опять-таки дѣлится между заинтересованными лицами по ихъ усмотрѣнію.

Существо дѣла въ обоихъ изложенныхъ случаяхъ одинаково: чѣмъ лучше въ какомъ-либо урочищѣ урожай травы, чѣмъ эта послѣдняя лучше качествомъ, чѣмъ удобнѣе вывозка сѣна,—тѣмъ большее (конечно относительно) число душъ запишется или поѣдетъ на это урочище и тѣмъ меньшій паекъ достанется на каждую душу; чѣмъ хуже въ „стеклѣ“ урожай и качество травы, чѣмъ оно удаленнѣе, тѣмъ меньше окажется желающихъ его занять и тѣмъ больше каждый изъ послѣднихъ накоситъ травы. По существу, такимъ образомъ, разсматриваемый способъ представляетъ много общаго съ передѣломъ „въ надорожку“. Но между этими двумя способами есть и существенное различіе: если при передѣлѣ „въ надорожку“ „на перебой“ пускаются крупныя урочища, то возможность для отдѣльнаго общественника получить покосъ именно въ томъ урочищѣ, которое ему наиболѣе „сподручно“, зависитъ отъ того, удастся ли ему составить для участія въ „торгѣ“ достаточно большую артель, или нѣтъ; и если на какое-нибудь урочище „торгуется“ только одна артель, то отдѣльный общественникъ, не вошедшій въ нее, не можетъ уже получить покоса въ томъ-же урочищѣ, хотя-бы онъ и готовъ былъ удовольствоваться гораздо меньшимъ пространствомъ, нежели достанется на долю участниковъ взявшей данное урочище артели. Напротивъ при „расписываніи“ каждый общественникъ зависитъ только отъ самого себя: разъ онъ, видя число желающихъ подѣлить между собой данное урочище, найдетъ выгоднымъ записаться туда-же, то онъ дѣлаетъ это, не спрашивая ничьего согласія,

и если кто-либо изъ ранѣе записавшихся недоволенъ могущимъ проистечь отсюда уменьшеніемъ своей доли, ему остается только „выписаться“ изъ даннаго „стекла“ и перейти на другое, болѣе просторное.

Описанные два способа передѣла, основанные на принципѣ субъективнаго равенства, могутъ быть признаны господствующими по отношенію къ незаливнымъ покосамъ; примѣняются они то порознь, то въ комбинаціи между собой, обыкновенно, такимъ образомъ, что общественники сначала „разъѣзжаются“ по наиболѣе крупнымъ урочищамъ, а зачѣмъ уже въ каждомъ изъ послѣднихъ производится передѣлъ въ „надорожку“; тотъ и другой способъ нерѣдко комбинируется съ разборомъ душевыхъ полосъ „на сбавокъ“ или по жребію, обыкновенно—и съ простымъ „добросогласнымъ“ разборомъ. На всѣхъ этихъ способахъ мы здѣсь останавливаться не будемъ,—но считаемъ полезнымъ привести здѣсь in extenso приводимое г. Осиповымъ описаніе оригинальнаго способа передѣла, очень распространеннаго по его словамъ въ Курганскомъ округѣ и совсѣмъ не отмѣчавшагося изслѣдователями въ другихъ мѣстностяхъ.

„Когда каждый участокъ оцѣненъ, говоритъ г. Осиповъ, происходитъ такъ называемое „расхожденіе по участкамъ“; домозяева соединяются въ группы, чтобы занять тотъ или другой сѣнокосный участокъ; чѣмъ лучше этотъ участокъ, тѣмъ больше группа, желающая его занять... Участокъ остается конечно за той группой, которая дала за него наибольшее число душъ. Во время этого аукціона составъ каждой группы постоянно измѣняется: одни домохозяева, видя, что въ участокъ набивается много душъ, выходятъ изъ данной группы и присоединяются къ другимъ группамъ, торгующимся на прочіе участки. На мѣсто ихъ вступаютъ другіе домохозяева, которымъ цѣна, даваемая за опредѣленный участокъ, не кажется высокой. Все это происходитъ добровольно, и до тѣхъ поръ, пока всѣ не „успокоятся“, составъ торгующихся группъ ежеминутно измѣняется. Переходъ изъ одной группы въ другую воспрещается лишь послѣ того, какъ „травяной старшина“ окончательно послѣ схода „расписалъ“ по участкамъ всѣхъ домохозяевъ, на основаніи предшествовавшего торга“. До этого момента, очевидно, описываемый г. Осиповымъ порядокъ вполнѣ совпадаетъ съ обычнымъ, вообще, на югѣ Тобольской губерніи порядкомъ „расписыванія по урочищамъ“. Разница начинается съ того момента, когда общественники разбились на небольшія группы, каждая изъ которыхъ заняла опредѣленную часть общинныхъ покосовъ; тогда „торгъ производится уже не душами, а мѣстомъ. Получившіе участокъ отмѣриваютъ какое-нибудь пространство („кулигу“) и объявляютъ, что

этимъ мѣстомъ они надѣлятъ двѣ души; если кто беретъ—двѣ души исключаются изъ дальнѣйшаго раздѣла; если никто не беретъ,—общество прибавляетъ „частицу“ и т. д. до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не возьметъ отмѣренное пространство и тѣмъ не исключитъ себя изъ дальнѣйшей разверстки сѣнокосной земли. Иногда дѣлается такъ, что отмѣренная „кулига“ достается не одному, а двумъ или тремъ домохозяевамъ, которые дѣлятъ ее уже отдѣльно отъ прочихъ. Въ этихъ случаяхъ часто употребляется форма раздѣла, называемая „любой половиной“; способъ этотъ заключается въ томъ, что одинъ домохозяинъ дѣлитъ участокъ на двѣ части, а другой выбираетъ себѣ любую изъ нихъ, оставляя другую въ пользу товарища, производившаго раздѣлъ участка“. Являясь, такимъ образомъ, обыкновенно въ качествѣ вспомогательнаго къ „расписыванью по урочищамъ“, способъ „любой половины“ въ нѣкоторыхъ общинахъ Курганскаго округа становится и основнымъ пріемомъ передѣла: „все общество разбивается на двѣ равныя по числу душъ части; представители одной изъ нихъ дѣлятъ покосы на двѣ половины, а представители другой выбираютъ любую изъ нихъ. Такое дробленіе покоса продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ раздѣленъ по домохозяйствамъ“.

Въ томъ-же Курганскомъ округѣ встрѣчается еще одинъ оригинальный способъ, который г. Осиповъ называетъ „раздѣломъ травы“ *) и при которомъ „окончательное уравненіе домохозяевъ происходитъ не передъ покосомъ, а послѣ того, когда трава уже скошена и сѣно собрано въ копны“. Это — собственно не самостоятельный способъ передѣла, а дополненіе къ обычнымъ способамъ „надорожки“ или „расписыванія“, направленное къ тому, чтобы обезпечить каждому общественнику нѣкоторое минимальное количество покоса и гарантировать его отъ послѣдствій всегда возможнаго при „торгѣ“ излишняго увлеченія. Суть въ томъ, что „когда сѣно убрано

*) «Матер.по Зап. Сиб.», вып. XXI, стр. 463—465. Названіе это кажется намъ неудачно выбраннымъ, потому что названіемъ «раздѣлъ травы» крестьяне обозначаютъ вообще всякій ежегодный передѣлъ сѣнокосныхъ угодій, когда дѣйствительно дѣлится *не* сѣнокосная *земля*, а *трава*, родившаяся въ данномъ году. Затѣмъ самая сущность этой формы кажется намъ едва-ли точно выясненной у г. Осипова: если общественный довѣренный производитъ повѣрку накошеннаго сѣна послѣ того, какъ вся трава скошена и собрана въ копны, то значитъ до такой повѣрки нельзя приступать къ метанію сѣна въ стога, а такое ограниченіе конечно было-бы крайне стѣснительно, легко нело-бы къ безцѣльной порчѣ накошеннаго сѣна и вообще мало согласовалось-бы съ духомъ сибирской общины, стремящейся возможно менѣе стѣснять самостоятельность отдѣльныхъ общественниковъ. При отсутствіи же такого ограниченія едва-ли есть возможность учитывать накошенное сѣно.

въ копны, травяной довѣренный объѣзжаетъ всѣ покосы, считаетъ у каждаго домохозяина копны и замѣчаетъ тѣхъ, кто не докосилъ до установленнаго ранѣе (общиною) душевого оклада"; всѣхъ такихъ домохозяевъ общество обязано удовлетворить до сказанной нормы; чаще всего это дѣлается путемъ дорѣзокъ соотвѣтствующаго количества покоса изъ оставляемаго спеціально для этой цѣли запаснаго участка, но иногда берутъ для этого сѣно отъ накосившихъ несоразмѣрно много домохозяевъ или даже отъ самого „травяного довѣреннаго"; это послѣднее случается тогда, когда община поручаетъ довѣренному единолично руководить передѣломъ, но за то дѣлаетъ его и лично отвѣтственнымъ за допущенные недосмотры.

На этомъ мы закончимъ обзоръ тѣхъ способовъ передѣла незаливныхъ сѣнокосовъ, которые основаны на началѣ субъективнаго равенства,—причемъ однако считаемъ необходимымъ оговорить, что мы далеко не исчерпали, да и не могли исчерпать всѣхъ тѣхъ формъ, въ которыхъ проявляется это начало: творческая дѣятельность общины имѣетъ здѣсь неограниченный просторъ, и потому проявленія начала субъективнаго равенства, сходныя въ общихъ принципахъ, въ деталяхъ могутъ представлять и дѣйствительно представляютъ безконечное разнообразіе.

Описанные порядки передѣла господствуютъ по отношенію къ незаливнымъ сѣнокосамъ во всей Тобольской и почти во всей Томской губерніяхъ; для Иркутской губерніи границы распространенія различныхъ формъ душевого пользованія покосами очерчены изслѣдованіемъ довольно неясно, такъ что по отношенію къ этой губерніи можно только отмѣтить довольно значительную распространенность жеребьеваго порядка передѣла; что̀ касается до Енисейской губерніи, гдѣ преобладаютъ лѣсные покосы, то здѣсь передѣлы путемъ „торговъ" или аукціона имѣютъ мѣсто сравнительно рѣдко, — эта форма отмѣчена всего въ 8,6% общаго числа обслѣдованныхъ селеній; сравнительно бо̀льшимъ распространеніемъ пользуется и здѣсь жеребьевый способъ раздѣла сѣнокосовъ (въ 12,5% общинъ),—но господствуютъ въ Енисейской губерніи менѣе совершенныя передѣльныя формы—„поравненія"; многія общины (22,7%) не пошли еще далѣе „частныхъ поравненій" и слѣдовательно находятся еще на пути отъ захватныхъ формъ къ чисто-душевымъ,—но почти двѣ пятыхъ (39,2%) всего числа общинъ произвели уже „общія поравненія" и слѣдовательно перешли окончательно къ душевому пользованію, хотя и не въ совершенной его формѣ. Тотъ-же порядокъ господствуетъ по отношенію къ лѣснымъ покосамъ и въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска.

Въ виду того, что намъ приходилось уже говорить о „поравненіяхъ“, какъ переходной формѣ, въ 4-ой главѣ этой книги, мы здѣсь не будемъ болѣе останавливаться на этомъ видѣ душевого пользованія; напомнимъ только сущность поравненій: общественники сидятъ на тѣхъ-же сѣнокосныхъ урочищахъ, которыми раньше владѣли на захватномъ правѣ; но по мѣрѣ подростанія „малолѣтскихъ“ душъ, отъ участковъ „старыхъ жителей“ дѣлаются отрѣзки которые по возможности подгоняются къ однимъ мѣстамъ и изъ которыхъ образуются душевые участки для „малолѣтовъ“; отрѣзки эти дѣлаются безъ предварительныхъ обмѣровъ, „на глазъ“, почему приводятъ къ постояннымъ раздорамъ и лишь въ очень не полной степени обезпечиваютъ уравнительное распредѣленіе покосовъ.

По отношенію къ *заливнымъ лугамъ* наши источники содержатъ гораздо менѣе данныхъ, нежели по отношенію къ незаливнымъ покосамъ: по Иркутской и Енисейской губерніямъ изслѣдованіе вовсе не входитъ въ отдѣльное разсмотрѣніе порядковъ передѣла заливныхъ луговъ; вскользь касается этого вопроса и г. Осиповъ, ограничивающійся въ своей работѣ о Курганской общинѣ указаніемъ, что въ нѣкоторыхъ общинахъ по среднему теченію р. Тобола передѣлъ луговъ производится при помощи точнаго измѣренія. Говорить о передѣлахъ заливныхъ луговъ намъ придется поэтому почти исключительно на основаніи матеріала, собраннаго лично пишущимъ эти строки при изслѣдованіи Ишимскаго и Туринскаго округовъ, Тобольской губерніи, и Томскаго и Маріинскаго округовъ, Томской,— а потому мы не будемъ входить по этому вопросу въ подробности и изложимъ лишь главныя основанія передѣловъ этого рода угодій.

Порядки передѣла заливныхъ луговъ представляются, вообще говоря, гораздо болѣе совершенными, нежели порядки передѣла покосовъ другихъ категорій. Передѣлы безъ всякихъ обмѣровъ, „на глазъ“, встрѣчаются по отношенію къ заливнымъ лугамъ сравнительно рѣдко, и притомъ преимущественно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ еще недавно существовали по отношенію къ этого рода угодьямъ захватныя формы пользованія; передѣлъ въ такихъ случаяхъ совершается обыкновенно двустепеннымъ порядкомъ: общественники разбиваются на артели—„десятки“ и т. п., которыя разбираютъ между собой крупныя урочища заливного луга путемъ „набоя душъ“, жребія и т. п.; внутри каждой артели покосы, затѣмъ, разбиваются на душевыя полосы, которыя разбираются иногда „добросогласно“, иногда—„на сбавокъ“, по жребію и т. п.. Таковы порядки передѣла заливныхъ луговъ—притомъ передѣла ежегоднаго или, во всякомъ случаѣ, краткосрочнаго,—господствующіе, напри-

мѣръ, въ такихъ богатыхъ лугами мѣстностяхъ, какъ Маріинскій округъ и ближайшая къ нему окраина Томскаго, — мѣстностяхъ, гдѣ еще недавно исчезли захватныя формы пользованія лугами; есть затѣмъ указанія на то, что эти способы и въ другихъ мѣстностяхъ предшествовали формамъ, связаннымъ съ болѣе или менѣе точнымъ измѣреніемъ покосовъ, и исчезали по мѣрѣ сокращенія земельнаго простора и возвышенія цѣнности покосовъ. Иногда однако сходные способы передѣла встрѣчаются и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ душевое пользованіе установилось уже издавна, и гдѣ нѣтъ и особаго изобилія покосныхъ угодій, — гдѣ поэтому можно было-бы ожидать встрѣтиться съ болѣе совершенными формами душевого пользованія; случаи подобнаго рода встрѣчаются по преимуществу- тамъ, гдѣ луга, всѣ или большею частью, имѣютъ влажный или даже болотистый характеръ, гдѣ они изрѣзаны болотистыми лощинами („лягами") или старицами, между которыми тянутся узкія „гривы" или „верегья", покрытыя хорошею травой,— словомъ гдѣ естественныя условія дѣлаютъ точный обмѣръ луговъ и разбивку ихъ на пространственно-равныя полосы очень затруднительными, если не невозможными. При такихъ условіяхъ передѣлъ производится обыкновенно однимъ изъ способовъ, общеупотребительныхъ по отношенію къ незаливнымъ покосамъ, — „набоемъ душъ" по намѣчаемымъ сообразно урожаю участкамъ или „расписываньемъ" по урочищамъ.

Что̀ касается затѣмъ до наиболѣе распространенныхъ по отношенію къ заливнымъ лугамъ способовъ передѣла, то они находятся въ тѣсной связи съ обычными свойствами этого рода угодій: заливные луга почти всегда занимаютъ болѣе или менѣе обширныя сплошныя пространства; качество ихъ, для разныхъ урочищъ довольно разнообразное, внутри каждаго даннаго урочища представляется болѣе или менѣе постояннымъ, причемъ обыкновенно наилучшая трава родится у самого урѣза воды („по бечевѣ"), дальше же вглубь материка лугъ пріобрѣтаетъ болѣе или менѣе влажный и даже болотистый характеръ. Въ виду изложеннаго, распредѣленіе заливныхъ луговъ каждой данной общины на сорта, основанное на различіяхъ въ качествѣ травы и мѣстоположеніи, не представляетъ обыкновенно особенной трудности. Но нарѣзка внутри каждаго сорта пространственно-равныхъ душевыхъ полосъ все-же была-бы связана съ неудобствами: для того, чтобы равномѣрно надѣлить каждаго и „бечевнымъ", и болѣе мокрымъ покосомъ, эти полосы непремѣнно должны нарѣзываться длинными лентами въ направленіи отъ урѣза воды до противоположнаго края луговой поймы; а такъ какъ ширина этой послѣдней—особенно при извилистомъ теченіи

рѣки—обыкновенно представляется непостоянною, то для полученія пространственно-равныхъ душевыхъ полосъ пришлось бы измѣрять длину и ширину каждой такой полосы особо, что̀ было-бы связано съ довольно значительными хлопотами,—а затѣмъ, что̀ главное, цѣнность пространственно-равныхъ полосъ представляла-бы все-же нѣкоторыя колебанія въ зависимости отъ малѣйшихъ измѣненій уровня луга надъ горизонтомъ воды, относительной ширины „бечевной" полосы и влажнаго луга, и другихъ подобныхъ обстоятельствъ.

Со всѣми этими условіями считается наиболѣе употребительный по отношенію къ заливнымъ лугамъ способъ передѣла—аукціономъ „на сбавокъ", хотя и основанный на принципѣ субъективнаго равенства, но въ то-же время не отказывающійся и отъ пространственнаго,—хотя-бы приблизительнаго,—уравненія душевыхъ полосъ. Обыкновенно заливные луга каждой данной общины разбиваются на сорта или „паи", и каждая душа получаетъ въ каждомъ сортѣ узкую полосу или „ленту", тянущуюся поперекъ всего луга, отъ урѣза воды до незаливного „материка". Первоначальная ширина полосъ опредѣляется посредствомъ дѣленія длины зачисленнаго въ данный сортъ лугового участка, измѣренной вдоль теченія рѣки, на число подлежащихъ надѣленію душъ; если напримѣръ первосортный лугъ тянется вдоль теченія рѣки на 2 версты, а надѣляемыхъ душъ 200, то на душу достанется по „пяти саженъ", т. е. по полосѣ шириною въ 5 саж., а длиною во всю ширину луга. Нарѣзываются эти полосы не всѣ сразу, а одна за другою, начиная съ лучшей части луга,—и на каждую полосу производится „торгъ на сбавку", тѣмъ самымъ, въ существѣ, порядкомъ, который мы описали, говоря о передѣлахъ пахатныхъ земель; дѣлаемыя при „торгѣ" сбавки выражаются обыкновенно въ частяхъ короткой стороны и измѣряются чаще всего „шагами", „лаптями" (длина ступни) или „въ переступку" (ширина ея),—а совокупность сбавокъ идетъ затѣмъ на прибавки къ ширинѣ менѣе доброкачественныхъ или болѣе короткихъ полосъ.

Гдѣ заливные луга представляются по качеству очень пестрыми, тамъ передѣлъ „на сбавокъ" обыкновенно комбинируется съ „набоемъ душъ" или расписываніемъ по урочищамъ: если-бы община при такихъ условіяхъ захотѣла распредѣлить луга на такое число сортовъ, чтобы каждому обществеинику могло достаться въ каждомъ сортѣ по болѣе или менѣе равноцѣнной полосѣ, то пришлось-бы намѣтить слишкомъ много сортовъ, и полосы въ каждомъ сортѣ получились-бы слишкомъ узкія. Чтобы избѣжать этого неудобства, община или вовсе отказывается отъ распредѣленія луговъ на сорта или дѣлитъ ихъ всего на два-три сорта, а затѣмъ общественники

„расписываются“ по крупнымъ урочищамъ или разбираютъ послѣднія путемъ „набоя душъ“; этимъ путемъ достигается уже нѣкоторое уравновѣшеніе среднихъ размѣровъ душевыхъ полосъ, а затѣмъ каждая артель раздѣляетъ доставшуюся ей часть общинныхъ луговъ по описанному только-что способу—аукціономъ „на сбавокъ“,—и въ результатѣ достигается уже высокая степень уравнительности распредѣленія луговъ.

Гдѣ напротивъ заливные луга болѣе ровны по рельефу и равнокачественны, гдѣ притомъ луговая пойма тянется вдоль рѣки сплошною полосою приблизительно равной ширины, тамъ луга, нерѣдко, нарѣзываются на душевыя полосы совершенно одинаковой ширины; распредѣленіе луговъ на сорта и границы душевыхъ полосъ въ каждомъ сортѣ, въ такихъ случаяхъ, остаются неизмѣнными изъ года въ годъ, для того же, чтобы уравновѣсить неизбѣжныя мелкія различія въ качествѣ полосъ, а также различія въ площади ихъ, обусловливаемыя не вполнѣ одинаковою ихъ длиною, пускаются въ ходъ разные пріемы, ведущіе къ ежегодному обмѣну полосъ: практикуется, напримѣръ, ежегодный передѣлъ посредствомъ передвижки, производимой такимъ образомъ, что каждый общественникъ занимаетъ полосу, смежную съ тою, которую косилъ въ предыдущемъ году; въ нѣкоторыхъ общинахъ передвижка бываетъ двустепенною: сначала обмѣниваются мѣстами „десятки душъ“, а затѣмъ уже внутри „десятковъ“ — и отдѣльные общественники; иногда покосныя полосы занимаются общественниками просто въ порядкѣ выѣзда на покосъ: выѣхавшій первымъ обязанъ взять первую съ любого конца полосу, второй—слѣдующую и т. д.; довольно часто встрѣчается въ подобныхъ случаяхъ и жеребьевка, какъ одинъ изъ способовъ, наиболѣе обезпечивающихъ постоянный обмѣнъ полосъ между общественниками. Но нѣкоторыя общины, изъ числа придерживающихся разсматриваемаго способа нарѣзки душевыхъ полосъ отказываются отъ обмѣна ихъ, какъ средства достяженія уравнительности, и преслѣдуютъ противуположную цѣль—сохраненіе полосъ, по возможности, въ рукахъ однихъ и тѣхъ-же владѣльцевъ, для чего придерживаются порядка передѣла „по старшинству“.

Этотъ послѣдній порядокъ можетъ быть признанъ господствующимъ въ тѣхъ сравнительно довольно многочисленныхъ общинахъ, которыя передѣляютъ заливные луга полосами опредѣленной въ десятинахъ или доляхъ десятины площади,—когда слѣдовательно на каждую душу отводятся пространственно-равные надѣлы. Это впрочемъ и понятно: нарѣзка луговъ полосами опредѣленной квадратной мѣры встрѣчается только тамъ, гдѣ луга представляются очень равнокачественными, и потому есть возможность достигнуть, вмѣстѣ съ

пространственнымъ равенствомъ, и равноцѣнности полосъ; а разъ это такъ, то исчезаетъ потребность въ ежегодномъ обмѣнѣ послѣднихъ, и на первый планъ выступаетъ стремленіе поддержать луга въ хорошемъ состояніи, требующее возможно продолжительнаго пребыванія полосъ въ рукахъ однихъ и тѣхъ-же хозяевъ. Чтобы удовлетворить этому послѣднему требованію, передѣлъ производится такимъ образомъ, что общественники постоянно остаются на разъ отведенныхъ имъ мѣстахъ, и лишь по мѣрѣ надобности отъ ихъ участковъ дѣлаются равномѣрныя отрѣзки, въ видахъ образованія надѣловъ для прибылыхъ душъ. Этотъ способъ передѣла, хотя встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, но особенно распространенъ въ окрестностяхъ Томска, гдѣ благодаря выгодному сбыту для сѣна особенно заботятся и о поддержаніи луговъ въ хорошемъ состояніи и о расширеніи ихъ площади посредствомъ расчистокъ.

Случаи *артельной косьбы* отмѣчены изслѣдованіемъ въ Томской и Иркутской губерніяхъ, но въ видѣ рѣдкаго исключенія (сравнительно чаще такіе случаи въ Верхоленскомъ округѣ) и притомъ лишь какъ дополненіе къ обычнымъ способамъ передѣла путемъ „набоя“ и особенно „расписыванья по урочищамъ“: когда сѣнокосныя мѣста разобраны между группами общественниковъ, и если какая-либо группа затрудняется разбить свой участокъ на душевыя доли, — то случается, что 2, 3, 4 домохозяина косятъ сообща, выставляя по одному работнику съ платежной души, и затѣмъ дѣлятъ накошенное сѣно пропорціонально числу окладныхъ душъ или, что то-же самое,—числу работниковъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ФОРМЫ ПОЛЬЗОВАНІЯ ЛѢСАМИ *).

На большей части пространства изслѣдованныхъ четырехъ губерній крестьянскіе лѣса до сихъ поръ состоятъ въ неограниченномъ вольномъ пользованіи: община не стѣсняетъ никого изъ общественниковъ--мало того, даже никого изъ проживающихъ въ ея средѣ постороннихъ лицъ — ни въ отношеніи размѣровъ лѣсныхъ заготовокъ, ни цѣли ихъ, ни мѣста порубки; каждый можетъ рубить лѣсъ въ произвольномъ количествѣ, прибѣгая въ случаѣ надобности даже къ содѣйствію наемныхъ рабочихъ,—можетъ рубить и для собственнаго обихода, и на продажу,--можетъ рубить вездѣ, „куда топоръ ходитъ", не стѣсняясь даже границами захватныхъ владѣній, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ для посторонныхъ лицъ недоступныхъ. При этомъ въ Иркутской губерніи самая эксплоатація лѣса создаетъ нѣчто вродѣ захватныхъ отношеній: „мѣсто, гдѣ положено начало рубки, обыкновенно уже не занимается другимъ хозяиномъ, пока не будетъ оставлено первымъ, или не произойдетъ по этому поводу соглашенія между ними".

Такое безусловно-свободное пользованіе лѣсами — естественный результатъ ихъ малой цѣнности и изобилія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того, что для ихъ эксплоатаціи на срубъ не требуется никакой предварительной затраты труда: „послѣднее обстоятельство исключаетъ всякую возможность поступленія отдѣльныхъ участковъ лѣса въ чье-либо индивидуальное пользованіе (всегда ведущее начало именно отъ затратъ индивидуальнаго труда или капитала); первыя же два условія (нецѣнность и обиліе) дѣлаютъ совершенно ненуж-

*) «Матеріалы» по Зап. Сиб., вып. I, стр. 105 и сл.; вып. II, стр. 39; вып. III, стр. 384—388; вып. IV, стр. 48; вып. V, стр. 259 — 286; вып. VI, стр. 32—33; вып. VIII, стр. 104—192; вып. XI, стр. 160; вып. XIII, стр. 121—122; вып. XVI, стр. 48—78, pass.; вып. XVIII, стр. 248—261; вып. XXI, стр. 401—452. Сводная работа «Крест. землепольз. Тоб. и Том. губ.», стр. 67—80. «Матеріалы» по Ирк. и Енис. губ., т. II, вып. 3, стр. 44—45 и 248—250.

нымъ установленіе какихъ-бы то ни было правилъ общаго пользованія лѣсомъ, имѣющихъ цѣлью предупредить обиду однихъ членовъ общины другими“ (Смирновъ). Мало того: въ наиболѣе лѣсистыхъ и слабонаселенныхъ мѣстностяхъ — особенно въ восточно-сибирскихъ губерніяхъ—лѣса являются серьезнымъ препятствіемъ расширенію площади земледѣльческой культуры („не рубить лѣсу, такъ изба заростетъ“), и чрезмѣрное изобиліе лѣса дурно отражается на урожаяхъ хлѣбовъ, а также—благодаря массѣ водящагося въ лѣсахъ „гнуса“—на скотоводствѣ, — а потому крестьяне не только не видятъ нужды заботиться о сохраненіи лѣсовъ, а напротивъ—радуются ихъ усиленному истребленію. Въ силу этихъ самыхъ условій свобода пользованія лѣсомъ не ограничивается ни обычными, ни нерѣдко даже и юридическими границами землевладѣнія: тѣ обычныя границы, въ которыя заключено пользованіе культурными угодьями, по отношенію къ лѣсамъ не имѣютъ никакого значенія; свобода рубки лѣса всегда распространяется на цѣлую межевую или юридическую дачу,—и, напримѣръ, во многихъ мѣстностяхъ Тобольской и Томской губерній, особенно въ Маріинскомъ округѣ, гдѣ владѣніе пашнями и покосами въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ пріурочилось къ отдѣльнымъ селеніямъ, право свободной рубки лѣса осталось общимъ для крестьянъ цѣлыхъ волостей. Но и юридическія границы соблюдаются лишь въ томъ случаѣ, когда внутри межевыхъ дачъ имѣется достаточно лѣса: при недостаткѣ лѣса въ своей дачѣ, крестьяне не стѣсняются рубить лѣсъ и на государственныхъ пустопорожнихъ земляхъ, и въ дачахъ постороннихъ межевыхъ общинъ. Послѣднее имѣетъ мѣсто впрочемъ только тогда, когда у сосѣдей такъ много лѣса, что они не видятъ надобности сколько-нибудь заботиться о его сохраненіи; но мѣстами такое право въѣзда для рубки лѣса въ чужую дачу какъ-бы санкціонировало обычаемъ и продолжаетъ существовать и тогда, когда запасъ лѣса въ самой въѣзжей дачѣ успѣлъ уже значительно сократиться.

Неограниченное или почти неограниченное вольное пользованіе лѣсами удержалось до настоящаго времени, прежде всего, почти вездѣ, гдѣ захватныя формы пользованія сохранились по отношенію къ культурнымъ угодьямъ,—а именно: во всей Иркутской и Енисейской губерніи въ восточной и средней части Томской (округа Томскій и Маріинскій), за немногими исключеніями, которыя будутъ указаны ниже, а въ Тобольской губерніи—въ большей части Тарскаго округа и на восточной окраинѣ Ишимскаго. Это и понятно: во всѣхъ этихъ очень богатыхъ земельными угодьями мѣстностяхъ изобилуютъ еще и лѣса, почему вольное пользованіе по убѣжденію крестьянъ не можетъ имѣть вредныхъ послѣдствій: „на нашъ вѣкъ

хватитъ", разсуждаютъ крестьяне,—а о будущей судьбѣ лѣса крестьянинъ мало думаетъ, пока не начинаетъ ощущать въ немъ непосредственнаго недостатка.—Но независимо отъ этого, вольное пользованіе лѣсомъ существуетъ еще и въ сѣверныхъ округахъ Тобольской губерніи—Туринскомъ и отчасти Тюменскомъ и Тобольскомъ, гдѣ совмѣщается съ установившимися по отношенію къ пашнямъ и покосамъ весьма развитыми формами душевого пользованія; и это опять-таки понятно: названныя только-что мѣстности имѣютъ преобладающій лѣсной характеръ, а культурныя земли занимаютъ лишь незначительную часть ихъ территоріи; въ то время поэтому, какъ по отношенію къ пашнямъ и покосамъ установились формы душевого пользованія, соотвѣтствующія уже довольно высокой степени „утѣсненія", по отношенію къ лѣсамъ продолжаютъ еще существовать формы, свойственныя чрезвычайному земельному простору.

Нечего и говорить, какъ пагубно отражается неограниченное вольное пользованіе на состояніи крестьянскихъ лѣсовъ: вездѣ, гдѣ существуетъ вольное пользованіе лѣсами—кромѣ, можетъ быть, наиболѣе лѣсистыхъ, рѣдко населенныхъ и удаленныхъ отъ всякихъ рынковъ сбыта мѣстностей Иркутской и Енисейской губерній, — состояніе крестьянскихъ лѣсовъ самое безотрадное; такъ какъ ни отдѣльный домохозяинъ, ни даже, въ большинствѣ случаевъ, — отдѣльная селенная община, не заинтересованы въ охраненіи какого-либо опредѣленнаго участка лѣса, то лѣса вырубаются безпощадно; крестьянинъ, нуждающійся въ одномъ бревнѣ, срубаетъ десятокъ деревьевъ, чтобы выбрать изъ нихъ лучшее; срубивъ огромное дерево, онъ увозитъ небольшое бревно или „сутунокъ" на доски, а вершину и сучья оставляетъ на мѣстѣ. Лѣса поэтому завалены буреломомъ, сучьями, цѣлыми стволами деревьевъ,—вообще всевозможнымъ горючимъ матеріаломъ, дающимъ изобильную пищу для лѣсныхъ пожаровъ,—а доброкачественныхъ лѣсныхъ насажденій въ крестьянскихъ дачахъ—по крайней мѣрѣ въ Тобольской и Томской губерніяхъ—почти невозможно найти.

Гдѣ обезлѣсеніе уже даетъ себя чувствовать, или гдѣ благодаря удобному и выгодному сбыту для отдѣльныхъ домохозяевъ является слишкомъ большой соблазнъ вырубать на продажу общественные лѣса,—тамъ община начинаетъ понемногу стѣснять неограниченную свободу пользованіе лѣсами, и появляются другія формы, способныя въ большей или меньшей мѣрѣ обезпечить сохраненіе общественныхъ лѣсныхъ насажденій. Прежде всего община начинаетъ принимать мѣры противъ порубокъ, производимыхъ лицами, не имѣющими на это права: она перестаетъ пускать крестьянъ „стороннихъ" селеній, не входящихъ въ составъ данной межевой дачи,—и на-

примѣръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Иркутской губерніи общества выбираютъ изъ своей среды особыхъ „лѣсничихъ“, чтобы слѣдить, не рубятъ-ли лѣсъ крестьяне чужихъ обществъ, и не допускать поджоговъ. Рядомъ съ этимъ появляются ограниченія и для постороннихъ лицъ, проживающихъ въ селеніяхъ,—сначала имъ запрещаютъ рубить лѣсъ только для продажи на сторону, или, дозволяя свободно рубить лѣсъ для отопленія своихъ избъ и т. п., облагаютъ „оброкомъ“ за лѣсъ, заготовляемый на продажу, а затѣмъ облагаютъ сборомъ и за право рубки на собственныя потребности.

Мало-по-малу община начинаетъ „обижаться“ и на чрезмѣрныя вырубки для сбыта на сторону, производимыя отдѣльными лицами изъ ея собственной среды, — но ограничить въ этомъ отношеніи свободу своихъ общественниковъ она рѣшается далеко не сразу, и установляемыя ею ограниченія нерѣдко имѣютъ въ началѣ лишь очень нерѣшительный характеръ. Такъ, въ окрестностяхъ Томска многія общины, не стѣсняя общественниковъ въ правѣ рубить лѣсъ на продажу и не воспрещая даже болѣе зажиточнымъ изъ нихъ пользоваться для промысловыхъ заготовокъ наемными рабочими, запретили только прибѣгать для вывозки лѣса къ найму лошадей, и дозволяютъ вывозить заготовленный лѣсъ не иначе, какъ на собственныхъ коняхъ. Въ Иркутской губерніи нѣкоторыя общины, допуская вырубку лѣса на продажу, облагаютъ продаваемый лѣсъ особымъ „оброкомъ“, взимаемымъ съ бревна или съ сажени дровъ. Значительно дальше пошли нѣкоторыя волостныя общины южной части Туринскаго округа, Тобольской губерніи: не стѣсняя рубки лѣса на свои нужды и для переработки въ разныя кустарныя издѣлія, онѣ постановили приговоры, воспрещающіе продажу заготовляемыхъ въ волостныхъ дачахъ дровъ за предѣлы волостей,—воспрещеніе, которое однако не особенно строго соблюдается; а маленькая Туринская городовая волость, насчитывающая въ своей средѣ много кустарей-кузнецовъ, запрещаетъ кромѣ того заготовлять въ волостной дачѣ нужный для кузнечнаго промысла древесный уголь.

Въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи и въ частности—въ Ишимскомъ наблюдается другое весьма любопытное явленіе, смыслъ котораго также заключается, несомнѣнно, въ стремленіи къ сохраненію лѣсовъ. Именно, при господствѣ, вообще говоря, вольнаго пользованія лѣсами, здѣсь возникаютъ такъ называемые „сады“ или „рощи“, оберегаемые отдѣльными домохозяевами и за это предоставляемые общиною въ ихъ исключительное пользованіе: каждый домохозяинъ, сохраняя за собой право пользованія вольными общественными лѣсами,

имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ право окопать или огородить участокъ лѣса, величиной въ одну или нѣсколько десятинъ; такой „садъ“ или „рощу“ онъ обязанъ очищать отъ бурелома, обязанъ весной, во время опалки покосовъ, оберегать отъ огня, то-же дѣлать при степныхъ и лѣсныхъ пожарахъ, — и за это онъ остается, пока продолжаетъ заботиться о лѣсѣ, исключительнымъ его владѣльцемъ. Такимъ образомъ установляется право владѣнія „садами“, настолько признаваемое общиною, что оно переживаетъ, нерѣдко, захватныя формы пользованія другими угодьями; владѣніе „садами“ мѣстами остается неприкосновеннымъ даже тогда, когда по отношенію ко всей массѣ общественныхъ лѣсовъ уже установилось душевое пользованіе.—Смыслъ этого явленія понятенъ: не рѣшаясь еще взять на себя иниціативу мѣръ, направленныхъ къ охраненію лѣсовъ, община начинаетъ сознавать пользу и важность такихъ мѣръ, и потому поддерживаетъ своимъ авторитетомъ направленную въ этомъ смыслѣ дѣятельность отдѣльныхъ общественниковъ. Но въ Тарскомъ округѣ г. Соколовымъ отмѣчены и случаи, свидѣтельствующіе, что образованіе „садовъ“ или „рощъ“ иногда происходитъ и другимъ путемъ: богачи-заимщики захватываютъ участки общественнаго лѣса и противъ воли общины, опираясь на свою фактическую силу, и не допускаютъ никого рубить въ захваченныхъ ими лѣсныхъ участкахъ.

Въ другихъ случаяхъ иниціативу охраненія отъ порубокъ той или другой части общественнаго лѣса беретъ на себя сама община, образуя заказныя или, по мѣстному выраженію, „запрещенныя“ рощи. Такія рощи—обычное явленіе въ предѣлахъ обширной степной полосы, охватывающей всю южную половину Тобольской губерніи и юго-западную часть Томской*). „Запрещаются“, отчасти, такіе лѣсные участки, которые по свойствамъ растущаго на нихъ лѣса имѣютъ въ глазахъ общины особую цѣнность; такъ въ пригородной Жиляковской волости, Ишимскаго округа, „запрещены“ два небольшихъ сосновыхъ бора — единственные среди сплошной массы лиственныхъ лѣсовъ; во многихъ общинахъ „запрещены“ сосновые „рямы“, т. е. болотца, поросшія мелкорослымъ соснякомъ. Въ другихъ случаяхъ общины, „запрещая“ рощу, руководятся не *свойствомъ* лѣсныхъ насажденій, а ихъ *мѣстоположеніемъ*; именно, „запрещаютъ“ поддворныя рощи, расположенныя въ поскóтинѣ, вблизи усадебъ,

---

*) Изрѣдка такія рощи встрѣчаются и на сѣверѣ Тобольской губ., а одинъ случай «запрещенія» отмѣченъ и въ Иркутской; въ этой послѣдней характеръ заказныхъ имѣютъ и многочисленныя шаманскія рощи инородцевъ,—которыя однако не подлежатъ нашему разсмотрѣнію, такъ какъ сохраняются по религіознымъ соображеніямъ.

причемъ имѣется въ виду не столько сохраненіе лѣса отъ порубокъ, сколько созданіе для скота тѣнистаго выгона на время зноя и закрытія отъ бурь.

Самое отношеніе общинъ къ заказнымъ рощамъ довольно разнообразно: въ однѣхъ рощахъ, — по преимуществу „запрещенныхъ“ въ сравнительно недавнее время,—не допускается безусловно никакой рубки; гдѣ рощи успѣли подрости до хорошихъ размѣровъ, тамъ рубка допускается, но подъ строгимъ контролемъ общины: въ большинствѣ случаевъ община ежегодно или разъ въ нѣсколько лѣтъ (въ зависимости отъ размѣра рощи) разрѣшаетъ вырубать на каждую платежную душу опредѣленное число деревьевъ, иногда взимая за это особый небольшой сборъ въ общественную кассу или чаще—въ пользу церкви (въ послѣднемъ случаѣ рощи называются „приставленными къ церкви“); иногда лѣсъ изъ заказныхъ рощъ продается на срубъ, но не иначе какъ общественникамъ и не свыше извѣстнаго очень небольшого числа деревъ въ однѣ руки. Самая вырубка обыкновенно производится выборочнымъ способомъ, но иногда—и лѣсосѣчнымъ порядкомъ; лѣсная почва въ заказныхъ рощахъ всегда очищается отъ сучьевъ, и вообще такія рощи содержатся въ прекрасномъ порядкѣ, а самовольныхъ порубокъ въ нихъ никогда не бываетъ.

Въ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ случаяхъ заказныя рощи не имѣютъ большого значенія, такъ какъ охватываютъ лишь небольшія части общественныхъ лѣсныхъ насажденій. Весьма важное значеніе, напротивъ, „запрещенія“ имѣютъ въ пригородномъ, спеціально-лѣсопромышленномъ районѣ Томскаго округа, а также въ юго-западной части Каинскаго *), гдѣ безлѣсье уже заставило общину серьезнѣе подумать объ урегулированіи пользованія лѣсомъ. „Запрещенія“ и здѣсь возникали первоначально болѣе или менѣе случайнымъ образомъ: увидитъ общество, что весь лѣсъ или часть его пришла въ совершенно плачевное состояніе, такъ что и рубить-то, собственно говоря, ужъ нечего,—и приговоритъ: не рубить лѣса, пока не послѣдуетъ новаго распоряженія. Но въ настоящее время „запрещенія“ вошли здѣсь, такъ сказать, въ систему и создали во многихъ общинахъ нѣчто въ родѣ лѣсосѣчнаго хозяйства. Обыкновенно общественные лѣса дѣлятся на двѣ лѣсосѣки, каждая изъ

---

*) Къ сожалѣнію о существованіи порядковъ, сходныхъ съ нижеописанными, въ Каинскомъ округѣ мы знаемъ только по свѣдѣніямъ, случайно собраннымъ нами при объѣздѣ округа въ 1894 г., — объѣздѣ имѣвшемъ совершенно постороннія изслѣдованію общинныхъ порядковъ цѣли. Въ «Матеріалахъ» соотвѣтствующихъ указаній совершенно нѣтъ, почему въ текстѣ мы и имѣемъ въ виду исключительно порядки, практикуемые въ Томскомъ округѣ.

которыхъ „запрещается“ поочередно, чрезъ промежутки времени, колеблющіеся между 4—5 и 30—40 годами; въ большинствѣ случаевъ однако срокъ „запрещенія“ устанавливается не свыше 7—10 лѣтъ, и притомъ установленный срокъ нерѣдко сокращается подъ вліяніемъ настояній верстаемыхъ въ окладъ „малолѣтовъ“ и бѣдноты, обыкновенно вырубающей свою долю лѣса въ отводимой лѣсосѣкѣ въ первые-же два-три года.—Затѣмъ, нѣкоторыя общины не идутъ дальше періодическихъ „запрещеній“, и въ выпускаемой изъ-подъ „запрещенія“ лѣсосѣкѣ предоставляютъ всѣмъ неограниченную свободу рубки; но въ большинствѣ случаевъ пускаемая въ рубку лѣсосѣка передѣляется на время до слѣдующаго „запрещенія“ на душевыя доли, нарѣзываемыя „глазомѣрно“ (причемъ пространство долей обратно пропорціонально ихъ качеству) и разбираемыя по соглашенію или по жребію; большинство общинъ при этомъ не предоставляетъ общественникамъ неограниченной свободы эксплоатаціи ихъ душевыхъ долей: вырубать разрѣшается лишь болѣе крупныя деревья, молоднякъ же („въ оглоблю“) не рубится, а оставляется на выростъ до истеченія срока слѣдующаго „запрещенія“.

Довольно многія общины „запрещаютъ“ лѣсъ не по лѣсосѣкамъ, а цѣликомъ, воспрещая на время всякую рубку въ общественныхъ лѣсахъ; по истеченіи срока „запрещенія“, нѣкоторыя общины опять допускаютъ свободную рубку; другія передѣляютъ лѣсъ на постоянные или временные душевые участки; но чаще всего по окончаніи срока такого „запрещенія“, установляется норма ежегодной вырубки—столько-то саженъ дровъ на душу; самая рубка соотвѣтствующаго нормѣ количества лѣса производится выборочнымъ порядкомъ.—Гдѣ „запрещенію“ подвергается хвойный и вообще строевой лѣсъ, тамъ иногда назначается ежегодно къ вырубкѣ по нѣскольку бревенъ на душу,—иногда же разрѣшеніе рубить дается лишь тѣмъ общественникамъ, кто дѣйствительно нуждается въ матеріалѣ для новыхъ построекъ или для ремонта старыхъ.

Значительно болѣе распространено по отношенію къ лѣсамъ *общинно-уравнительное* пользованіе съ распредѣленіемъ лѣсовъ на *постоянныя душевыя доли*.

Одною изъ мѣстностей, гдѣ практикуются передѣлы общинныхъ лѣсовъ, является уже упоминавшійся лѣсопромышленный районъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска. Лѣса передѣлены здѣсь въ пятнадцати общинахъ, — во всѣхъ, кромѣ одной, „глазомѣрными“ участками, размѣръ коихъ обратно пропорціоналенъ качеству лѣса; первоначальный передѣлъ вездѣ произведенъ былъ такъ давно, что о примѣненныхъ при передѣлѣ пріемахъ почти не сохранилось вос-

поминаній. Затѣмъ, разъ сдѣланный общій передѣлъ почти нигдѣ не возобновлялся, и производилось только надѣленіе лѣсомъ вновь зачислявшихся въ окладъ „малолѣтовъ"; большинство послѣднихъ надѣлялось участками убылыхъ душъ, если же таковыхъ не оказывалось, имъ отводились заросшія лѣсомъ залежи или нарѣзались пайки изъ оставленнаго при коренномъ передѣлѣ запаса; только въ трехъ общинахъ, владѣющихъ землею въ одной общей дачѣ, „малолѣтки" надѣлялись лѣсомъ изъ отрѣзковъ отъ душевыхъ участковъ „старыхъ" душъ, и всего въ одной общинѣ въ 1889 г. повторенъ былъ общій передѣлъ, почти черезъ 30 лѣтъ послѣ предыдущаго. Во всѣхъ этихъ четырехъ случаяхъ интересы „старыхъ душъ" были въ полной мѣрѣ обезпечены: община стремилась, говоря словами одного приговора, „если у кого окажется излишекъ то *рощенный лѣсъ не отбирать*, а взять вырубленный безъобидно"; „старымъ душамъ" предоставлялось такимъ образомъ воспользоваться плодами выразившейся въ „выращиваніи" лѣса бережливости, и отдавать „на общество" лишь тѣ части своего лѣса, изъ которыхъ они успѣли извлечь надлежащій доходъ. Исключеніе изъ этого правила допускалось только въ видѣ карательной мѣры за слишкомъ хищническую и особенно злонамѣренную вырубку; въ видѣ примѣра можно привести случай въ (с. Спасскомъ), когда одинъ домохозяинъ, зная, что ему придется отдать „въ общество" лѣсной участокъ сына, взятаго на военную службу, вырубилъ на немъ лѣсъ до тла, —и за это община при передѣлѣ „посадила его самого на вырубки".

Другой несравненно болѣе обширный районъ распространенія передѣловъ общинныхъ лѣсовъ представляетъ собой обширная полоса, охватывающая почти цѣликомъ три южныхъ округа Тобольской губерніи—Курганскій (а по всей вѣроятности—и смежный съ нимъ Ялуторовскій), Ишимскій, Тюкалинскій и ближайшую къ послѣднему часть Каинскаго округа, Томской губерніи, причемъ распространенность общинно-уравнительной формы растетъ въ направленіи съ востока къ западу: въ Курганскомъ округѣ безпорядочное вольное пользованіе лѣсомъ сохранилось лишь въ немногихъ общинахъ, тогда какъ въ Ишимскомъ округѣ область распространенія этой формы охватываетъ еще весь сѣверъ и востокъ, и только въ юго-западной части округа вольное пользованіе окончательно вытѣснено общинно-уравнительною формой.

Подробныя описанія способовъ душевого пользованія лѣсами имѣются по Ишимскому и Курганскому округамъ; и въ томъ, и въ другомъ констатировано, что община, передѣляя лѣса по душамъ, преслѣдовала въ значительной мѣрѣ, а мѣстами—и преимущественно, лѣсоохранительныя цѣли. „Крестьяне, говоритъ изслѣдователь Кур-

ганскаго округа, г. Осиповъ, рѣшились раздѣлить лѣсъ на подворно-душевые участки, чтобы приставить къ лѣсу хозяйскій глазъ, чтобы каждый лѣсной участокъ находился подъ наблюденіемъ отдѣльнаго домохозяина, лично заинтересованнаго въ его сохраненіи какъ отъ порубокъ посторонними лицами, такъ и отъ собственнаго безпорядочнаго хозяйничанья",—и это обстоятельство не могло не отразиться весьма сильно на порядкахъ лѣсныхъ передѣловъ. „Необходимо прежде всего, говоритъ г. Осиповъ, отмѣтить двѣ особенности, которыя присущи лѣснымъ передѣламъ и которыя отличаютъ ихъ отъ передѣловъ пахатныхъ земель. Послѣднія, какъ всякому извѣстно, носятъ на себѣ слѣды значительнаго человѣческаго труда, затраченнаго какъ на ихъ разработку, такъ и на поддержаніе въ нихъ естественнаго плодородія... Съ другой стороны, пахатныя земли, хотя и могутъ истощаться отъ дурного хозяйства, однако на хорошихъ почвахъ это происходитъ лишь въ теченіе довольно продолжительнаго времени; и если онѣ вновь попадаютъ въ руки хорошаго хозяина, то могутъ быть улучшены въ сравнительно короткій срокъ. Другое дѣло лѣса: никакого труда на ихъ выращиваніе не затрачено, они представляютъ цѣнность, созданную самою природой, и слѣдовательно представляютъ собой какъ-бы res nullius. Съ другой стороны, возстановленіе уничтоженныхъ лѣсовъ совершается съ крайней медленностью... Для всѣхъ поэтому понятно, что эксплоатировать лѣсъ слѣдуетъ съ величайшею осторожностью, и притомъ по плану, сообразованному не только съ нуждами населенія, но и со свойствами древесныхъ породъ... Такимъ образомъ крестьянское самосознаніе, продолжаетъ г. Осиповъ, въ послѣднія 30—60 лѣтъ колеблется между двумя почти противуположными идеями: съ одной стороны, всякое долговременное владѣніе однимъ и тѣмъ-же лѣснымъ участкомъ противурѣчитъ понятіямъ крестьянъ о лѣсахъ, какъ о res nullius; съ другой стороны они поняли, что отсутствіе всякихъ ограниченій въ пользованіи лѣсомъ неизбѣжно приводитъ къ его истребленію. Эти постоянныя колебанія крестьянъ въ лѣсномъ вопросѣ отразились на практикѣ чрезвычайнымъ разнообразіемъ лѣсныхъ передѣловъ", многочисленныя разновидности которыхъ колеблются между двумя пріемами: съ одной стороны стоитъ „набой душъ"—родъ аукціона, „въ которомъ на качество какого-либо угодья торгуются его количествомъ,—и чѣмъ лучше какой-нибудь лѣсной участокъ, тѣмъ меньшее пространство получаетъ въ немъ каждая надѣляемая душа"; пріемъ этотъ очевидно, соотвѣтствуетъ взгляду на лѣса какъ на res nullius и стоитъ въ противурѣчіи съ задачей сохраненія лѣсовъ, такъ какъ ничѣмъ не гарантируетъ продолжительнаго пребыванія лѣсныхъ участковъ въ однѣхъ рукахъ; задачѣ

лѣсоохраненія, напротивъ, служатъ другіе пріемы передѣла, основанные на принципѣ „старозаимочности", т. е. оставленія домохозяевъ на старыхъ мѣстахъ, и создающіе нѣчто вродѣ наслѣдственности владѣнія лѣсными участками.

Къ совершенно тождественнымъ выводамъ привело пишущаго эти строки изученіе способовъ передѣла лѣсовъ въ Ишимскомъ округѣ; не приводя здѣсь этихъ выводовъ, поскольку они совпадаютъ съ выводами г. Осипова, мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ нашей работы по Ишимскому округу, освѣщающія вопросъ съ нѣсколько иной стороны: „изучая порядки передѣловъ лѣсныхъ зарослей, мы видимъ, что борьба тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ основаніи порядковъ передѣла пашенъ и сѣнокосовъ,—принципа хозяйственнаго и начала всеобщаго равенства,—осложняется здѣсь вліяніемъ *лѣсоохранительнаго* начала, которое въ свою очередь вполнѣ согласуется съ интересами зажиточныхъ крестьянъ; сущность его въ примѣненіи къ передѣламъ лѣсовъ заключается въ томъ, что всякій *продолжаетъ пользоваться тѣмъ лѣсомъ, какой онъ для себя выростилъ*: кто слѣдовательно до передѣла берегъ свой лѣсъ, не рубилъ его, тотъ сохраняетъ хорошій лѣсъ и послѣ передѣла; кто, напротивъ, вырубилъ весь свой лѣсъ, тотъ и послѣ передѣла остается на своихъ вырубкахъ *). Понятно, для кого выгодно послѣдовательное проведеніе лѣсоохранительнаго начала: хорошо сберечь свой лѣсъ можетъ только такой крестьянинъ, который не только не вынуждается неотложною нуждою рубить лѣсъ на продажу или продавать его на срубъ,—но можетъ даже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ покупать на свои собственныя потребности дрова, колья, жерди и т. п., съ тѣмъ, чтобы ростить свой надѣльный лѣсъ; ясно поэтому, что строгое проведеніе лѣсоохранительнаго начала соотвѣтствуетъ интересамъ наиболѣе зажиточной части общинниковъ. Ближайшіе интересы бѣдной части населенія, напротивъ, прямо противуположны интересамъ охраненія лѣсовъ: бѣднякъ не

*) Вотъ какъ формулируется сущность этого принципа въ одномъ общественномъ приговорѣ: «кто изъ владѣльцевъ лѣса вывозитъ принадлежащій ему лѣсъ въ продажу..., то долженъ остаться на томъ-же участкѣ, изъ котораго вывозилъ лѣсъ, т. е. на пняхъ...; онъ *обязанъ владѣть пнями, т. е. вырубленнымъ и проданнымъ лѣсомъ*. Никто изъ насъ не имѣетъ права самовольно садиться на участокъ рощеннаго лѣса, если его не будетъ лишняго». Въ другомъ приговорѣ содержатся еще болѣе строгія постановленія: «если у нѣкоторыхъ владѣльцевъ.... было по три души и болѣе платежныхъ, а въ настоящее время по двѣ или по одной душѣ, но лѣсъ тѣми владѣльцами совершенно вырубленъ начисто отъ небрежности на двѣ души или одну, то тотъ домовладѣлецъ долженъ остаться на той вырубкѣ, которая имъ вырублена, а оставшаяся часть на лишнія души отрощенный лѣсъ долженъ перейти другому владѣльцу».

имѣетъ возможности заглядывать въ отдаленное будущее, — ему нужно, чтобы передѣлъ далъ ему новый лѣсъ взамѣнъ тѣхъ „пеньковъ“, въ которые онъ обратилъ доставшійся ему по предыдущему передѣлу участокъ“. Интересы бѣдняковъ, поэтому, „обыкновенно облекаются въ форму требованій всеобщаго равенства при передѣлѣ,—требованій, чтобы вся масса лѣсныхъ зарослей... была подѣлена на равноцѣнныя душевыя доли, и чтобы каждая надѣляемая душа получила по одной такой долѣ независимо отъ того, какъ она поступила съ долею, доставшеюся ей по предыдущему передѣлу. Гдѣ бѣдняки одержали-бы полную побѣду, тамъ передѣлъ лѣсовъ долженъ-бы былъ производиться либо „набоемъ душъ“, либо „разъѣздомъ по урочищамъ“,—способами наиболѣе обезпечивающими достиженіе субъективнаго равенства и притомъ позволяющими „бѣднотѣ“ „набиваться“ на лѣсные участки, вырощенные другими.....: гдѣ полная побѣда осталась-бы на сторонѣ зажиточнаго элемента, тамъ долженъ былъ-бы произойти раздѣлъ лѣса на потомственные подворные участки; но этотъ послѣдній исходъ явился-бы уже прямымъ отрицаніемъ общинной формы владѣнія землею,—и потому зажиточные крестьяне обыкновенно и не простираютъ такъ далеко своихъ требованій, а довольствуются строгимъ соблюденіемъ при передѣлѣ или точнѣе—„поравненіи“ начала „старшинства“.

Такимъ образомъ борьба между лѣсоохранительнымъ началомъ и требованіями равенства сводится въ сущности къ борьбѣ внутри общины зажиточныхъ и несостоятельныхъ элементовъ, и преобладаніемъ тѣхъ или другихъ на сходѣ въ значительной мѣрѣ опредѣляется примѣненіе къ раздѣлу лѣсовъ того или другого пріема. Но особенный характеръ лѣсныхъ угодій даетъ несомнѣнно лишній шансъ сторонникамъ передѣла „по старшинству“, и этотъ способъ, болѣе соотвѣтствующій лѣсоохранительному интересу, является въ настоящее время господствующимъ какъ въ Ишимскомъ, такъ и въ Курганскомъ округѣ. Изучая географическое распредѣленіе въ этомъ послѣднемъ пріемовъ передѣла лѣсовъ, г. Осиповъ пришелъ къ тому заключенію, что способъ передѣла „набоемъ“ практикуется въ болѣе богатыхъ лѣсомъ мѣстностяхъ, передѣлъ „по старшинству“—въ болѣе обезлѣсенныхъ, гдѣ, очевидно, потребность въ сохраненіи лѣсовъ даетъ себя чувствовать гораздо сильнѣе и потому голосъ говорящихъ именемъ лѣсоохраненія зажиточныхъ крестьянъ можетъ имѣть гораздо большее вліяніе; и это обстоятельство приводитъ г. Осипова къ заключенію, что во всѣхъ лѣсныхъ волостяхъ *первые* передѣлы произведены были „набоемъ душъ“ *). „По мѣрѣ уменьшенія лѣсовъ, го-

*) Къ сожалѣнію, наши данныя по Ишимскому округу не даютъ намъ возможности повѣрить справедливость—a priori весьма вѣроятную—заключенія

воритъ г. Осиповъ,—„набой душъ“ начинаетъ ограничиваться разными правилами и постепенно переходитъ въ такія формы передѣла, въ которыхъ принципъ „старозаимочности“ (=„старшинство“) выступаетъ на первый планъ. Упомянутыя ограниченія „набоя душъ“ многочисленны и очень разнообразны. Начинаются они обыкновенно съ того, что часть душъ, на которыхъ ихъ хозяева вырубили лѣсъ, къ „набою“ не допускается; владѣльцу участка, на которомъ происходитъ „набой“, предоставляется преимущественное право или принять высшую данную за участокъ цѣну, или остаться на старомъ мѣстѣ въ части съ домохозяевами, набившими цѣну; исключается часть лѣсовъ отъ всякаго „набоя душъ“ и распредѣляется между домохозяевами на основаніи точнаго измѣренія и оцѣнки,—и эта часть обыкновенно съ каждымъ передѣломъ становится все больше и больше“.

Въ результатѣ этого процесса передѣлъ „набоемъ душъ“ (или, что̀ то-же, расписываніемъ по урочищамъ) лишь въ очень немногихъ общинахъ сохранился въ его наиболѣе чистой формѣ, безъ всякихъ уступокъ началу „старшинства“; обыкновенно же и при этой формѣ передѣла „старыя души“ пользуются существенными преимуществами: если именно, какъ обыкновенно бываетъ, въ составъ артели, „набившейся“ на какое-либо лѣсное урочище, вошли въ числѣ прочихъ и такіе домохозяева, прежніе душевые участки которыхъ находятся въ томъ-же урочищѣ, то ихъ оставляютъ, за отрѣзкой излишняго, на тѣхъ-же участкахъ, какими они владѣли до передѣла.

Что̀ касается до передѣла „по старшинству“, то въ Ишимскомъ округѣ преобладаетъ наиболѣе чистая форма этого порядка, при которой всѣ „старыя“ души остаются, за отрѣзкой излишковъ, на своихъ старыхъ мѣстахъ и не могутъ сходить съ нихъ ни подъ какимъ видомъ; „малолѣтки“ надѣляются по возможности „отеческимъ“ лѣсомъ, принадлежавшимъ ихъ-же отцамъ и вообще ближайшимъ родственникамъ, такъ что бережное обращеніе съ лѣсомъ награждается, а небрежное—наказуется не только на самихъ виновникахъ, но и на ихъ дѣтяхъ; наконецъ „малолѣты безъ отечества“ должны довольствоваться остатками и обрѣзками. Въ эти послѣдніе всегда попадаетъ сравнительно худшій и вырубленный лѣсъ: „старыя“ души получаютъ *все* причитающееся имъ количество лѣса изъ своихъ прежнихъ участковъ, если же по новому передѣлу имъ предстоитъ

г. Осипова. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ являются только тѣ указанные ниже случаи, когда лѣса передѣляются двоякимъ порядкомъ, и когда передѣлъ «по старшинству» примѣняется къ болѣе цѣннымъ, «набоемъ»—къ менѣе цѣннымъ лѣсамъ.

*

получить меньше лѣса, то имъ предоставляется оставить за собой *любую*, слѣдовательно *лучшую* часть своего прежняго пользованія, а отдать—самую худшую. При такомъ порядкѣ возможны конечно и злоупотребленія: хозяинъ, разсчитавшій, что по предстоящему передѣлу отъ него должна отойти часть „добраго" лѣса, можетъ начисто вырубить эту часть и отдать „на общество" одни „пеньки"; но виновному и изобличенному въ подобныхъ дѣйствіяхъ общественнику въ надѣлъ оставляется именно то мѣсто, которое имъ злонамѣренно вырублено, а для надѣленія „малолѣтковъ" отбирается лучшая часть его прежняго пользованія.

Само собою разумѣется, что разсмотрѣнный способъ передѣла въ его чистомъ видѣ не допускаетъ расцѣнки лѣсовъ на сорта на основаніи ихъ возраста, густоты и т. п.; въ самомъ дѣлѣ: эти свойства лѣса зависятъ именно отъ бережливаго или расточительнаго хозяйства, а потому уравненіе душевыхъ лѣсныхъ надѣловъ по этимъ признакамъ равносильно было-бы, до извѣстной степени, отрицанію лѣсоохранительнаго принципа. Поэтому за основаніе расцѣнки лѣсовъ на сорта въ Ишимскомъ округѣ обыкновенно принимаются только такія свойства, которыя совершенно не зависятъ отъ поведенія лѣсовладѣльцевъ: порода лѣса, разстояніе отъ усадебъ, высокое или низменное мѣстоположеніе, сухой или влажный грунтъ, а большинство общинъ передѣляетъ лѣса безъ всякой расцѣнки на сорта. Лишь въ немногихъ общинахъ Ишимскаго округа встрѣчается расцѣнка лѣса по его качеству или росту (дровяной—жердевой; хорошій—худой лѣсъ—пеньки), и такая расцѣнка, очевидно, является уже серьезной уступкой интересамъ бѣдной части населенія, въ значительной мѣрѣ измѣняющею самый смыслъ разсматриваемой формы передѣла.

Напротивъ въ Курганскомъ округѣ, по даннымъ г. Осипова, преобладаетъ другая разновидность передѣла „по старшинству": выдѣлъ частей лѣса, остающихся въ пользованіи „старыхъ душъ", производится по усмотрѣнію общины, которая стремится оставить каждому хорошій и вырубленный лѣсъ въ той-же пропорціи, въ какой онъ сохранилъ или вырубилъ лѣсъ, принадлежавшій ему по прежнему передѣлу; если напримѣръ хозяинъ изъ принадлежавшихъ ему ранѣе 10-ти десятинъ вырубилъ 6, а 4 десятины сохранилъ, и если ему слѣдуетъ по „новому расчисленію" $7^1/_2$ дес., то ему останется изъ его прежняго пользованія 3 дес. хорошаго и $4^1/_2$ дес. вырубленнаго лѣса, а отберется 1 дес. перваго и $1^1/_2$ дес. второго. „Совершенно очевидно, говоритъ г. Осиповъ,—лѣсоохранительное значеніе этой формы раздѣла: домохозяевамъ не дозволяется покидать выруба, и свойство надѣла каждаго крестьянина постав-

лено въ зависимость отъ его прежняго хозяйства на этомъ надѣлѣ". Но въ то-же время эта форма гораздо благопріятнѣе для „малолѣтковъ" и болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ равенства, нежели форма передѣла „по старшинству", господствующая въ Ишимскомъ округѣ,— и такимъ образомъ общинные порядки Курганскаго округа и по отношенію къ лѣсамъ, какъ и къ пашнямъ, стоятъ на высшей ступени развитія, нежели порядки, господствующіе въ Ишимскомъ округѣ: въ этомъ послѣднемъ порядки передѣла опредѣляются то однимъ, то другимъ изъ взаимно-антагонистическихъ началъ, въ Курганскомъ округѣ оба эти начала приведены къ компромиссу, и господствующая форма передѣла служитъ началу лѣсоохраненія, не нарушая въ то-же время и требованій равенства.

Чтобы покончить со способами передѣла лѣсовъ, надо еще упомянуть, что нѣкоторыя общины передѣляютъ свои лѣса двоякимъ способомъ. Не останавливаясь на подробностяхъ, необходимо указать только на одну общую подобнымъ случаямъ черту: та часть лѣса, которою крестьяне по той или другой причинѣ (лучшее качество, поддворное мѣстоположеніе) особенно дорожатъ, передѣляется обыкновенно мѣрными участками, „по старшинству", менѣе цѣнные лѣса передѣляются безъ обмѣра, „набоемъ души" или „расписываніемъ по урочищамъ".

Чтобы окончательно выяснить характеръ лѣсныхъ передѣловъ, какъ они практикуются въ южной части Тобольской губерніи, мы должны остановиться еще на двухъ вопросахъ: о *судьбѣ лѣса, растущаго на участкахъ, которые при передѣлахъ переходятъ въ другія руки*, и *объ отношеніи передѣловъ къ „рощамъ"* или „садочкамъ" *отдѣльныхъ лицъ*,—т. е. къ лѣсу, вырощенному на участкахъ, отведенныхъ въ счетъ душевого надѣла пахатной земли *).

Первый вопросъ принадлежитъ въ то-же время къ числу тѣхъ, въ которыхъ интересы „старыхъ жителей" и „малолѣтковъ" становятся въ особенно рѣзкое противурѣчіе. Интересъ „малолѣтковъ" и вмѣстѣ съ тѣмъ—бѣдной части населенія требуетъ конечно, чтобы отбираемый у „старой души" участокъ переходилъ къ „малолѣту" со всѣмъ растущимъ на немъ лѣсомъ; интересъ „старыхъ жителей",— чтобы переходило одно только *мѣсто*, а выросшій лѣсъ оставался въ пользу прежняго владѣльца. Вполнѣ послѣдовательное прове-

---

*) Къ сожалѣнію, матеріалъ по этимъ вопросамъ имѣется лишь для Ишимскаго округа. Изслѣдователь Курганскаго округа вопроса о «рощахъ» вовсе не касается, по вопросу же о судьбѣ лѣса на отбираемыхъ при передѣлахъ участкахъ говоритъ только, что «права старыхъ домоховяевъ на лѣсъ въ этихъ участкахъ такъ велики, что если приходится отрѣзать лѣсное пространство, то владѣльцамъ иногда позволяется вырубить лѣсъ на отрѣзываемыхъ участкахъ».

деніе и того, и другого порядка было-бы, конечно, несправедливо: если съ одной стороны было-бы не „по-божески“, принявъ первый порядокъ, лишить прежняго владѣльца всѣхъ плодовъ его бережливости, то съ другой — нельзя надѣлять одними пнями и ни въ чемъ не повинную „малолѣтскую“ душу. И дѣйствительно, перваго порядка въ его чистомъ видѣ мы не встрѣчаемъ нигдѣ, второй— только въ очень немногихъ общинахъ; затѣмъ въ большинствѣ случаевъ—по крайней мѣрѣ въ Ишимскомъ округѣ — общины при отрѣзкѣ лѣсныхъ участковъ разрѣшаютъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ срубать только наиболѣе крупный лѣсъ, мелкій же лѣсъ передаютъ вмѣстѣ съ мѣстомъ новымъ владѣльцамъ; при этомъ въ однихъ приговорахъ постановляется: „*строевой* лѣсъ, доставшійся кому-либо при раздѣлѣ, отдавать срубить тому лицу, кому онъ до раздѣла принадлежалъ“, или: „бревна должны быть за хозяевами, за которыми прежде былъ (лѣсъ), а мелкій въ жердь и колъ все вмѣстѣ подъ общество“; въ другихъ владѣльцамъ отбираемыхъ участковъ предоставляется „вырубить толстые *кряжи*, *жерди и бревна*, но лѣсъ въ оглоблю никто не имѣетъ права вырубать, а долженъ достаться владѣльцу новой души на ростъ...“, или разрѣшается вырубать „отрощенный лѣсъ до 3 вершковъ, а ниже трехъ вершковъ не вправѣ рубить“. Однѣ общины такимъ образомъ предоставляютъ срубать только строевыя деревья, другія — и „заплотникъ“, третьи—весь лѣсъ до жердей включительно, — но смыслъ этого порядка во всѣхъ случаяхъ одинъ и тотъ-же: въ виду необходимости надѣлить „прибылыя“ души лѣсомъ на топливо и „на выростъ“, община, не желая вмѣстѣ съ тѣмъ „обижать“ прежняго владѣльца, разрѣшаетъ ему воспользоваться тою частью лѣса, сохраненіе которой требовало отъ него наиболѣе продолжительнаго воздержанія,—слѣдовательно самымъ крупнымъ лѣсомъ, мелкій же отдаетъ „прибылымъ“ душамъ. По вынесенному нами изъ бесѣдъ съ крестьянами впечатлѣнію, такой порядокъ наиболѣе соотвѣтствуетъ правосознанію мѣстной общины, и это понятно, такъ какъ онъ представляетъ собой очень справедливый компромиссъ между вліяющими на порядки пользованія лѣсомъ антагонистическими интересами. Но побѣда его явилась результатомъ продолжительной борьбы, а мѣстами—и прямого вмѣшательства администраціи; такъ, въ одной волости Ишимскаго округа (Гагарьевской) первоначально предполагалось отбирать лѣсные участки вмѣстѣ со всѣмъ растущимъ на нихъ лѣсомъ,—и только по распоряженію крестьянскаго чиновника, вызванному жалобами владѣльцевъ рощеннаго лѣса, имъ дозволено было срубить всѣ деревья, „толще оглобли“.

Что̀ касается до „рощъ“ или „садочковъ“, то подъ этими тер-

минами въ мѣстностяхъ съ установившимся душевымъ пользованіемъ разумѣются лѣсныя насажденія, выращенныя отдѣльными общественниками на земляхъ, принятыхъ въ счетъ душевого надѣла *пахатной* земли.

Вопросъ о „рощахъ“ принадлежитъ къ числу наиболѣе затруднительныхъ для общины: если съ одной стороны нельзя игнорировать правъ владѣльцевъ „рощъ“, — правъ, основанныхъ на воздержаніи отъ дохода, который могло-бы доставить данное пространство земли при обращеніи въ пашню, то съ другой—нельзя предоставить зажиточнымъ общественникамъ неограниченное право заращивать пашни лѣсомъ, ибо это привело-бы къ образованію въ ихъ рукахъ значительныхъ непередѣляемыхъ участковъ лѣса и къ изъятію изъ общиннаго пользованія значительныхъ пространствъ пахатной земли. Въ виду этого вопросъ о „рощахъ“ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые разрѣшаются особенно разнообразно и въ зависимости, нерѣдко, отъ совершенно случайныхъ вліяній.

Наиболѣе распространеннымъ представляется тотъ способъ разрѣшенія этого вопроса, который прекрасно характеризуется слѣдующею выдержкой изъ одного общественнаго приговора: „если у кого-либо выращенный лѣсъ на пахотѣ, — и подлежитъ пахота съ лѣсомъ раздѣлу и не достанется прежнему владѣльцу, то чтобы отдать срубить прежнему владѣльцу безплатно“; или въ другомъ: „на которой пашнѣ была роща, то старому хозяину обратить лѣсъ, хотя и выкопаетъ новый“; „рощи“, такимъ образомъ, передѣляются вмѣстѣ съ окружающими ихъ пашнями; если зарощенное лѣсомъ мѣсто переходитъ въ другія руки, то нѣкоторыя общины, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, позволяютъ прежнему владѣльцу срубить *весь* выросшій лѣсъ, другія—одинъ только болѣе крупный, третьи (впрочемъ очень немногія) не позволяютъ срубить ни одного дерева, а всю поросль передаютъ вмѣстѣ съ мѣстомъ новому владѣльцу. Нѣкоторыя общины предоставляютъ разрѣшеніе вопроса о судьбѣ „рощи“ усмотрѣнію ея владѣльца: онъ можетъ или оставить „рощу“ за собой, и тогда она засчитывается ему за душевую пашню—или отказаться отъ нея, и тогда „роща“ поступаетъ въ число передѣляемыхъ лѣсовъ; другія, напротивъ, ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ отказа отъ „рощи“, а обязательно зачисляютъ ее въ счетъ душевого надѣла пашни; наконецъ нѣкоторыя общины обязательно включаютъ „рощи“ въ число передѣляемыхъ лѣсовъ, предоставляя прежнему владѣльцу преимущественное право на удержаніе ихъ въ своемъ пользованіи въ счетъ надѣльнаго лѣса.

Въ заключеніе необходимо коснуться еще вопроса объ объемѣ правъ отдѣльныхъ общественниковъ на отводимые имъ при пере-

дѣлахъ душевые лѣсные надѣлы. Вопросъ этотъ, повидимому, сталъ на очередь только въ послѣднее время: прежде каждый общественникъ былъ вполнѣ свободенъ вырубать доставшійся ему лѣсъ, продавать его на срубъ, а также выкорчевывать и обращать лѣсную площадь въ пахатную землю, — и только въ 80-хъ годахъ появилось стремленіе къ ограниченію правъ отдѣльныхъ лицъ на душевые лѣсные участки: такъ, въ нѣкоторыхъ общинахъ Ишимскаго округа установлено запрещеніе обращать лѣсныя площади въ пашню; въ нѣкоторыхъ волостяхъ того-же округа состоялись приговоры волостныхъ сходовъ, запрещающіе продажу лѣсныхъ участковъ на срубъ, а также вывозъ заготовленнаго лѣса за предѣлы волости, — и эти приговоры, хотя и не строго соблюдаемые, успѣли уже повести къ значительному сокращенію спекулятивныхъ вырубокъ лѣса. Дальнѣйшихъ шаговъ въ дѣлѣ ограниченія правъ полноправныхъ общественниковъ въ отношеніи пользованія лѣсными надѣлами — по крайней мѣрѣ въ Ишимскомъ округѣ—не дѣлалось, но мѣстами сильному ограниченію подверглись права „шатающихся" ссыльно-поселенцевъ, которые и брали лѣсъ только для того, чтобы сейчасъ-же продать его на срубъ: именно, нарѣзая лѣсъ на всѣхъ ссыльно-поселенцевъ, общины отводятъ душевые надѣлы только тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ домообзаводство, а душевыя доли „шатающихся" оставляютъ подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, какъ-бы въ неприкосновенномъ запасѣ *).

---

*) Вопросъ о дѣйствительномъ значеніи душевого пользованія лѣсами, въ смыслѣ лѣсоохраненія, вызывалъ большія разногласія между представителями мѣстной общей и спеціально-лѣсной администраціи. Въ виду этого мы считаемъ небезполезнымъ резюмировать здѣсь тѣ выводы, къ которымъ пришли лица, производившія изслѣдованіе въ мѣстностяхъ широкаго распространенія лѣсныхъ передѣловъ. На основаніи наблюденій своихъ въ Ишимскомъ округѣ пишущій эти строки пришелъ къ заключенію, что «раздѣлъ лѣса по душамъ съ тѣми оговорками (въ пользу «старыхъ хозяевъ»), до которыхъ уже додумались нѣкоторыя общины,—единственное возможное, при слабости казенной лѣсной стражи, средство для сохраненія лѣсовъ... Несомнѣнно лѣсоохранительное значеніе имѣетъ господствующій въ значительной части округа способъ передѣла лѣсовъ, сущность котораго заключается въ томъ, что за отрѣзкой оказавшагося лишнимъ пространства каждый остается въ томъ участкѣ, которымъ былъ надѣленъ по предыдущему передѣлу... Правда, этотъ порядокъ пользованія лѣса, говоря вообще, способствуетъ сосредоточенію лѣсовъ въ рукахъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, но послѣдніе возьмутъ свое при всякомъ способѣ пользованія, этотъ же способъ раздѣла съ точки зрѣнія сохраненія лѣсовъ, при мѣстныхъ условіяхъ несомнѣнно очень полезенъ». Очень обстоятельно разобранъ вопросъ г. Осиповымъ въ его работѣ по Курганскому округу («Матер.» по Зап. Сиб., вып. VIII, стр. 109—184, вып. XXI, стр. 401—413), и его выводъ тоже благопріятенъ для передѣловъ: «раздѣлъ лѣса на подворно-душевые участки введенъ

На промежуточной ступени между собственно-лѣсными насажденіями и промысловыми угодьями стоятъ *кедровники*, по своему, такъ сказать, естественному характеру принадлежащіе къ первымъ, по характеру эксплоатаціи—къ послѣднимъ *). По мѣстоположенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по основаніямъ владѣнія, кедровники распадаются на двѣ категоріи: на такъ называемые „домашніе" или „деревенскіе" и на „таёжные" или „урманные". Первые расположены внутри крестьянскихъ дачъ и состоятъ въ исключительномъ пользованіи отдѣльныхъ группъ населенія — обыкновенно отдѣльныхъ селенныхъ общинъ; исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ только кедровники Пушкаревской волости, Туринскаго округа, состоящіе въ общемъ владѣніи цѣлой волости и передѣляемые между отдѣльными селенными общинами. „Урманные" или „таёжные" кедровники расположены въ дачахъ единственнаго владѣнія казны или въ пространствахъ, гдѣ владѣнія казны не отграничены отъ крестьянскихъ и инородческихъ, но въ томъ и другомъ случаѣ фактически состоятъ въ безвозмездномъ пользованіи населенія. Это различіе весьма сильно отражается на состояніи кедровниковъ: населеніе, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ правъ на „урманные" кедровники, совершенно не считаетъ себя заинтересованнымъ въ ихъ сохраненіи; а такъ какъ и казна, по слабости лѣсного надзора, не имѣетъ возможности слѣдить за этими кедровниками, то состояніе ихъ въ высшей степени печально: кедры вырубаются какъ для того, чтобы воспользоваться древесиной, такъ и ради простого облегченія сбора орѣха; кедровники заростаютъ посторонними породами, засоряются валежникомъ, горятъ и т. д. Совсѣмъ другую картину представляютъ „деревенскіе" кедровники, встрѣчающіеся

былъ въ цѣляхъ лѣсоохранительныхъ и дѣйствительно представляетъ начало, сильно задерживающее истребленіе лѣсовъ»; поэтому лѣсные передѣлы «въ смыслѣ лѣсоохраненія были несомнѣннымъ шагомъ впередъ по сравненію со способомъ вольнаго пользованія, который ему предшествовалъ». Душевой порядокъ пользованія лѣсами, какъ разъясняетъ г. Осиповъ, не свободенъ отъ недостатковъ: онъ не можетъ обезпечить общиннымъ лѣсамъ правильнаго хозяйства и помѣшать непредусмотрительнымъ хозяевамъ уничтожать свои душевыя доли, а потому и при господствѣ этого порядка лѣса будутъ истощаться, и притомъ будутъ неравномѣрно распредѣляться между отдѣльными обществениками. Хотя, поэтому, теоретически г. Осиповъ предпочитаетъ ему порядокъ, установляемый лѣснымъ уставомъ,—правильное лѣсосѣчное хозяйство подъ надзоромъ лѣсной администраціи,—но на практикѣ, при существующихъ въ Сибири условіяхъ, онъ считаетъ этотъ порядокъ въ настоящее время неосуществимымъ, и думаетъ, что всякое посягательство на установившееся душевое пользованіе лѣсами повело-бы лишь къ усиленному ихъ истребленію.

*) «Матеріалы по Зап. Сиб.», вып. IX, стр. 181—183, вып. XIII, стр. 124—125, вып. XVIII, стр. 15—24 и 261—264.

изрѣдка на сѣверѣ Тобольской губерніи, но главнымъ образомъ— въ окрестностяхъ Томска. Каждый изъ нихъ состоитъ подъ охраною извѣстной общины, которая ясно сознаетъ свою заинтересованность въ его сохраненіи; въ нихъ, поэтому, безусловно запрещена всякая рубка *); запрещеніе это поддерживается всѣмъ авторитетомъ общины, и въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ самовольныхъ порубокъ волостной судъ наказываетъ виновныхъ въ высшей мѣрѣ предоставленной ему карательной власти; „домашніе" кедровники очищаются какъ отъ валежника, такъ и отъ подросли постороннихъ породъ и вообще содержатся въ замѣчательномъ порядкѣ; мало того,—въ окрестностяхъ Томска намъ пришлось отмѣтить случаи, когда кедровники были, такъ сказать, созданы заботами крестьянскихъ обществъ: на мѣстахъ, гдѣ мелкая кедровая поросль разбросана была между лѣсомъ другихъ породъ, крестьяне вырубали послѣдній, и кедровая поросль въ нѣсколько лѣтъ обращалась въ прекрасный кедровникъ.

Что̀ касается до формъ пользованія кедровниками, то по отношенію къ „таёжнымъ" или „урманнымъ" кедровникамъ господствуетъ ничѣмъ не регулированный захватъ: каждый желающій можетъ производить сборъ орѣха въ любомъ мѣстѣ и въ любомъ количествѣ; въ Томской губерніи это право не стѣснено даже принадлежностью къ какому-бы то ни было обществу или волости, такъ что на сборъ можетъ приходить кто угодно и откуда угодно. Огромные „урманные" кедровники сѣвера Тобольской губерніи, напротивъ, всѣ пріурочены къ тѣмъ или другимъ группамъ крестьянскаго или инородческаго населенія; самые большіе изъ нихъ считаются общимъ достояніемъ цѣлыхъ волостей, меньшіе—болѣе или менѣе значительныхъ группъ селеній. Степень неограниченности вольнаго пользованія тоже не одинакова: въ Томской губерніи, а также по отношенію къ наиболѣе отдаленнымъ кедровникамъ, и въ Тобольской, эта свобода не ограничена ничѣмъ,—всякому предоставляется начать сборъ когда угодно и съ любымъ количествомъ своихъ или наемныхъ рабочихъ; по отношенію къ болѣе близкимъ и цѣннымъ „урманнымъ" кедровникамъ на сѣверѣ Тобольской губерніи свобода захватнаго пользованія подверглась уже нѣкоторому ограниченію: время начала сбора опредѣляется общественнымъ приговоромъ, и на сборъ разрѣшается выходить только съ работниками, принадлежащими къ составу семей, наемныхъ же работни-

---

*) Срубить кедръ допускается впрочемъ въ одномъ случаѣ—на гробъ для умершаго общественника.

ковъ разрѣшается высылать только взамѣнъ больныхъ, престарѣлыхъ и вообще неспособныхъ къ труду общественниковъ.

Что̀ касается до „домашнихъ“ кедровниковъ, то по отношенію къ нимъ преобладаетъ общинно-уравнительная форма пользованія, и это обстоятельство—результатъ ограниченности размѣровъ этого рода угодій, а главное—ихъ весьма высокой, при урожаяхъ орѣха, рентной доходности. И въ самомъ дѣлѣ: тамъ, гдѣ „домашніе“ кедровники по своему ничтожному размѣру, дурному качеству насажденія и т. п. условіямъ даютъ ничтожное количество орѣха, могущее служить только „дѣтямъ на забаву“,—тамъ община не интересуется ихъ судьбою и предоставляетъ каждому „забавляться орѣхомъ“ по своему усмотрѣнію; также поступаютъ и общины, владѣющія хорошими кедровниками, при очень плохихъ урожаяхъ орѣха, когда сборъ въ лучшемъ случаѣ оплачиваетъ трудъ сборщика,—и только тамъ и тогда, гдѣ и когда орѣхъ даетъ хорошіе сборы, община такъ или иначе регулируетъ пользованіе кедровниками соотвѣтственно общинно-уравнительному началу

Сравнительно рѣдко, впрочемъ, встрѣчаются случаи передѣла кедровниковъ, передъ началомъ сбора орѣха, на душевые участки; при такомъ передѣлѣ кедры въ нѣкоторыхъ общинахъ распредѣляются на извѣстное число сортовъ, и на душу въ каждомъ сортѣ отводится опредѣленное число деревьевъ; но чаще передѣлъ производится безъ распредѣленія по сортамъ, посредствомъ „набоя“ душъ, уравновѣшивающаго размѣры и качество душевыхъ пайковъ.— Обычною формою примѣненія душевого начала къ пользованію кедровниками является форма, которую можно обозначить названіемъ *регулированнаго захвата*: самый кедровникъ не дѣлится на участки; община назначаетъ день начала сбора, а затѣмъ опредѣляетъ число работниковъ, какое можетъ выпустить на сборъ каждая раскладочная душа. На сѣверѣ Тобольской губерніи, гдѣ „деревенскіе“ кедровники очень малы, число это бываетъ дробнымъ—по человѣку съ двухъ, трехъ, четырехъ душъ, и только при самыхъ лучшихъ урожаяхъ выпускаютъ по человѣку съ души. Въ окрестностяхъ Томска, гдѣ „домашніе“ кедровники очень обширны, съ души выходитъ „лазакъ“ и, смотря по урожаю, отъ одного до трехъ „сборщиковъ“, которые собираютъ сбитый „лазакомъ“ орѣхъ. Затѣмъ, оставаясь въ предѣлахъ установленной общиной нормы, каждый общественникъ можетъ по своему усмотрѣнію распорядиться принадлежащимъ ему правомъ на участіе въ сборѣ орѣха: онъ можетъ произвести сборъ самъ, со своими домашними; можетъ, если хочетъ, нанять и выставить за себя постороннихъ лицъ, — можетъ наконецъ „продать“ свое право участія въ сборѣ постороннему

лицу, хотя-бы не принадлежащему къ общинѣ. Самый сборъ орѣха производится на захватъ, такъ что количество добытаго на душевой пай орѣха въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ ловкости и умѣнья сборщиковъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ФОРМЫ ПОЛЬЗОВАНІЯ ПАСТБИЩАМИ, УСАДЕБНЫМИ И ПРІУСАДЕБНЫМИ ЗЕМЛЯМИ И ПРОМЫСЛОВЫМИ УГОДЬЯМИ.

Формы пользованія *пастбищами* и *выгонами* *) представляютъ, какъ и формы пользованія прочими угодьями, довольно разнообразную картину, въ которой, впрочемъ, преобладаютъ захватныя и вообще свободныя формы, и только въ одномъ, очень небольшомъ по площади районѣ господствуютъ высоко-развитыя, своеобразныя формы общинно-уравнительнаго пользованія.

Въ то время, когда по отношенію къ пахатнымъ и сѣнокоснымъ землямъ господствовала типичная захватная форма пользованія и владѣніе культурными угодьями пріурочивалось къ отдѣльнымъ заимкамъ, захватное пользованіе существовало—по крайней мѣрѣ отчасти—и по отношенію къ общественнымъ пастбищамъ: каждому заимщику предоставлялось загородить въ поскòтину при своей заимкѣ часть общественныхъ пастбищъ, и отдѣльная поскòтина была необходимою составною частью всякой сколько-нибудь крупной заимки; что̀ касается до скота мелкихъ заимщиковъ и той бѣдноты, которая вовсе не имѣла заимокъ, то онъ соединялся въ общественныя стада и пасся частью въ окружающей самое селеніе, „деревенской“ поскòтинѣ (которою впрочемъ пользовались, буде желали, и заимщики, имѣющіе собственныя поскотины), частью — по неогороженнымъ пастбищамъ; нерѣдко однако заимщики претендовали для себя на исключительное право выпаса скота не только въ своихъ поскòтинахъ, но и на всемъ томъ неогороженномъ пространствѣ, которое

*) «Матеріалы» по Зап. Сиб., вып. I, стр. 100—105; вып. II, стр. 37; вып. IV, стр. 45—47; вып. V, стр. 290—294; вып. XIII, стр. 122; вып. XV, стр. 1—5; вып. XVI, стр. 79; вып. XVIII, стр. 265—276; вып. XXI. стр. 453—460. «Крест. землепольз. и хоз. Тоб. и Том. губ.», стр. 80—83. «Матеріалы» по Ирк. и Енис. губ., т. II, вып. 3, стр. 244—247; т. IV, вып. 3, стр. 227.

входило въ сферу притяженія ихъ заимокъ: они не пускали чужого скота близко подходить къ заимкамъ такъ-же точно, какъ не пускали никого „подступаться“ съ косой или сохою

Описанный порядокъ пользуется до сихъ поръ значительнымъ распространеніемъ въ Иркутской губерніи и въ ближайшей къ ней части Енисейской, гдѣ при сравнительно ограниченномъ запасѣ собственно-культурныхъ угодій абсолютный просторъ остается еще весьма значительнымъ, и загораживаніе заимочныхъ поскòтинъ, поэтому, ни для кого не стѣснительно. Напротивъ въ западно-сибирскихъ губерніяхъ, гдѣ чисто-захватныя формы пользованія вообще уже близки къ исчезновенію, община либо успѣла уже совершенно упразднить заимочныя поскòтины, либо находится на пути къ такому упраздненію; она прямо запрещаетъ огораживать поскòтины при заимкахъ, а если заимщики упорствуютъ, прибѣгаетъ иногда и къ насильственному разгораживанію ихъ поскòтинъ. Тѣмъ не менѣе, во многихъ мѣстностяхъ Тобольской и Томской губерній заимочныя поскòтины еще не исчезли, а встрѣчаются довольно часто,—главнымъ образомъ потому, что крупные заимщики, опираясь на доставляемое богатствомъ вліяніе, не подчиняются волѣ общины, а эта послѣдняя не рѣшается прибѣгнуть къ болѣе крутымъ мѣрамъ.

Затѣмъ преобладающею формой пользованія общественными пастбищами является форма вольная или вѣрнѣе, по принятой нами терминологіи, захватно-общинная, при который ни одинъ общественникъ не имѣетъ права на захватъ какой-либо части пастбищъ въ свое исключительное пользованіе, но каждый можетъ выпускать на общественныя пастбища, огороженныя и неогороженныя, въ установленномъ общиною порядкѣ, весь свой скотъ, съ обязательствомъ участвовать по общественной раскладкѣ въ городьбѣ поскòтины. Пока еще не чувствуется „утѣсненія“, общество не интересуется вопросомъ о происхожденіи и назначеніи выпускаемаго на пастьбу скота: оно дозволяетъ пасти на общественныхъ угодьяхъ и такъ называемый „хозяйственный“ скотъ, т. е. скотъ постоянно-содержимый общественниками, каково-бы ни было его количество, и „наборный“,—т. е. скотъ, закупаемый зажиточными общественниками для перепродажи; пока пастбищъ еще очень много, міръ „не препятствуетъ“ въ этомъ не только общественникамъ, но даже постороннимъ лицамъ, проживающимъ въ селеніяхъ. Но тамъ, гдѣ избытокъ пастбищъ уже не такъ великъ, „міръ посматриваетъ на это косо, напоминаетъ или намекаетъ, что пора-бы и заплатить что-нибудь, иногда и облагаетъ какимъ-нибудь „поборомъ“, но пастьбу все-таки допускаетъ“ (Личковъ); мало-по-малу община переходитъ къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій,—и

напримѣръ на югѣ Тобольской губерніи къ пастьбѣ на общественныхъ угодьяхъ допускается уже одинъ только „хозяйственный“ скотъ; если же въ составѣ общины есть крестьяне, торгующіе скотомъ, и если въ то-же время общественныя пастбища обширнѣе, нежели нужно для „хозяйственнаго“ скота, то община либо выдѣляетъ часть пастбищъ и сдаетъ ихъ подъ пастьбу „наборнаго“ скота, или же, хотя и разрѣшаетъ пасти этотъ послѣдній вмѣстѣ съ „хозяйственнымъ“ скотомъ, но за особое вознагражденіе, поступающее въ общественную кассу.

Въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи вольная форма пользованія пастбищами уже въ значительной мѣрѣ вытѣснена пользованіемъ общинно-уравнительнымъ, которое, однако по отношенію къ этого рода угодьямъ, по необходимости, облекается въ совершенно своеобразныя формы: дѣло въ томъ, что раздѣленіе *самихъ пастбищъ* на душевые паи или участки было-бы если не невозможно, то во всякомъ случаѣ крайне неудобно, такъ какъ уничтожило-бы всѣ выгоды, доставляемыя общею пастьбою скота,—а потому община пришла къ мысли уравнять по душамъ *пользованіе* пастбищами, каковая цѣль достигается путемъ особеннымъ образомъ организованнаго *обложенія.*

До извѣстной степени неравномѣрность пользованія пастбищами устраняется уже при обложеніи „залишняго“ скота, о которомъ мы упоминали въ концѣ V главы: уже при этомъ порядкѣ обложенія община какъ-бы предоставляетъ каждой душѣ безплатное пользованіе идеальною долею общественныхъ пастбищъ, соотвѣтствующею установленному на душу льготному числу головъ скота, а общественники, имѣющіе излишній противъ нормы скотъ, какъ-бы арендуютъ у общества право выпаса для излишняго числа головъ. Община, такимъ образомъ, какъ-бы устанавливаетъ для каждой раскладочной души *высшій* предѣлъ пользованія пастбищами, но совершенно не входитъ въ интересы тѣхъ малоскотныхъ хозяевъ, которые не имѣютъ возможности использовать принадлежащее имъ право пользованія; для такихъ хозяевъ это право остается мертвою буквой, и слѣдовательно уравнительное распредѣленіе пользованія пастбищами достигается лишь въ неполной мѣрѣ. Полная уравнительность достигается лишь при томъ порядкѣ, который носитъ названіе *„расположки скотскаго выпуска“* и который подробно описанъ въ Ишимскомъ и Курганскомъ округахъ. Отличіе этого порядка отъ простого обложенія „залишняго скота“ заключается въ томъ, что при „расположкѣ“ имѣющіе скота болѣе нормы уплачиваютъ за излишній скотъ не въ общинную кассу, а тѣмъ однообщественникамъ, у кого не хватаетъ скота противъ нормы. При такомъ порядкѣ уже *каждый* домохозяинъ

осуществляетъ свое право на пользованіе причитающеюся ему идеальною долею общинныхъ пастбищъ: если своего скота мало, онъ получаетъ деньги отъ многоскотныхъ хозяевъ, то есть какъ-бы сдаетъ въ аренду ту часть принадлежащей ему доли пастбищъ, которой не можетъ использовать самъ. Ясно, что „расположка“ вполнѣ удовлетворительно разрѣшаетъ трудную на первый взглядъ задачу „подушнаго раздѣла безъ фактическаго распредѣленія пастбищъ на участки“ (Осиповъ).

На практикѣ „расположка“ дѣлается такъ: сосчитывается все имѣющееся у общественниковъ количество скота, причемъ подростки считаются обыкновенно за половину, мелкій скотъ—за $^1/_5$, рѣже $^1/_4$ или $^1/_3$ головы крупнаго скота; полученная сумма дѣлится на общее число раскладочныхъ душъ, и частное представляетъ собой то число головъ, право на выпасъ котораго принадлежитъ каждой душѣ. Дѣленіе, конечно, почти никогда не удается нацѣло; иногда норма, соотвѣтствующая „скотоводной душѣ“, устанавливается все-же въ цѣломъ числѣ головъ, а плата за число головъ, оказавшееся въ остаткѣ отъ дѣленія, поступаетъ въ общественную кассу; но чаще стараются и этотъ остатокъ „разложить по душамъ“, для чего къ цѣлой цифрѣ частнаго прибавляютъ еще полголовы, четверть, даже восьмушку головы; если, напримѣръ, въ обществѣ насчитано 1,500 головъ скота, а душъ 260, то „скотоводная душа“ можетъ быть разсчитана въ 5, $5^1/_2$, $5^3/_4$ головы, а въ общественную кассу поступитъ, соотвѣтственно, плата за 200, за 70 или за 5 головъ; нѣкоторыя же общины закругляютъ частное до ближайшаго высшаго цѣлаго числа (въ данномъ примѣрѣ до 6), и за „прикинутое“ ради закругленія число головъ (въ данномъ случаѣ 60) выплачиваютъ деньги изъ общественной кассы, чаще всего—изъ денегъ, собранныхъ за скотъ проживающихъ въ обществѣ постороннихъ лицъ. Что̀ касается до размѣровъ „платы за выпускъ“, то они установляются ежегодно общественнымъ приговоромъ, и колеблются между 15 и 30 копѣйками съ головы крупнаго скота и соотвѣтственной дроби—съ подростковъ и овецъ.

Описанный порядокъ зародился повидимому въ Курганскомъ округѣ, гдѣ въ настоящее время онъ распространенъ почти повсемѣстно: „во всемъ Курганскомъ округѣ, говоритъ г. Осиповъ,—въ настоящее время не найдется и десятка общинъ, гдѣ скотскіе выпуски не разверстывались-бы указаннымъ выше порядкомъ“, да и здѣсь, по мнѣнію г. Осипова, вольное, нерегулированное пользованіе пастбищами, поддерживаемое вліяніемъ богачей, должно скоро уничтожиться. Изъ Курганскаго округа „расположка“ проникла въ смежныя съ нимъ волости Ишимскаго и, вѣроятно, Ялуторовскаго: ко вре-

мени изслѣдованія этотъ порядокъ урегулированія пользованія пастбищами частью въ чистомъ видѣ, частью въ комбинаціи съ обложеніемъ скота въ пользу общественной кассы, распространился по всей юго-западной окраинѣ Ишимскаго округа, смежной съ Курганскимъ округомъ, и примѣняется съ каждомъ годомъ все бо́льшимъ числомъ общинъ.

Особенно развитые порядки душевого пользованія общественными пастбищами можно было-бы ожидать встрѣтить на сѣверѣ Тобольской губерніи,—въ Туринскомъ округѣ и въ ближайшихъ къ нему частяхъ Тобольскаго и Тюменскаго,—гдѣ душевое пользованіе, вообще говоря, достигло очень высокой степени развитія и гдѣ притомъ количество пастбищъ сравнительно очень ограничено. Между тѣмъ въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ даже и зачатковъ душевого пользованія пастбищами, и принципъ вольнаго пользованія примѣняется къ этого рода угодьямъ безъ всякаго ограниченія: „не къ чему поборъ на скотину класть, говорятъ крестьяне: у кого души, у того и скотина",—и такой взглядъ вполнѣ соотвѣтствуетъ общему складу мѣстнаго крестьянскаго хозяйства: скотоводство не имѣетъ здѣсь того значенія самостоятельнаго источника благосостоянія, какимъ оно является на югѣ Тобольской губерніи; главная цѣль содержанія скота—производство навоза, а разъ это такъ, то количество скота у отдѣльныхъ домохозяевъ должно быть приблизительно пропорціонально размѣрамъ запашекъ, а слѣдовательно и разверсткѣ земельно-платежныхъ душъ. Приблизительное соотвѣтствіе пользованія выгонами и пастбищами съ раскладкою платежей, такимъ образомъ, устанавливается само собою, а если и встрѣчаются отдѣльныя нарушенія этого соотвѣтствія, то они недостаточно многочисленны и рѣзки для того, чтобы обратить на себя вниманіе общины.

Пастьба скота на общинныхъ пастбищахъ, существенную часть которыхъ составляетъ общественная поскòтина, сопряжена съ необходимостью устройства и поддержанія городьбы вокругъ этой послѣдней, въ видахъ, частью, огражденія отъ потравъ культурныхъ угодій, пашенъ и покосовъ, частью—предупрежденія потерь скота. Поэтому и пользованіе выпускомъ сопряжено съ особою повинностью огораживанія поскòтины, о способахъ раскладки которой будетъ умѣстно сказать здѣсь нѣсколько словъ *).

Поскòтина загораживается *для скота*, а потому наиболѣе естест-

---

*) «Матер.» по З. Спб., вып. V, стр. 93—94; вып. XIII, стр. 42—45; вып. XVIII, стр. 267—271; вып. XXI, стр. 454—455; «Матер.» по Ирк. и Енис. губ., т. II, вып. 3, стр. 245—246.

венною представляется, на первый взглядъ, раскладка „поскòтинной повинности“ по числу головъ скота. Этотъ порядокъ раскладки, дѣйствительно, преобладаетъ еще и въ настоящее время, а еще недавно былъ вѣроятно единственнымъ примѣнявшимся къ раскладкѣ мірской городьбы. Учетъ скота для раскладки ведется на разнообразныхъ основаніяхъ; такъ, въ Ишимскомъ округѣ городьба большею частью раскладывается исключительно на *крупный* скотъ—равными долями на всякую скотину старше одного года; въ Курганскомъ въ раскладкѣ участвуетъ весь скотъ, но зато крупная скотина въ возрастѣ отъ 1 до 3 лѣтъ считается не „голова за голову“, а двѣ или три за одну, овцы—по пяти за одну крупную, свиньи же, какъ животное „пакостливое“, считаются вровнѣ съ крупной скотиной. Самая раскладка въ однѣхъ общинахъ повѣряется ежегодно, въ другихъ—разъ установленная раскладка остается въ силѣ, пока не произойдетъ существенныхъ измѣненій въ распредѣленіи скота между домохозяевами и не возникнутъ со стороны части общественниковъ усиленныя ходатайства о повѣркѣ разсчета; самое распредѣленіе городьбы въ натурѣ производится по принципу „старшинства“,—такъ что каждый домохозяинъ остается, за должными прибавками или отчисленіями, на томъ участкѣ, который городилъ раньше. При разверсткѣ принимаются затѣмъ во вниманіе и различія,—гдѣ таковыя есть,—въ качествѣ городьбы: нерѣдко случается, что край поскòтины, прилегающій къ пашнѣ, заливному лугу, чужой межѣ и т. п., огораживается болѣе частою и крѣпкою изгородью, нежели остальныя ея части, особенно если часть поскòтины примыкаетъ къ лѣсу, болоту, горѣ и т. п.; въ такихъ случаяхъ „частая“ изгородь всегда разверстывается отдѣльно отъ остальной, требующей менѣе тщательнаго содержанія.

Но мірская городьба содержится далеко не исключительно въ интересахъ владѣльцевъ скота; каждый домохозяинъ тѣмъ болѣе заинтересованъ въ существованіи городьбы, чѣмъ больше у него культурныхъ угодій — пашни и покоса, могущихъ пострадать отъ потравъ: „кабы не пашня да покосъ, говорятъ крестьяне, и городить-бы не надо“; съ другой стороны скотъ—особенно при частыхъ падежахъ—является слишкомъ подвижнымъ основаніемъ раскладки: при возобновленіи послѣдней черезъ продолжительные промежутки времени, она легко можетъ перестать соотвѣтствовать дѣйствительному распредѣленію скота, распредѣлять же ежегодно—слишкомъ много возни и хлопотъ. И вотъ, въ Иркутской губерніи наряду съ раскладкой по скоту является раскладка „по количеству пахатной земли (принимая въ соображеніе, что поскòтина дѣлается для того, чтобы сберечь пашню отъ потравы скотомъ,—„у кого пашни

больше, тотъ и городи больше"), или по числу могущихъ душъ (могущая душа обыкновенно пользуется покосомъ, а покосъ нуженъ для скота); въ окрестностяхъ Томска раскладка по скоту; также постепенно вытѣсняется раскладкою по „годнымъ" душамъ: изслѣдованіе застало еще въ однихъ обществахъ раскладку по скоту, въ другихъ эта послѣдняя была уже совершенно оставлена, и городьба раскладывается по душамъ; въ третьихъ раскладка производится смѣшаннымъ способомъ: на каждую душу назначается опредѣленное число саженъ изгороди, а остатокъ раскладывается равными долями на скотъ.

Но едва-ли не наиболѣе существенное значеніе вопросъ о городьбѣ имѣетъ для тѣхъ мѣстностей, гдѣ установилось правильное трехпольное хозяйство,—слѣдовательно для сѣвера Тобольской губерніи: здѣсь огораживается не только поскóтина, но и „поддворная" пашня, обносимая общею наружною изгородью и разгораживаемая на три „перемѣны". Раскладка городьбы исключительно по скоту ложилась-бы на этотъ послѣдній слишкомъ тяжело, а потому здѣсь издавна практикуется раскладка по двоякому основанію—на скотъ и на души; при этомъ въ однѣхъ общинахъ по скоту разверстывается только „поскóтинная" изгородь, всѣ же „полевыя" — по душамъ; въ другихъ на скотъ раскладывается и наружная изгородь, охватывающая всѣ пашни, а на души—только изгороди, отдѣляющія „перемѣны" одну отъ другой, и т. д.. Но въ послѣднее время—подъ вліяніемъ отчасти сильныхъ падежей — община начинаетъ тяготиться раскладкой по скоту и переходитъ—по крайней мѣрѣ въ Туринскомъ округѣ—къ чисто-душевой разверсткѣ, исходя изъ того соображенія, что „кабы не пашня да покосъ,—и городить-бы не надо, а пашня и покосъ по душамъ подѣлены"; въ сѣверной половинѣ Туринскаго округа подушная разверстка успѣла уже совершенно вытѣснить смѣшанную, въ южной же эта послѣдняя продолжаетъ еще примѣняться въ большинствѣ общинъ.

Переходя затѣмъ къ вопросу о порядкахъ пользованія *усадебными* землями *) мы должны остановиться прежде всего на мѣстахъ собственно усадебныхъ, т. е. занятыхъ домами и дворовыми мѣстами.

*) «Матеріалы» по Зап. Сиб., вып. I, стр. 73; вып. II, стр. 30; вып. V, стр. 285—294; вып. VI, стр. 29; вып. XIII, стр. 122—124; вып. XVIII, стр. 271—273, вып. XXI, стр. 452—460 «Крест. землепольз. Тоб. и Том. губ.», стр. 83—86. «Матеріалы» по Ирк. и Енис. губ., т. II, вып. 3, стр. 237—243 pass., вып. 6, стр. 94—97, т. IV, вып. 3, стр., 199—212, а также 142 и слѣд.

По отношенію къ этимъ послѣднимъ пользованіе отдѣльныхъ общественниковъ можетъ подвергаться двоякаго рода регулирующему воздѣйствію: со стороны администраціи, преслѣдующей интересы строительной полиціи, и со стороны общины, дѣйствующей въ интересахъ уравнительности.

Всѣ вновь образованныя выходцами изъ Европейской Россіи, за послѣднія нѣсколько десятковъ лѣтъ, селенія возникали на мѣстахъ указанныхъ или разрѣшенныхъ администраціей, и строились на основаніи составленныхъ этою послѣднею плановъ. Напротивъ въ прежнее время селенія возникали и расширялись естественнымъ путемъ, каждый строился гдѣ ему хотѣлось и гдѣ онъ находилъ для себя болѣе выгоднымъ и подходящимъ *), — и такое старое селеніе обыкновенно сразу бросается въ глаза крайне безпорядочнымъ расположеніемъ домовъ и дворовъ и многочисленными, узкими и путанными улицами и переулками. На такія старыя селенія также составлялись планы, которые утверждались надлежащею властью,— но для нихъ планы являлись выраженіемъ не дѣйствительнаго, а *желательнаго* размѣщенія усадебъ: эти послѣднія стоятъ по „старымъ занятіямъ", и только вновь образующіеся путемъ раздѣловъ или вновь приселяющіеся дворы водворяются на плановые участки; общее перераспредѣленіе усадебъ по плановымъ мѣстамъ происходило почти исключительно въ такихъ селеніяхъ, которыя послѣ распланированія, цѣликомъ или частью, выгорали,—хотя бывали и такіе случаи, когда усадьбы перераспредѣлялись согласно плану и безъ пожара или подобнаго повода, просто въ виду сознаннаго удобства планового размѣщенія.

Что̀ касается до возникновенія и характера правъ отдѣльныхъ лицъ по отношенію къ усадебнымъ мѣстамъ, то до настоящаго времени почти повсемѣстно преобладаетъ порядокъ, основанный на чистомъ захватѣ: каждое вновь образующееся домохозяйство занимало подъ усадьбу въ томъ мѣстѣ и столько земли, гдѣ и сколько находило нужнымъ; захваченная такимъ образомъ земля переходила по наслѣдству въ порядкѣ, установленномъ мѣстнымъ обычнымъ правомъ; при семейныхъ раздѣлахъ новыя домохозяйства либо устраивались на усадебной землѣ коренныхъ дворовъ, съ разрѣшенія этихъ послѣднихъ, либо, опять-таки никого не спрашиваясь, занимали подъ усадьбу нужное количество земли изъ общинной поско̀тины.

Такой порядокъ пользованія и до сихъ поръ пользуется широкимъ распространеніемъ: старые дворы, независимо отъ ихъ состава

---

*) Такой-же процессъ естественнаго разселенія можно наблюдать и сейчасъ на разростающихся заимкахъ.

и дѣйствительной потребности, продолжаютъ занимать захваченныя ими ранѣе усадебныя земли; новые изыскиваютъ себѣ мѣста для усадебъ, какъ знаютъ: они либо приселяются къ своимъ кореннымъ дворамъ, либо покупаютъ у кого-нибудь ненужный ему кусокъ усадебнаго мѣста, либо приселяются къ дворамъ, имѣющимъ лишнюю усадебную землю, безъ всякой платы — „изъ чести", либо садятся на мѣста выморочныхъ дворовъ, либо наконецъ занимаютъ свободныя мѣста на окраинахъ селенія, — все это, не спрашиваясь у общины и безъ всякаго съ ея стороны содѣйствія.

Такой порядокъ не можетъ не вести къ крайней неравномѣрности распредѣленія усадебныхъ земель. Но вмѣшательство общины въ порядки пользованія усадьбами вызывается первоначально не этою неравномѣрностью, а неизбѣжно происходящими при самовольномъ разселеніи усадебными спорами: рѣдкіе, пока селеніе размѣщается просторно, эти споры становятся все чаще по мѣрѣ роста каждаго даннаго селенія и развитія въ немъ усадебной жизни. Когда общинѣ пришлось уже разрѣшить нѣсколько подобныхъ споровъ, она начинаетъ чувствовать неудобства, связанныя съ самовольнымъ захватомъ усадебныхъ мѣстъ,—а потому начинаетъ требовать, чтобы вновь возникающія дворы уже не садились самовольно, а занимали мѣста подъ усадьбы съ общественнаго вѣдома и разрѣшенія. Такимъ образомъ появляются первые отводы, сначала неформальные, въ видѣ словеснаго указанія схода или старосты съ понятыми, впослѣдствіи— облекающіеся въ форму писанныхъ отводныхъ приговоровъ.

Такимъ образомъ община вначалѣ какъ будто-бы не идетъ далѣе простой регистраціи факта возникновенія новыхъ усадебъ. Но разъ вступивъ на путь отводовъ, она и здѣсь очень скоро переходитъ къ отводамъ-отрѣзкамъ, — къ сокращенію занимаемыхъ старыми дворами чрезмѣрно-обширныхъ усадебныхъ мѣстъ: она стремится приселить вновь образующееся путемъ раздѣла домохозяйство къ коренному двору, и только въ томъ случаѣ соглашается отвести новому двору мѣсто на краю деревни, если видитъ, что онъ не можетъ помѣститься на усадебномъ мѣстѣ коренного двора. Этимъ путемъ уже до нѣкоторой степени устраняется чрезмѣрная неравномѣрность въ распредѣленіи усадебныхъ мѣстъ, — но тѣ дворы, въ составѣ которыхъ не происходитъ раздѣловъ, могутъ еще долго оставаться при старыхъ, обширныхъ усадьбахъ. Другія общины идутъ дальше, и не только приселяютъ новыя домохозяйства къ ихъ кореннымъ дворамъ, но дѣлаютъ для нихъ отрѣзки отъ усадебъ всѣхъ вообще старыхъ дворовъ, имѣющихъ слишкомъ большія усадьбы, причемъ начинаютъ обыкновенно съ тѣхъ, у кого часть занятаго подъ усадьбы мѣста остается совершенно неиспользован-

ною или эксплоатируется для сѣнокошенія и т. п. назначеній, несвойственныхъ пріусадебнымъ землямъ, — у кого, слѣдовательно, явно захвачено болѣе земли, нежели ему требуется. Переходя постепенно отъ одного стараго двора къ другому, такія отрѣзки мало-по-малу будутъ пріобрѣтать болѣе точный характеръ и устранятъ всякую явную неравномѣрность въ распредѣленіи усадебныхъ земель. Но это наступитъ не скоро даже и въ западно-сибирскихъ губерніяхъ, въ восточно-сибирскихъ же самыя отрѣзки „получили полное признаніе и вошли въ практику только въ немногихъ селеніяхъ; въ нѣкоторыхъ они находятся уже на пути къ такому признанію, въ нѣкоторыхъ—въ періодѣ зарожденія“ (Дубенскій). Исключеніе составляетъ впрочемъ Верхоленскій округъ, Иркутской губерніи; здѣсь отводы-отрѣзки вошли въ обычай уже въ половинѣ всего числа общинъ—въ 62 общинахъ изъ 124-хъ, причемъ однако только въ 17 общинахъ существуетъ опредѣленная норма двороваго усадебнаго мѣста, а въ 35 общинахъ нормы нѣтъ, а отрѣзки дѣлаются по „усмотрѣнію“ міра, соображаясь съ размѣрами семьи, степенью ея достатка и т. п.

Такимъ образомъ съ усадебными землями происходитъ тотъ самый процессъ постепеннаго перехода отъ зачаточной захватной формы къ уравнительному пользованію, какой мы изучили уже по отношенію къ пашнямъ и сѣнокосамъ; разница въ томъ, что въ согласіи съ характеромъ эксплоатаціи усадебныхъ земель этотъ процессъ происходитъ по отношенію къ нимъ гораздо медленнѣе и обѣщаетъ привести къ полному уравненію развѣ только въ отдаленномъ будущемъ; только на юго-западѣ Тобольской губерніи, а также въ Верхоленскомъ округѣ, отмѣчены единичныя болѣе рѣшительныя попытки общинъ въ этомъ направленіи: такъ, въ одномъ селеніи Ишимскаго округа и въ трехъ селеніяхъ Верхоленскаго всѣ усадебныя земли были перемѣрены, и дворамъ, имѣвшимъ менѣе усадебной земли, неужели другіе, прирѣзаны были подъ огороды добавочныя мѣста за деревней,—послѣ чего дальнѣйшіе захваты были запрещены; въ нѣсколькихъ общинахъ Курганскаго округа и въ одномъ селеніи Верхоленскаго была сдѣлана попытка включить усадьбы въ общій передѣлъ угодій: онѣ были измѣрены и засчитаны наравнѣ съ первосортными пашнями, такъ что при передѣлѣ общественники, имѣвшіе непропорціонально много усадебной земли, получили соотвѣтственно менѣе пашни. Но эти попытки представляются совершенно единичными, вообще-же говоря порядки пользованія усадебными землями, идя тѣмъ-же путемъ развитія, стоятъ еще на далеко низшей ступени, нежели порядки пользованія другими угодьями.

Развитіе формъ пользованія опредѣляется и по отношенію къ усадебнымъ землямъ, прежде всего, прогрессирующимъ „утѣсненіемъ“ и возрастающею цѣнностью угодій,—а потому все, что усиливало „утѣсненіе“ или увеличивало цѣнность усадебъ, вело и къ ускоренію процесса этого развитія; изслѣдованіемъ Енисейской губерніи констатировано, что во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ отводы-отрѣзки уже утвердились и получили болѣе или менѣе широкое распространеніе, „имѣютъ мѣсто нѣкоторыя физико-географическія особенности, способствующія быстрому образованію утѣсненности и неравномѣрности“, — какъ напр. расположеніе селенія на берегу, размываемомъ водою; непосредственная близость къ усадьбамъ пахатныхъ земель или болотъ, не позволяющая селенію распространяться вширь; трудность доступа къ рѣкѣ или немногочисленность мѣстъ, гдѣ можно копать колодцы, и т. п.. Съ другой стороны цѣнность усадебной земли нигдѣ не такъ высока, какъ въ трактовыхъ и торговыхъ селеніяхъ,—и въ этихъ селеніяхъ община въ гораздо большей мѣрѣ ограничиваетъ иниціативу отдѣльныхъ домохозяевъ въ дѣлѣ занятія усадебныхъ мѣстъ, нежели въ „забошныхъ“ селахъ, — причемъ во многихъ трактовыхъ селахъ въ сторонѣ отъ главной улицы не требуется никакого отвода подъ усадьбы, и земля продолжаетъ захватываться безпрепятственно; напротивъ на главной улицѣ и на базарной площади, гдѣ владѣніе усадьбами приноситъ значительныя выгоды и цѣнность ихъ высока, усадьбу можно получить не иначе, какъ путемъ общественнаго отвода, обыкновенно связаннаго съ отрѣзкой земли отъ прежняго владѣльца.

Въ изложенномъ ходъ развитія порядковъ пользованія усадебными землями не представляетъ по существу отличій отъ хода развитія формъ пользованія другими угодьями. Но изслѣдованіемъ восточно-сибирскихъ губерній выяснена существенная особенность, почти упущенная изъ виду западно-сибирскими изслѣдователями,— именно показано, что по отношенію къ усадьбамъ немаловажное вліяніе оказала дѣятельность администраціи, направленная къ установленію планового порядка, такъ какъ сильно способствовала проведенію того взгляда, что пользованіе усадьбами въ той-же мѣрѣ подчиняется общественному регулированію, какъ и пользованіе иными угодьями. Мимоходомъ объ этомъ упоминаетъ г. Личковъ въ работѣ о формахъ землепользованія Верхоленскаго округа; онъ указываетъ именно, что норма усадебныхъ отводовъ „мѣстами выработалась не сама собой, а съ того момента, какъ на селеніе составленъ планъ,... коимъ и руководствуется міръ въ подобныхъ случаяхъ“. Подробнѣе на этомъ вопросѣ останавливается г. Дубенскій, котораго соображенія резюмируются слѣдующимъ образомъ.

Въ селеніяхъ, на которыя имѣется планъ, новые дворы садятся уже не по своему усмотрѣнію, а на плановыя мѣста, — и такимъ образомъ отводы въ интересахъ планового порядка возникаютъ задолго до отводовъ, направленныхъ къ уравнительному распредѣленію усадебныхъ земель. „Но, говоритъ г. Дубенскій,—тамъ, гдѣ усадебная утѣсненность не даетъ себя чувствовать, гдѣ пригодныхъ для застройки мѣстъ много,—тамъ всякія попытки придерживаться плана являются безрезультатными, и захватъ незастроенныхъ мѣстъ практикуется безъ всякихъ ограниченій". Такимъ образомъ даже отводы въ интересахъ планового порядка являются уже результатомъ нѣкотораго „утѣсненія". Сначала такіе отводы направляются обыкновенно на мѣста, никѣмъ не занятыя,—и затѣмъ уже мало-по-малу распространяются и на такія, которыя уже находятся въ чьемъ-либо пользованіи. „Строго придерживаясь плана и настаивая на его точномъ исполненіи, общество начинаетъ отводить подъ дворовыя мѣста огороды, огуменники и телятники, если этого рода угодья находятся на мѣстахъ, назначенныхъ по плану для застройки. Но подобные отрѣзы общество, естественно, старается дѣлать лишь въ случаяхъ особой необходимости и притомъ только отъ пріусадебныхъ мѣстъ наиболѣе просторныхъ, такъ что вступивъ на путь отводовъ-отрѣзокъ, хотя-бы сначала единственно въ интересахъ усадебнаго порядка, общество уже неизбѣжно должно считаться и съ фактомъ сравнительной обезпеченности усадебной землей какъ лица, получающаго отрѣзокъ, такъ и лица, изъ пользованія котораго послѣдній изымается",—и такимъ образомъ начинаетъ проводиться въ жизнь и по отношенію къ усадьбамъ та-же идея уравнительности, которая лежитъ въ основаніи процесса развитія формъ пользованія всѣми прочими угодьями.

Такимъ образомъ, медленно и постепенно, право общества распоряжаться усадебными землями пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе реальный характеръ, и напротивъ—отношенія отдѣльныхъ лицъ къ усадебнымъ землямъ утрачиваютъ свою прочность и неподвижность. Казалось-бы, что появленіе отводовъ, нивеллируя пользованіе усадьбами, самовольно-захваченными, могло придать новую прочность владѣнію усадьбами, отведенными властью общины; на такое предположеніе даетъ право и обычная редакція отводныхъ приговоровъ, установляющихъ „полное", „потомственное", „безспорное" владѣніе усадьбами; въ дѣйствительности однако приговоры ограждаютъ интересы владѣльцевъ усадебъ лишь *противъ отдѣльныхъ лицъ*, для общины же не имѣютъ связующаго значенія: „отведенными" усадьбами община, при надобности, распоряжается такъ-же свободно, какъ состоящими въ простомъ захватномъ пользованіи.

Вмѣстѣ съ ненарушимымъ правомъ *владѣнія* усадебными землями, отдѣльное лицо постепенно утрачиваетъ и право *распоряженія* ими: при господствѣ неограниченнаго захвата каждый общественникъ не только владѣлъ своею усадьбой и передавалъ ее по наслѣдству, но могъ и *продавать* усадебную землю и однообщественникамъ, и даже постороннимъ лицамъ. Параллельно развитію системы отводовъ идутъ попытки общины, все болѣе и болѣе настойчивыя, ограничить и право отчужденія усадебныхъ земель „навѣчно". Въ настоящее время „такихъ селеній, гдѣ-бы самостоятельное право продажи усадебныхъ мѣстъ признавалось за отдѣльными домохозяевами безусловно и безъ всякихъ ограниченій, весьма немного: но немного и такихъ селеній, гдѣ-бы подобное право было уже совершенно уничтожено,—въ значительномъ же большинствѣ случаевъ наблюдаются только попытки его ограничить, сдѣлавшія болѣе или менѣе значительные успѣхи" (Дубенскій); однѣ общины постановили уже прямые приговоры, запрещающіе отчужденіе усадебныхъ земель, или просто игнорируютъ такія сдѣлки, разсматривая ихъ исключительно какъ сдѣлки на продажу *построекъ*, а не земли; другія, запрещая продавать усадебную землю постороннимъ лицамъ, разрѣшаютъ продавать ее односельчанамъ, или допускаютъ продажу хотя-бы постороннимъ лицамъ, но подъ условіемъ предварительнаго испрошенія согласія общества, или, не разрѣшая продажи незастроенной части усадебныхъ мѣстъ, позволяютъ отчуждать землю подъ домами и вообще застройкой; есть еще и общины, допускающія продажу усадебныхъ земель безъ всякихъ ограниченій,—но всюду, заключая словами г. Дубенскаго, „развитіе усадебно-поземельныхъ отношеній приводитъ къ одинаковымъ результатамъ, — къ тому именно, что право отдѣльныхъ лицъ распоряжаться усадебными землями путемъ отчужденія ограничивается все болѣе и болѣе и въ концѣ концовъ отрицается совершенно".

Все изложенное относится исключительно къ усадебнымъ землямъ въ тѣсномъ смыслѣ,—къ дворовымъ мѣстамъ. Всѣ остальные виды усадебныхъ земель—огороды, огуменники, телятники и т. п.—почти повсемѣстно находятся еще въ типичномъ захватномъ владѣніи, и если община иногда проявляетъ по отношенію къ нимъ свое право владѣльца-распорядителя, то единственно лишь тогда, когда это необходимо въ интересахъ регулированія пользованія дворовыми мѣстами,—она беретъ у одного общественника часть телятника, огуменника и т. п. лишь для того, чтобы имѣть возможность отвести другому дворовое мѣсто. Что̀ касается въ частности до *огородовъ*, то извѣстенъ лишь одинъ случай, гдѣ община урегулировала пользованіе этими послѣдними: именно, въ одномъ расположенномъ

вблизи Красноярска селеніи, снабжающемъ городъ овощами, путемъ постепенныхъ отрѣзокъ достигнуто вполнѣ равномѣрное распредѣленіе огородовъ между домохозяевами; затѣмъ даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ пригородный районъ Томскаго округа, гдѣ огородничество очень развито, огороды обширны и даютъ значительный доходъ, они состоятъ еще въ захватномъ пользованіи; только для занятія вновь земли подъ огородъ требуется разрѣшеніе общины, которая отказываетъ въ разрѣшеніи, если просящій имѣетъ уже довольно большой огородъ или если выдѣлившееся домохозяйство можетъ воспользоваться частью огорода коренного двора. Въ другихъ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ большихъ огородовъ, гдѣ огородничество лишь мало развито, не существуетъ и такого ограниченія, и захватное пользованіе держится по отношенію къ огородамъ безъ какихъ-либо ограниченій. Исключеніе составляютъ только *коноплянники*, существующіе, какъ особый видъ усадебныхъ угодій, лишь въ одной мѣстности—въ сѣверо-западномъ углу Ишимскаго округа: коноплеводство является здѣсь однимъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія; конопля сѣется на густо-удобренной землѣ; удобными для унаваживанія пріусадебными землями поэтому чрезвычайно дорожатъ,—и земли эти были раздѣлены на душевые участки еще въ то время, когда всѣ остальныя угодья продолжали состоять въ захватномъ пользованіи.

Относительно формъ пользованія *промысловыми угодьями* имѣются свѣдѣнія почти исключительно по западно-сибирскимъ губерніямъ. Наиболѣе важное значеніе изъ этой группы угодій имѣютъ *рыболовныя угодья*, на которыхъ мы прежде всего и остановимся *), причемъ ради выясненія формъ пользованія этою категоріей угодій намъ придется коснуться вкратцѣ и организаціи рыболовнаго промысла.

По отношенію къ рыболовнымъ угодьямъ встрѣчается троякій порядокъ пользованія: съ одной стороны, наиболѣе крупныя изъ рыболовныхъ угодій нерѣдко сдаются обществами въ аренду рыбопромышленникамъ-капиталистамъ, и арендная плата обращается въ пользу мірскихъ суммъ; этотъ-же способъ эксплоатаціи примѣняется иногда и къ менѣе крупнымъ угодьямъ, — между прочимъ и въ

---

*) «Матеріалы» по Зап. Спб., вып. I, стр. 238; вып. III, стр. 420 и слѣд.; вып. XI, стр. 215—219; вып. XII, стр. 245 и слѣд.; вып. XIII, стр. 125—128; вып. XV, стр. 171, 185—189; вып. XVIII, стр. 174 и слѣд.. «Крест. земленольз. и хоз. Тоб. и Том. губ.», стр. 86—89.

томъ случаѣ, когда эти послѣднія слишкомъ мелки и недостаточно доходны для общественно-артельной эксплоатаціи; съ другой стороны по отношенію къ тѣмъ рыболовнымъ угодьямъ, которыя крестьяне эксплоатируютъ непосредственно, не прибѣгая къ сдачѣ въ аренду, примѣняется иногда порядокъ вольнаго пользованія, иногда — порядокъ, который можно назвать общинно-артельнымъ. Промыселъ „мелкою снастью", т. е. такими орудіями, которыя могутъ быть приведены въ дѣйствіе силами одного человѣка (удочки, мелкія сѣти, переметы, самоловы и т. п.), всегда организуется по первому изъ этихъ принциповъ: каждый общинникъ можетъ удить рыбу, ловить ее сѣтями, фитилями и т. п., гдѣ ему угодно и сколько ему угодно, не стѣсняясь въ большинствѣ случаевъ даже границами общиннаго землевладѣнія: преобладаетъ взглядъ, что рыболовныя угодья — „Божья пазуха", что рыба дана Богомъ на общую пользу, и что поэтому запрещать кому-либо, хотя-бы и постороннему лицу, ловлю рыбы „на свою потребу" или брать за это деньги—грѣшно; нѣкоторыя общины однако предоставляютъ право ловли рыбы даже „мелкою снастью" исключительно своимъ общественникомъ, постороннихъ же лицъ пускаютъ ловить рыбу не иначе, какъ за извѣстную арендную плату.

Что̀ касается до ловли рыбы большими снарядами — неводами и т. п., которые необходимо требуютъ совмѣстной работы нѣсколькихъ человѣкъ, то право на такую ловлю вездѣ составляетъ исключительное достояніе тѣхъ общественныхъ союзовъ — селеній или группъ селеній, въ сферу землевладѣнія которыхъ входятъ данныя угодья. Ловля рыбы такими снарядами въ силу технической необходимости всегда организуется артельно, но это артельное начало, въ свою очередь, проявляется въ двоякой формѣ: съ одной стороны мы видимъ артель вольную, съ другой—артель-общину; въ первомъ случаѣ артель для ловли рыбы на общинныхъ угодьяхъ составляется изъ желающихъ (но все-же непремѣнно общественниковъ), лица-же, не пожелавшія принять активнаго участія въ промыслѣ, никакой выгоды отъ послѣдняго не получаютъ; во второмъ—въ артели участвуютъ всѣ общественники, пропорціонально числу земельныхъ разверсточныхъ душъ; не желающій лично участвовать въ промыслѣ можетъ переуступить свое право на такое участіе — свою „водную душу"—за плату, размѣръ которой, разумѣется, зависитъ отъ ожидаемаго средняго на разверсточную душу улова рыбы. Вольная артель въ свою очередь организуется различнымъ образомъ: въ однихъ случаяхъ она составляется изъ равноправныхъ пайщиковъ, каждый изъ которыхъ одинаково участвуетъ въ промыслѣ и своимъ трудомъ, и своею долею въ снаряженіи невода или иного рыболов-

наго снаряда; въ другихъ неводъ принадлежитъ одному лицу, нерѣдко лично не принимающему участія въ ловлѣ, остальныя же участвуютъ только трудомъ, отдавая за право пользованія неводомъ бо̀льшую или меньшую долю улова; владѣлецъ невода нерѣдко является и скупщикомъ рыбы, а часто въ то-же время и кредиторомъ остальныхъ участниковъ, благодаря чему послѣдніе становятся отъ него въ зависимое положеніе.

Что̀ касается до артели-общины, то организація ея весьма проста; чтобы ясно понять эту организацію, надо только имѣть въ виду различіе между „паемъ", иначе — „дѣлью", и „душой": пай—единица производственная, душа—распредѣлительная; число „паевъ" соотвѣтствуетъ числу рабочихъ, необходимому для дѣйствія даннаго рыболовнаго снаряда; „души", по которымъ разверстывается уловъ, обыкновенно соотвѣтствуютъ земельно-податнымъ разверсточнымъ душамъ. Число „паевъ" лишь очень рѣдко, въ маленькихъ инородческихъ общинахъ, владѣющихъ хорошими угодьями, бываетъ равно числу „душъ", а обыкновенно бываетъ значительно меньше послѣдняго, причемъ соотношеніе между тѣмъ и другимъ числомъ представляется весьма непостояннымъ: если напримѣръ нѣсколько общинъ владѣютъ рыболовными песками, для эксплоатаціи которыхъ нужно по неводу съ 20-ю рабочими, то артель въ каждой изъ этихъ общинъ составится изъ 20-ти „паевъ" или „дѣлей", хотя право на участіе въ промыслѣ имѣютъ, можетъ быть, въ одномъ случаѣ 60, въ другомъ—100, въ третьемъ—300 душъ, и слѣдовательно на пай придется въ первомъ случаѣ 3, во второмъ—5, въ третьемъ—15 душъ. Чтобы согласовать распредѣленіе труда съ распредѣленіемъ продукта, поступаютъ такимъ образомъ: число душъ въ общинѣ дѣлится на число „паевъ", т. е. необходимыхъ для промысла рабочихъ, и затѣмъ всѣ общественники группируются въ небольшія артели, въ составъ каждой изъ которыхъ входитъ число душъ, соотвѣтствующее получившемуся частному; каждая такая артель ставитъ часть невода („дѣль") и высылаетъ ежедневно по одному рабочему, а продуктъ улова, доставшійся на „пай", дѣлится между участниками пропорціонально числу душъ.

Мы должны еще остановиться на вопросѣ о той земельной единицѣ или общественной группѣ, къ которой пріурочивается община-артель, о субъектѣ этой послѣдней. Авторъ прекрасной работы о „промысловыхъ артеляхъ Тобольской губерніи" *), которую намъ придется еще цитировать ниже, г. Марусинъ, говоритъ на основаніи тщательно изученнаго имъ литературнаго матеріала о существованіи

*) «Юридич. Вѣстникъ», 1890, январь.

на сѣверѣ Туринскаго округа (Пелымскій край) *волостной* неводной артели. Между тѣмъ въ нашихъ источникахъ имѣется указаніе только на одинъ случай существованія волостной артели и то—въ маленькой вогульской волости, состоящей всего изъ четырехъ небольшихъ пауловъ; хотя затѣмъ *община*-волость, дѣйствительно, иногда является субъектомъ *владѣнія* рыболовными угодьями, — но артель-волость, какъ единица ихъ *эксплоатаціи*, не встрѣчается нигдѣ: рыболовныя угодья вездѣ распредѣлились, въ силу обычая, между отдѣльными селеніями или группами селеній, и внутри этихъ селеній или группъ селеній и сложилась мірская артель; такъ какъ при этомъ одно селеніе въ смыслѣ пользованія рыболовными угодьями нерѣдко участвуетъ въ разныхъ группахъ,—то и отдѣльный общественникъ нерѣдко входитъ въ составъ двухъ или нѣсколькихъ, такъ сказать, эксцентрическихъ мірскихъ артелей. Встрѣчаются и случаи, до нѣкоторой степени, обратнаго порядка: если данное селеніе или группа селеній обладаютъ нѣсколькими отдѣльными угодьями,то общественники иногда распредѣляютъ между собой эти угодья такимъ образомъ, что часть ихъ промышляетъ на однихъ, другая—на другихъ угодьяхъ, причемъ на лучшія угодья „садится“ большее, на плохія—меньшее число душъ, и ежегодно происходитъ по жребію или въ иномъ порядкѣ обмѣнъ мѣстами. Если какое-либо рыболовное угодье принадлежитъ совмѣстно двумъ селеніямъ, то эти послѣднія иногда чередуются, такъ что одно селеніе пользуется угодьемъ въ одинъ, другое—въ слѣдующій годъ; такое-же чередованіе иногда установляется и между общественниками отдѣльнаго селенія: если послѣднее владѣетъ какимъ-нибудь однимъ небольшимъ угодьемъ, то общественники дѣлятся на двѣ, три и болѣе группъ, каждая изъ которыхъ пользуется угодьемъ разъ въ два, три и болѣе лѣтъ.

Если затѣмъ обратиться къ вопросу о распространенности вольной артели и артели общинной, то окажется, напримѣръ, что на озерахъ Ишимскаго округа неводьба производится всегда общинными артелями; тотъ-же способъ преобладаетъ въ Тобольскомъ округѣ и въ при-Тавдинскихъ волостяхъ Туринскаго,—а въ южныхъ волостяхъ этого послѣдняго преобладаетъ вольная артель; вольными же артелями, по преимуществу, производится неводьба въ мѣстностяхъ Томскаго и Маріинскаго округовъ, лежащихъ по Чулыму, а также по Оби и Томи, выше ихъ сліянія; напротивъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ на Оби ниже устья Томи, гдѣ рыболовство—основной источникъ благосостоянія населенія, преобладаетъ артель общинная. Историческая послѣдовательность этихъ двухъ формъ свидѣтельствуетъ о тенденціи, прямо противуположной направленію развитія

порядковъ пользованія собственно-земельными угодьями: душевое пользованіе рыболовными угодьями, связанное съ существованіемъ артели-общины, съ теченіемъ времени уступаетъ мѣсто неорганизованному свободному пользованію, осуществляемому каждымъ либо единолично, либо путемъ образованію спеціальныхъ вольныхъ артелей; изслѣдованіемъ отмѣченъ рядъ случаевъ, гдѣ въ старые годы рыболовный промыселъ имѣлъ общинно-артельную организацію, и гдѣ теперь, съ упадкомъ промысла, община предоставила образованіе рыболовныхъ артелей предпріимчивости отдѣльныхъ общественниковъ.

Такая аномалія въ ходѣ развитія порядковъ пользованія рыболовными угодьями однако только кажущаяся: душевое пользованіе какими-бы то ни было угодьями имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда эти угодья приносятъ нѣкоторый независимый отъ влагаемаго труда рентный доходъ,—и это общее правило въ полной мѣрѣ подтверждается и по отношенію къ рыболовнымъ угодьямъ. Та или другая организація рыболовной артели находится въ тѣсной связи съ экономическимъ значеніемъ рыболовнаго промысла: гдѣ этотъ послѣдній является однимъ изъ основныхъ источниковъ благосостоянія населенія, гдѣ притомъ уловы рыбы даютъ сверхъ оплаты затрачиваемаго труда еще и чистый доходъ, тамъ каждый общественникъ, участвуетъ-ли онъ лично въ промыслѣ или нѣтъ, стремится получить долю въ этомъ чистомъ доходѣ,—и промыселъ организуется въ видѣ артели-общины; гдѣ уловы ничтожны и гдѣ поэтому рыболовство не имѣетъ серьезнаго значенія,—тамъ, говоря словами г. Марусина, „общество мало заинтересовано въ порядкѣ пользованія промысловыми угодьями, да и въ выгодахъ самаго промысла; ему нѣтъ нужды слѣдить за сохраненіемъ принципа „поравненія“, порождающаго мірскую артель, и на смѣну послѣдней является артель вольная“. Понятно теперь, почему и при какихъ обстоятельствахъ артель-община вытѣсняется артелью вольною: пока рѣдкое еще населеніе не успѣло истощить запасовъ рыбы, пока уловы послѣдней съ избыткомъ окупаютъ затраченный на ловлю трудъ,—эти угодья имѣютъ рентную доходность, и пользованіе ими облекается въ соотвѣтствующую общинно-уравнительному началу форму артели-общины; общественники либо лично участвуютъ въ послѣдней, либо получаютъ доходъ путемъ переуступки своего права на такое участіе, своей „водной души“, за „отступное“, третьимъ лицамъ. По мѣрѣ сгущенія населенія, при хищническихъ способахъ добычи рыбы, запасы ея постепенно истощаются, уловы сокращаются и соотвѣтственно этому продажная цѣна „водныхъ душъ“—„отступное“—постепенно понижается до нуля; когда такимъ

образомъ рыболовство начинаетъ только оплачивать затрачиваемый на ловлю трудъ, не оставляя ничего на долю ренты,—тогда, разумѣется, число желающихъ непосредственно участвовать въ пользованіи рыболовными угодьями сильно сокращается; не участвуя въ ловлѣ, они въ то-же время не получаютъ и платы за „водныя души"; общество становится мало заинтересованнымъ въ порядкѣ пользованія промысловыми угодьями; — душевое пользованіе самособою падаетъ и уступаетъ мѣсто свободному пользованію, мірская артель смѣняется артелью вольною.

Сущность всего сказаннаго о порядкахъ пользованія рыболовными угодьями сводится такимъ образомъ къ тому, что право ловли рыбы „мелкою снастью" вездѣ принадлежитъ неограниченно всѣмъ общественникамъ и осуществляется каждымъ единолично. Не регулируется общиною и ловля рыбы неводами и т. п. снарядами, требующими коллективнаго, артельнаго труда, если промыселъ не даетъ большихъ улововъ и играетъ, вообще, ничтожную роль въ хозяйственной жизни населенія; и только тамъ, гдѣ уловы велики и оставляютъ, сверхъ оплаты труда, избытокъ на долю ренты, на сцену выступаетъ уравнивающая дѣятельность общины, и промыселъ организуется въ видѣ общины-артели.

Нѣчто подобное наблюдается и по отношенію къ *охотничьимъ угодьямъ* *). Во всей южной и средней части Тобольской губерніи и въ изслѣдованной части Томской охотничій промыселъ, вообще говоря, не имѣетъ существеннаго значенія, и соотвѣтственно этому право охоты на крестьянскихъ земляхъ предоставляется общиною, безъ всякаго ограниченія, какъ общественникамъ, такъ и постороннимъ лицамъ. На сѣверѣ Тобольскаго и Туринскаго округовъ, а также въ значительной части Иркутской губерніи,—вообще въ мѣстностяхъ, гдѣ „промыселъ" имѣетъ значеніе одного изъ основныхъ источниковъ благосостоянія, наблюдается иное: здѣсь, прежде всего, всѣ посѣщаемыя „промышленниками" удобныя для охоты мѣста издавна пріурочены въ исключительное владѣніе опредѣленныхъ группъ населенія—волостей, сельскихъ обществъ или селеній,— а внутри этихъ группъ пользованіе „охотничьими вотчинами" облекается въ очень разнообразныя формы: такъ, въ удаленныхъ лѣсахъ Иркутской губерніи пространства, занятыя звѣроловными снарядами, со-

---

*) «Матер.» по З. Сиб., вып. XIII, стр. 128—129, вып. XX, стр. 6—8, «Крест. землепольз. и хоз. въ Тоб. и Том. губ»., стр. 89; «Матер.» по Ирк. губ., т. II, вып. 3, стр. 250—251.

стоятъ въ типичномъ захватномъ пользованіи, такъ что переходятъ по наслѣдству и могутъ продаваться въ постороннія руки; та-же форма пользованія еще недавно существовала въ наиболѣе богатыхъ охотничьими угодьями инородческихъ волостяхъ сѣвера Тобольской губерніи, такъ что даже въ отношеніи права ружейной охоты „вотчины" каждаго инородческаго общества распадались на подворные участки, разграничивавшіеся одинъ отъ другаго рѣчками, дорогами и другими живыми урочищами; но въ послѣднее время, путемъ отрѣзокъ отъ слишкомъ большихъ „вотчинъ" и отвода „вотчинъ" для прибылыхъ душъ, распредѣленіе охотничьихъ угодій приведено въ соотвѣтствіе съ земельно-платежными раскладками, и подворныя „вотчины" обратились въ душевыя. Въ другихъ инородческихъ общинахъ „вотчины" не распредѣлены на душевые или подворные участки, но въ видахъ урегулированія пользованія ими каждому общественнику предоставлено выпускать на промыселъ только опредѣленное число охотниковъ—по одному или по два „ружья" съ каждой разверсточной души, причемъ каждый можетъ переуступить свое право и пустить за себя постороннее лицо; при этомъ въ Тобольскомъ округѣ, во избѣжаніе затрудненій и столкновеній, артели охотниковъ уговариваются заранѣе и распредѣляются по различнымъ частямъ общественной „вотчины", производя такимъ образомъ нѣчто вродѣ ежегоднаго передѣла охотничьихъ „вотчинъ". И наконецъ у русскаго населенія сѣвера Тобольской губерніи, почти не имѣющаго хорошихъ угодій, охотничьи „вотчины" состоятъ въ неограниченномъ вольномъ пользованіи общественниковъ.

Въ вольномъ пользованіи состоятъ и *ягодныя мѣста* *), даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ притаёжныя мѣстности Томскаго округа, гдѣ сборъ малины является для населенія очень серьезнымъ подспорнымъ заработкомъ. Нѣсколько урегулированъ сборъ ягодъ только на сѣверѣ Тобольскаго округа, гдѣ сборы брусники являются однимъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія населенія: здѣсь, прежде всего, опредѣляется день начала сбора, а затѣмъ мѣстами установляется опредѣленная норма—по одному, чаще по два сборщика (безъ различія пола) съ души, причемъ дѣти могутъ принимать участіе въ сборѣ сверхъ этой нормы.

По отношенію къ *каменоломнямъ* **), гдѣ таковыя имѣются,

---

*) «Матер.» по З. Сиб., вып. XX, стр. 171—173.

**) Вып. V, стр. 294; вып. XVIII, стр. 274; «Кр. землепольз. и хоз. Тоб. и Том. губ.», стр. 92.

существуетъ нѣчто вродѣ захватной формы пользованія, не стѣсняемаго даже запрещеніемъ прибѣгать къ наемному труду. Каждый общественникъ можетъ ломать камня сколько угодно и въ любомъ мѣстѣ, причемъ каждая устроенная для добычи камня яма, въ силу права затраченнаго труда, считается принадлежащей исключительно тому, кто ее устраивалъ. Съ постороннихъ лицъ за право ломки камня взимается посаженная пошлина.

По отношенію къ *пасѣкамъ* *), изобилующимъ въ Томской и Енисейской губерніяхъ, сохранилась захватная форма въ ея чистомъ видѣ,—и это понятно, такъ какъ пасѣки занимаютъ мало мѣста и всегда устраиваются въ глухихъ мѣстахъ, не представляющихъ интереса для земледѣлія, а потому могутъ существовать, никого не стѣсняя и никому не мѣшая. Занятіе мѣстъ подъ пасѣки предоставляется свободному усмотрѣнію общественниковъ, — и разъ устроенная пасѣка передается по наслѣдству, продается и т. д., словомъ является въ полной мѣрѣ предметомъ гражданскаго оборота. Устройство пасѣкъ подчиняется только одному ограниченію: вновь устраиваемая пасѣка не должна быть расположена слишкомъ близко къ уже существующимъ пасѣкамъ, такъ какъ при чрезмѣрномъ сближеніи пасѣкъ болѣе сильная пчела легко можетъ уничтожить болѣе слабую; но за соблюденіемъ этого ограниченія община совершенно не слѣдитъ, предоставляя это иниціативѣ заинтересованныхъ лицъ и волостному суду.

Что̀ касается, наконецъ, до *мельницъ* **), то мѣста подъ *вѣтряныя* мельницы, которыхъ огромная масса на югѣ Тобольской и Томской губерній и вообще въ степныхъ мѣстностяхъ, могутъ заниматься свободно въ чертѣ общественныхъ поско̀тинъ,—на сѣверѣ же Тобольской губерніи, гдѣ поско̀тины очень малы и тѣсны, мельницы ставятся обыкновенно на ближайшихъ къ дворамъ полосахъ душевой пашни, и полосы, гдѣ стоятъ мельницы, уже ни подъ какимъ видомъ не отбираются при передѣлахъ. *Водяныя* мельницы обыкновенно устраиваются съ предварительнаго разрѣшенія общества, но нерѣдко, особенно на заимкахъ,—и безъ такого разрѣшенія,—и разъ устроенная мельница переходитъ по наслѣдству и можетъ отчуждаться цѣликомъ или частями. Иногда общины взимаютъ съ владѣльцевъ наиболѣе доходныхъ мельницъ небольшіе денежные сборы,—на югѣ же Тобольской губерніи, гдѣ мельницъ мало, общины напротивъ нерѣдко „пособляютъ“ мельникамъ, работая помочью при весеннихъ поправкахъ плотины и отводя

---

*) «Матер.» по З. Сиб., вып. XVIII, стр. 272—273.

**) Вып. V, стр. 294; вып. XIII, стр. 129—130; вып. XVIII, стр. 273—274.

особыя площади для добычи необходимаго дерна и земли,—но за то обязываютъ мельниковъ молоть для общественниковъ хлѣбъ по опредѣленной весьма низкой таксѣ.

Съ любопытнымъ явленіемъ изслѣдованіе встрѣтилось на югѣ Туринскаго округа,—именно съ *общинными* водяными мельницами: въ Пушкаревской волости нѣсколько мельницъ издавна состоятъ въ общемъ владѣніи всей волости, и пользованіе или при каждомъ общемъ передѣлѣ перераспредѣляется между селеніями; во время изслѣдованія на каждый поставъ было приписано по 154 ревизскихъ души; затѣмъ, всѣ работы по ремонту мельницъ исполняются артелью либо путемъ наряда рабочихъ, либо посредствомъ сбора необходимыхъ денегъ; помоломъ же пользуются поочередно такимъ образомъ, что каждая душа можетъ пріѣхать для помола разъ въ 154 дня. Номинально мельницы считаются общественными и въ смежной съ Пушкаревскою, Коркинской волости,—но фактически здѣсь въ пользованіи этими мельницами участвуютъ только потомки тѣхъ крестьянъ, которые ихъ заводили.

———

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

СИБИРСКАЯ ОБЩИНА И ЕЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

Вопросъ о вліяніи общиннаго владѣнія на сельско-хозяйственную культуру является однимъ изъ вопросовъ, всегда интересовавшихъ изслѣдователей русской жизни вообще и крестьянскаго быта въ частности. Оставаясь на почвѣ фактовъ, добытыхъ изученіемъ крестьянской жизни и хозяйства въ Европейской Россіи, едва-ли можно было-бы прибавить что-либо новое къ уже сказанному и написанному по этому вопросу. Изслѣдованія сибирской общины, давшія намъ богатый запасъ новыхъ фактовъ, обнаружившія массу явленій и формъ хозяственно-общинной жизни, для которыхъ можно найти лишь слабыя аналогіи въ бытѣ современнаго крестьянства Европейской Россіи, даютъ и нѣкоторый запасъ новыхъ данныхъ, которыя едва-ли можно будетъ игнорировать при сужденіи по вопросу о вліяніи общиннаго владѣнія на состояніе сельскаго хозяйства; особенно интересны съ этой точки зрѣнія данныя, собранныя на западѣ изслѣдованнаго района, главнымъ образомъ въ Тобольской губерніи, гдѣ общинное владѣніе съ передѣлами установилось уже, какъ мы знаемъ, почти повсемѣстно. Эти данныя мы и должны разобрать здѣсь съ возможною подробностью; при этомъ однако намъ прійдется говорить отдѣльно о южной, большей, и сѣверной, меньшей части губерніи; необходимость такой системы изложенія вытекаетъ изъ коренного различія, выясненнаго уже въ предыдущихъ главахъ настоящей работы, во всемъ складѣ общинныхъ порядковъ юга и сѣвера губерніи, не позволяющаго подводить эти порядки подъ какія-либо общія мѣрки или выводить для нихъ одну общую оцѣнку.

Всѣмъ извѣстны важнѣйшіе упреки, которые дѣлаются общинному землевладѣнію его противниками. Говорятъ, что общинно-душевое владѣніе пахатными землями необходимо связано съ дѣле-

*

ніемъ общинныхъ пашенъ на смѣны и съ существованіемъ принудительнаго сѣвооборота, благодаря чему препятствуетъ переходу къ болѣе совершеннымъ хозяйственнымъ порядкамъ; что оно неминуемо ведетъ къ дробленію полей на мелкія и узкія полосы, которое препятствуетъ правильной обработкѣ земледѣльческими орудіями; что наконецъ благодаря преобладанію на сходахъ болѣе или менѣе безхозяйной части крестьянства, община имѣетъ тенденцію къ сокращенію сроковъ передѣловъ, и что даже независимо отъ этого обстоятельства возможность перехода полосъ, при передѣлѣ, изъ однѣхъ рукъ въ другія, не можетъ не отнимать у хорошихъ хозяевъ охоту тщательно обрабатывать и удобрять землю, а тѣмъ болѣе—предпринимать какія-либо работы для коренного улучшенія этой послѣдней.—Ни одинъ изъ этихъ упрековъ не можетъ быть сдѣланъ тѣмъ формамъ душевого пользованія землею, которыя выработались въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи *). Характернѣйшею чертою ихъ является именно полная свобода отдѣльныхъ хозяевъ въ пользованіи отводимою имъ при передѣлѣ землею: каждый можетъ засѣвать свои пашни сколько угодно лѣтъ подрядъ, можетъ забросить ихъ въ залежь и эксплоатировать какъ сѣнокосъ или заращивать лѣсомъ; можетъ, по усмотрѣнію, сѣять яровой или озимый хлѣбъ и даже огородить любую часть своей душевой пашни, лишь-бы только оставался свободный прогонъ для общественнаго скота. Словомъ, каждый крестьянинъ на все время отъ передѣла до передѣла является полнымъ хозяиномъ отведенной ему пашни, и это обстоятельство проявляется въ безконечномъ разнообразіи (по крайней мѣрѣ въ подробностяхъ) сѣвооборотовъ, какое нерѣдко можно наблюдать у отдѣльныхъ хозяевъ на земляхъ одной и той-же общины.

Другою характерною для южныхъ округовъ Тобольской губерніи чертою является крайнее отвращеніе общины къ дробленію пашенъ на мелкія полосы: при болѣе или менѣе значительной площади душевыхъ надѣловъ, при небольшомъ числѣ сортовъ, наконецъ при отсутствіи дѣленія пашенъ на обязательныя смѣны, для такого дробленія, въ сущности, вовсе нѣтъ и почвы. И дѣйствительно, на югѣ Тобольской губерніи большою рѣдкостью являются полосы менѣе полудесятины или даже цѣлой десятины. Въ большинствѣ случаевъ такое отсутствіе мелкополосицы является естественнымъ результатомъ всей совокупности описанныхъ въ VI главѣ порядковъ передѣла, сознательно преслѣдующихъ, въ числѣ прочихъ цѣлей, и

*) «Матеріалы» по Зап. Сиб., вып. V, стр. 160—168, 187—195, 202—240 вып. XXI, стр. 36—40 и 49—143.

надѣленіе общественниковъ въ возможно меньшемъ числѣ крупныхъ участковъ; но нѣкоторыя общины не ограничиваются этимъ, а включаютъ въ приговоры о передѣлахъ прямыя постановленія, категорически воспрещающія при какихъ-бы то ни было условіяхъ нарѣзку полосъ менѣе извѣстной нормы—обыкновенно десятины. Самыя полосы притомъ совершенно не похожи на узенькія „ленты", столь характерныя для полевыхъ смѣнъ среднихъ губерній Европейской Россіи: здѣсь не бываетъ полосъ уже двадцати, тридцати саженъ, такъ что пахота и бороньба пашни всегда бываетъ возможна во всѣхъ направленіяхъ.

Не можетъ быть рѣчи въ разсматриваемой мѣстности и о другомъ неудобствѣ, обыкновенно приписываемомъ общинному землевладѣнію,—о такъ называемой спеціальной чрезполосности и о связанныхъ съ нею вопросахъ—о правѣ проѣзда на пашню и о правѣ заворота сохи на чужой полосѣ. Въ значительной части общинъ, гдѣ земля еще не успѣла сильно вздорожать, каждая полоса со всѣхъ сторонъ окружена широкими межниками, по которымъ каждый можетъ проѣзжать и гдѣ каждый можетъ поворачивать соху; въ тѣхъ общинахъ, гдѣ цѣнность земли сравнительно высока, межники, правда, значительно уже, но все-таки еще достаточно широки для заворота сохи; проѣздъ же къ полосамъ всегда свободенъ, такъ какъ которымъ-нибудь концомъ полосы непремѣнно прилегаютъ къ полевымъ дорогамъ, къ нарочно оставляемымъ для проѣзда широкимъ межникамъ или къ непахатнымъ пространствамъ.

Что̀ касается до *срока* передѣловъ, то столь зловредныхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи ежегодныхъ передѣловъ или переверстокъ въ разсматриваемой мѣстности нѣтъ и въ поминѣ: въ Ишимскомъ округѣ нашлось всего десять общинъ, въ Курганскомъ—всего двѣ, передѣлившія землю на срокъ отъ трехъ до шести лѣтъ; всѣ остальныя установили срокъ не ниже десяти лѣтъ, въ Курганскомъ-же округѣ двѣ трети общинъ совершили передѣлъ на сроки отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ. Установленіе опредѣленнаго срока дѣйствительности передѣла обращаетъ на себя особое вниманіе мѣстной общины: очень рѣдко входя въ записанныхъ въ книги приговорахъ о передѣлѣ въ какія-либо подробности, община однако почти всегда вноситъ въ приговоръ постановленіе о срокѣ слѣдующаго передѣла. Въ большинствѣ общинъ при этомъ не допускаются въ теченіе установленнаго срока не только коренные передѣлы, но даже и частичныя переверстки земельно-податныхъ душъ: всякая семья держитъ землю и несетъ платежи за всѣхъ своихъ членовъ, вписанныхъ въ передѣльные реестры, хотя-бы они послѣ того умерли, раззорились и т. п.; только „упалыя", „безродныя

души“ „принимаются на общество“, и земля ихъ поступаетъ въ общественное распоряженіе. Другія общины придерживаются установленной при передѣлѣ разверстки съ нѣсколько меньшею строгостью. Онѣ съ *согласія заинтересованныхъ лицъ* снимаютъ надѣлы съ умершихъ или обѣднѣвшихъ плательщиковъ и верстаютъ на ихъ мѣста подростковъ, не дожидаясь наступленія общаго передѣла,— но и въ этихъ общинахъ, очевидно, земля никогда не отбирается ни у одного дорожащаго ею аккуратнаго хозяина и исправнаго плательщика.

Хозяинъ, получающій по передѣлу землю, можетъ такимъ образомъ на десять или пятнадцать лѣтъ впередъ строить свои хозяйственные разсчеты. Однако, перспектива быть, хотя-бы даже послѣ 10 или 15 лѣтъ спокойнаго пользованія, согнаннымъ съ хорошо воздѣланной земли и получить запущенную и заросшую сорными травами пашню представляетъ для исправнаго хозяина мало привлекательнаго; интересы „добрыхъ пахарей“—крестьянъ, хорошо обработавшихъ свои надѣльныя пашни, искоренившихъ на нихъ сорныя травы, предупредившихъ тщательною обработкою чрезмѣрное ихъ истощеніе, всегда въ нѣкоторой мѣрѣ пострадаютъ, если передѣлъ будетъ связанъ съ обмѣномъ полосъ, котораго очевидно требуетъ идея полнаго уравненія душевыхъ надѣловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и интересы, далеко не всегда законные, бѣдной и плохо ведущей свое хозяйство части общественниковъ: „худымъ пахарямъ“ несомнѣнно присуще стремленіе сойти при передѣлѣ со своихъ дурно раздѣланныхъ полосъ, занять полосы, прежде принадлежавшія хорошимъ хозяевамъ, и такимъ образомъ воспользоваться вложеннымъ въ землю трудомъ этихъ послѣднихъ. Борьба зажиточныхъ хозяевъ, требующихъ во имя права затраченнаго труда, чтобы ихъ не трогали съ насиженныхъ мѣстъ, съ элементами, во имя принципа равенства требующими обмѣна полосъ,—эта борьба предшествуетъ передѣлу рѣшительно во всякой общинѣ. Въ VI главѣ мы выяснили, что каждому изъ этихъ въ значительной мѣрѣ противурѣчивыхъ требованій соотвѣтствуютъ особые способы передѣла: при передѣлѣ „по старшинству“ въ полной мѣрѣ соблюдается хозяйственный интересъ, но за то страдаютъ интересы „малолѣтскихъ“ душъ, получающихъ надѣлы худшаго качества и болѣе разбросанные, нежели „старыя души“; при аукціонныхъ способахъ въ ихъ чистомъ видѣ начало равенства проводится послѣдовательнѣе, но за то хорошіе хозяева скорѣе могутъ лишиться плодовъ вложеннаго въ землю труда. Мы видѣли также, что въ большей части общинъ Ишимскаго округа господствуютъ порядки перваго рода, аукціонные же способы примѣняются лишь въ меньшинствѣ общинъ, мѣстами въ чистомъ видѣ, мѣстами—съ разными оговор-

ками въ пользу владѣльцевъ старыхъ пашенъ; въ Курганскомъ округѣ противурѣчіе между принципомъ „старшинства“ и требованіями всеобщаго равенства уже въ значительной мѣрѣ сгладилось, и формы передѣловъ въ громадномъ большинствѣ общинъ складываются подъ вліяніемъ комбинацій того и другого принципа: передѣлъ производится аукціонными способами, но всегда—съ ограниченіями, въ большей или меньшей мѣрѣ ограждающими законные интересы „старыхъ хозяевъ“ и предупреждающими „сживаніе“ ихъ съ хорошо раздѣланныхъ ими полосъ.

Но упомянутыя ограниченія во всякомъ случаѣ неспособны совершенно устранить нарушенія хозяйственнаго интереса; переходы полосъ отъ однихъ хозяевъ къ другимъ, въ частности—отъ старательныхъ къ нерадивымъ, представляютъ при аукціонныхъ способахъ передѣла довольно заурядное явленіе, а при такихъ переходахъ законныя права первыхъ несомнѣнно могутъ пострадать. Спрашивается теперь, въ какой мѣрѣ это обстоятельство можетъ вредно отражаться на прогрессѣ сельского хозяйства?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ получится самъ собой, если вспомнить, какіе хозяйственные порядки господствуютъ въ разсматриваемой области. Изслѣдованія выяснили, что хозяйство ведется здѣсь частью по залежно-паровой системѣ, частью по паровой зерновой системѣ безъ залежей и удобренія; унаваживаніе въ этомъ районѣ не примѣняется, не встрѣчается и спеціальныхъ многолѣтнихъ сѣвооборотовъ или улучшеній, при коихъ единовременная значительная затрата капитала требовала-бы для своего возмѣщенія длиннаго ряда лѣтъ,—не встрѣчается потому, что такіе сѣвообороты или улучшенія, какъ и унаваживаніе, не вызываются еще общими экономическими условіями края. Преимущество хозяйства зажиточнаго или старательнаго крестьянина передъ хозяйствомъ бѣднаго или нерадиваго сводится при такихъ условіяхъ къ болѣе частой и болѣе глубокой пахотѣ, къ болѣе тщательной бороньбѣ, къ болѣе совершенному посѣву и лучшему качеству сѣмянъ и т. д.,—словомъ не къ какимъ-либо *единовременнымъ* крупнымъ работамъ или денежнымъ затратамъ, а къ *текущимъ* работамъ, которыя зажиточный и старательный хозяинъ исполняетъ лучше, а бѣдный—хуже. Это обстоятельство имѣетъ очевидно важное значеніе: если-бы разница была въ какихъ-либо *капитальныхъ* затратахъ, напримѣръ дренажѣ, удобреніи, известкованіи, то такія затраты не успѣли-бы окупиться въ какіе-нибудь два-три года; отобраніе земли, если-бы оно наступило черезъ два-три года послѣ подобныхъ затратъ, причинило-бы хозяину весьма значительный убытокъ, а перспектива возможности такого убытка по всей вѣроятности заставила-бы лучшую часть крестьянства

воздержаться отъ всякихъ подобныхъ улучшеній и остаться при старомъ, несовершенномъ способѣ хозяйства. Въ разсматриваемой мѣстности ничего подобнаго нѣтъ: если зажиточный или старательный хозяинъ лучше другихъ вспахалъ, заборонилъ, засѣялъ землю и т. п.,—то излишекъ затраченнаго имъ на это труда съ избыткомъ окупится излишкомъ перваго-же урожая, и вообще—излишекъ *текущей* затраты труда или капитала будетъ немедленно-же вознаграждаться излишкомъ *текущаго* продукта земледѣльческаго производства. Конечно, длящаяся хорошая обработка земли ведетъ къ еще болѣе длящемуся повышенію ея производительности. Если поэтому хорошо обработанная земля переходитъ къ нерадивому хозяину, то этотъ послѣдній, конечно, въ извѣстной мѣрѣ воспользуется плодами чужого труда; хозяинъ, отъ котораго отходитъ такая земля, лишится части избыточнаго продукта; но *убытка* онъ не терпитъ, такъ какъ излишне-затраченный трудъ уже оплаченъ полученными урожаями; выражаясь языкомъ римскаго права, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *lucrum cessans*, а не съ *damnum emergens* *). И конечно ни одинъ хозяинъ не сталъ хуже пахать или боронить, запаздывать посѣвомъ или сѣять плохія сѣмяна ради того, чтобы уберечь себя отъ возможнаго при будущемъ передѣлѣ убытка, и перспектива такого убытка конечно не понизила достоинства обработки земли. Такимъ образомъ связанная съ аукціонными способами передѣла возможность перехода полосъ изъ однѣхъ рукъ въ другія при существующихъ въ настоящее время въ южной части Тобольской губерніи условіяхъ хозяйства грозитъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ лишь самымъ незначительнымъ ущербомъ и совершенно неспособна имѣть какое-либо неблагопріятное вліяніе на общій уровень сельскаго хозяйства этой мѣстности.

Что̀ касается до вложеннаго въ землю при текущей ея обработкѣ труда, еще не успѣвшаго окупиться до момента передѣла, то община и въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи относится къ нему съ большимъ вниманіемъ. Такъ, вопросъ о судьбѣ приготовленныхъ паровъ является однимъ изъ тѣхъ вопросовъ, правильнымъ разрѣшеніемъ которыхъ община при передѣлахъ особенно интересовалась. Большинство общинъ предоставляетъ хозяину, заготовившему до передѣла пары на имѣющей отойти отъ него пашнѣ, снять съ такой пашни одинъ посѣвъ, безъ всякаго вознагражденія въ пользу новаго владѣльца; напротивъ, паровыя жнива тотчасъ-же переходятъ къ

*) Необязательность вознагражденія за lucrum cessans при отчужденіяхъ, производимыхъ съ общеполезными цѣлями, признается и теоріей политической экономіи; см., напр., Ad. Wagner, Lehrbuch der polit. Oek., Bd. I, Grundlegung, 2-te Aufl. 1879 г., стр. 820.

новому владѣльцу; если прежній владѣлецъ успѣлъ уже засѣять паровое жниво, онъ долженъ уплатить новому нѣчто вродѣ арендной платы „за подожданье". Другія общины поступаютъ нѣсколько иначе: предоставляя старому владѣльцу пашни воспользоваться плодами вложеннаго въ паровую обработку ея *труда*, онѣ находятъ однако несправедливымъ предоставлять ему лишній годъ безплатно пользоваться вошедшею по передѣлу въ составъ чужого надѣла *землею*. Чтобы удовлетворить законнымъ притязаніямъ стараго владѣльца, ему разрѣшаютъ поэтому посѣять на обработанной имъ землѣ одинъ хлѣбъ, но заставляютъ его взамѣнъ занятой такимъ посѣвомъ земли уступить новому владѣльцу послѣдней, на одинъ посѣвъ, такое-же количество паровыхъ жнивъ, или взамѣнъ того вознаградить его деньгами.

Вопросъ о судьбѣ *свѣже-распаханныхъ земель* въ южной полосѣ Тобольской губерніи не имѣетъ важнаго значенія: на сѣверныхъ окраинахъ этой полосы, гдѣ некультурныя земли частью покрыты лѣсомъ, расчистка котораго могла-бы требовать болѣе значительныхъ затратъ труда, почвенныя условія, при отсутствіи уваживанія, настолько неблагопріятны, что расчистки не могутъ окупить затраченнаго труда; расчистки поэтому, можно сказать, совершенно прекратились, и слѣдовательно вопросъ о судьбѣ затраченнаго на разработку земли труда здѣсь совершенно не возникаетъ. Болѣе или менѣе значительное количество удобныхъ для распашки пустопорожнихъ земель имѣется только въ степяхъ самой южной окраины Тобольской губерніи; но здѣсь нови распахиваются либо на чистой степи, либо изъ-подъ мелкаго кустарника, безъ предварительнаго корчеванія и т. п. трудныхъ работъ; для хозяина, имѣющаго хорошихъ лошадей (съ худыми лошадьми нови вовсе нельзя поднять), избыточная затрата труда при распашкѣ новей здѣсь настолько незначительна, что при высокой урожайности свѣжей земли вполнѣ окупается первымъ-же, или въ худшемъ случаѣ — первыми двумя посѣвами. Сказаннымъ вполнѣ опредѣляется судьба новей при передѣлахъ; нови, уже приготовленныя къ посѣву, включались въ число передѣляемыхъ угодій, и въ случаѣ перехода въ другія руки оставлялись прежнему владѣльцу на съемъ лишь одного хлѣба; но подобная-же привиллегія, въ виду сравнительной трудности распашки новей, давалась и лицамъ, уже успѣвшимъ снять съ послѣднихъ одинъ хлѣбъ. При этомъ однѣ общины находили излишнимъ давать лицамъ, къ которымъ такія пашни должны были перейти по передѣлу, вознагражденіе за „подожданье",—другія возлагали на „старыхъ хозяевъ" обязанность вознаградить ихъ соотвѣтствующимъ количествомъ старо пахатныхъ паровыхъ жнивъ. Затѣмъ свѣжія

пашни, давшія два хлѣба и болѣе, шли въ передѣлъ и немедленно переходили въ пользованіе новыхъ владѣльцевъ. Попятно, что при разработкѣ новей изъ-подъ лѣса произведенныя затраты не могли-бы окупиться однимъ или двумя посѣвами,—но на югѣ Тобольской губерніи, какъ уже было сказано, расчистки лѣсныхъ земель почти не встрѣчаются; когда-же онѣ случаются, то нови остаются въ пользованіи расчищавшихъ въ теченіе гораздо болѣе продолжительнаго времени; такъ, приговоръ Шабуровскаго (Ишимскаго округа) сельскаго схода отъ 12 іюня 1887 года опредѣляетъ: „кто возьметъ землю подъ лѣсомъ или пеньки... и выкопаетъ, то у него не отбирать 20 лѣтъ"; въ Гайдуковскомъ обществѣ (того-же округа) лѣсныя расчистки, не успѣвшія дать пяти хлѣбовъ, совершенно исключались изъ передѣла и прямо засчитывались распахавшимъ въ число пашенъ соотвѣтствующаго сорта.

Изложенныя данныя позволяютъ признать отношеніе общинныхъ порядковъ южной части Тобольской губерніи къ влагаемому въ землю труду въ достаточной степени бережнымъ: предыдущій обзоръ, исчерпывающій, сколько намъ извѣстно, весь относящійся къ разсматриваемому вопросу фактическій матеріалъ, не обнаружилъ случаевъ (мы, конечно, не имѣемъ здѣсь въ виду случайнныхъ ошибокъ и злоупотребленій), когда передѣлъ лишалъ-бы кого-нибудь вознагражденія за затраченный трудъ, когда перспектива лишиться плодовъ послѣднаго могла-бы удержать кого-нибудь отъ дѣйствій, направленныхъ къ улучшенію земледѣльческой культуры. Такимъ образомъ общинные порядки южныхъ округовъ Тобольской губерніи несомнѣнно свободны отъ тѣхъ недостатковъ, которые предполагаются необходимо-присущими общинной формѣ землепользованія; изслѣдователь Курганскаго округа, г. Осиповъ *), сравниваетъ великороссійскіе порядки съ порядками Курганскаго округа и приходитъ къ заключенію, что „послѣдніе не имѣютъ коренныхъ недостатковъ первыхъ—чрезполосицы, мелкополосицы, частоты передѣловъ и отсутствія связи домохозяина съ занимаемымъ имъ полевымъ участкомъ", откуда дѣлаетъ выводъ, что „вышеуказанные недостатки великороссійской общины вовсе не присущи самой идеѣ общиннаго землевладѣнія и происходятъ лишь отъ неумѣлаго ея примѣненія". „Недостаточная приспособленность великороссійской общины, говоритъ тотъ-же изслѣдователь въ другомъ мѣстѣ, къ введенію улучшенныхъ способовъ хозяйства, главнымъ образомъ удобренія, дала поводъ многимъ хозяевамъ думать, что община и хорошее хозяйство между собою несовмѣстимы"; сибирскіе общинные порядки „съ достаточной

*) «Мат.», вып. XXI, стр. 127—137.

убѣдительностью показываютъ, что существуютъ такія формы общиннаго землевладѣнія, при которыхъ оно можетъ допускать какія угодно улучшенія".

Мы не будемъ входить здѣсь въ обсужденіе вопроса объ относительномъ достоинствѣ сибирской или великороссійской общины, — этотъ вопросъ для насъ не важенъ, — и мимоходомъ только позволимъ себѣ высказать мнѣніе, что г. Осипонъ отнесся къ великороссійской общинѣ со слишкомъ строгимъ и недостаточно обоснованномъ осужденіемъ. Для насъ важно только признать, что общинные порядки, какъ они выработались въ разсматриваемой мѣстности, не могли имѣть никакого задерживающаго вліянія на прогрессъ земледѣльческой культуры. Въ частности, не общинные порядки помѣшали распространиться здѣсь хозяйству съ удобреніемъ: отрывочныя, разрозненныя попытки унаваженія пашенъ происходили и продолжаютъ дѣлаться въ весьма многихъ мѣстностяхъ западной, сравнительно малоземельной части степной полосы Тобольской губерніи—именно округовъ Ишимскаго, Курганскаго и Ялуторовскаго; и если эти попытки не принимаютъ здѣсь систематическаго вида и находятъ пока мало подражателей, то это съ одной стороны потому, что попытки эти до сихъ поръ далеко не всегда увѣнчивались достаточно благопріятными результатами, а съ другой — потому, что потребность въ измѣненіи основъ полевого хозяйства еще не успѣла достаточно обостриться.

Совсѣмъ другія условія представляетъ мѣстность, которую можно обозначить названіемъ переходной полосы,—сѣверо-западная окраина Ишимскаго округа и прилегающія къ ней мѣстности округовъ Тобольскаго и Ялуторовскаго. Тощія подзолистыя почвы, несмотря на продолжительные сроки пребыванія въ залежахъ и краткость періодовъ обработки, даютъ здѣсь лишь ничтожные урожаи, неспособные обезпечить продовольствіе населенія; а при почти полномъ отсутствіи неземледѣльческихъ заработковъ это ведетъ къ кризису, исходъ изъ котораго можетъ быть найденъ лишь въ измѣненіи самихъ основъ существующей системы хозяйства. И вотъ, вся эта мѣстность представляетъ въ настоящее время картину постепеннаго упроченія и развитія хозяйства съ удобреніемъ: ближе къ югу попытки удобренія пашенъ дѣлаются лишь отдѣльными зажиточными домохозяевами; чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ число такихъ домохозяевъ становится больше, примѣняемые къ удобреннымъ пашнямъ сѣвообороты—однообразнѣе, и мало-по-малу удобреніе ближнихъ къ усадьбамъ пашенъ становится обычнымъ порядкомъ вещей. Какъ отдѣльные хозяева лишь постепенно убѣждаются въ необхо-

димости унаваживанія пашенъ и лишь мало-по-малу начинаютъ проводить это убѣжденіе въ жизнь, такъ и община не сразу начинаетъ считаться съ новыми способами хозяйства. Въ южной полосѣ разсматриваемой переходной мѣстности община еще совершенно игнорируетъ попытки удобренія пашенъ: при передѣлахъ судьба участковъ, на которыхъ было испробовано удобреніе, не опредѣляется никакими особыми постановленіями, такъ что, повидимому, эгоизму нерадивыхъ общественниковъ, всегда готовыхъ воспользоваться плодами чужого труда, представляется полный просторъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности, какъ показало изслѣдованіе, случаевъ „сживанія" съ удобренныхъ пашенъ совершенно не бывало, такъ что интересы крестьянъ, удобрившихъ землю, не будучи охраняемы никакими опредѣленными постановленіями, фактически не нарушаются; изслѣдованіе объясняетъ это на первый взглядъ странное явленіе именно тѣмъ, что полезность удобренія еще не окончательно выяснилась для крестьянъ, что худшіе элементы въ общинѣ еще не успѣли понять выгоды, которую они могли-бы извлечь, садясь на чужія удобренныя пашни; а разъ не было попытокъ захвата этихъ послѣднихъ, то не было и повода для возникновенія постановленій, ограждающихъ интересы ихъ владѣльцевъ.

На сѣверной окраинѣ переходной полосы, гдѣ вопросъ о пользѣ унаваживанія успѣлъ уже вполнѣ выясниться, гдѣ поэтому ближнія пашни удобряются большинствомъ крестьянъ, община радикально измѣняетъ свое отношеніе къ судьбѣ удобряемыхъ пашенъ: ближнія пашни, удобныя для вывозки удобренія, начинаютъ выдѣляться при передѣлахъ въ особый „пай" или сортъ; дѣлается это отчасти въ видахъ огражденія интересовъ хозяевъ удобренныхъ пашенъ, главнымъ же образомъ—въ видахъ предоставленія каждому общественнику возможности удобрить часть своего душевого надѣла.

На этой ступени порядки пользованія пашнями стоятъ во всей средней части Тобольско губерніи, охватывающей южную половину Тобольскаго округа, весь Тюменскій округъ и двѣ ближайшія къ послѣднему волости Туринскаго—Кошукскую и Туринскую. Здѣсь удобряемыя пашни повсемѣстно передѣляются отдѣльно отъ неудобряемыхъ; къ сожалѣнію неполнота собранныхъ изслѣдованіемъ данныхъ не позволяетъ намъ сказать, принимаются-ли здѣсь при передѣлахъ мѣры, и какія именно, для предупрежденія перехода хорошо удобренныхъ земель въ руки лицъ, плохо удобрявшихъ свои пашни; но есть полное основаніе предполагать, что подобные случаи предупреждаются, и именно посредствомъ примѣненія порядковъ передѣла, основанныхъ на принципѣ „старшинства". Иначе невозможно было-бы ожидать, чтобы хозяйство съ удобреніемъ успѣло

настолько упрочиться, а унаваживаніе—достигнуть такой степени интенсивности, какую мы находимъ на сѣверѣ этого района и особенно въ слѣдующемъ, сѣверномъ районѣ Тобольской губерніи. Затѣмъ, основные принципы организаціи пользованія пахатными землями въ средней части Тобольской губерніи остаются тѣ-же, что и въ южной: отсутствіе дѣленія полей на смѣны и принудительнаго сѣвооборота, неограниченная свобода каждаго хозяина въ организаціи хозяйства на его надѣльныхъ земляхъ и отсутствіе мелкополосицы.

„Изъ общей площади надѣла должны быть выдѣлены пашни, ближайшія къ селенію, и на нихъ установлено правильное полевое хозяйство съ установленіемъ общихъ смѣнъ (хотя-бы, напримѣръ, трехпольное съ учрежденіемъ трехъ полей—озимаго, ярового и парового) и съ удобреніемъ парового поля. Эта реформа отозвалась-бы самымъ благопріятнымъ образомъ на общемъ экономическомъ положеніи населенія, сразу уменьшивъ число безхозяйныхъ крестьянъ, предоставленіемъ каждому возможности имѣть подъ руками хотя небольшой кусокъ пашни. Въ этой именно стадіи развитія полевое хозяйство находится въ сосѣдней съ Тобольской Пермской губерніи, гдѣ удворныя пашни („перемѣны") даютъ самые постоянные урожаи, смягчая послѣдствія рѣзкихъ колебаній урожаевъ на окольныхъ неудобренныхъ земляхъ, эксплоатируемыхъ, какъ и здѣсь, по залежно-паровой системѣ".

Въ такихъ чертахъ намѣчаетъ „неизбѣжный ходъ приспособленія хозяйства къ новымъ условіямъ" Тобольскій губернскій агрономъ, бывшій земскій статистикъ Красноуфимскаго уѣзда, Н. Л. Скалозубовъ *). Между тѣмъ именно къ этой цѣли несомнѣнно идетъ развитіе хозяйственно-общинныхъ порядковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Тобольской губеніи, о которыхъ мы говорили на нѣсколькихъ послѣднихъ страницахъ **), а земледѣльческій сѣверъ Тобольской губерніи—округа Туринскій и отчасти Тобольскій—уже давно достигъ намѣчаемой г. Скалозубовымъ цѣли.—Общинные порядки этой мѣстности ***) представляютъ въ существенныхъ чертахъ много сходнаго съ общинными порядками центральныхъ великороссійскихъ губерній. Дѣленіе удворныхъ удобряемыхъ пашенъ на

---

*) «Сельское хозяйство въ Тобольской губерніи. Извлеченіе изъ отчета за время съ 1-го мая по 1-е сентября 1894 года» (оттискъ изъ журнала «Сельское хозяйство и лѣсоводство» за 1895 г. № 9). СПБ. 1895 г. стр. 20—21.

**) См. нашу статью «Очеркъ способовъ хозяйства и сѣвооборотовъ въ Зап. Сибири», — «Сельское хозяйство и лѣсоводство», 1893 г., № 6.

***) «Матеріалы» по Зап. Сиб., вып. XIII, стр. 61—84.

смѣны („перемѣны"), на крайнемъ сѣверѣ на двѣ, южнѣе на три, существованіе обязательнаго для этихъ пашенъ двухпольнаго или трехпольнаго хозяйства съ выпасомъ скота по парамъ и жнивьямъ является характернѣйшею чертой, отличающей и сельское хозяйство, и общинные порядки сѣвера Тобольской губерніи отъ общинныхъ порядковъ и хозяйства южной и средней полосы этой последней. Можно допустить предположеніе, что впослѣдствіи, когда обнаружится необходимость перехода къ еще болѣе интенсивнымъ хозяйственнымъ порядкамъ, существованіе полевыхъ смѣнъ съ обязательнымъ сѣвооборотомъ послужитъ для такого перехода нѣкоторою задержкою,—хотя приводимые ниже факты и позволяютъ усумниться въ этомъ,—но во всякомъ случаѣ въ настоящее время трехпольное и двухпольное хозяйство съ дѣленіемъ полей на смѣны и выпасомъ въ послѣднихъ скота является для населенія Тобольской губерніи не проявленіемъ косности и рутины, а напротивъ—сознательно прогрессивною хозяйственною формою: загораживаніе смѣнъ осенью и весною предохраняетъ всходы отъ потравъ, а утолачиваніе парового поля скотомъ, независимо отъ удобрительнаго значенія, мѣшаетъ росту сорныхъ травъ, уменьшаетъ чувствительность посѣвовъ къ вліянію инеевъ и заморозковъ,—вообще повышаетъ урожайность пашенъ и придаетъ ей большее постоянство; на восточной окраинѣ Туринскаго округа, гдѣ вольное хозяйство можетъ быть наблюдаемо въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ обязательнымъ трехпольемъ, хлѣба въ разгороженныхъ смѣнахъ, при тождествѣ прочихъ условій, всегда даютъ гораздо лучшіе урожаи, нежели при вольномъ хозяйствѣ, и разница обозначается тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе посѣвы подвергались разнымъ неблагопріятнымъ атмосферическимъ случайностямъ; въ то время поэтому, какъ при вольномъ хозяйствѣ случаются, несмотря на уваживаніе, болѣе или менѣе полные неурожаи, при обязательномъ трехпольѣ урожай, по крайней мѣрѣ для озимаго хлѣба, никогда не опускается ниже извѣстнаго довольно высокаго предѣла (30—40 пуд. съ десятины).—Въ виду такихъ явныхъ преимуществъ обязательнаго трехполья предъ вольнымъ хозяйствомъ, крестьяне, какъ намъ удалось лично удостовѣриться при изслѣдованіи, въ цѣломъ рядѣ мѣстностей вполнѣ сознательно переходятъ, по отношенію къ удобряемымъ пашнямъ, отъ послѣдняго къ первому. Такой переходъ наблюдается нынѣ, напримѣръ, въ южной части Табаринской волости и въ сѣверозападныхъ селеніяхъ Туринской; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ этой послѣдней община, въ видѣ опыта, разгородила ближнія пашни на двѣ смѣны, въ каждой изъ которыхъ хозяйство ведется по трехпольной системѣ, а въ остальной части Туринской волости и въ

Кошукской, равно какъ, по всей вѣроятности, въ ближайшей къ нимъ части Тюменскаго округа, раздѣленіе ближайшихъ пашенъ на смѣны несомнѣнно состоится въ самомъ близкомъ будущемъ. Нѣкоторыя общества Пушкаревской волости, желая доставить преимущества утолачиванія и такимъ пашнямъ, которыя по удаленности отъ усадебъ недоступны для вывозки навоза, раздѣлили лучшія урочища „отъѣзжихъ" пашенъ на три или на двѣ смѣны и установили и для нихъ обязательный трехпольный или двухпольный сѣвооборотъ *).

Совершенно необходимымъ слѣдствіемъ всего склада хозяйственныхъ порядковъ и общиннаго строя сѣвера Тобольской губерніи является другая характерная черта — мелкополосье. Въ южныхъ округахъ, какъ мы видѣли, душевой надѣлъ пахатной земли, состоящій изъ 5 — 7 и болѣе десятинъ, отводится въ трехъ, много въ четырехъ мѣстахъ, и потому здѣсь преобладаютъ полосы величиною въ десятину, двѣ десятины и болѣе. На сѣверѣ на душу приходится всего по двѣ, три, много четыре десятины пашни; между тѣмъ въ составъ такого душевого надѣла у каждаго общественника должны войти какъ ближнія, удобряемыя, такъ и дальнія, неудобряемыя пашни; далѣе, удобряемыя пашни разбиты на три поля, и каждый общинникъ конечно долженъ получить землю въ каждомъ изъ этихъ трехъ полей; наконецъ при господствѣ хозяйства съ удобреніемъ крайне важную роль играетъ и потому при сортованіи пашенъ принимается въ разсчетъ, наряду съ качествомъ, и разстояніе ихъ отъ усадебъ, въ южныхъ округахъ вовсе не принимаемое во вниманіе при расцѣнкѣ,—а между тѣмъ въ большихъ селеніяхъ одни только различія въ разстояніи отъ усадебъ иногда требуютъ разбивки земли въ каждой смѣнѣ на четыре и на пять сортовъ. Неудивительно при такихъ условіяхъ, что внѣшній видъ полей на сѣверѣ Тобольской губерніи представляетъ полное сходство съ видомъ полей въ великороссійскихъ мелкоземельныхъ общинахъ: каждая „перемѣна" изрѣзана на узкія лентообразныя полосы, ширина которыхъ нерѣдко падаетъ до 5—3 саженъ и даже ниже. Чрезмѣрную дробность полосъ стараются, правда, устранить путемъ обмѣновъ, но такіе обмѣны далеко не всегда возможны и лишь въ незначительной мѣрѣ устраняютъ указанный недостатокъ. Это обстоятельство, какъ констатировало изслѣдованіе, не остается безъ нѣкотораго вліянія на обработку пашенъ и въ частности—на бороньбу ихъ: для вполнѣ удовлетворительной раздѣлки пашни необходимо, какъ сознаютъ и крестьяне, боронить ее накрестъ, вдоль и поперокъ; между тѣмъ даже пяти-саженную полосу

*) «Матер.» по Зап. Сиб., вып. IX, стр. 127—128, 135—138.

можно „запоперечить“ лишь съ большимъ трудомъ, и то не иначе, какъ одною бороною; а такъ какъ ширина душевыхъ полосъ довольно часто опускается и ниже 5 саженъ, то нерѣдко приходится ограничиваться однимъ „доленіемъ“—бороньбою вдоль направленія пахоты, и для болѣе или менѣе удовлетворительной раздѣлки земли затрачивать на бороньбу двойное количество труда.

Обратимся теперь къ вопросу о вліяніи, въ разсматраваемой мѣстности, передѣловъ на земледѣльческое хозяйство; предварительно однако намъ кажется необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ населенія земледѣльческаго сѣвера Тобольской губерніи. Сравнительно съ южными округами, сѣверъ отличается прежде всего малочисленостью наличныхъ ссыльныхъ и полнымъ отсутствіемъ какого-либо вліянія ихъ на общинныя дѣла; другою характерною чертою сѣвера является гораздо болѣе равномѣрное распредѣленіе благосостоянія: здѣсь очень мало богачей, но за то очень мало и совершенно бѣдныхъ, а тѣмъ болѣе—безхозяйныхъ дворовъ; такимъ образомъ здѣсь очень слабы оба тѣ элемента, которые всегда, изъ чисто эгоистическихъ соображеній, являются проводниками пріемовъ распредѣленія угодій, мало считающихся съ вложеннымъ въ землю трудомъ и потому стоящихъ въ противурѣчіи съ интересами сельскаго хозяйства. И соотвѣтственно этому сѣверная община относится къ вложенному въ землю труду, вообще говоря, еще гораздо бережнѣе, нежели община южныхъ округовъ Тобольской губерніи.

Въ VI главѣ мы уже видѣли, что въ южной половинѣ того изъ округовъ сѣвера Тобольской губерніи, гдѣ формы землепользованія были подробно изучены,—Туринскаго, населеніе трехъ ближайшихъ къ границѣ Тюменскаго округа волостей послѣ X ревизіи совершенно не передѣляло пахатныхъ земель; напротивъ въ остальныхъ пяти волостяхъ, лежащихъ далѣе на западъ, и платежныя раскладки, и распредѣленіе земли, подверглись въ 80-хъ годахъ болѣе или менѣе коренному измѣненію. Такая разница между двумя смежными мѣстностями отчасти объясняется, какъ было показано тамъ-же, различіями въ отношеніи доходности земли къ ея обложенію. Но для насъ въ настоящее время гораздо важнѣе обстоятельства другого рода, которыя сводятся къ особенностямъ земледѣльческаго хозяйства, и въ частности—къ различіямъ въ степени распространенности и въ самой техникѣ унаваживанія *). Въ западныхъ волостяхъ унаваживаніе пашенъ вошло во всеобщее употребленіе; хозяинъ, не имѣющій возможности унаваживать своихъ пашенъ,

*) Тамъ-же, стр. 174—190.

вовсе не можетъ вести хозяйства и долженъ сдавать свою землю въ аренду; поэтому при связанномъ иногда съ передѣломъ переходѣ со старыхъ полосъ на новыя весь рискъ для хорошаго хозяина сводится только къ полученію нѣсколько хуже удобренныхъ полосъ, а никакъ не къ переходу съ удобренныхъ на вовсе неудобренныя. Съ другой стороны, передѣлы всегда производятся весною, когда навозъ, вывезенный въ предыдущемъ году, успѣлъ уже дать отплату на одномъ урожаѣ, а навозъ текущаго года еще не вывезенъ; а такъ какъ въ названныхъ выше мѣстностяхъ принята система не очень изобильной, но часто повторяемой вывозки навоза, то слѣдовательно даже въ случаѣ перехода унавоженной полосы въ другія руки теряется лишь небольшая часть отплаты удобренія.— Совсѣмъ иначе сложились условія въ трехъ восточныхъ волостяхъ; здѣсь, прежде всего, удобреніе лишь въ самое послѣднее время начало входить во всеобщее употребленіе, а затѣмъ, при господствующей системѣ весьма густого, но рѣдко возобновляемаго унаваживанія, это послѣднее отплачивается лишь болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ урожаевъ; здѣсь поэтому, во 1-хъ, владѣлецъ удобренной пашни при обмѣнѣ полосъ легко могъ-бы получить пашню, никогда не удобрявшуюся, а во 2-хъ, отнятіе пашни, съ которой послѣ вывозки навоза снято хотя-бы даже 2—3 хлѣба, могло-бы лишить владѣльца весьма значительной части отплаты удобренія; такимъ образомъ, обмѣнъ полосъ при передѣлѣ могъ-бы причинить здѣсь весьма существенный вредъ какъ отдѣльнымъ владѣльцамъ удобренныхъ пашенъ, такъ и общему прогрессу сельскаго хозяйства.— Въ этомъ главная причина, почему въ восточныхъ волостяхъ южной половины Туринскаго округа передѣлы со времени X ревизіи не возобновлялись; но и въ западныхъ волостяхъ лишь въ меньшинствѣ общинъ произведены были коренные передѣлы; бо̀льшая часть общинъ этой мѣстности возстановила соотвѣтствіе между распредѣленіемъ земли и потребительнымъ составомъ домохозяйствъ посредствомъ переверстки „по ѣдокамъ“, главное преимущество которой заключается именно въ томъ, что не измѣняется общее число разверсточныхъ единицъ, а потому устраняется необходимость коренного передѣла: дворы, наличный составъ которыхъ остался пропорціональнымъ числу ревизскихъ душъ, сохраняютъ всю свою прежнюю землю; тѣ, составъ которыхъ уменьшился, отдаютъ цѣлый душевой надѣлъ или часть надѣла, и затѣмъ также остаются на прежде обрабатывавшейся землѣ.

Однако, довольно многія изъ общинъ этой мѣстности, равно какъ и всѣ общины сѣверной половины Туринскаго округа, въ 80-хъ годахъ произвели коренные передѣлы. Въ VI главѣ мы говорили уже какъ

о срокахъ этихъ послѣднихъ, такъ и объ основаніяхъ распредѣленія полосъ между домохозяевами. Здѣсь достаточно будетъ напомнить, что большинство общинъ сочло излишнимъ устанавливать заранѣе срокъ для слѣдующаго передѣла; лишь въ меньшинствѣ общинъ передѣлы произведены на опредѣленный срокъ, отъ 6 до 15 лѣтъ, причемъ замѣчено, что въ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣльческая техника стоитъ ниже и нехозяйственный элементъ въ населеніи многочисленнѣе, устанавливались по преимуществу менѣе продолжительные сроки. Самое распредѣленіе полосъ между домохозяевами основывалось на комбинаціи, съ одной стороны, начала „старшинства", съ другой — принципа „уравновѣшенія сортовъ"; первый изъ нихъ имѣетъ ясно сознаваемое крестьянами трудовое основаніе: „съ гоенной (обработанной) пашни не сживаемъ", „каждаго у своихъ назьмовъ оставляли": „кто какую пашню уважилъ, тотъ ту и держитъ", и т. д., — всѣ подобныя записанныя при изслѣдованіи изреченія разными словами выражаютъ, въ сущности, одну и ту-же мысль: каждый домохозяинъ, по мѣрѣ возможности, продолжаетъ пользоваться плодами вложеннаго имъ въ землю труда, или-же плодами своего прежняго нерадѣнія и безпечности. Но такъ какъ при безусловномъ соблюденіи этого принципа легко могли-бы быть нарушены требованія равенства, то полосы обыкновенно отводятся съ такимъ разсчетомъ, чтобы недостатки полосъ одного сорта уравновѣшивались преимуществами полосъ другихъ сортовъ, и обратно. Затѣмъ и на сѣверѣ, какъ и въ южной части Тобольской губерніи, крестьянство мало склонно къ жеребьевкамъ, но въ отличіе отъ южныхъ округовъ здѣсь почти совершенно не примѣняются къ пахатнымъ землямъ и аукціонные способы передѣла. Оба эти способа пользуются здѣсь малою распространенностью, несомнѣнно, именно потому, что по существу своему возводятъ въ систему обмѣнъ полосъ, а такой обмѣнъ въ мѣстности, гдѣ господствуетъ хозяйство съ удобреніемъ, могъ-бы дурно отразиться на состояніи земледѣльческой культуры. При господствующихъ на сѣверѣ Тобольской губерніи способахъ передѣла случаи перехода пахатной земли изъ рукъ въ руки, напротивъ, сведены къ минимуму, за которымъ исчезла-бы всякая возможность уравнительнаго распредѣленія пользованія землею. Тѣмъ не менѣе, случаи такого перехода несомнѣнно бываютъ и здѣсь, а разъ они бываютъ, то неминуемо возникаетъ вопросъ о судьбѣ вложеннаго въ землю, преимущественно путемъ унаваживанія, и еще не успѣвшаго окупиться труда. Изслѣдованіе констатируетъ, что и на сѣверѣ Тобольской губерніи община не регулировала этого вопроса какими-либо опредѣленными постановленіями; правда, при передѣлахъ обращалось особенное вниманіе на то, чтобы, по возможности,

„не сживать“ никого со свѣже-удобренныхъ пашенъ, однако, и такія пашни отбирались, если того требовала равномѣрность надѣленія, и это не вызывало никакихъ особенныхъ протестовъ, а сознаніе возможности отобранія, въ случаѣ передѣла, свѣже-удобренныхъ полосъ ни мало не мѣшаетъ очень интенсивному унаваживанію пашенъ. Объясняется это на первый взглядъ неожиданное явленіе приведенными уже выше характерными особенностями хозяйства и экономическаго строя тѣхъ мѣстностей, гдѣ въ 80-хъ годахъ произведены были передѣлы: при весьма равномѣрномъ распредѣленіи благосостоянія, выражающемся, между прочимъ, въ болѣе или менѣе равномѣрномъ унаваживаніи пашенъ; при господствѣ системы не очень густого но часто повторяемаго и слѣдовательно скоро окупающагося унаваживанія, владѣлецъ свѣже-удобренной полосы, даже при переходѣ ея въ другія руки, теряетъ лишь весьма малую долю отплаты удобренія, и во всякомъ случаѣ не несетъ положительнаго убытка. Совсѣмъ другія условія, какъ было уже упомянуто, представляютъ мѣстности вродѣ трехъ юго-восточныхъ волостей Туринскаго округа, гдѣ унаваживаніе далеко не успѣло еще войти во всеобщее употребленіе, и гдѣ притомъ господствуетъ система весьма густого, но повторяемаго черезъ продолжительные промежутки времени удобренія. Здѣсь отобраніе свѣже-удобренной полосы наносило-бы ея владѣльцу весьма существенный убытокъ, и потому община при передѣлахъ необходимо должна была обставлять владѣльцевъ свѣже-удобренныхъ полосъ вполнѣ опредѣленными гарантіями. Каковы были эти гарантіи,—объ этомъ изслѣдованіе не могло добыть сколько-нибудь полныхъ свѣдѣній: во всей этой мѣстности передѣловъ не бывало съ самой X ревизіи, а сохранившіяся съ того времени воспоминанія крестьянъ слишкомъ смутны для того, чтобы дать опредѣленный отвѣтъ на этотъ существенный вопросъ. Въ 80-хъ годахъ въ этой мѣстности передѣлъ произведенъ былъ только въ одной общинѣ (Сладковской, Пушкаревской волости),—и здѣсь особымъ приговоромъ было постановлено: ни подъ какимъ видомъ „не сживать“ хозяевъ съ полосъ, если послѣднія недостаточно вознаградили трудъ по ихъ удобренію; на этомъ основаніи ближнія пашни оставлялись за прежними владѣльцами, если съ нихъ послѣ вывозки навоза было снято менѣе четырехъ, дальнія — если было снято менѣе шести и даже семи хлѣбовъ.

Намъ предстоитъ теперь коснуться одной весьма важной стороны хозяйственной жизни земледѣльческаго населенія сѣвера Тобольской губерніи—дѣятельности какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и

цѣлыхъ общинъ, направленной съ одной стороны къ увеличенію культурной площади, съ другой—къ улучшенію этой послѣдней и къ усовершенствованію способовъ и пріемовъ хозяйства.

Прежде всего необходимо остановиться на вопросѣ о расчисткахъ пустопорожнихъ лѣсныхъ земель, въ видахъ обращенія подъ земледѣльческую культуру *). Вопросъ этотъ имѣетъ для земледѣльческаго сѣвера Тобольской губерніи весьма большое значеніе, такъ какъ здѣсь съ каждымъ годомъ создаются путемъ расчистки сотни десятинъ пашни, а за 30 лѣтъ, протекшихъ со времени X ревизіи, количество вновь расчищенной пахатной земли исчисляется многими тысячами десятинъ. Организація пахатныхъ расчистокъ и роль въ этомъ дѣлѣ общины и отдѣльныхъ хозяевъ представляются весьма разнообразными, въ зависимости главнымъ образомъ отъ степени изобилія, качества и цѣнности расчищаемыхъ пустопорожнихъ земель.

На крайнемъ земледѣльческомъ сѣверѣ, къ которому принадлежатъ, напримѣръ, четыре при-Тавдинскія волости Туринскаго округа, населеніе чрезвычайно рѣдко; къ селеніямъ прилегаютъ лишь небольшіе клочки разработанной земли, а отъ нихъ на обширныя пространства тянутся дремучіе лѣса и болота, среди которыхъ впрочѣмъ попадается не мало удобныхъ для расчистки участковъ; съ другой стороны, расчистка крупнаго лѣса требуетъ здѣсь такой значительной затраты труда, а природная производительность почвы, безъ удобренія, настолько ничтожна, что удобная для разработки, но еще не расчищенная земля совершенно не имѣетъ цѣнности. И вотъ, община повсемѣстно предоставляетъ здѣсь дѣло расчистки лѣсныхъ земель иниціативѣ отдѣльныхъ домохозяевъ: пустопорожнія мѣста составляютъ въ этомъ смыслѣ res nullius, и каждому общиннику предоставляется расчищать землю въ любомъ мѣстѣ и въ любомъ количествѣ. Но затѣмъ возникаетъ вопросъ объ отношеніи общины къ расчищеннымъ землямъ при общихъ передѣлахъ. Изслѣдованіе приводитъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что вопросъ о судьбѣ „новинныхъ“ пашенъ вызываетъ нерѣдко ожесточенную борьбу между различными группами общественниковъ,— борьбу, которая въ отдѣльныхъ случаяхъ приводитъ и къ крайне несправедливымъ рѣшеніямъ. Такъ, въ селеніяхъ Еремпнскаго общества (Пелымской волости), при произведенномъ въ 1886 г. передѣлѣ, были пущены въ раздѣлъ всѣ „новинныя“ пашни, хотя-бы съ нихъ не было еще снято ни одного хлѣба; въ томъ-же смыслѣ былъ составленъ приговоръ и Петровскимъ обществомъ (Гаринской вол.), но здѣсь этотъ приговоръ не былъ исполненъ и въ дѣйствитель-

*) «Матер.», вып. XIII, стр. 85—100.

ности „новинныя“ пашни были совершенно изъяты изъ передѣла. Затѣмъ въ огромномъ большинствѣ общинъ разсматриваемой мѣстности не было ничего похожаго на такія явныя несправедливости. Правда, многія общины, главнымъ образомъ въ Гаринской и Пелымской волостяхъ, включили въ число передѣляемыхъ пашенъ часть „новинныхъ“ земель,—но только земли уже давно расчищенныя и успѣвшія, по мнѣнію общины, оплатить затраченный на расчистку трудъ; за лицами, расчистившими „новины“, признавалось право на сверхъ-надѣльное пользованіе послѣдними въ теченіе 30—40 лѣтняго срока, и только „новины“, выслужившія такой льготный срокъ, включались въ число передѣляемыхъ угодій. Во многихъ другихъ общинахъ (главнымъ образомъ въ Кошукской волости) всѣ безъ исключенія „новинныя“ пашни, когда-бы онѣ ни были расчищены, были исключены изъ передѣла и оставлены въ сверхъ-надѣльномъ пользованіи лицъ, которыя ихъ расчищали.

Во всей сѣверной половинѣ Туринскаго округа, такимъ образомъ община, говоря вообще, чрезвычайно бережно относится къ интересамъ владѣльцевъ „новинныхъ“ пашенъ; это и понятно: расчистка „новинъ“ изъ подъ густого хвойнаго лѣса требуетъ большой затраты труда, распредѣляемой обыкновенно на длинный рядъ лѣтъ; съ другой стороны, тощая почва почти тотчасъ-же послѣ расчистки требуетъ удобренія и потому лишь весьма медленно окупаетъ трудъ, затраченный на расчистку. Въ виду этихъ условій расчистка можетъ оплатиться не какими-нибудь двумя или тремя, а смотря по условіямъ—пятнадцатью, двадцатью, тридцатью посѣвами, и община не можетъ, не рискуя сдѣлать крупной несправедливости, „замѣрить“ въ число передѣляемыхъ пашенъ „новины“, не прослужившей соотвѣтственнаго числа десятковъ лѣтъ.

Совсѣмъ другія условія представляетъ въ разсматриваемомъ отношеніи южная половина Туринскаго округа. Здѣсь, прежде всего, пашни расчищаются изъ-подъ мелкаго лѣса, и потому расчистки не требуютъ сколько-нибудь значительной затраты труда; вмѣстѣ съ тѣмъ „новина“ всегда даетъ безъ удобренія нѣсколько болѣе или менѣе хорошихъ, смотря по почвѣ, урожаевъ, которые обыкновенно въ два-три года вполнѣ окупаютъ затраченный на расчистку небольшой трудъ. Въ дальнѣйшемъ однако замѣчается существенная разница между западными волостями, ближайшими къ границѣ Верхотурскаго уѣзда, и восточными, расположенными ближе къ границѣ Тюменскаго округа. Въ этихъ послѣднихъ осталось еще довольно много удобныхъ для расчистки пустопорожнихъ земель, но такія земли расположены по преимуществу въ отдаленныхъ и потому недоступныхъ для упаживанія урочищахъ, почему имѣютъ для кресть-

янъ весьма незначительную цѣнность; соотвѣтственно этому каждому общественнику и здѣсь предоставляется расчищать землю въ любомъ мѣстѣ, не входящемъ въ число передѣляемыхъ сѣнокосныхъ угодій, а гдѣ покосы передѣлены на долгій срокъ,—и на своемъ собственномъ сѣнокосномъ участкѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ расчищенное мѣсто при послѣдующихъ передѣлахъ оставляется въ пользованіи расчистившаго въ счетъ душевой пропорціи сѣнокосной земли. „Новины", расчищенныя изъ-подъ лѣса, остаются въ пользованіи расчистившихъ ихъ домохозяевъ, сверхъ душевого надѣла, лишь до наступленія ближайшаго общаго передѣла, при передѣлѣ же всѣ „новины", съ которыхъ былъ снятъ хотя-бы одинъ хлѣбъ, включаются въ передѣлъ, но остаются въ счетъ „душевой пашни" въ пользованіи тѣхъ именно хозяевъ, которые ихъ расчищали, „въ общество" же отъ послѣднихъ отходитъ, если слѣдуетъ по разсчету, старопахатная земля того-же сорта; община, такимъ образомъ, уравниваетъ землепользованіе количественно, но въ то-же время представляетъ общинникамъ, расчищавшимъ пашни, использовать весь присущій „новиннымъ" землямъ избытокъ производительной силы.

Что касается до удобныхъ для расчистки пустопорожнихъ мѣстъ, близкихъ къ селеніямъ и потому пригодныхъ для хозяйства съ удобреніемъ, то ими очень дорожатъ какъ въ виду ихъ малочисленности, такъ и вслѣдствіе выгодности обращенія ихъ въ пашню. По отношенію къ такимъ мѣстамъ, поэтому, иниціативу производства расчистокъ всегда беретъ на себя община: найдя возможнымъ обратить въ пашню часть поскотины или иной близкій къ усадьбамъ участокъ земли, она дѣлитъ его на душевыя полосы, причемъ каждый общественникъ не только получаетъ *право*, но даже косвеннымъ образомъ *понуждается* расчистить всю отведенную ему полосу: при наступленіи ближайшаго общаго передѣла такіе участки, „подѣленные въ распашку", тоже передѣляются, но всегда выдѣляются въ особый „пай" или сортъ; самый передѣлъ по отношенію къ нимъ производится „по старшинству", причемъ общественникъ, не успѣвшій расчистить всего отведеннаго ему „въ распашку" пространства, какъ-бы въ наказаніе оставляется именно на нерасчищенной части и отдаетъ „на общество", если слѣдуетъ „по новому расчисленію", уже разработанную землю.

Въ юго-западныхъ волостяхъ Туринскаго округа количество удобныхъ для распашки пустопорожнихъ земель совершенно ничтожно: въ мѣстахъ, расположенныхъ вблизи селеній и пригодныхъ для хозяйства съ удобреніемъ, удобной для расчистки земли нѣтъ обыкновенно ни ляди, въ удаленныхъ же отъ усадебъ урочищахъ, при

плохихъ почвенныхъ условіяхъ и невозможности унаваживанія, огромное большинство пустопорожнихъ мѣстъ не стоитъ расчистки, и лишь небольшіе клочки обладаютъ болѣе плодородною почвой. Расчистки въ удаленныхъ отъ усадебъ урочищахъ, поэтому, производятся здѣсь въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ; если притомъ расчищенное мѣсто оказывается обладающимъ сколько-нибудь удовлетворительною почвою, то община не позволяетъ пользоваться имъ больше, чѣмъ на три, четыре, а то и на два хлѣба, которые при легкости расчистки успѣваютъ вполнѣ вознаградить за затраченный трудъ. Затѣмъ расчищенная земля отбирается, не ожидая общаго передѣла, и либо отводится въ надѣлъ подросткамъ или причисляемымъ ссыльнымъ, либо сдается въ аренду въ пользу мірскихъ суммъ. До общаго передѣла въ пользованіи расчистившихъ оставляются лишь участки съ самою плохою почвою,—остаются отчасти потому, что такіе участки не нужны никому другому, отчасти—потому, что тощая почва лишь по истеченіи ряда лѣтъ можетъ успѣть окупить затраченный на расчистку трудъ.—Кто хочетъ упрочить за собой пользованіе расчисткою на болѣе опредѣленное и продолжительное время, тотъ долженъ облюбованное для расчистки мѣсто арендовать у общества, причемъ плата колеблется въ прямомъ отношеніи съ качествомъ почвы и въ обратномъ—съ густотою лѣса (и, слѣд., трудностью расчистки), продолжительность аренды (чаще всего 10—15 лѣтъ)—въ прямомъ отношеніи съ послѣднимъ факторомъ и въ обратномъ—съ первымъ. По истеченіи срока земля поступаетъ въ полное распоряженіе общины, но за то до истеченія его община не можетъ отобрать ее даже въ случаѣ общаго передѣла. Нѣкоторыя общины и въ этой мѣстности брали на себя, когда оказывалась возможность, иниціативу производства расчистокъ, раздѣляя по душамъ, для обращенія въ пашню, пустопорожнія мѣста. Иногда, наконецъ, въ очень бѣдныхъ удобною землей общинахъ, пустопорожнія лѣсныя мѣста отводились въ видѣ дополненія къ душевымъ надѣламъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, „не могущимъ", по выраженію постановлявшихся на этотъ предметъ приговоровъ, „пропитать семьи на надѣльной землѣ", въ сорокалѣтнее безплатное пользованіе,—причемъ размѣръ отводимаго въ распашку участка колебался, въ зависимости отъ степени несоотвѣтствія количества надѣльной земли съ размѣромъ семьи, между 3 осьминниками ($^3/_4$ дес.) и 3 десятинами.

Мы должны теперь остановиться на случаяхъ, хотя и не играющихъ по своей малочисленности никакой роли въ общей экономіи края, но весьма интересныхъ съ точки зрѣнія занимающихъ насъ вопросовъ,—на случаяхъ осушки и обращенія въ пашню неболь-

шихъ участковъ болотной земли *). Случаи такого рода были констатированы въ пяти селеніяхъ весьма бѣдной землею юго-западной окраины Туринскаго округа; въ четырехъ изъ нихъ инициатива осушки принадлежала отдѣльнымъ общественникамъ,—община только давала на тѣхъ или другихъ условіяхъ свое разрѣшеніе и иногда оказывала инициаторамъ осушительныхъ работъ нѣкоторое содѣйствіе. Такъ, въ д. Лепской отдѣльными лицами и небольшими артелями, безъ всякаго содѣйствія общины, осушено и обращено въ пашню пять небольшихъ болотецъ, пространствомъ, въ общей сложности, до 7 десятинъ; за позволеніе произвести осушку и затѣмъ пользоваться осушенною землею во всѣхъ случаяхъ вносилась въ общинную кассу небольшая плата. Въ д. Даньковой одинъ крестьянинъ, В. Васьковъ, арендовалъ отъ общества на 30-лѣтній срокъ участокъ топкаго болота, площадью въ 10 десятинъ, съ платой за весь срокъ 50 рублей, причемъ Даньковская община отвела Васькову въ составъ душевого надѣла всѣ тѣ полосы, черезъ которыя по его разсчетамъ предстояло вести осушительныя канавы. Въ д. Неймышевой одинъ хозяинъ взялся осушить поросшее мелкимъ березнякомъ болотце, пространствомъ всего около $^3/_4$ дес.; община предоставила ему право пользованія разрабатываемою землею и кромѣ того—еще участкомъ въ $^3/_4$ десятины пахатной земли, на одиннадцалѣтній срокъ, всего за 35 рублей серебромъ. Въ д. Урусовой одинъ крестьянинъ снялъ отъ общества на 15 лѣтъ десятину болота съ платою 35 рублей за все время. Наконецъ, въ пятомъ изъ отмѣченныхъ случаевъ община взяла на себя болѣе активную роль; именно въ д. Шишкиной „общество“ артельнымъ трудомъ осушило и обратило въ пашню болотистую ложбину, пространствомъ въ 4 десятины, причемъ работы по осушкѣ и расчисткѣ продолжались пять лѣтъ.

Таковы данныя, собранныя изслѣдованіемъ по вопросу о дѣятельности крестьянства, направленной къ расширенію площади земледѣльческой культуры. Данныя эти показываютъ, что община въ довольно значительномъ числѣ случаевъ беретъ на себя инициативу и побуждаетъ отдѣльныхъ своихъ членовъ къ обращенію некультурныхъ земель въ удобное для земледѣлія состояніе. Но въ массѣ случаевъ инициатива расчистокъ принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ; роль общины сводится къ тому, что она обставляетъ расчистки извѣстными гарантіями, въ огромномъ большинствѣ случаевъ вполнѣ обезпечивающими оплату затрачиваемаго на расчистку труда.

Дѣятельность крестьянъ, направленная къ коренному улучшенію

*) «Матер.» по Зап. Сиб., вып. IX, стр. 388—393.

естественныхъ свойствъ пахатныхъ земель и къ предохраненію посѣвовъ отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній, на сѣверѣ Тобольской губерніи имѣетъ двоякій видъ. Въ Тобольскомъ округѣ вдоль большихъ рѣкъ почти повсемѣстно встрѣчаются земляные валы или плотины для защиты полей отъ весеннихъ рѣчныхъ разливовъ. Общая длина ихъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ доходитъ до 2 — 3 верстъ, при вышинѣ въ 1—2 аршина и ширинѣ въ 1—1½ сажени, причемъ для большей прочности земля иногда укрѣпляется съ обѣихъ сторонъ рядами вбитыхъ въ землю кольевъ. Изслѣдованіе къ сожалѣнію не даетъ намъ подробнаго описанія организаціи этого рода работъ, а говоритъ по этому поводу лишь слѣдующее: „Въ виду того, что всѣ въ одинаковой степени заинтересованы въ охраненіи полей, работа предпринимается цѣлымъ обществомъ, причемъ въ большихъ селеніяхъ одновременно трудится 50—100 человѣкъ, и валъ бываетъ готовъ въ нѣсколько дней или недѣлю". Въ 1886 г. при умѣренно-большомъ разливѣ, валы почти всюду спасли поля отъ наводненія, но для большихъ разливовъ, бывшихъ въ 1887 и 1888 годахъ, плотины оказались недостаточно высокими, такъ что во многихъ мѣстахъ вода перелилась черезъ нихъ и уничтожила озимые всходы *).

Въ Туринскомъ округѣ, гдѣ наводненія во многихъ мѣстностяхъ тоже причиняютъ много зла, устройство въ защиту отъ нихъ плотинъ, повидимому, не практикуется. Но за то въ сѣверной части этого округа, въ волостяхъ Пелымской и Гаринской, крестьянство не безуспѣшно борется съ другимъ очень опаснымъ врагомъ — съ вымочками, для чего устраиваются осушительныя канавы. Организація и порядокъ производства осушительныхъ работъ различны: мѣстами, гдѣ отъ вымочекъ страдаютъ лишь отдѣльныя полосы, община не вмѣшивается въ дѣло, предоставляя прорытіе новыхъ канавъ и поддержаніе старыхъ иниціативѣ тѣхъ хозяевъ, полосы которыхъ страдаютъ отъ вымочекъ, и только оставляетъ въ томъ направленіи, гдѣ должны пройти канавы, широкія борозды, исключаемыя изъ счета передѣляемой пашни. Но въ большинствѣ случаевъ община признаетъ осушительныя работы своимъ общимъ дѣломъ, а потому беретъ на себя иниціативу и руководство ими. Гдѣ протяженіе канавъ незначительно (100—200 саженъ длины), тамъ ихъ копаютъ и прочищаютъ „артелью", для чего весной наряжаются всѣ или очередные работники. Гдѣ для осушки приходится поддерживать большую сѣть канавъ, тамъ мы встрѣчаемся съ душевымъ порядкомъ: все протяженіе канавъ измѣряется, дѣлится на

*) «Матер.», вып. X, стр. 261—262.

общее число платежныхъ душъ, и затѣмъ на каждаго хозяина возлагается содержаніе канавъ на протяженіи, пропорціональномъ числу его платежныхъ душъ. Подобнымъ образомъ раздѣлено:

Въ д.	Хайдуковой	на душу	по	25	саж.
„ „	Пономаревой	„ „	„	10	„
„ „	Новоселовой	„ „	„	40	„
„ „	Лапотковой	„ „	„	60	„
„ „	Рѣчешной	„ „	„	24	„
„ „	Пантелѣевой	„ „	„	20	„

Наконецъ, мѣстами (напр., въ д. Карагаевой, Хайдуковой, Куреневой и др.) мы встрѣчаемся со смѣшаннымъ порядкомъ содержанія отводныхъ канавъ: магистральныя канавы поддерживаются общиною и прочищаются „артельно", мелкія же канавки, отводящія воду съ отдѣльныхъ полосъ, прорываются и прочищаются самими заинтересованными домохозяевами.

Осушительныя работы во многихъ мѣстностяхъ привели къ весьма благопріятнымъ результатамъ, совершенно устранивъ всякій вредъ отъ вымочекъ; въ другихъ мѣстахъ, гдѣ условія оказались менѣе благопріятными и совершенно устранить вымочки оказалось невозможнымъ, водоотводныя канавы все-же принесли значительную пользу: не устранивъ ихъ совершенно, онѣ значительно уменьшили вредныя послѣдствія вымочекъ,—и только въ нѣсколькихъ случаяхъ, гдѣ вода имѣла слишкомъ сильный естественный стокъ, попытки устройства сѣти водоотводныхъ канавъ окончились совершенною неудачею *).

Остановимся въ заключеніе на нѣкоторыхъ фактахъ, могущихъ служить для характеристики отношенія крестьянской общины сѣвера Тобольской губерніи къ самимъ основамъ принятыхъ въ этой мѣстности хозяйственныхъ порядковъ. Извѣстно, что дѣленіе общинныхъ полей на смѣны съ установленнымъ обязательнымъ сѣвооборотомъ многими признается за почти неопредолимый тормазъ для перехода къ болѣе прогрессивнымъ хозяйственнымъ порядкамъ. Изслѣдованію пришлось наблюдать рядъ фактовъ, противурѣчащихъ подобному взгляду,—свидѣтельствующихъ, что община, при сознанной необходимости, вполнѣ способна кореннымъ образомъ измѣнять ранѣе установленную ею обязательную систему полеводства, мало того—даже дѣлать прямые опыты примѣненія другихъ системъ, связанные съ измѣненіемъ распредѣленія общинныхъ полей на смѣны **).

*) «Матер.» вып IX, стр. 411—414.

**) Тамъ-же, стр. 146—148.

На крайнемъ сѣверѣ Тобольской губерніи, главнымъ образомъ въ Пелымской волости Туринскаго округа, хозяйство ведется по двухпольной системѣ, и общинныя пашни распредѣлены на двѣ смѣны. Такая система полеводства, повидимому, представляется болѣе соотствующею суровому климату и почвеннымъ условіямъ, нежели преобладающее нѣсколько южнѣе трехполье. И вотъ, на границѣ трехпольной и двухпольной полосъ изслѣдованіемъ констатированъ рядъ случаевъ, когда общины, ранѣе державшіяся обязательнаго трехполья, послѣ ряда опытовъ, произведенныхъ отдѣльными хозяевами на „новинныхъ" земляхъ, не вошедшихъ въ разгороженныя смѣны, установляли у себя обязательное двухпольное хозяйство. Такъ, на сѣверной окраинѣ Пелымской волости, въ д. Рублевой (Зыковской „сотни," въ остальныхъ селеніяхъ которой пашни и теперь разбиты на три поля), крестьяне перешли къ двухпольному хозяйству всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Съ другой стороны тамъ, гдѣ уже издавна установилось принудительное двухпольное хозяйство, крестьянство тяготится необходимостью оставлять незасѣянною половину всей пахатной земли; въ виду этого, отдѣльные хозяева почти всюду дѣлали на „новинныхъ" пашняхъ опыты заведенія трехпольнаго хозяйства; но для насъ особенно любопытенъ коллективный опытъ, произведенный въ д. Карагаевой (Пелымск. волости): здѣсь, именно, община разбила отдѣльный небольшой участокъ пашни, выдѣленный при передѣлѣ въ особый „пай," на три „перемѣны," и нѣсколько лѣтъ подрядъ вела на немъ трехпольное хозяйство; черезъ нѣсколько лѣтъ однако выяснилось, что такое измѣненіе системы хозяйства повело къ значительному пониженію урожайности, опытъ былъ оставленъ, и земля возвращена къ двухпольному сѣвообороту.

Выше мы указами на то, что трехпольное (или двухпольное) хозяйство съ удобреніемъ и обязательнымъ сѣвооборотомъ является для Тобольской губерніи не пережиткомъ, сохраняемымъ по косности и инерціи, а напротивъ — прогрессивнымъ шагомъ; что къ установленію этого типа хозяйства направленъ весь ходъ развитія сибирскихъ хозяйственныхъ порядковъ; вольное, залежное и паровое зерновое хозяйство мало-по-малу смѣняется вольнымъ-же хозяйствомъ съ удобреніемъ; сначала разнообразные, сѣвообороты, припримѣняемые на унавоженныхъ пашняхъ, постепенно замѣняются однообразнымъ трехпольнымъ сѣвооборотомъ, къ которому исправные хозяева переходятъ совершенно свободно, по сознанію его большей выгодности въ сравненіи съ другими зерновыми сѣвооборотами; а разъ большинство хозяевъ добровольно перешло къ трехполью, стремленіе соединить утолачиваніе съ унаваживаніемъ побуждаетъ общину ввести дѣленіе полей на смѣны и установить обязатель-

ный трехпольный сѣвооборотъ. Когда на той или иной части общинныхъ земель установилось трехпольное хозяйство съ удобреніемъ, преимущества его передъ залежнымъ хозяйствомъ бросаются каждому въ глаза: при первомъ получаются высокіе и постоянные урожаи, при второмъ—неурожаи составляютъ заурядное явленіе; хозяйство съ удобреніемъ даетъ весьма высокій чистый доходъ, составляющій до 100 и болѣе процентовъ текущихъ затратъ,—залежное хозяйство почти нигдѣ не оплачиваетъ даже затрачиваемаго труда. Отсюда—стремленіе къ возможному расширенію площади трехпольнаго хозяйства съ удобреніемъ. Но стремленіе это встрѣчаетъ повидимому непреодолимое препятствіе въ общинномъ землевладѣніи и разселеніи деревнями: навозъ возможно и выгодно вывозить за двѣ, три, много четыре версты; между тѣмъ, напримѣръ, въ южной части Туринскаго округа рѣдкое селеніе не имѣетъ значительной части пашенъ въ разстояніи 10, 15 и болѣе верстъ отъ усадебъ, и для хозяйства съ удобреніемъ оказывается доступною лишь половина, треть, а то и четвертая часть принадлежащихъ общинѣ пашенъ. И вотъ, для устраненія этого препятствія крестьянство прибѣгаетъ къ радикальной мѣрѣ—къ образованію выселковъ на дальнихъ участкахъ общественныхъ земель*). Первоначально все населеніе южной части Туринскаго округа жило исключительно по неширокой полосѣ у береговъ Туры; такъ называемый „волокъ"—примыкающая къ границѣ Ирбитскаго уѣзда полоса шириною въ 25—30 верстъ, была совершенно необитаема. Пока хозяйство съ удобреніемъ не возникало или существовало лишь въ видѣ болѣе или менѣе разрозненныхъ опытовъ, такое разселеніе не представляло существенныхъ неудобствъ: иначе стало съ тѣхъ поръ, какъ хозяйство съ удобреніемъ окончательно упрочилось и доказало крестьянамъ свое превосходство надъ залежнымъ хозяйствомъ: въ послѣдніе 30 лѣтъ началось заселеніе „волока", вызванное именно желаніемъ крестьянъ расширить площадь доступныхъ для унаваживанія пашенъ. Такъ д. Комарова, Усениновской волости, выдѣлила изъ себя въ 1862 году выселокъ—д. Продольную; въ Шухруповской волости выходцы изъ д. Неждановой и Леонтьевой образовали д. Устиновку; выходцами изъ тѣхъ-же деревень, съ приселеніемъ нѣсколькихъ дворовъ изъ д. Колесовой (Жуковск. вол.), образована д. Новая-выселка (Крутая), а въ 1889 году долженъ былъ образоваться выселокъ изъ д. Оргучинской. Въ Коркинской волости выходцы изъ с. Коркинскаго образовали деревню Гарин-

*) Тамъ-же, стр. 39—40.

скую. Въ Пушкаревской волости с. Липовское и д. Рыгачева выдѣлили отъ себя отселокъ—д. Евсееву, а выходцами изъ разныхъ селеній образована д. Новая; наконецъ въ Кошукской волости д. Тагильская выдѣлила изъ себя д. Ашмарку. Разговоры о необходимости образованія „на волоку" выселковъ идутъ и во многихъ другихъ селеніяхъ, имѣющихъ много отъѣзжихъ пашенъ, и едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что въ будущемъ, по мѣрѣ прироста населенія, предстоитъ образованіе еще значительнаго числа подобныхъ выселковъ, что при существованіи волостныхъ общинъ можетъ осуществиться безъ всякихъ неудобствъ.

Повторимъ теперь въ краткихъ словахъ сущность тѣхъ фактовъ, которые мы изложили на предыдущихъ страницахъ, вмѣстѣ съ главнѣйшими выводами. Мы нашли, что на югѣ и въ средней полосѣ Тобольской губерніи община не связываетъ иниціативу отдѣльнаго хозяина дѣленіемъ пашенъ на смѣны и принудительнымъ сѣвооборотомъ, а предоставляетъ ему въ веденіи хозяйства почти неограниченную свободу; что она свободна здѣсь и отъ такихъ недостатковъ, какъ мелкополосица и спеціальная чрезполосность; что хотя въ сѣверныхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ Тобольской губерніи и существуетъ принудительное трехпольное или двухпольное хозяйство, но оно представляется здѣсь явленіемъ не застоя, а сельско-хозяйственнаго прогресса. Мы привели далѣе рядъ фактовъ, показывающихъ, что самое трехполье далеко не связываетъ здѣсь крестьянское хозяйство неразрывными узами — что у общины хватаетъ иниціативы, при сознанной надобности, на ломку смѣнъ и коренное измѣненіе системы хозяйства, и даже на образованіе выселковъ, въ видахъ расширенія доступной для унаваживанія площади. Мы видѣли затѣмъ, что община не только даетъ полный просторъ хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, но даже нерѣдко беретъ на себя починъ и руководство такими работами, какъ расчистка некультурныхъ земель и обращеніе ихъ въ пашню, осушка пахатныхъ земель канавами и постройка плотинъ для защиты пашенъ отъ наводненій. Что касается наконецъ до передѣловъ, то послѣдніе во всей Тобольской губерніи совершаются, за самыми рѣдкими исключеніями, на сроки не менѣе десяти лѣтъ, а въ области господства хозяйства съ удобреніемъ— и на неопредѣленно-продолжительное время; обмѣнъ полосъ практикуется въ видѣ обычнаго порядка лишь тамъ, гдѣ такой обмѣнъ не можетъ причинить вреда съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія,—

господствующею же формой является передѣлъ отрѣзкою излишковъ, обезпечивающій настолько продолжительное пребываніе полосъ въ однѣхъ рукахъ, насколько это допускается наличнымъ составомъ семьи; наконецъ при передѣлахъ проявляется весьма бережное отношеніе къ труду, вложенному въ расчистку, обработку и унаваживаніе земель, — эти послѣднія переходятъ въ другія руки лишь тогда, когда вложенный въ нихъ трудъ успѣлъ достаточно оплатиться.

Изслѣдованія, произведенныя въ другихъ губерніяхъ, лишь весьма немного прибавили по разсматриваемому вопросу къ тѣмъ фактамъ, которые добыты были при изученіи общинныхъ порядковъ Тобольской губерніи. Въ Томской губерніи развитыя общинныя формы встрѣчаются лишь на крайнемъ юго-западѣ, въ мѣстности, изслѣдованной г. Филимоновымъ; но этотъ изслѣдователь, посвятивъ все свое вниманіе захватнымъ формамъ, касается передѣловъ лишь вкратцѣ, причемъ указываетъ однако на то, что „заимочные и захватные участки при первомъ передѣлѣ обязательно поступаютъ въ надѣлъ прежнимъ-же владѣльцамъ", — что „весь раздѣлъ сводится къ тому, что отъ однихъ земледѣльцевъ отрѣзываются лишки, а другимъ нарѣзываются нехватки", и что при передѣлѣ „заботятся о томъ, чтобы каждый получилъ надѣлъ въ одномъ кускѣ и обязательно на той гривѣ, гдѣ онъ прежде пахалъ". Въ связи со ссылкой г. Филимонова на ранѣе обнародованные выпуски „Матеріаловъ" по Западной Сибири, приведенныя указанія даютъ намъ право заключить, что господствующіе въ изслѣдованной г. Филимоновымъ мѣстности общинные порядки во всемъ существенномъ сходны съ порядками южной части Тобольской губерніи, а потому также не могутъ имѣть вреднаго вліянія на земледѣльческій прогрессъ. Упомянемъ здѣсь-же, хотя можетъ быть умѣстнѣе было-бы коснуться этого ниже,—объ отмѣчаемомъ г. Филимоновымъ параллелизмѣ развитія формъ землепользованія, съ одной стороны, и системъ полеводства, съ другой: тамъ, гдѣ господствуютъ захватныя формы пользованія землею, хозяйство ведется по первобытной залежной системѣ; по мѣрѣ ограниченія захватнаго права, сокращаются мало-по-малу сроки залежности, и одновременно съ появленіемъ той первоначальной формы передѣловъ, которую г. Филимоновъ называетъ „общинно-участковымъ" владѣніемъ, система полевого хозяйства переходитъ въ беззалежную съ сѣвооборотомъ, приближающимся къ двухпольному; на дальнѣйшей ступени развитія общинное землевладѣніе переходитъ въ форму, которую г. Филимоновъ называетъ „селенною", повидимому, сходную съ общинными порядками среднихъ губерній Европейской Россіи,—и

вмѣстѣ съ тѣмъ появляется несомнѣнно высшая форма земледѣльческаго хозяйства—трехполье съ разграниченіемъ полей на смѣны *).

Въ восточно-сибирскихъ губерніяхъ до сихъ поръ господствуютъ по отношенію къ пашнямъ захватныя формы землепользованія; передѣлы, — и то въ несовершенной формѣ „общихъ поравненій",—практикуются по отношенію къ пахатнымъ землямъ лишь въ небольшой части Иркутской губерніи. Мы знаемъ изъ главы IV, что сущность этихъ „поравненій" сводится къ отрѣзкѣ излишнихъ земель у тѣхъ изъ общественниковъ, которые имѣютъ слишкомъ много захватной пашни; при „поравненіяхъ", такимъ образомъ, въ полной мѣрѣ соблюдается столь важный съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія принципъ „старшинства", который составляетъ очевидно существенную характерную черту, вообще, сибирской общины. Изслѣдованіе отмѣчаетъ при этомъ, что при „поравненіяхъ" всегда обращается особенное вниманіе на трудъ, затраченный на расчистку пашенъ изъ-подъ лѣса: пашни, расчищенныя недавно и не успѣвшія еще оплатить затраченнаго труда, при „поравненіяхъ" вовсе не принимаются въ разсчетъ, а оставляются въ пользованіи расчистившихъ сверхъ принимаемой въ основу „поравненія" душевой нормы. Такъ какъ пашни въ Иркутской губерніи расчищаются большею частью изъ-подъ крупнаго лѣса и расчистка ихъ поэтому не можетъ скоро окупиться, то срокъ льготнаго пользованія установляется обыкновенно 30 или 40-лѣтній; иногда община установляетъ различные сроки, въ зависимости отъ степени трудности расчистки: для „тяжелой чистки" или 30 или 40 лѣтній, для „легкой"—отъ 10 до 20 лѣтъ; нерѣдко впрочемъ община не установляетъ заранѣе никакихъ общихъ сроковъ, а при „поравненіи" соображаетъ особо для каждаго отдѣльнаго участка, окупился-ли уже затраченный на расчистку трудъ, или нѣтъ, а слѣдовательно—можно ли уже пустить участокъ въ общее поравненіе, или же слѣдуетъ оставить его у хозяина сверхъ нормы, въ качествѣ „новой земли" **).

Въ Енисейской губерніи общинно-уравнительное пользованіе пахатными землями, можно сказать, еще совершенно не существуетъ: за двумя-тремя исключеніями, пашни повсемѣстно состоятъ еще въ одной изъ захватныхъ формъ пользованія, община же еще не брала въ свои руки дѣла уравнительнаго распредѣленія ихъ между общественниками. Тѣмъ любопытнѣе то обстоятельство, что такое капитальное улучшеніе пахатныхъ земель, какъ искусственное орошеніе, распространяющееся нынѣ въ степныхъ мѣстностяхъ Минусин-

*) Филимоновъ, назв. соч., стр. 57—59.

**) «Матер.» по Иркут. и Енис. губ. Т. II, вып. 3, стр. 206—209.

скаго округа, не только не укрѣпило захватной формы пользованія, но напротивъ—ускорило по отношенію къ орошаемымъ пашнямъ переходъ къ общинно-уравнительному пользованію. Дѣло въ томъ, что для устройства потребныхъ для искусственнаго орошенія, нерѣдко крупныхъ и дорого-стоющихъ сооруженій, силы отдѣльнаго лица оказывались недостаточными, и пришлось прибѣгнуть къ артельной организаціи. Составляясь сначала изъ однихъ только желающихъ, по преимуществу зажиточныхъ крестьянъ, „артель однако быстро распространяется на все общество, и при разверсткѣ „моченой" земли начинаютъ сообразоваться не только съ непосредственнымъ участіемъ каждаго члена общины въ устройствѣ дренажа, но и вообще съ его нуждами, отрицая такимъ образомъ принципъ наслѣдственности и захватнаго пользованія общественною землею, хотя-бы и при солидной затратѣ на ея эксплоатацію". Гдѣ искусственное орошеніе возникло недавно, тамъ орошаемыя пашни находятся въ исключительномъ пользованіи лицъ, принимавшихъ участіе въ оросительныхъ работахъ; гдѣ орошеніе практикуется давно, тамъ работы производятся цѣлымъ обществомъ и орошаемая земля передѣляется по душамъ; но это послѣднее обстоятельство повидимому нисколько не препятствуетъ и отдѣльнымъ общественникамъ предпринимать новыя оросительныя работы, за свой собственный счетъ и страхъ; такія земли остаются въ исключительномъ пользованіи оросившихъ до ближайшаго общаго передѣла, когда и онѣ поступаютъ въ общую массу передѣляемыхъ земель *).

Совершенно сходныя явленія отмѣчены изслѣдованіемъ въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ, той-же Енисейской губерніи, и по отношенію къ орошаемымъ покосамъ—„мочагамъ" **). Мѣстами орошенію подверглись лишь незначительныя площади сѣнокосной земли,—въ такихъ мѣстахъ оросительныя работы производились разрозненными усиліями отдѣльныхъ домохозяевъ, и орошенные покосы состоятъ въ единоличномъ захватномъ пользованіи. Но „тѣ изъ нихъ, устройство которыхъ требуетъ крупныхъ затратъ, устраиваются обыкновенно цѣлою общиной, и къ пользованію ими прилагается начало уравнительности въ полной мѣрѣ": община либо нанимаетъ кого-либо произвести необходимыя работы, либо производитъ ихъ артельнымъ трудомъ общественниковъ, и орошенныя по общественной иниціативѣ площади тотчасъ-же передѣляетъ по душамъ; но на ряду съ этимъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ предоставляется устраивать „мочаги" своимъ собственнымъ

*) Т. IV, вып. 3, стр. 196—199.

**) Тамъ же. стр. 223—225.

„стараньемъ“,—и такіе „мочаги“ оставляются въ пользованіи тѣхъ домохозяевъ, которые ихъ устраивали, въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, по мнѣнію общины достаточнаго, чтобы окупить связанныя съ устройствомъ орошенія затраты,—по истеченіи же срока „мочагъ“ включается въ число передѣляемыхъ угодій. Мѣстами, гдѣ „мочаги“ заведены уже очень давно, еще дѣдами и прадѣдами нынѣшнихъ хозяевъ, община, какъ цѣлое, не предпринимала оросительныхъ работъ: „мочаги“ устраивались каждымъ домохозяиномъ отдѣльно, и до поры до времени состояли въ захватномъ пользованіи; но затѣмъ, когда населеніе сгустилось и удобныя для орошенія мѣста „подобрались“, міръ началъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ однѣхъ рукахъ не сосредоточивались слишкомъ большіе „мочажные“ участки; у кого оказывалось подъ „мочагами“ болѣе противъ намѣченной общиною приблизительной нормы, у того излишки отрѣзывались для прибылыхъ душъ, и такимъ образомъ размѣры пользованія „мочагами“ приведены были въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ распредѣленіемъ разверсточныхъ душъ между домохозяйствами.

Въ Енисейской губерніи орошаемые покосы состоятъ въ общинно-уравнительномъ пользованіи только у русскаго населенія; у инородцевъ, у которыхъ работы по искусственному орошенію покосовъ очень распространены, „мочаги“ не передѣляются, а состоятъ въ наслѣдственномъ пользованіи отдѣльныхъ лицъ или же составившихся для оросительныхъ работъ артелей. Въ Иркутской губерніи мы встрѣчаемся съ обратнымъ явленіемъ. Здѣсь распространены не столько орошаемые, сколько удобряемые покосы, такъ называемые „утуги“, нѣкоторые изъ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ и орошаются. Русское населеніе, содержащее не особенно много скота, довольствуется большей частью естественными покосами, лишь сравнительно рѣдко прибѣгаетъ къ устройству утуговъ, и эти послѣдніе всегда состоятъ у русскихъ крестьянъ въ захватномъ, болѣе или менѣе неограниченномъ пользованіи. Та-же форма пользованія господствовала прежде и у инородцевъ, у которыхъ утуги занимаютъ значительныя площади и играютъ въ хозяйствѣ весьма существенную роль. Во многихъ инородческихъ общинахъ, по преимуществу у осѣдлыхъ и ясачныхъ бурятъ, въ значительной мѣрѣ ассимилировавшихся съ русскимъ населеніемъ, захватное владѣніе утугами сохранилось и по настоящее время; напротивъ, у такъ называемыхъ „кочевыхъ“ инородцевъ, у которыхъ утужное хозяйство имѣетъ наибольшее значеніе и у которыхъ поэтому пріусадебными землями, удобными для устройства утуговъ, особенно дорожатъ, захватныя формы пользованія по отношенію къ утугамъ

въ значительной мѣрѣ вытѣснены пользованіемъ общинно-уравнительнымъ: всего въ 20% общаго числа бурятскихъ общинъ утуги состоятъ еще въ захватномъ пользованіи; во всѣхъ остальныхъ утуги при послѣдней ревизіи подверглись передѣлу; въ значительномъ числѣ общинъ коренной передѣлъ утуговъ съ тѣхъ поръ не возобновлялся, и только утужные участки умершихъ душъ „перекладывались" на вновь вступавшихъ въ окладъ. Но довольно многія бурятскія общины уравнивали пользованіе утугами и послѣ X ревизіи; при этомъ однѣ общины не трогаютъ самихъ утуговъ, а вознаграждаютъ тѣхъ общественниковъ, у которыхъ утуговъ не хватаетъ до нормы, прирѣзками соотвѣтствующихъ площадей полевого покоса; другія общины передѣляютъ утуги независимо отъ простыхъ покосовъ, причемъ первые всегда передѣляются черезъ болѣе продолжительные промежутки времени; „это и понятно, поясняетъ изслѣдованіе: для утуговъ нѣтъ такой необходимости въ частыхъ передѣлахъ, ибо они болѣе однокачественны...; притомъ частый дѣлежъ утуга, какъ усадебнаго угодья, при которомъ имѣются постройки, и притомъ угодья удобряемаго, былъ-бы даже неудобенъ и невыгоденъ". „Чтобы не лишать хозяевъ, продолжаетъ изслѣдованіе, ихъ трудовъ по удобренію утуговъ, къ передѣлу ихъ примѣняется обыкновенно способъ, заключающійся въ томъ, что хозяева по возможности меньше мѣняются мѣстами (это было-бы неудобно еще и въ виду необходимости, чтобы всѣ усадебныя угодья по возможности были въ одномъ мѣстѣ, при домѣ)...; передѣлъ утуговъ состоитъ обыкновенно собственно не въ передвижкѣ, не въ перемѣнѣ мѣстъ (при количественномъ перераспредѣленіи), а въ опредѣленіи (вычисленіи), въ зависимости отъ прироста душъ, новой нормы владѣнія и въ надѣленіи новыхъ душъ утугомъ-же и по-возможности къ одному мѣсту"; при этомъ „у каждаго хозяина, гдѣ не измѣнялся составъ семьи, его утугъ остается на прежнемъ мѣстѣ, а если и измѣнился и—къ его невыгодѣ—уменьшился, то все-таки послѣ передѣла онъ будетъ продолжать пользоваться большей частью своего-же утужнаго мѣста". При такой постановкѣ передѣлы утуговъ, какъ констатируетъ изслѣдованіе, не препятствуютъ удобренію ихъ, отчасти и въ силу того, что „удобреніе утуговъ производится безъ различія всѣми хозяевами; слѣдовательно, если передѣлъ и принудитъ къ перемѣнѣ мѣста, такъ мѣсто это будетъ, все равно, тоже удобренное". Въ заключеніе изслѣдованіе отмѣчаетъ фактъ особенно значительной распространенности передѣловъ по отношенію къ орошаемымъ утугамъ, стоящій повидимому въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что оросительныя работы обыкновенно непосильны для отдѣльныхъ лицъ и потому

производятся по иниціативѣ и распоряженію общины, разверстываясь уравнительно по душамъ *).

Мы сочли необходимымъ довольно подробно остановиться на отношеніи общины въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ къ оброченію пашенъ и покосовъ и къ уваживанію этихъ послѣднихъ въ виду важности, съ интересующей насъ точки зрѣнія, какъ тѣхъ случаевъ, когда община, въ общемъ еще такъ мало сформировавшаяся и не вылившаяся въ обычныя формы душевого пользованія, беретъ на себя иниціативу болѣе или менѣе крупныхъ меліораціонныхъ работъ, раскладываетъ связанныя съ ними затраты труда или денегъ по душамъ и въ силу этого самого приходитъ къ распредѣленію по душамъ и пользованія угодьями,—такъ и тѣхъ, когда меліораціонныя работы производились по иниціативѣ и на средства отдѣльныхъ общественниковъ, и это обстоятельство нисколько не задерживало перехода къ душевому пользованію, а передѣлы, въ свою очередь, не мѣшали продолженію и развитію меліораціонныхъ работъ.

Относительно хозяйственнаго значенія передѣловъ естественныхъ сѣнокосовъ изслѣдованіе даетъ, къ сожалѣнію, лишь немного указаній,—и эти послѣднія, большею частью, уже были приведены выше, въ VII главѣ. Мы знаемъ, что естественные сѣнокосы передѣляются по большей части ежегодно, и притомъ преимущественно аукціонными способами, которые сопряжены въ видѣ общаго правила съ частыми переходами общественниковъ съ однѣхъ полосъ на другія. Ясно, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о какихъ-либо работахъ, направленныхъ къ поддержанію сѣнокосовъ въ хорошемъ состояніи, къ предотвращенію заростанія ихъ и т. п.,—и слѣдовательно господствующіе порядки пользованія покосами должны вести къ порчѣ ихъ, а до нѣкоторой степени—даже къ сокращенію ихъ площади. Отсутствіе какихъ-бы то ни было указаній заставляетъ предполагать, что на большей части площади изслѣдованнаго края эти неудобства еще не проникли въ сознаніе крестьянства: хотя просторъ по отношенію къ покосамъ и сократился настолько, что захватныя формы пользованія должны были уступить мѣсто пользованію общинно-уравнительному,—тѣмъ не менѣе покосовъ еще настолько много и цѣнность ихъ настолько низка, что въ какихъ-либо работахъ, направленныхъ къ ихъ очисткѣ и т. п., не ощущается необходимости. Гдѣ появляется сознаніе такой необходимости, тамъ господствующіе порядки передѣла покосовъ, которые могли-бы помѣшать отдѣльнымъ хозяевамъ пред-

*) Т. II, вып. 3, стр. 237—243; вып. 6, стр. 111—117.

принять необходимыя работы, очень легко уступаютъ мѣсто другимъ порядкамъ, обезпечивающимъ каждому домохозяину болѣе продолжительное пользованіе достающимися ему сѣнокосными угодьями. Мы указали въ VII главѣ на рядъ случаевъ, довольно многочисленныхъ, когда отдѣльныя общины постановляли приговоры о прекращеніи ежегодныхъ передѣловъ и объ установленіи для послѣднихъ болѣе продолжительныхъ сроковъ,—указали также на цѣлые районы, гдѣ самый передѣлъ покосовъ производится способами, съ хозяйственной точки зрѣнія болѣе благопріятными; такъ, въ бѣдной сѣнокосными угодьями южной части Туринскаго округа, гдѣ довольно многіе крестьяне стараются пополнить недостатокъ въ сѣнокосныхъ угодьяхъ расчистками изъ-подъ лѣса, лѣсные покосы передѣляются хотя и аукціонными способами, но не ежегодно, а черезъ продолжительные сроки, одновременно съ передѣлами пахатныхъ земель,—и каждому общественнику разрѣшается производить по смежности съ душевыми покосами расчистки и пользоваться послѣдними, сверхъ душевой нормы, до слѣдующаго общаго передѣла. Черезъ продолжительные сроки передѣляются сѣнокосы и въ окрестностяхъ Томска: въ этомъ городѣ сѣно имѣетъ настолько выгодный сбытъ, что сѣнокошеніе является для пригороднаго населенія однимъ изъ существенныхъ источниковъ благосостоянія, а доходности сѣнокосныхъ угодій поднимается сравнительно очень высоко; каждый хозяинъ поэтому заинтересованъ какъ въ томъ, чтобы предохранить свои покосныя доли отъ заростанія и заболачиванія, такъ и въ томъ, чтобы возможно расширить площадь сѣнокошенія путемъ расчистки лѣса или кустарника,—и община идетъ на встрѣчу этому стремленію: она передѣляетъ покосы черезъ продолжительные сроки и притомъ не аукціонными способами, а отрѣзкою излишковъ,—т. е. способомъ, наиболѣе соотвѣтствующимъ хозяйственному интересу. „Чищобы", т. е. сѣнокосныя мѣста, расчищенныя изъ-подъ лѣса сравнительно недавно, и въ особенности послѣ послѣдняго передѣла, вовсе не включаются въ счетъ передѣляемыхъ угодій, а остаются въ пользованіи разработавшихъ сверхъ душевой нормы.

На этомъ мы заканчиваемъ обзоръ данныхъ, могущихъ служить для оцѣнки съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія формъ общиннаго владѣнія землей, сложившихся въ четырехъ изслѣдованныхъ губерніяхъ Сибири. Общій выводъ, кажется намъ, долженъ быть благопріятнымъ для этихъ формъ. Изслѣдованіе не даетъ никакихъ указаній на то, чтобы общинное землевладѣніе, связанное съ передѣлами, гдѣ-либо оказало задерживающее вліяніе на успѣхи сель-

ско-хозяйственной культуры и свидѣтельствуетъ, напротивъ, объ очень бережномъ отношеніи общины къ труду и хозяйственной инициативѣ отдѣльныхъ хозяевъ.

Попробуемъ теперь подойти къ вопросу съ другой стороны. Мы знаемъ, что во многихъ мѣстностяхъ изслѣдованной полосы Сибири сохранилось еще въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ захватное владѣніе землею, на почвѣ котораго существуютъ и процвѣтаютъ многочисленныя заимочныя, иначе сказать—хуторскія хозяйства; мы знаемъ также, что заимочникъ является, пока крѣпка захватная форма, такимъ-же полномочнымъ хозяиномъ своей заимки, какъ любой подворный владѣлецъ или частный собственникъ. Съ точки зрѣнія противниковъ общиннаго землевладѣнія заимочное хозяйство представляетъ собою, поэтому, явленіе въ высшей степени отрадное и заслуживающее поощренія: хозяинъ свободенъ отъ общиннаго гнета, тормозящаго его инициативу; онъ можетъ предпринимать какія угодно улучшенія, никого не спрашиваясь и въ полной увѣренности, что ему удастся воспользоваться всѣми плодами затраченнаго труда. Казалось-бы, съ этой точки зрѣнія, что хозяйство въ мѣстностяхъ съ развитымъ захватнымъ владѣніемъ должно представлять отрадную для глазъ сельскаго хозяина картину сравнительно съ хозяйствомъ тѣхъ частей Сибири, гдѣ личность уже успѣла попасть подъ общинный гнетъ.

Попытаемся же на основаніи добытыхъ изслѣдованіемъ данныхъ выяснить, дѣйствительно-ли крупныя заимки являются носительницами сельско-хозяйственнаго прогресса и потому заслуживаютъ поддержки и защиты отъ поглощенія общиною. Для этого сравнимъ хозяйство крупныхъ заимочниковъ, съ одной стороны, съ хозяйствомъ бѣдной и средне-состоятельной массы въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще процвѣтаетъ заимочное владѣніе, а съ другой—съ хозяйствомъ западной окраины Сибири, гдѣ заимочное владѣніе уже давно исчезло и замѣнилось владѣніемъ душевымъ.

Всякій, кто бывалъ въ средней и восточной Сибири, знаетъ, что крупные заимочники ведутъ свое хозяйство лучше, нежели представители недостаточной и бѣдной массы населенія; на крупныхъ заимкахъ пашня вспахана глубже и ровнѣе, сорныя травы искоренены, посѣвъ произведенъ своевременно и хорошими сѣменами; мало того—богачъ подвергаетъ землю паровой обработкѣ черезъ болѣе короткіе промежутки времени и не доводитъ ее до слишкомъ сильной степени истощенія. Ничего удивительнаго, при такихъ условіяхъ, если пашня, принадлежащая богатому заимочнику, и служитъ дольше, нежели пашня бѣдняка, и даетъ лучшіе урожаи; бѣдняки, посѣявшіе поздно и плохія сѣмена, нерѣдко остаются совер-

шенно безъ хлѣба въ то время, какъ богачи, благодаря лучшей обработкѣ и лучшимъ сѣменамъ, успѣваютъ собрать болѣе или менѣе удовлетворительный урожай. Все это несомнѣнно; несомнѣнно также, что благодаря, съ одной стороны, большей урожайности своихъ пашенъ, а съ другой—благодаря возможности дорого продавать свой хлѣбъ и пользоваться дешевымъ трудомъ своихъ должниковъ, богачи-заимочники могутъ вести хозяйство съ выгодою для себя при такихъ условіяхъ, при которыхъ хозяйство бѣдняковъ, въ сущности, не окупаетъ затрачиваемаго труда. Но другой вопросъ, *въ какой мѣрѣ богачи-заимочники, хозяйствуя съ выгодой для самихъ себя, являются проводниками улучшенныхъ способовъ полеводства*, усовершенствованныхъ орудій, разныхъ спеціальныхъ культуръ и т. п.? Изслѣдованія хозяйственнаго быта крестьянъ сибирскихъ губерній позволяютъ, не обинуясь, отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Система полеводства, которой держатся богачи-заимочники,—это та-же комбинація переложнаго хозяйства съ паромъ, которой держится въ многоземельныхъ мѣстностяхъ Сибири вся масса населенія: о переходѣ къ хозяйству съ удобреніемъ заимочники думаютъ такъ-же мало, какъ и бѣднѣйшіе изъ ихъ сосѣдей; какъ и эти послѣдніе, богачи-заимочники сосредоточиваютъ культуру исключительно на зерновыхъ хлѣбахъ, не думая ни о какомъ плодосмѣнѣ; не замѣчается никакихъ различій въ орудіяхъ и пріемахъ обработки земли, и если пашни крупнаго заимочника обработаны лучше пашенъ бѣдняковъ, то только потому, что первый имѣетъ больше лошадей и больше свободныхъ рабочихъ рукъ. Единственное нововведеніе, которое можно мѣстами встрѣтить у отдѣльныхъ богатѣйшихъ заимочниковъ—это конныя, частью выписныя, частью самодѣльныя молотилки. Но едва-ли, съ одной стороны, это нововведеніе можно признать имѣющимъ особенно большое значеніе въ общей экономіи края, а съ другой—такія-же нововведенія встрѣчаются у зажиточныхъ крестьянъ и въ мѣстностяхъ, гдѣ земля передѣлена по душамъ.

Превосходство хозяйства крупныхъ заимочниковъ надъ хозяйствомъ бѣдняковъ основывается, такимъ образомъ, *не на большемъ знаніи, опытности, иниціативѣ и т. п. качествахъ*, свободное проявленіе которыхъ могло-бы привести къ общеполезнымъ результатамъ, *а исключительно на ихъ большемъ богатствѣ*. Превосходство это, весьма выгодное для самихъ богачей, представляется однако совершенно безразличнымъ для массы населенія, въ которую богачи не вносятъ рѣшительно никакихъ прогрессивныхъ началъ; но надо оговориться: *безразличными* эти преимущества являются только тамъ, гдѣ еще очень великъ земельный просторъ; въ такихъ мѣстностяхъ

богачъ-заимочникъ можетъ пользоваться преимуществами, которыя ему доставляетъ богатство, никого не стѣсняя и никому не причиняя вреда; гдѣ земельный просторъ не такъ великъ, тамъ нѣсколько заимочниковъ нерѣдко захватываютъ въ свои руки чуть не всѣ пригодныя для хозяйства угодья и такимъ образомъ являются положительно вредными для массы населенія.

Еще легче отвѣтить на второй поставленный нами вопросъ: можетъ-ли хозяйство тѣхъ мѣстностей Сибири, гдѣ существуютъ заимки и захватное пользованіе, быть признано прогрессивнымъ сравнительно съ хозяйствомъ мѣстностей, гдѣ успѣлъ водвориться душевой способъ пользованія угодьями. Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ самъ собою бросается въ глаза: область господства захватнаго владѣнія есть въ то-же время и область господства наиболѣе экстенсивныхъ видовъ залежно-пароваго хозяйства; первыя попытки перехода къ хозяйству съ удобреніемъ появляются только въ средней части Тобольской губерніи, гдѣ захватное владѣніе уже давно уступило мѣсто переходной формѣ—захватно-общинному пользованію, и гдѣ это послѣднее, въ свою очередь, уже въ значительной мѣрѣ вытѣснено формами душевого пользованія,—а вполнѣ упрочившееся трехпольное и двухпольное хозяйство съ удобреніемъ мы встрѣчаемъ только въ сѣверной земледѣльческой полосѣ Тобольской губерніи, гдѣ душевое пользованіе установилось издавна и вылилось въ формы, очень сходныя съ господствующими въ среднихъ губерніяхъ Европейской Россіи. Это и понятно: формы общиннаго землевладѣнія и пріемы земледѣльческой культуры, при отсутствіи какихъ-либо вмѣшательствъ извнѣ, опредѣляются одною и тою-же основною причиною—населенностью каждой данной мѣстности въ сравненіи съ количествомъ удобныхъ для сельско-хозяйственной культуры земель. Гдѣ земельный просторъ еще очень великъ, тамъ неограниченный захватъ угодій со стороны богатой части населенія не сопряженъ ни съ какими неудобствами для массы послѣдняго; тамъ, въ то-же время, населеніе имѣетъ возможность давать истощеннымъ культурою землямъ отдыхъ до полнаго возстановленія ихъ производительной силы; въ такихъ богатыхъ землею мѣстностяхъ, поэтому, съ полнымъ удобствомъ могутъ существовать и захватная форма землепользованія, и залежно-паровая система полеводства. По мѣрѣ сокращенія земельнаго простора условія измѣняются и въ томъ, и въ другомъ отношеніи: съ одной стороны существованіе большихъ заимокъ становится стѣснительнымъ для массы населенія, съ другой стороны отдыхъ, благодаря сокращенію его продолжительности и удлинненію періодовъ обработки, не успѣваетъ возстановлять истощаемыхъ культурою производительныхъ силъ земли;

отсюда, съ одной стороны, необходимость паденія захватной формы пользованія и постепенной замѣны ея — душевою, а съ другой — потребность изысканія новыхъ способовъ для возстановленія производительности земли, а слѣдовательно—переходъ къ хозяйству съ удобреніемъ,—и въ окончательномъ результатѣ *упроченіе и развитіе душевой формы пользованія и распространеніе хозяйства съ удобреніемъ являются, при существующихъ въ Сибири условіяхъ, процессами, необходимо другъ другу сопутствующими.*

ПРИЛОЖЕНІЕ.

МАТЕРІАЛЫ ПО ВОПРОСУ О ВЛІЯНІИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАГО ЭЛЕМЕНТА НА РАЗВИТІЕ ОБЩИННЫХЪ ФОРМЪ ВЪ СИБИРИ.

Въ главѣ IV мы мимоходомъ коснулись вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ переходъ отъ чисто-захватныхъ формъ къ общинно-уравнительному землепользованію можетъ быть приписанъ вліянію пришлыхъ элементовъ, въ частности—переселенцевъ. Здѣсь мы остановимся на этомъ вопросѣ нѣсколько обстоятельнѣе, въ виду, главнымъ образомъ, довольно распространеннаго и неоднократно высказывавшагося въ литературѣ вопроса мнѣнія, будто-бы сибирскій крестьянинъ-старожилъ чуждъ общиннаго духа, что великорусская община является для него новшествомъ, и что переселенцы, являясь въ Сибири носителями высшей культуры, вмѣстѣ съ тѣмъ прививаютъ здѣсь и общинные распорядки, вводя ихъ и въ своихъ собственныхъ селеніяхъ и дѣйствуя своимъ примѣромъ на старожиловъ-сибиряковъ.

Чтобы выяснить, какова дѣйствительная роль въ данномъ вопросѣ переселенческаго элемента, попытаемся сопоставить по всѣмъ четыремъ изслѣдованнымъ губерніямъ, поскольку позволяетъ имѣющійся матеріалъ, данныя о формахъ землепользованія съ данными о составѣ населенія. Начнемъ съ востока, съ Иркутской губерніи, и будемъ постепенно подвигаться на западъ.

Въ *Иркутской* губерніи по отношенію къ пахатнымъ землямъ преобладаютъ еще захватныя формы пользованія,—чисто захватная и захватно-общинная; только въ относительно густо-населенныхъ мѣстностяхъ—въ сѣверной части Иркутскаго округа и въ значительной части Верхоленскаго,—появились передѣлы въ несовершенной

формѣ „общихъ поравненій"; напротивъ, сѣнокосныя угодья передѣляются почти повсемѣстно,—общины съ вольнымъ сѣнокошеніемъ или захватнымъ пользованіемъ покосами насчитываются единицами; лѣса и выгоны—въ вольномъ пользованіи; по отношенію къ усадьбамъ мѣстами появились отводы. Что̀ касается до состава населенія, то переселенческій элементъ въ Иркутской губерніи совершенно отсутствуетъ; хотя при подворной регистраціи изслѣдованіе и выдѣляло особую группу крестьянъ—новоселовъ, но въ эту группу вошли не переселенцы, а такіе элементы, какъ сыновья ссыльно-поселенцевъ, крестьяне изъ казаковъ и крестьяне, перечислившіеся въ описываемое общество изъ другихъ обществъ или сословій *).

Въ *Енисейской* губерніи захватная форма сохранилась по отношенію къ пашнямъ только въ немногихъ мѣстностяхъ Канскаго, Красноярскаго и Минусинскаго округовъ; что̀ касается до общинно-уравнительнаго начала, то проявленія его, вообще говоря, не пошли далѣе „частныхъ поравненій", да и эти послѣднія встрѣчаются сравнительно рѣдко; общій передѣлъ всѣхъ пашенъ произведенъ былъ всего въ трехъ общинахъ, да въ шести селеніяхъ раздѣлены подъ пашню части присельнаго выгона. По отношенію къ покосамъ общинно-уравнительное начало также сдѣлало гораздо меньшіе успѣхи, чѣмъ въ Иркутской губерніи: въ 16,0% всего числа селеній покосы еще состоятъ въ захватномъ или вольномъ пользованіи, въ 22,7% происходятъ лишь частныя „поравненія", въ 39,2%—„поравненія" общія, и только въ 21,1% всего числа селеній покосы передѣляются болѣе или менѣе совершенными способами.

Крестьяне-новоселы составляютъ довольно замѣтную часть населенія Енисейской губерніи: изъ 334,766 душъ, зарегистрированныхъ въ четырехъ округахъ этой губерніи, къ группѣ новоселовъ—выходцевъ изъ Европейской Россіи, поселившихся на мѣстѣ регистраціи не свыше 25 лѣтъ до времени изслѣдованія, принадлежатъ 26,601 душа, или 7,9% всего населенія, если же взять одно русское населеніе—,то 8,7%. По округамъ переселенцы распредѣляются весьма неравномѣрно; ихъ насчитано именно: въ Канскомъ округѣ 1.738 душъ, въ Красноярскомъ—702, въ Ачинскомъ—4.719, въ Минусинскомъ—19.442 души обоего пола. Сопоставимъ теперь % новоселовъ къ общей цифрѣ населенія каждаго округа съ % числа селеній, сохранившихъ по отношенію къ покосамъ захватныя формы пользованія или, наоборотъ, передѣляющихъ покосы однимъ изъ болѣе совершенныхъ способовъ:

---

*) «Матер.» по Ирк. и Енис. губ., т. II, вып. 2, стр. 77.

ОКРУГА.	% новоселовъ къ общему числу русскаго населенія *).	% селеній съ захватнымъ и вольнымъ пользованіемъ покосами **).	% селеній съ передѣлами покосовъ **)
Канскій	2,8	21,5	16,5
Красноярскій	1,1	6,4	46,3
Ачинскій	6,5	26,7	9,3
Минусинскій	17,5	15,2	15,9

Цифры эти показываютъ, что распространенность сѣнокосныхъ передѣловъ находится скорѣе въ обратной, нежели въ прямой зависимости отъ численности новоселовъ въ общемъ составѣ населенія: наибольшіе успѣхи душевое пользованіе сдѣлало въ Красноярскомъ округѣ, гдѣ новоселовъ почти нѣтъ, наименьшіе—въ Ачинскомъ и Минусинскомъ, гдѣ они составляютъ довольно замѣтную часть населенія. Что касается до тѣхъ немногочисленныхъ общинъ, гдѣ передѣлены были пахатныя земли, то всѣ шесть общинъ, гдѣ раздѣлены подъ пашню части присельнаго выгона, являются чисто старожильскими; количество новоселовъ, принятыхъ по приговорамъ, во всѣхъ шести общинахъ равняется всего 23 семьямъ, колеблясь отъ 2 до 7 семей на селеніе; изъ тѣхъ трехъ селеній, гдѣ передѣлены *всѣ* пашни, въ одномъ новоселовъ нѣтъ вовсе, но зато въ двухъ другихъ они составляютъ довольно замѣтную часть населенія: въ д. Іудиной—36 семей на 129 семей старожиловъ, въ д. Малой-Ничкѣ—16 семей на 64 семьи старожиловъ. Ни въ одномъ изъ чисто переселенческихъ поселковъ, а равно изъ тѣхъ селеній, гдѣ новоселовъ больше, чѣмъ старожиловъ, душевое пользованіе по отношенію къ пашнямъ не встрѣчается ***).

По западно-сибирскимъ губерніямъ наши данныя имѣютъ гораздо болѣе отрывочный характеръ. Въ частности, по *Томской* губерніи мы можемъ сопоставить формы землепользованія съ данными о составѣ населенія лишь по тремъ районамъ, обнимающимъ впрочемъ бо́льшую часть населенія, водвореннаго на казенныхъ земляхъ этой губерніи. Первый изъ этихъ трехъ районовъ составляютъ три пригородныя волости Томскаго округа. По отношенію къ пашнямъ душевое пользованіе здѣсь вовсе не существуетъ; за то заливные покосы передѣляются повсемѣстно, и притомъ на продолжительные сроки и очень точными способами, — а въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сѣнокошеніе является важнымъ самостоятельнымъ

*) Тамъ-же, т. IV, вып. 2, стр. 125.
**) Тамъ-же, т. IV, вып. 3, стр. 214.
***) Тамъ-же, стр. 192—196, и поселенныя таблицы

промысломъ, передѣляются и лѣсные сѣнокосы; въ значительной части этого района община взяла въ свое непосредственное распоряженіе надѣльные лѣса и либо передѣляетъ ихъ на душевые участки, либо установила лѣсосѣчное хозяйство съ періодически возобновляемыми „запрещеніями“ и регулированнымъ пользованіемъ предназначенными для рубки пространствами; наконецъ пользованіе „домашними кедровниками“ вездѣ, гдѣ сборъ орѣха имѣетъ сколько-нибудь значительные размѣры, регулируется общиною: послѣдняя охраняетъ кедровники отъ порубокъ и установляетъ порядокъ сбора орѣха, до извѣстной степени гарантирующій пропорціональное распредѣленіе орѣха между общественниками. Что касается до состава населенія, то переселенцевъ въ этомъ районѣ почти нѣтъ: правильное свободное заселеніе этой мѣстности крестьянами русскаго происхожденія началось издавна и уже давно остановилось *): населеніе ея до самаго послѣдняго времени состояло—если не считать ссыльнаго элемента—почти исключительно изъ старожиловъ; только съ самаго конца 80-хъ годовъ начался новый наплывъ въ эту мѣстность переселенцевъ,—но ко времени изслѣдованія (1890 г.) ихъ было здѣсь еще очень мало и они конечно не только не могли оказать какого-либо вліянія на общій складъ порядковъ землепользованія даннаго района, но не имѣли времени и сами остановиться на какихъ-либо опредѣленныхъ формахъ.

Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ населеніе другого района, прилегающаго съ востока къ предыдущему и охватывающаго восточный край Томскаго округа и сѣверо-западную половину Маріинскаго: заселеніе этой мѣстности русскимъ элементомъ началось въ сравнительно недавнее время, и въ первой четверти настоящаго вѣка здѣсь существовало на пространствѣ свыше 10 тыс. кв. верстъ всего 47 селеній, изъ коихъ 15 самыхъ крупныхъ тянулись вдаль главнаго Сибирскаго тракта; во второй четверти настоящаго столѣтія новыхъ селеній совсѣмъ не возникало; за то съ начала 50-хъ до конца 60-хъ годовъ переселенцами изъ Европейской Россіи основано было въ этой мѣстности 37 новыхъ селеній, и къ 14 старожильскимъ селеніямъ переселенцы приселились болѣе значительными группами; съ конца 60-хъ до середины 80-хъ годовъ возникло еще одно новое селеніе, а къ двумъ были значительныя приселенія, съ конца-же 80-хъ годовъ опять начался массовый наплывъ переселенцевъ: впрочемъ, до 1890 года возникло лишь немного поселковъ, да и они не были описаны изслѣдованіемъ 1890 года и не могли повліять на складъ въ данной мѣстности порядковъ земле-

*) «Матер.» по Зап.-Сибир., вып. XIV, стр. 27—28.

пользованія; въ окончательномъ выводѣ, изъ изслѣдованныхъ въ этой мѣстности 85 селеній только 31 селеніе оказалось съ чисто-старожильскимъ населеніемъ, въ 16 селеніяхъ новоселы составляютъ значительную часть жителей, а 38 селеній были заселены исключительно или почти исключительно новоселами *).

Изслѣдованіе застало еще эту мѣстность въ условіяхъ значительнаго земельнаго простора, и потому въ области землепользованія всецѣло господствовали здѣсь захватныя формы; пашни оказались передѣленными по душамъ всего въ двухъ общинахъ—одной чисто старожильской и одной—чисто переселенческой **); что касается до сѣнокосовъ, то лѣсные покосы вездѣ состоятъ еще въ вольномъ пользованіи; во многихъ общинахъ тотъ-же порядокъ удержался еще даже и по отношенію къ заливнымъ лугамъ; передѣляются эти послѣдніе въ 12 общинахъ, изъ коихъ пять оказались состоящими изъ новоселовъ, остальныя 7—изъ однихъ старожиловъ, безъ примѣси переселенческаго элемента ***).

Третій районъ, на которомъ мы теперь должны остановиться,—это изслѣдованная г. Филимоновымъ сѣверо-западная часть Каинскаго округа. Начало русской колонизаціи этой мѣстности было положено въ первой четверти XVIII вѣка, и къ концу этого послѣдняго здѣсь было 75 селеній, въ коихъ числилось 2.376 дворовъ и 11.213 душъ обоего пола; ко времени изслѣдованія число селеній дошло до 171, населеніе же увеличилось почти вшестеро и дошло до 12.073 дворовъ и 64.283 душъ. Въ то время далѣе, какъ еще въ началѣ XIX вѣка населеніе сосредоточивалось исключительно въ южной, степной части района, по мѣрѣ заселенія послѣдней колонизація стала направляться и въ сѣверное полѣсье, гдѣ изслѣдованіе застало уже 2.001 дворъ или около $^1/_6$ части всего населенія района. Болѣе позднее заселеніе, полѣсья отражается и на современномъ составѣ населенія. Г. Филимоновъ расчленяетъ не-ссыльное населеніе на 3 группы: старожиловъ староселовъ, т. е. переселенцевъ, проживающихъ на новомъ мѣстѣ отъ 11 до 30 лѣтъ, и новоселовъ—живущихъ не свыше 10 лѣтъ. По всему району староселы вмѣстѣ съ новоселами составляютъ 14,8 % всего населенія; но по отдѣльнымъ мѣстностямъ пришлое населеніе распредѣляется очень неравномѣрно: въ степи населеніе почти исключительно старожилое, и староселы вмѣстѣ съ новоселами составляютъ всего 6,2 % всего населенія; напротивъ, въ полѣсьѣ

*) Тамъ-же. стр. 28—35.
**) Вып. XVIII, стр. 238—239.
***) Тамъ-же, стр. 247.

число послѣднихъ достигаетъ трети (33%) зарегистрированнаго изслѣдованіемъ населенія *).

Но и въ настоящее время полѣсье заселено гораздо рѣже, нежели степная мѣстность: по вычисленію г. Филимонова **) густота населенія въ полѣсьѣ не превышаетъ 0,5 человѣкъ на кв. километръ, тогда какъ въ трехъ полосахъ степной мѣстности она колеблется отъ 2,6 до 5,2 человѣкъ. Въ тѣсной зависимости отъ густоты населенія находится и складъ порядковъ землепользованія: въ полѣсьѣ, несмотря на значительность здѣсь переселенческаго элемента, всецѣло господствуютъ до сихъ поръ захватныя формы пользованія, и только мѣстами передѣляются сѣнокосныя угодья; напротивъ въ степной мѣстности сѣнокосы передѣляются, повидимому, почти повсемѣстно; въ весьма многихъ обществахъ передѣляются по душамъ и пашни, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ лучшія и болѣе цѣнныя, а кромѣ того большинство общинъ уже приступило къ урегулированію пользованія надѣльными лѣсами посредствомъ объявленія всѣхъ этихъ лѣсовъ или части ихъ подъ „запрещеніемъ".

По *Тобольской* губерніи мы должны остановиться, съ одной стороны, на округахъ Ишимскомъ и Курганскомъ, съ другой—на сѣверныхъ округахъ—Тюменскомъ и особенно Туринскомъ и Тобольскомъ.

Въ Ишимскомъ округѣ новоселы составляютъ лишь незначительную часть населенія: на первое мѣсто по числу новоселовъ надо поставить большую Бердюжскую волость, населеніе которой на половину состоитъ изъ смоленскихъ переселенцевъ, частью образовавшихъ новыя селенія, частью приселившихся къ обществамъ старожиловъ: затѣмъ, въ другихъ частяхъ округа переселенцами образовано 22 новыхъ селенія, да значительныя группы переселенцевъ приписались къ десяти старожильскимъ селеніямъ; почти всѣ переселенцы водворились въ южной части округа,—въ сѣверной возникло всего одно новое селеніе и нѣсколько десятковъ семей приписалось къ одному старожильскому селенію; значительное большинство переселенцевъ прибыло въ началѣ 50-хъ годовъ: въ это время пришли переселенцы въ Бердюжскую волость, да въ другихъ волостяхъ возникло 11 новыхъ селеній и три болѣе значительныя приселенія; съ начала 60-хъ годовъ до времени изслѣдованія возникло всего 6 новыхъ селеній и три крупныя приселенія ***).

Обращаясь затѣмъ къ формамъ пользованія землею, мы должны

*) Вып. XVII, стр. 53—63.

**) Тамъ-же, стр. 91.

***) Вып. III, стр. 16—27.

припомнить, что въ Ишимскомъ округѣ господствуютъ уже общинно-уравнительныя формы пользованія: на большей части протяженія округа пашни передѣляются издавна, на сѣверѣ же и юго-востокѣ изслѣдованіе застало самый моментъ перехода отъ захватнаго пользованія къ передѣлу; душевое пользованіе съ передѣлами господствуетъ и по отношенію къ покосамъ, и къ лѣсамъ, а въ юго-западной части округа распространяется и по отношенію къ общественнымъ пастбищамъ. Изслѣдованіе не даетъ никакихъ указаній, позволяющихъ предположить, чтобы передѣлы гдѣ-либо появились подъ вліяніемъ примѣра новоселовъ, а территоріальное распространеніе ихъ позволяетъ отвѣтить на вопросъ о такомъ вліяніи отрицательно: въ числѣ волостей, гдѣ передѣлы практикуются давно, мы находимъ какъ такія, гдѣ переселенцы составляютъ значительный процентъ населенія (Бердюжская), такъ и такія, гдѣ ихъ совершенно нѣтъ (Армизонская, Гагарьевская, Казанская, Абатская и др.); съ другой стороны, захватныя формы продержались до самого послѣдняго времени какъ на сѣверѣ округа (вол. Арамашевская, Кротовская, Готопутовская), гдѣ переселенцевъ совершенно нѣтъ, такъ и на юго-востокѣ (вол. Соколовская, Красноярская, Сладковская), гдѣ переселенцевъ имѣется сравнительно много. Что касается до формъ душевого пользованія, какъ онѣ сложились въ Ишимскомъ округѣ, то уже самая оригинальность ихъ не оставляетъ мѣста предположенію, чтобы онѣ могли сложиться подъ вліяніемъ переселенцевъ; напротивъ, изслѣдованіе даетъ прямыя указанія на то, что сами переселенцы перенимаютъ, цѣликомъ или съ несущественными отступленіями, порядки передѣла, принятые у старожиловъ. Мы указывали въ VI главѣ, что переселенческія общины сравнительно часто примѣняютъ жеребьевку, весьма несимпатичную коренной сибирской общинѣ; но жеребьевый способъ не только не прививается въ общинахъ старожиловъ, но даже „вышелъ изъ употребленія въ большинствѣ переселенческихъ общинъ. Тѣ изъ послѣднихъ, въ которыхъ этотъ порядокъ существуетъ до сихъ поръ (и то обыкновенно въ комбинаціи съ однимъ изъ сибирскихъ способовъ передѣла), составляютъ меньшинство; бо́льшая же часть переселенческихъ общинъ перешла къ тѣмъ самымъ способамъ передѣла земель, которые примѣняются въ общинахъ крестьянъ-старожиловъ“ *).

Въ Курганскомъ округѣ изъ общаго числа 454 селеній 64 являются населенными исключительно переселенцами, да въ 25 старожильскихъ селеніяхъ переселенцы приселились болѣе значительными группами: при этомъ однако только 11 новыхъ селеній и

*) Вып. V, стр. 235—237.

одно приселеніе возникли менѣе чѣмъ за 10 лѣтъ до изслѣдованія— въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ; въ 50-хъ и 60-хъ годахъ возникло 15 новыхъ селеній и 3 приселенія; 20 самостоятельныхъ поселковъ и 13 приселеній возникло въ 40-хъ годахъ, относительно же остальныхъ время возникновенія неизвѣстно, или извѣстно только, что они возникли „до X ревизіи", т. е. не позже конца 50-хъ годовъ *). Затѣмъ, изслѣдованіе отмѣчаетъ, что приселеніе переселенцевъ направлялось по преимуществу въ южную и восточную части округа, ко всѣмъ же волостямъ сѣверо-западнаго, лѣсного района приселенія совершенно не было **). Обстоятельство это, по мнѣнію изслѣдователя, г. Осипова, отразилось на складѣ крестьянскаго землевладѣнія: въ сѣверо-западныхъ волостяхъ волостное земельное единство продолжаетъ существовать и по настоящее время, тогда какъ въ тѣхъ частяхъ округа, куда происходило сколько-нибудь значительное приселеніе, общины-волости распались на поселенные отрубы,—и г. Осиповъ усматриваетъ въ приселеніяхъ переселенцевъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ распаденія волостныхъ общинъ; независимо отъ незнакомства переселенцевъ, жившихъ на родинѣ въ особленныхъ селенныхъ общинахъ, съ обычаями волостного землевладѣнія, здѣсь вліяла съ одной стороны рознь, нерѣдко возникавшая между старожилами и переселенцами, а съ другой—разница въ самихъ основаніяхъ исчисленія размѣра земельныхъ надѣловъ, дѣлавшая для старожиловъ болѣе выгоднымъ надѣленіе землею въ отдѣльныхъ отъ новоселовъ отрубахъ ***).

Въ отношеніи формъ землепользованія, напротивъ, между сѣверо-западнымъ райономъ и остальными частями Курганскаго округа не замѣчается существенныхъ различій; нѣкоторыя особенности сѣверо-западный районъ представляетъ только по отношенію къ формамъ пользованія лѣсами, которыя благодаря изобилію лѣсныхъ насажденій стоятъ здѣсь на нѣсколько низшей ступени развитія, нежели въ другихъ мѣстностяхъ; но и здѣсь, какъ и во всемъ округѣ, лѣса передѣляются по душамъ; равнымъ образомъ повсемѣстно передѣляются пахатныя и сѣнокосныя земли, и за немногими изъятіями общинно-уравнительная форма пользованія, въ оригинальной формѣ „расположки скотскаго выпуска", распространяется и на общинныя пастбища. И по Курганскому округу, какъ и по Ишимскому, изслѣдованіе не даетъ никакихъ указаній, которыя позволили-бы предположить, чтобы подъ вліяніемъ переселен-

*) Вып. XXI, стр. 26—30.

**) Тамъ же, стр. 24—25.

***) Подробнѣе см. выше, въ гл. II.

цевъ состоялся переходъ отъ захватныхъ порядковъ къ передѣламъ, или чтобы подъ этимъ вліяніемъ сложились самыя формы передѣла; напротивъ, изслѣдователь постоянно противуполагаетъ „сибирскіе передѣлы“ „россійскимъ“ и слѣдовательно считаетъ мѣстныя формы развившимися совершенно самостоятельно, независимо отъ какихъ-либо заносныхъ вліяній; г. Осиповъ констатируетъ, что „тамъ, гдѣ поселились переселенцы изъ Россіи, они почти вездѣ перешли къ сибирскому обычаю, и притомъ вполнѣ добровольно“; переселенцы „во многихъ случаяхъ бросили даже свою традиціонную жеребьевку“; въ довольно многихъ переселенческихъ общинахъ жеребьевка, правда, не вышла изъ употребленія, но примѣняется не въ качествѣ основнаго пріема, какъ „въ Россіи“, а въ видѣ дополненія къ одному изъ тѣхъ пріемовъ, которые выработаны мѣстною старожильскою общиной *).

Самостоятельное происхожденіе тѣхъ наиболѣе типичныхъ для сибирской общины способовъ передѣла, которые были обстоятельно описаны въ Ишимскомъ и Курганскомъ округахъ, доказывается, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что тѣ-же формы— передѣлъ „по старшинству“ и „надорожка“, при отсутствіи раздѣленія селеній на смѣны съ обязательнымъ чередованіемъ хлѣбовъ, господствуютъ, насколько можно судить по нѣсколько отрывочнымъ указаніямъ соотвѣтствующихъ выпусковъ „Матеріаловъ“, и въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Тюменскій округъ и прилегающія къ нему волости Туринскаго,—мѣстностяхъ, гдѣ переселенческій элементъ совершенно отсутствуетъ. Совершенно нѣтъ переселенцевъ и далѣе на сѣверъ, въ области принудительнаго трехпольнаго и двухпольнаго хозяйства, охватывающей почти весь Туринскій округъ и среднюю часть Тобольскаго, гдѣ общинные порядки, какъ мы знаемъ, достигаютъ особенно высокаго развитія и притомъ представляютъ во многихъ отношеніяхъ болѣе сходства съ „россійскими“ порядками, нежели въ какой-либо другой мѣстности изслѣдованныхъ губерній Сибири.

Можно-ли, спрашивается, сдѣлать изъ вышеизложенныхъ данныхъ какія-либо заключенія? можно-ли установить какой-либо параллелизмъ между наплывомъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи, съ одной стороны, и развитіемъ общинныхъ порядковъ, съ другой? Намъ кажется, что здѣсь можно установить никакъ не прямую, а развѣ только обратную зависимость: если сравнивать

*) Тамъ-же, стр. 75, 128, 133 и др.

Иркутскую губернію съ Енисейскою и разные округа послѣдней— между собой; если сопоставлять земледѣльческій районъ Томскаго полѣсья съ пригороднымъ, степную полосу Каинскаго округа съ лѣсною, сѣверные округа Тобольской губерніи съ южными и т. д., то можно придти къ заключенію, что общинные порядки достигаютъ наиболѣе высокихъ ступеней развитія именно тамъ, гдѣ переселенческій элементъ представленъ слабѣе всего, и что наоборотъ— въ мѣстностяхъ, гдѣ недавніе переселенцы составляютъ наиболѣе значительную часть населенія, душевое пользованіе сдѣлало до сихъ поръ наименьшіе успѣхи. Парадоксальность этого вывода только кажущаяся; того закона сосуществованія, который выразился въ приведенныхъ словахъ, нельзя конечно понимать въ смыслѣ *закона причинности*,—нельзя усматривать въ отсутствіи переселенцевъ причину высокаго развитія общинныхъ формъ и обратно,— но можно искать и не трудно найти *общую причину*, которою опредѣляются оба сосуществующія явленія; эта причина—*земельный просторъ или „утѣсненіе“*. Фактическія данныя, изложенныя въ настоящей работѣ, показываютъ съ достаточною убѣдительностью, что захватныя формы пользованія землей, существующія при почти безграничномъ просторѣ, подъ вліяніемъ сокращенія послѣдняго мало-по-малу смѣняются формами общинно-уравнительными, и что прогрессирующее „утѣсненіе“ обусловливаетъ переходъ отъ менѣе совершенныхъ формъ душевого пользованія къ болѣе совершеннымъ; съ другой стороны понятно, что переселенцы идутъ именно туда, гдѣ земельный просторъ еще достаточно великъ, что наплывъ ихъ сокращается по мѣрѣ сокращенія этого простора, и что онъ долженъ совершенно прекратиться, когда старожилое населеніе начинаетъ ощущать недостатокъ въ угодьяхъ. Ясно, такимъ образомъ, что высокое развитіе общинныхъ порядковъ — результатъ тѣхъ самыхъ условій, которыя задерживаютъ и въ концѣ концовъ совершенно останавливаютъ наплывъ переселенцевъ.

Но если изъ обратнаго параллелизма, который замѣчается между наплывомъ переселенцевъ и развитіемъ общинныхъ формъ никакъ нельзя сдѣлать того вывода, что переселенцы задерживаютъ это развитіе, то этотъ обратный параллелизмъ позволяетъ намъ рѣшительно отвергнуть мысль, будто общинные порядки являются новшествомъ для старожилаго населенія Сибири, и распространеніе и развитіе ихъ должно быть поставлено въ заслугу именно переселенческому элементу: если параллелизмъ двухъ явленій не доказываетъ еще причинной зависимости одного изъ нихъ отъ другого, то *обратный* параллелизмъ несомнѣнно доказываетъ *отсутствіе* такой зависимости; трудно, въ самомъ дѣлѣ, предположить, чтобы пере-

селенцы являлись, par excellence, представителями и носителями общинныхъ распорядковъ, разъ именно тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, эти распорядки достигаютъ наивысшаго развитія, а наплывъ большихъ массъ переселенцевъ не мѣшаетъ—пока всѣмъ хватаетъ земли—существованію старыхъ захватныхъ формъ, охотно усваиваемыхъ и самими переселенцами.

Еще въ 1891 году, когда была обнародована лишь часть того фактическаго матеріала, на который мы можемъ опираться въ настоящее время, пишущій эти строки пытался дать общій отвѣтъ на вопросъ о вліяніи переселенческаго элемента на развитіе въ Западной Сибири общинной жизни: „Переселенцы, писали мы тогда *), не только не привили въ Сибири усвоенныхъ ими на родинѣ общинныхъ порядковъ,—напротивъ, они вездѣ и въ этомъ отношеніи совершенно ассимилировались съ кореннымъ населеніемъ; и наоборотъ—гдѣ того требовалъ общій складъ земельныхъ отношеній, тамъ общинные порядки достигали наивысшаго развитія помимо всякаго вліянія переселенческаго элемента, подъ вліяніемъ происходившей въ самомъ коренномъ сибирскомъ населеніи внутренней работы. Въ самомъ дѣлѣ: переселенцы, составляющіе массу населенія въ восточномъ углу Томскаго и въ Маріинскомъ округѣ, совершенно забыли о какихъ бы то ни было передѣлахъ: всѣ угодья у нихъ, какъ и у старожиловъ, состоятъ въ захватномъ или вольномъ пользованіи, и переселенецъ такъ-же хорошо, какъ и сибирякъ, постигъ прелесть „заимки“ въ нѣсколько сотъ десятинъ.... Далѣе: коренное населеніе южныхъ округовъ Тобольской губерніи самостоятельно выработало себѣ весьма оригинальныя и хорошо приспособленныя формы душевого пользованія угодьями, и эти формы переняты и поселившимися въ этихъ округахъ переселенцами, которые совершенно забыли о тѣхъ формахъ общинной жизни, къ которымъ привыкли на родинѣ. И наконецъ наиболѣе развитыя и близкія къ „расейскимъ“ формы общинной жизни мы находимъ въ сѣверныхъ округахъ Тобольской губерніи, т. е. именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, развитіе которыхъ происходило совершенно независимо отъ вліянія переселенческаго элемента. Словомъ — заключали мы—и по отношенію къ общинной жизни мы убѣждаемся, что прогрессъ ея вообще и формы этого прогресса въ частности зависятъ далеко не отъ однихъ только индивидуальныхъ

*) См. нашу статью «Вліяніе переселенческаго элемента на развитіе сельскаго хозяйства и общинной жизни въ Зап. Сибири», «Сѣв. Вѣстн.», 1891 г., апрѣль, стр. 47—51. См. также статью нашу «Къ вопросу о культурной роли переселенцевъ въ Сибири» въ сборникѣ «Путь-дорога», СПБ., 1893.

*

свойствъ самого населенія: поставьте переселенца, хотя-бы и насквозь проникнутаго среднерусскимъ общиннымъ духомъ, въ условія многоземельныхъ мѣстностей Сибири, и онъ чрезъ немного лѣтъ забудетъ о какихъ-бы то ни было передѣлахъ и будетъ съ такимъ-же упорствомъ защищать свою „заимку“ отъ чьихъ-бы то ни было притязаній, какъ и самый коренной сибирякъ; и обратно — сибирякъ, побуждаемый, „утѣсненіемъ“, безъ всякаго содѣйствія переселенческаго элемента дойдетъ до весьма утонченныхъ формъ душевого пользованія. Вліяніе переселенческаго элемента и въ этомъ случаѣ (какъ и въ вопросѣ о прогрессѣ сельско-хозяйственной культуры) — чисто механическое“: формы землепользованія конечно измѣняются подъ вліяніемъ наплыва переселенцевъ, но не потому, чтобы переселенецъ приносилъ съ собой „свои“ общинные порядки, а просто потому, что тысяча дворовъ, поселенная на опредѣленной территоріи, будетъ уже испытывать нѣкоторое „утѣсненіе“, и потому должна будетъ выработать формы пользованія землею, отличныя отъ тѣхъ, которыя сложились, когда на той-же территоріи жило всего 300 или 500 дворовъ. Вліяніе переселенческаго элемента на развитіе общинныхъ порядковъ, какъ и на прогрессъ земледѣльческой культуры, такимъ образомъ „ничѣмъ не отличается отъ того вліянія, какое при неизмѣнившемся количествѣ населенія оказываетъ сокращеніе — путемъ, напримѣръ отрѣзки значительной части ея въ казенное вѣдомство — количества состоящей въ его пользованіи земли“; приселеніе переселенцевъ, другими словами, только ускоряетъ темпъ развитія формъ землепользованія и, въ случаѣ массоваго приселенія, заставляетъ это развитіе идти скачками, не внося, однако, ничего по существу новаго, ничего такого, что вытекало-бы изъ характерныхъ особенностей переселенцевъ, которыя отличали-бы ихъ отъ старожилаго населенія Сибири *).

Намъ кажется, что тотъ матеріалъ, который появился въ печати послѣ цитированной статьи, нисколько не колеблетъ, а только подтверждаетъ изложенные выводы, не вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ необходимости какихъ-либо къ нимъ дополненій. Но намъ особенно пріятно закончить цитатою изъ новѣйшей работы почтеннаго изслѣдователя Алтайской общины — С. И. Швецова, еще въ 1891 г., одновременно съ нами, высказавшаго почти тождественный взглядъ по вопросу о вліяніи переселенцевъ. „Въ послѣдніе годы, говоритъ г. Швецовъ, нерѣдко можно слышать мнѣніе, подтверждаемое кое-какими фак-

*) Тамъ-же, гл. обр. стр. 42—43.

тами (фактами *совпаденія явленій* *), что причина перехода нѣкоторыхъ алтайскихъ общинъ къ передѣламъ лежитъ въ чрезвычайно усилившемся за послѣднее время переселенческомъ движеніи: приходя на новое мѣсто, переселенцы приносятъ съ собой новые взгляды на мірскую землю..,—взгляды, которымъ въ концѣ концовъ подчиняются и алтайцы-старожилы..... Намъ кажется, продолжаетъ г. Швецовъ, что мнѣніе это грѣшитъ односторонностью и преувеличеніемъ. Въ дѣйствительности роль переселеній гораздо болѣе скромная: наплывъ переселенцевъ въ общины старожиловъ скорѣе *вызываетъ наступленіе той степени утѣсненія, т. е. основной причины передѣловъ, къ которой община и сама пришла-бы* путемъ естественнаго роста населенія, хотя и нѣсколько позже, можетъ быть". На технику передѣловъ, по мнѣнію г. Швецева, переселенцы могутъ имѣть нѣкоторое вліяніе: „будучи въ большинствѣ случаевъ практически знакомы съ техникой передѣловъ, они могли передать свои знанія старожиламъ и тѣмъ облегчить переходъ къ новой, формѣ пользованія. Впрочемъ, роль переселенцевъ гораздо меньше чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда: для алтайскаго крестьянина... принципъ передѣловъ далеко не новость; въ прежнія времена равненіе производилось даже между общинами, внутри же общинъ передѣлы давно уже примѣняются къ луговымъ сѣнокосамъ, другой формы пользованія которыми на Алтаѣ почти не существуетъ" **).

---

*) Курсивы мои.

**) Сборникъ Правовѣдѣнія, Т. III, ст. 214—215.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА

бывшій МЕЛЬЕ и К°

(С.-Петербургъ, Невскій пр., д. Голландской церкви, № 20)

продаются между прочими слѣдующія книги:

Адамовичъ, В. Пособіе къ лекціямъ рус. граж. судопроизв. I. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Его-же. Очеркъ русскаго гражд. процесса, В. I. 2-е изд. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Берендтсъ, Э. Государственное хозяйство Швеціи. Ч. I. Исторія до 1809 г. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Его-же. Ч. II в. 1. Обзоръ экономич. развитія Швеціи въ XIX столѣтіи. Ярославль. 1894 г. Ц. 2 р.

Его-же. Ч. II в. 2. Формальный строй. Ярославль 1894 г. Ц. 2 р.

Бржескій, Н. Податная реформа. Франц. теоріи XVIII стол. Спб. 1888 г. Ц. 2 р.

Его-же. Государственные долги Россіи. Спб. 1884 г. Ц. 3 р.

В. В. Очерки теоретической экономіи. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Его-же. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Его-же. Артельныя начинанія русскаго общества. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Его-же. Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.

Его-же. Крестьянская община. Ц. 3 р. 50 к.

Гальперинъ-Каменскій, И. Д. Общая польза авторскаго права. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.

Георгіевскій, П. И. Политическая экономія. Ч. I. 2-ое изд. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 75 к., ч. II. вып. I. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к., ч. II., вып. II. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Гертцка, Т. Вексельный курсъ и лажъ, перев. А. Гурьева. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Глинка, С. Ѳ. Общій курсъ кристаллографіи. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Его-же. Общій курсъ минералогіи. Ч. I. Кристаллофизика и Кристаллохимія. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Головачевъ, Д. Библіографическій указатель статей, корреспонденцій и замѣтокъ въ сибирской періодической печати и по вопросу о золотопромышленности Сибири. Спб. 1890 г. Ц. 40 к.

Грунвальдъ, М. Принудительный курсъ и возстановленіе валюты въ Италіи. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гурьевъ, А. Н. Реформа денежнаго обращенія. 2 части (4 выпуска). Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Его-же. Къ реформѣ Государственнаго Банка. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Его-же. Къ реформѣ крестьянскаго банка. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Его-же. О привиллегіяхъ на изобрѣтенія. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Его-же. Питейная монополія. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Его-же. Прямые и косвенные налоги pro и contra. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.

Есиповъ, Вл. Поврежденіе имущества огнемъ по рус. праву. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Его-же. Святотатство въ исторіи рус. законодат. Варшава. 1893 г. Ц. 50 к.

Его-же. Очеркъ рус. уголов. права. Часть общая. Варшава. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Его-же. Уголовное право. Часть особенная. Вып. 1-ый. Преступленія личныя. Вып. 2-ой. Преступленія имущественныя. Варшава. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

Его-же. Грѣхъ и преступленіе, святотатство и кража. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ефимовъ, В. В. Лекціи исторіи римскаго права. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.

Его-же. Догма римскаго права. Общая часть. Печатается. Особенная часть. Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Его-же. Очерки по исторіи древне-римскаго родства и наслѣдованія. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Его-же. Посильная отвѣтственность должника по римскому праву. Спб. 1888 г. Ц. 2 р.

Залшупинъ А. С. Вопросы банковой политики. Къ реформѣ денежнаго обращенія. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Исаевъ, А. А. Начала политической экономіи, 3-е изд. Спб. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Его-же. Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 10 к.

Его-же. Переселенія въ рус. народ. хозяйствѣ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Его-же. О кустарномъ Комитетѣ и о содѣйствіи Куст. пром. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Его-же. Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. М. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к.

Его-же. Неурожай и голодъ. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Его-же. Недоразумѣнія по вопросу объ артеляхъ. Ярославль. 1883 г. Ц. 40 к.

Карышевъ, Н. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. Спб. 1892 г. Ц. 3 р.

Кауфманъ, А. А. Община и успѣхи сельскаго хозяйства въ Сибири. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Его-же. Крестьянское земленользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кауфманъ, Р. (Фонъ). Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ, перев. А. Гурьева. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Компэре. Умственное и нравственное развитіе ребенка, перев. съ фр. С. Исаевой и Л. Макухиной. Спб. 1886 г. Ц. 1 р.

Коркуновъ, Н. М. Сравнительный очеркъ государ. права иностр. державъ. Ч. I. Государство и элементы. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Летурно, Ш. Эволюція собственности. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Лихачевъ, Н. П. Каталогъ летучихъ изданій и ихъ перепечатокъ: Манифесты, указы и другія правительственныя распоряженія въ отдѣльныхъ изданіяхъ и перепечаткахъ, разные отдѣльные листы и брошюры. Спб. 1895 г. Ц. 4 р.